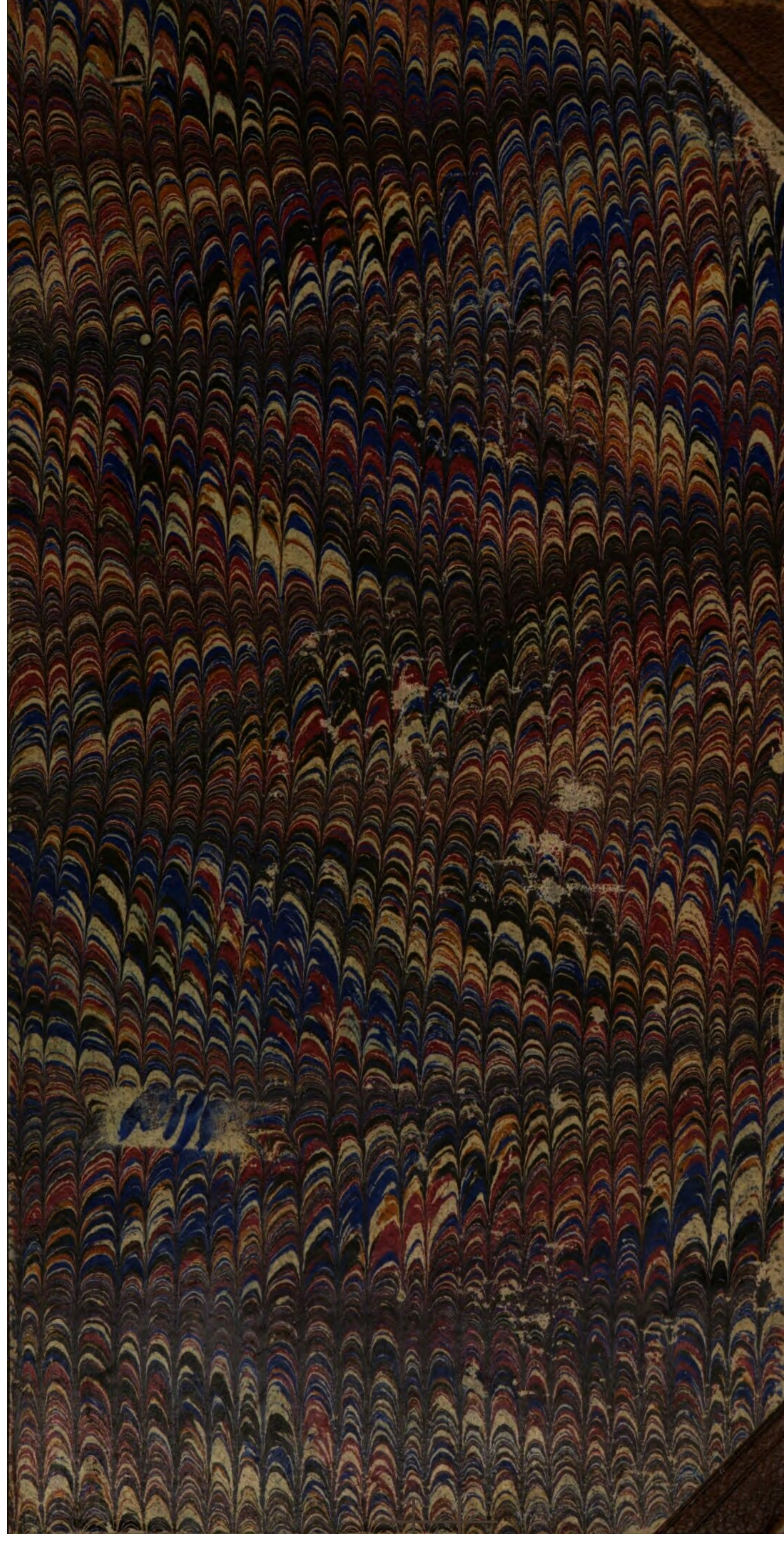

ШКАФЪ 99.

ПОЛКА VII.

№ 10.

P. O. mel. 3470 (20)

С. 50/62

78518

12

Smirnin

[20.]

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Цѣна за три тома 3 рубля.

FgT/78/ 6321

ПРОВЕРЕНО

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГРЕЧА.

Ахъ, сколько я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ!

ДМИТРИЕВЪ.

ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

ТОМЪ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1855.

Фундаментальная
Библиотека
Воинско-инженерной Академии
Р.К.К.А. D 4599.

1957 г.

**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 16 Августа 1854 года.

ЦЕНЗОРЪ *В. Бекетовъ.*

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА.

РОМАНЪ

Николая Греча.

Любовь и дружба! вотъ чѣмъ должно
Себя подъ солнцемъ утѣшать.
Искать блаженства намъ не можно,
Но можно — менте страдать.
А кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Былъ другомъ нѣжнымъ, свято чтимымъ,
Тотъ въ мірѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ!

Карамзинъ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРѢЯ.

1855.

REPORT

OF THE

COMMISSIONERS OF THE
LAND OFFICE
IN RESPONSE TO A
RESOLUTION OF THE
HOUSE OF COMMONS
PASSED IN 1841
RELATIVE TO THE
LANDS BELONGING TO
THE CROWN

BY

W. H. STUBBS

ESQ. OF THE BARR

LONDON

ВАСИЛЮ АПОЛЛОНОВИЧУ

УШАКОВУ.

Наконецъ могу заплатить вамъ долгъ свой!
За два тома, приписанные мнѣ вашею друже-
скою благосклонностью, подношу вамъ четыре.
Примите количествомъ по неимѣнію качества;
удовольствуйтесь рассказами о дѣлахъ обыкно-
веннаго, прозаическаго быта — за свѣжую, ори-
гинальную, поэтическую повѣсть сына степей
киргизъ-кайсацкихъ; за произведеніе приволь-
наго московскаго досуга, возьмите книгу, со-
ставленную посреди непрерывныхъ развле-
ченій, заботъ, хлопотъ самыхъ мелочныхъ,
ничтожныхъ, убійственныхъ для чувства и

воображенія! — Не знаю, понравится ли вамъ моя Черная Женщина; не знаю, какъ приметъ ее публика: знаю только, что я употребилъ все стараніе, всѣ зависѣвшія отъ меня средства, чтобъ этотъ романъ былъ сколько-нибудь достоинъ вниманія любителей русскаго чтенія. Неудачу въ цѣломъ — припишу отсутствію во мнѣ авторскаго таланта; недостатки и промахи въ частности — неотвратимымъ моимъ обстоятельствамъ. Журналисту труднѣе, нежели всякому другому, заниматься сочиненіемъ книгъ: отъ цѣнителя чужихъ трудовъ читатели требуютъ гораздо болѣе, нежели отъ инаго, и всѣ хотятъ быть судьями того, кто принялъ на себя званіе судьи всѣхъ другихъ.

Все кажется въ другихъ ошибкой намъ,
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

Теперь нѣсколько словъ о содержаніи или собственной повѣсти романа. Но если вы не хотите разочаровываться до времени, совѣтую вамъ пробѣжать это объясненіе уже по прочтеніи отраднаго для писателя и читателей слова — *конецъ!*

Лѣтъ за двадцать предъ симъ слышалъ я, въ одномъ пріятельскомъ кругу, невымысленный

разсказъ о жизни человека, который въ младенчествѣ своемъ былъ испуганъ однимъ страшнымъ явленіемъ во время московской чумы. Это явленіе сдѣлалось его неразлучнымъ спутникомъ, предвѣщало ему счастье и бѣду, радость и печаль, успѣхъ въ дѣлѣ и неудачу, и исчезло только съ того времени, какъ повторилось предъ глазами мечтателя въ дѣйствительности. Главное содержаніе моего романа основано на этомъ преданіи.

Разказы о видѣніяхъ, предчувствіяхъ, предвѣщаніяхъ, помѣщенные въ этомъ романѣ эпизодами, равномерно не вымышлены мною. Они основаны, большею частью, на изустныхъ преданіяхъ. Извѣстіе объ огненномъ змѣѣ, пролетѣвшемъ чрезъ Петербургъ, въ Сентябрѣ 1796 года, найдете въ книгѣ П. И. Сумарокова о жизни Екатерины Великой. — О странномъ видѣніи шествія изъ Адмиралтейства въ Зимній Дворецъ разсказывалъ одному моему пріятелю очевидецъ этого случая, корреспондентъ Академіи Наукъ, г. Шретеръ, астрономъ и метеорологъ, умершій въ 1810 году въ глубокой старости. — Разсказъ о видѣніи Карла XI заимствованъ изъ шведскаго акта, сообщеннаго мнѣ П. Г. Бутковымъ. — Анекдотъ о Густавѣ III слышалъ я отъ И. И. Козлова, ко-

торому онъ былъ сообщенъ Графомъ Армфель-
томъ. — Вѣщій сонъ артиллериста приснился
дѣйствительно и сбылся въ 1821 году, на по-
ходѣ гвардіи чрезъ Витебскую Губернію. —
Предсказаніе Казотта напечатано въ его сочи-
неніяхъ. — Мнѣ казалось, что эти и подобные
расказы не могутъ быть неумѣстными въ ро-
манѣ, гдѣ главную роль играютъ вымыслы и
причуды воображенія.

Николай Гречъ.

С. Петербургъ.

25-го Мая 1834.

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

RECEIVED

RECEIVED

I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1796.

Въ первыхъ числахъ сентябрю, два молодые человека, во фракахъ, но, какъ замѣтно было по всѣмъ ихъ пріемамъ, военные, сидѣли на скамьѣ въ большой аллеѣ Лѣтняго Сада. Немногіе городскіе жители пользовались ясностью пріятнаго осенняго дня. Одинъ изъ молодыхъ людей всматривался въ прохожихъ, перемигивался съ пріятелями, кланялся знакомымъ; другой сидѣлъ тихо, смотрѣлъ въ землю, и чертилъ что-то тросточкою на песокѣ. — «Что ты опять задумался, князь?» спросилъ первый у своего товарища. Князь не отвѣчалъ, и, по-видимому, не слыхалъ вопроса. — «Полно размышлять!» повторилъ первый громче. «Опять ты въ своихъ воздушныхъ чертогахъ! Очнись. Вспомни хоть о товарищѣ, котораго ты оставилъ на землѣ.» Князь взглянулъ на него, какъ будто припоминая гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается, и послѣ минутнаго молчанія сказалъ: «Виновать, другъ мой! Я не знаю.... Что бишь такое?» — «Ничего!» отвѣчалъ

другъ: «только пора обѣдать. Вѣдь у сестрицы твоей ждать не будутъ, а если застанемъ ее за столомъ, то прійдется выслушать длинную рацею твоей мачихи о развратѣ рода человѣческаго, обѣдающаго нынѣ послѣ полудня.» — «Ты правъ!» сказалъ князь, вставая: «поѣдемъ.» Молодые люди, взявъ другъ друга подъ руки, вышли изъ саду, и сѣли въ карету. «Къ сестрицѣ!» сказалъ князь. — «Къ Алевтинѣ Михайловнѣ!» закричалъ лакей, вскочилъ на запятки, и карета помчалась къ Таврическому Саду.

Князь въ каретѣ молчалъ, по-прежнему. Пріятелю это вскорѣ наскучило. «Если бъ я не зналъ тебя съ младенчества, если бъ не былъ свидѣтелемъ твоей задумчивости въ корпусѣ, то подумалъ бы, что ты влюбленъ, милый князь! Брось, сдѣлай дружбу, этотъ обычай. Ты часто приводишь въ смущеніе всѣхъ друзей и знакомыхъ. Посреди шумнаго общества, въ кругу веселыхъ товарищей, ты вдругъ умолкнешь, задумаешься, не видишь, не слышишь ничего. Въ корпусѣ, думали мы, что ты размышляешь о дифференціалахъ и интегралахъ. Но вотъ я воротился послѣ пятилѣтней разлуки, и опять нахожу тебя букою и философомъ, какъ прозвали тебя въ дѣтствѣ товарищи.» — «Что дѣлать, Хвалынскій?» отвѣчалъ князь: «никто не воленъ въ своемъ нравѣ, когда нравъ этотъ получилъ направленіе съ первыхъ дней его жизни. Ты знаешь, что младенчество мое протекло среди ужасныхъ происшествій; что я въ дѣтствѣ былъ очевидцемъ такихъ явленій, какихъ иной во всю жизнь

не встрѣтитъ. Потомъ осиротѣлъ, остался одинокъ, и изнылъ бы душою, если бъ не сохранила меня дружба. Она вспыхнула въ нашихъ сердцахъ въ одну секунду, когда насъ привезли въ корпусъ, къ генералу Пурпуру, тебя изъ Пскова, меня изъ Симбирска. Помнишь ли? Мы оба вдругъ очутились на чужбинѣ, среди людей неизвѣстныхъ, и когда удалились наши проводники, мы бросились другъ другу въ объятія, и залились горькими слезами.» — «Помню, помню!» сказалъ Хвалынскій съ чувствомъ: «Какъ уладительны эти воспоминанія! Теченіемъ времени они во мнѣ отчасти изгладились; но ты, вижу, памятливъ меня. Когда ты говоришь о времени нашего дѣтства, прошедшее воскресаетъ въ душѣ моей, и мнѣ кажется, что я, какъ прежде, хожу съ тобою по корпусному саду, въ кофейномъ камзолчикѣ, потомъ въ голубомъ, а наконецъ и въ мундирѣ. Продолжай, продолжай, любезный князь!» — «И мнѣ эти воспоминанія несказанно пріятны. Ты одинъ привязывалъ меня къ жизни. Казалось бы, что пылкій, вѣтряный, шумливый Хвалынскій не можетъ быть другомъ угрюмому, молчаливому, подчасъ и несносному Кемскому, но не такъ было на дѣлѣ: ты былъ рѣзовъ, но чувствителенъ, смѣлъ и неугомоненъ съ другими товарищами, со мною уступчивъ, тихъ и нѣженъ. Кровати наши стояли рядомъ. Помнишь ли, какъ я однажды, въ испугѣ отъ сновидѣнія, вскочилъ съ постели, и конечно больно бы ушибся, если бъ ты не схватилъ и не удержалъ меня?» — «Помню! помню! Ты былъ

блѣденъ, дрожалъ и, глядя ужасными глазами въ уголъ комнаты, кричалъ: вотъ она! вотъ черная женщина! Страшно, какъ вспомню!» — «И мнѣ страшно: въ эту самую ночь скончался батюшка.» — «Что ты? Вотъ этого я не помню! Странно! И въ эту ночь тебѣ такъ причудилось? Поди же, толкуй съ философами! А право, я думаю, въ человѣкѣ есть что-то такое, чего не разгадали мудрецы, да врядъ ли и впредь разгадаютъ.» — «Точно!» сказалъ Князь Кемскій, сжавъ руку своего друга: «есть, навѣрное есть; только не всѣ это видятъ, не всѣ этому вѣрятъ.» — «А ты вѣришь?» спросилъ Хвалынскій съ любопытствомъ. — «Увѣренъ!» отвѣчалъ князь: «причинъ не знаю, самыхъ явленій растолковать не умѣю, но они существуютъ. Мысль ли это, облеченная воображеніемъ въ видимыя формы; затаившееся ли въ душѣ воспоминаніе былаго случая, которое въ памяти разсудка исчезло; только есть видѣнія, представляющіяся не внѣшнему, а внутреннему нашему зрѣнію въ видѣ существъ дѣйствительныхъ. Есть! есть!» — «И ты говоришь объ этомъ такъ утвердительно?» сказалъ Хвалынскій въ недоумѣніи: «я почитаю это одною догадкою.» — «Догадкою!» отвѣчалъ князь улыбувшись: «догадкою! Когда я говорю тебѣ, что такія видѣнія бываютъ, что мнѣ представляются они часто, и не безъ причины!» — «Да отчего же именно тебѣ, и тебѣ одному? Я, напримѣръ, никогда не видалъ ничего подобнаго; развѣ, бывало, иногда на походѣ, въ Польшѣ, послѣ хорошаго обѣда, причудится какая

нибудь глупость.» — «Понимаю,» сказалъ князь: «эти призраки дымокъ винограднаго жару. Я говорю о другомъ: случаются видѣнія наяву, когда человѣкъ обладаетъ всѣмъ разсудкомъ и всѣми чувствами. И эти явленія имѣютъ связь съ его душевными движеніями, прошедшими, настоящими и будущими. Ты говоришь: отчего не всѣмъ видятся эти призраки? А я спрошу: отчего не всѣмъ нравятся, не всѣмъ понятны музыка, живопись и другія выраженія нашихъ внутреннихъ ощущеній? Образованіе, обученіе для этого не нужны: надобно особенное устроеніе души и ея органовъ. Одного учатъ музыкѣ весь вѣкъ, а онъ ничего въ ней не слышитъ и не чувствуетъ; въ другомъ, при первомъ звукѣ мелодіи, родной съ его душою, возникаютъ ощущенія, дотолѣ невѣдомыя. Такъ и съ голосомъ духовнаго міра: онъ внятень только тому, кто одаренъ способностью его слышать.» — Князь умолкъ и задумался по-прежнему. Лице его пылало; глаза сверкали. Хвалынскій смотрѣлъ на него съ изумленіемъ: онъ никогда не видалъ своего друга въ такомъ изступленномъ положеніи, хотѣлъ просить подробнѣйшаго объясненія; но въ это время карета остановилась у подъѣзда, отворились дверцы, и оба друга вышли.

II.

Мы знаемъ, что молодые друзья пріѣхали къ сестрѣ одного изъ нихъ.

Алевтина Михайловна, не родная сестра Князя Кемскаго, была дочь храбраго генерала Астіонова, убитаго въ первую Турецкую Войну. Матушка ея, Прасковья Андреевна, сочеталась вторымъ бракомъ съ вдовцемъ, Княземъ Кемскимъ, у котораго былъ одинъ сынъ, герой нашей повѣсти, и вскорѣ, какъ говорится, схоронила и втораго мужа. Дочь ея, Алевтина, воспитывалась у ней въ домѣ; пасынокъ, Князь Алексѣй Кемскій, въ кадетскомъ корпусѣ. Онъ былъ моложе сведенной сестры двумя годами, и когда онъ едва выходилъ изъ отрочества, Алевтина блистала уже на всѣхъ балахъ и праздникахъ. Генераль Астіоновъ прожилъ почти все свое имѣніе на службѣ; но Князь Кемскій оставилъ четыре тысячи душъ, назначивъ попечительницею своему сыну его мачиху, и объявивъ падчерицу свою наслѣдницею имѣнія и фамиліи Князей Кемскихъ, если бъ сынъ его умеръ бездѣтнымъ. Поэтому князь нѣжно любилъ вторую жену свою? Нельзя сказать; развѣ если примемъ правило: кого боишься, того и любишь. Она умѣла овладѣть умомъ и волею слабаго старика, и заставила его написать завѣщаніе въ пользу дочери, увѣривъ, что изъ любви къ нему отказала въ рукѣ своей милліонщику, который хотѣлъ, женись на ней, записать все имѣніе

Алевтинѣ. Между тѣмъ, молодая лѣта, цвѣтущее здорье и крѣпкое сложеніе Алексѣя Кемскаго тревожили мачиху. «Бѣдное дитя!» говорила она, вздыхая: «Все миръ, да миръ; выйдетъ въ службу, и отличиться нѣтъ случая. Я обѣщала покойнику, Князь Ѳеодору, непременно заставить сына пойти въ военную службу, а теперь не знаю, въ прокъ ли это ему будетъ. Ну, что за военная служба въ мирное время? Бѣдный мальчикъ! А онъ такъ и рвется, какъ бы положить животъ за Государыню и отечество. Подойдетъ къ портрету моего покойника, Михайлы Ѳеодосѣича, да по часамъ глазъ не сводить съ георгіевскаго креста — такая военная натура!»

Княгиня Прасковья Андреевна, которой въ то время было уже за шестьдесятъ лѣтъ, могла служить живымъ примѣромъ тому, что для проложенія себѣ тропинки въ мірѣ, не нужно имѣть ни блистательнаго ума, ни отличнаго воспитанія, и что эти качества очень хорошо могутъ быть замѣнены постоянствомъ въ преслѣдованіи своей цѣли, смѣтливостью, хитростью и лицемѣріемъ. Она воспитана была по старинѣ, грамотѣ знала плохо, ничего въ жизни не читала, по-французски говорила только: *бонъ-журъ* и *бонъ-суаръ*, *аншанте* и *о дезеспуаръ*, а между тѣмъ умѣла найти себѣ двухъ хорошихъ мужей, воспользоваться въ свѣтѣ блистательнымъ именемъ одного, княжествомъ и богатствомъ другаго. Видя очень хорошо чего не достаетъ ей самой, она старалась замѣнить эти недостатки воспитаніемъ своей любезной Алев-

тины, единственной наследницы ея умственных и нравственных качествъ. Алевтина получила образованіе свѣтское: говорила по-французски и по-италіянски, какъ уроженка Орлеана или Флоренціи, танцевала какъ четвертая грація, играла на фортепіанѣ и на арфѣ, пѣла какъ соловей, рисовала безъ помощи и поправокъ учителя. Природа украсила ее всѣми своими дарами. Дочь маленькой, сухой, горбатой Прасковьи Андреевны была высока ростомъ, статна, граціозна, можно сказать величественна. Большіе черные глаза безпрекословно повиновались ея расчетамъ, и, какъ храбрые воины, въ нападеніи на врага исполняли долгъ свой. Руки нѣжныя, но не малыя; ножки — ихъ никто не видалъ: Алевтина не любила короткаго платья, и хотя во время ея служенія въ свѣтскомъ легіонѣ, мода ровно семнадцать разъ выставляла любопытнымъ взглядамъ ножки милыхъ жрицъ своихъ, но Алевтина въ этомъ пунктѣ была непреклонна. Во все продолженіе моды, которую называла *неприличною*, она примѣтно тосковала, и даже спадала съ лица; но лишь только бывало замѣтить въ модномъ журналѣ, что платья начали опускаться, вдругъ развеселится и похорошѣетъ. Лицо у ней было правильное, овальное; ротъ не ротикъ, но за то зубы бѣлые, ровные, блестящіе. Непріятнѣе всего у ней былъ голосъ, звонкій, грубый, повелительный. — Умъ и нравъ, какъ уже сказано, заимствовала она у своей родительницы, но образовала ихъ по требованіямъ вѣка и новыхъ обстоятельствъ.

Столь же постоянная, хитрая и пронырливая въ достиженіи того, что она почитала цѣлю жизни, Алевтина отринула кроткое лицемѣріе своей матери: начитавшись романовъ и разсужденій о добродѣтели и порокахъ, она составила свою собственную систему нравственности, облекла ее въ громкія фразы, и всенародно проповѣдовала. Добродѣтель, вѣчность, ничтожество благъ земныхъ, святость дружбы и родства, великодушіе, забвеніе самой себя — были у ней безпрерывно на языкѣ. И — странное дѣло! — люди, ее окружавшіе, даже тѣ, которые имѣли съ нею отношенія независимыя, не близкія, были какъ будто заколдованы этимъ тономъ повелительнымъ и недопускающимъ противорѣчій; знали, что на сердцѣ у ней совсѣмъ не то, что на языкѣ; видѣли ея поступки, ни мало не сходные съ словами — и молчали, покорялись ей, изрѣдка только позволяя себѣ замѣтить кое-что объ этомъ страшилищѣ добродѣтели. — Подъ руководствомъ хитрой матери, пользуясь и дѣйствуя своими дарами, природными и пріобрѣтенными, Алевтина, холодная и безсердая, не могла не сдѣлать хорошей партіи. Къ тому же должно прибавить, что княгиня управляла, въ званіи опекуни, всѣмъ имѣніемъ своего пасынка, и пользовалась его доходами, какъ собственными, называла его деревни и дома своими, и провозглашала дочь свою наслѣдницею четырехъ тысячъ душъ. Эти прелести, эти добродѣтели, эти души плѣнили сердца многихъ. Алевтина могла выбрать любаго. Она долго колебалась, рассчитывала, и нако-

нецъ подала руку пятидесяти-двухлѣтнему генераль-поручику Элимову. Всѣ изумились: девятнадцати-лѣтняя, блистательная, свѣтская дѣвица выходить замужъ за старика! Но она знала что дѣлаетъ. Мужъ чиновный, въ александровской лентѣ, кандидатъ въ генераль-губернаторы, представлялъ великолѣпную перспективу ея властолюбію. Элимовъ же, съ своей стороны, рассчитывалъ, что ей достанется великолѣпное имѣніе, которымъ пользуется ея матушка. Красота, умъ, таланты Алевтины не умножали ея достоинствъ въ глазахъ жениха; нравъ крутой, повелительный ихъ не уменьшалъ. Элимовъ былъ выведенъ въ люди слѣпымъ случаемъ, прожилъ небольшое свое имѣніе, и рѣшился поправить состояніе бракомъ. Оба ошиблись въ своихъ расчетахъ: Алевтина, вскорѣ по вступленіи въ замужство, увидѣла, что мужъ ея человѣкъ ничтожный и по уму, и въ свѣтѣ. Его принимали въ домахъ, приглашали на обѣды и вечера, но онъ вездѣ игралъ роль самую посредственную, и не было ни какой надежды, чтобъ онъ когда либо могъ возвыситься службою. Это открытіе привело было молодую жену въ отчаяніе, но она утѣшилась мыслию, что нѣтъ такой вещи въ свѣтѣ, которой нельзя было бы поправить терпѣніемъ, постоянствомъ и умомъ, и рѣшилась пользоваться настоящимъ. Элимовъ, съ своей стороны, узналъ, также послѣ свадьбы, что только малая часть имѣнія Князя Кемскаго достается женѣ его, и что истинный наслѣдникъ живъ и воспитывается въ корпусѣ. Не трудно понять, что послѣ-

довало за этими открытіями: объясненія, ссоры, упрёки, остуда. Высокопарныя фразы Алевтины, возгласы о добродѣтели и безкорыстіи не дѣйствовали на жестокую душу Элимова: онъ насмѣхался надъ ея нравоученіемъ и краснорѣчіемъ, ѣздилъ въ англійскій клубъ, игралъ до глубокой ночи въ вистъ, и проигрывалъ, сколько было возможно. Одно должно сказать въ похвалу ему: узнавъ, что у Алевтины есть братъ, сирота, онъ поспѣшилъ навѣстить его въ корпусъ, и ни мало не помышляя о томъ, что этотъ молодой человѣкъ препятствуетъ ему поправить свое состояніе, приласкалъ его, въ послѣдствіи полюбилъ искренно, и всегда защищалъ безпріютнаго сироту отъ явныхъ и скрытныхъ нападеній своей жены и тещи. Элимовъ былъ человѣкъ необразованный и не слишкомъ нѣжный, но въ военной службѣ напился праводушіемъ и доброжелательствомъ къ ближнему: онъ женился по расчету, но никогда, по расчету, не обидѣлъ бы своего шурина. Шесть лѣтъ протекло въ этомъ бракѣ. Элимовъ получилъ приказаніе ѣхать къ арміи, стоявшей тогда въ Польшѣ. Онъ охотно поскакалъ подъ пули, чтобъ отдохнуть отъ безпрерывной домашней перепалки, и чрезъ мѣсяцъ пришло извѣстіе, что онъ убитъ въ сраженіи. Алевтина увидѣла себя вдовою на двадцать шестомъ году, съ тремя дѣтьми. Всѣ церемоніи, обычныя при такихъ случаяхъ, исполнены были во всей точности: при полученіи письма, въ которомъ адъютантъ покойнаго, капитанъ фонъ-Дракъ, съ достодолжнымъ чинопочи-

таніемъ извѣщалъ ея превосходительство о постигшей ее и отечество потерѣ, она упала въ обморокъ; очнувшись, при помощи домашняго доктора, чрезъ четверть часа; велѣла пустить себѣ кровь, и слегла въ постелю. Чрезъ три дня, когда поспѣлъ глубокій трауръ, вышла она изъ спальни, и начала велерѣчиво толковать о бренности жизни человѣческой, о безсмертіи души, о наградѣ на томъ свѣтѣ, объ отечествѣ, о сладости умереть на полѣ брани, и такъ далѣе. Печаль ея прошла скорѣе траурнаго года. Она очутилась вновь на свободѣ, еще молодою и красавицею. Многіе изъ прежнихъ вздыхателей бросились искать руки ея. Она слушала ихъ рассказы о сердечныхъ страданіяхъ, глядѣла на небо и утирала слезу. «Кто возьметъ за себя бѣдную вдову съ тремя сиротами? Не тѣ нынѣче времена!» говорила она.

III.

Въ то время, съ котораго мы начали рассказъ, исполнился годъ по кончинѣ генерала Элимова.

Когда Князь Кемскій вышелъ изъ кареты, очутилось у подъѣзда нѣсколько человѣкъ слугъ. Всѣ они съ искреннимъ усердіемъ, безъ низкаго раболѣпства, привѣтствовали своего добраго барина: они видѣли въ немъ истиннаго наслѣдника господъ своихъ; чувствовали, что, поступивъ подъ его законную власть,

отдохнуть отъ попечительства добродѣтельныхъ барынь. Князь Алексѣй, поздоровавшись съ добрыми людьми, пораспросивъ кое-о-чемъ стариковъ, взошелъ на лѣстницу. Хвалынскій, поискавъ лорнетомъ, нѣтъ ли въ этой толпѣ представительницъ прекраснаго пола, послѣдовалъ за своимъ другомъ.

Молодые люди вошли въ гостиную. На софѣ, передъ круглымъ столикомъ, сидѣла Княгиня Прасковья Андреевна, маленькая, сухоощавая старушка, въ простомъ бѣломъ платьѣ, въ старушьемъ чепчикѣ съ крыльями, и вязала сѣтку на палочкѣ. Подлѣ нея, на вышитыхъ подушкахъ, лежали двѣ гнусныя моськи. Надъ софою висѣли два портрета: Михаила Федосѣича Астіонова, въ армейскомъ мундирѣ, и супруги его, въ высокой прическѣ семидесятихъ годовъ: на портретѣ она сохранила свою умильную улыбку; въ рукѣ у ней былъ пестрый тюльпанъ. Вокругъ портретовъ висѣло около двадцати фамильныхъ силуэтовъ. Комната убрана была въ старинномъ вкусѣ: въ бортахъ стѣнной живописи извивались арабески, въ которыхъ гнѣздились небывалыя въ природѣ птицы. Посреди комнаты висѣла большая люстра съ гранеными стеклышками. Мебели простаго дерева, выкрашенная бѣлою краскою съ синими коемками; на спинкахъ стульевъ нарисованы цвѣты. Окна украшены бѣлыми миткалевыми занавѣсками. Подъ зеркалами, въ золотыхъ рамахъ, стояли бѣлые мраморные столики на деревянныхъ вызолоченныхъ ножкахъ; на столикахъ фарфоровыя вазы съ душистыми травами.

На уступѣ изразчатаго камина представлялась въ лицахъ эклога Александра Сумарокова: фарфоровый пастушокъ *мльмъ* у ногъ фарфоровой пастушки. На аркадскую сцену смотрѣли съ боку два китайскіе урода.

У одного окна сидѣла, въ креслахъ, Алевтина Михайловна, въ модномъ утреннемъ неглиже, и думая о чемъ-то крѣпкую думу, играла въ рулетку. — Передъ нею стоялъ, въ покорномъ молчаніи, капитанъ Иванъ Егоровичъ фонъ-Дракъ, въ мундирѣ, при шнагѣ, держа пальцы по квартирамъ, смотрѣлъ ей въ глаза, и готовился сказать: «Да, да! точно такъ, ваше превосходительство!»

Какъ очутился здѣсь адъютантъ? Предавъ землѣ тѣло своего генерала, и не чувствуя въ себѣ охоты послѣдовать его примѣру, онъ выпросился въ Петербургъ, подъ предлогомъ необходимости его присутствія для сдачи дѣлъ генерала по начальству. Главнокомандующій не колебался уволить его, и когда фонъ-Дракъ пришелъ къ нему, чтобъ поблагодарить за отпускъ и откланяться, сказалъ вслухъ при многихъ офицерахъ: «Съ Богомъ, батюшка, съ Богомъ! Помилуй Богъ, сколько было дѣлъ у покойника! Вамъ не справиться до окончанія кампаніи. Оставайтесь же въ Петербургѣ, сколько угодно: мы и безъ васъ какъ нибудь сладимъ.» — Всѣ присутствовавшіе засмѣялись. Фонъ-Дракъ низко поклонился, вышелъ изъ палатки, и на вопросъ одного товарища, какъ его принялъ генералъ, отвѣчалъ съ восторгомъ:

«Какъ сына роднаго! Этакой милости я не ожидалъ. Шелъ было къ нему, какъ на батарею, анъ нѣтъ: обласкалъ и осчастливилъ! Истинно великій человекъ!» — И вотъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и поступилъ въ прежнюю должность, не догадываясь, какія великія судьбы его ожидали.

«Ахъ, милый другъ, Алеша!» вскрикнула княгиня, приподнимаясь съ софы. Князь Алексѣй подошелъ къ ней, и съ учтивостью и ласковымъ взглядомъ поцѣловалъ ей руку. «Каковы вы въ своемъ здоровьѣ, маменька?» Между тѣмъ Хвалынскій, готовясь въ свою очередь подойти къ рукѣ, исподтишка моднымъ остроносымъ сапогомъ толкнулъ спавшую москву. Она завизжала, а другая залаяла. — «Тише, проклятыя!» закричала княгиня, замахнувшись на нихъ табакеркою. «Слава Богу, душенька! Вчера дурнота прошла отъ капель Христіана Карловича; я сегодня у Всѣхъ Скорбящихъ всю раннюю обѣдню отстояла, такъ теперь что-то устала. Да это пройдетъ. А ты, голубчикъ, здоровъ ли, ангель мой?» Князь Алексѣй поклонился, и повернулся къ сестрѣ. Хвалынскій, въ свою очередь, поздоровался съ княгинею. Зоркая старуха, замѣтивъ, что онъ былъ виною страданій и вопля бѣдныхъ мосекъ, отвѣчала ему на вопросы съ явною досадою.

«Bon jour, mon frère!» сказала, вставъ съ своего мѣста, Алевтина, какъ будто пробужденная изъ какого-то глубокаго размышленія. Князь поцѣловалъ ее. «Qu'avez vous, ma chère?» спросилъ опъ: «Vous

êtes pensive?» — «Ce n'est rien, mon cher!» отвѣчала она, стараясь скрыть волненіе душевное. — «Послушай, душа моя, Алешенька!» начала княгиня: «я скажу тебѣ новость!» Алевтина покраснѣла, топнула ногою, и взглянула на мать свою грознымъ окомъ. — Княгиня отвѣчала дочери взглядомъ же, чтобъ она не боялась, и продолжала начатое: «Княгиня Пелагѣя Васильевна женить сына на купеческой дочкѣ, и беретъ полтора милліона чистагану. Вотъ умная женщина! Покойникъ-отъ князь все спустилъ въ карты, а она, матушка, видишь, какъ поправляется.» — «Знаю, ваше сіятельство!» возразилъ, смѣючись, Хвалынскій: «я собираюсь поднести новой княгинѣ самого лучшаго парижскаго порошку, чтобъ вычистить зубы. Румянъ и бѣлилъ у ней довольно,» — Княгиня съ возрастающею злобою глядѣла на Хвалынскаго, и искала въ умѣ отвѣта. Въ это время фонъ-Дракъ, не замѣчая, что поднимается буря, подошелъ къ Князю Алексѣю, и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «Все ли вы въ добромъ здоровьѣ, ваше сіятельство, Князь Алексѣй Ѳеодоровичъ?» — «Здоровъ, а вы, Иванъ Егоровичъ?» спросилъ князь привѣтливо. — «Да-съ, не могу не быть здоровымъ!» отвѣчалъ онъ, раболѣпно посматривая на Алевтину: «ея превосходительство....» — Алевтина взглянула на него значительно и гнѣвно. «Да, да, да!» пробормоталъ дробью фонъ-Дракъ, смѣшавшись.

Молодые люди замѣчали, что въ домѣ происходитъ нѣчто необыкновенное, что всѣ въ какомъ-то смуще-

ни; видно, скрываютъ, и кажется, хотятъ открыть. Не знаемъ что послѣдовало бы за этимъ, если бъ не вошелъ въ комнату низенькій, толстый дворецкій, въ сѣромъ фракѣ, съ объявленіемъ: кушанье поставлено! Княгиня поднялась. Алексѣй подалъ руку мачихѣ, и повелъ ее. Хвалынскій хотѣлъ повести Атевтину, но она, представясь, будто не замѣчаетъ его движенія, подала руку Ивану Егоровичу, который, до принятія этой чести, низко поклонился. Молодой вѣтряникъ вскорѣ утѣшился: въ столовой подошелъ онъ къ милостивой гувернанткѣ, которая привела къ обѣду дѣтей, и забылъ обѣихъ барынь.

За столомъ господствовало молчаніе. Хвалынскому казалось, что обѣ хозяйки задумываются и размышляютъ о чемъ-то важномъ. Князь Алексѣй былъ молчаливъ и задумчивъ, по обыкновенію. Фонъ-Дракъ, занимая всегдашнее свое адъютантское мѣсто, насупротивъ командира, разливалъ супъ, но не съ обыкновенными своими форменными приемами: онъ былъ также въ какомъ-то смущеніи. Это безмолвіе наскучило Хвалынскому, и онъ началъ экзаминовать заслуженнаго адъютанта. «Что, почтеннѣйшій Иванъ Егоровичъ, сколько сегодня градусовъ тепла?» — «Три-падцать съ половиною въ тѣни,» отвѣчалъ Фонъ-Дракъ. — «А барометръ каковъ?» — «Поднялся на три линіи со вчерашняго вечера.» — «Какой сегодня вѣтеръ?» — «Юговосточный тихій.» — «Что вода въ Невѣ?» — «Убыла противъ вчерашней на полтора дюйма.» — «Исправно!» сказалъ Хвалынскій, и замѣ-

тивъ, что этотъ разговоръ досаденъ Алевтинъ, прибавилъ: «Удивительно! какъ лексиконъ! такой адъютантъ чудо! — Скажите, почтеннѣйшій Иванъ Егоровичъ, сколько вы клали померанца на бутылку въ этотъ бишофъ — прекрасный!» — Алевтина вышла изъ терпѣнія. «Иванъ Егоровичъ,» отвѣчала она въ сердцахъ: «этимъ не занимается. Онъ истинный мнѣ другъ, и руководитель дѣтей моихъ. Не его вина, что скромныя добродѣтели не находятъ цѣнителей въ нынѣшнемъ мишурномъ свѣтѣ. Дѣти мои.....» — «Ахъ, точно, Алевтина Михайловна! Я знаю, какъ достойный капитанъ печется о вашихъ дѣтяхъ. Скажите, почтеннѣйшій Иванъ Егоровичъ, какъ спала эту ночь Катенька? Она зубы дѣлаетъ, такъ, я думаю, вамъ отдыху не дала!» — «А почему же такъ? да...съ?» спросилъ фонъ-Дракъ, въ замѣшательствѣ: «не могу-съ этого знать, да...съ.» — «Такъ вы ужъ перестали ее укачивать?» — Алевтина вспыхнула: «Помилуйте, Александръ Петровичъ, съ чего вы взяли, что Иванъ Егоровичъ укачиваетъ моихъ дѣтей?» — Хвалынский смѣялся, не отвѣчая ни слова. — «Это-съ отъ того-съ, ваше превосходительство,» сказалъ фонъ-Дракъ: «они-съ, то есть Александръ Петровичъ-съ.... однажды-съ, — да-съ — однажды-съ, видѣли-съ, какъ я укладывалъ спать Платона Сергѣевича, такъ они-съ и заключили-съ, будто-съ....» — «Истинный другъ мой, благодѣтель моихъ сиротъ!» сказала Алевтина торжественнымъ голосомъ: «пусть порочный свѣтъ судить о тебѣ по своимъ превратнымъ понятіямъ. Я

тебя понимаю!» Съ сими словами протянула она чрезъ столъ руку свою къ Фонъ-Драку, который схватилъ ее и съ почтительнымъ жаромъ поцѣловалъ. Князь Алексѣй смотрѣлъ на сестру съ изумленіемъ. «Это что?» спросилъ Хвалынскій въ недоумѣніи. — «А это то,» отвѣчала ему съ злобою Алевтина: «что вы своими неумѣстными шутками заставляете меня при васъ, при чужомъ человѣкѣ, открыть тайну, которую я хотѣла объявить въ тѣсномъ кругу своего семейства. Знайте же, сударь....» — Князь, видя возрастающій гнѣвъ сестры своей, прервалъ ее съ кротостью: «Полно, сестрица! Не сердись на моего Александра. Онъ любитъ посмѣяться, но, право, никого обижать не станетъ. И вы, Иванъ Егоровичъ, конечно понимаете дружескія шутки?» — «Какъ не понимать, ваше сіятельство; да-съ, точно-съ, они шутить изволятъ-съ.» — «А я этого не терплю!» сказала Алевтина, вставая изъ-за стола: «на все есть время и мѣсто!» Она перекрестилась, обратясь къ образамъ, поспѣшно подала руку адъютанту, и пошла въ гостиную впереди всѣхъ. Прочіе послѣдовали за нею въ безмолвіи. Князь, посматривая на Хвалынскаго, качалъ съ упрекомъ головою; Хвалынскій отнѣкивался взглядами, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣху, а княгиня шла съ пасынкомъ, бормоча что-то сквозь зубы. Въ гостиной всѣ, по заведенному этикету, подошли къ ручкѣ, сначала къ княгинѣ, потомъ къ Алевтинѣ Михайловнѣ. Послѣ этого усѣлись на софѣ и на близстоящихъ креслахъ. Фонъ-Дракъ также занялъ

мѣсто, по нетерпѣливому приглашенію Алевтины. Минутъ десять продолжалось прежнее молчаніе. Наконецъ Алевтина откашлялась громко, по своему обыкновенію, потерла руки, какъ будто умываясь, и начала слѣдующую рѣчь: «Любезный братецъ! я хотѣла было наединѣ сообщить тебѣ о предметѣ весьма для меня важномъ, но теперь рѣшилась говорить при всѣхъ (взглянувъ значительно на Хвалынскаго). Подкрѣпляемая правилами религіи и добродѣтели, я не боюсь толковъ, но уважая въ себѣ достоинство женщины и матери, должна стараться избѣгать ихъ. И такъ объявляю тебѣ, что я рѣшилась вступить въ бракъ.» При этихъ словахъ Фонъ-Дракъ всталъ и почтительно поклонился всей компаніи. — «Пусть свѣтъ судить по наружному блеску и минутной славѣ: я насладилась всѣми его благами, и не нашла въ нихъ удовлетворенія истиннымъ моимъ чувствамъ и мыслямъ. Есть достоинства, которыми затмѣваются всѣ фальшивыя блески развратнаго и недостойнаго свѣта. Есть люди, которые, подъ скромною наружностью, скрываютъ необыкновенныя достоинства, и одними добродѣтелями своими заставляютъ молчать злобу, клевету и зависть. Есть наслажденія душевныя, которыя превыше всѣхъ тщетныхъ удовольствій въ вихрѣ свѣтской жизни. Я нашла себѣ друга, нашла отца моимъ дѣтямъ, и рѣшилась соединить съ нимъ навѣки судьбу свою. Вотъ мой женихъ!» — Она произнесла послѣднія слова съ напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ, указала на Фонъ-Драка, залилась слезами, и закрыла глаза платкомъ.

Всѣ остолбенѣли. Князь не зналъ что дѣлать. Хвалынский также. Фонъ-Дракъ глядѣлъ на всѣхъ съ вопросительною миною. Старушка княгиня нюхала табакъ, и смотрѣла на моську.

Князь прервалъ утомительное молчаніе: «Не могу не одобрить вашего выбора, сестрица,» сказалъ онъ въ величайшемъ замѣшательствѣ: «Я самъ всегда уважалъ Ивана Егоровича за его честность, исправность по службѣ, уваженіе въ старшимъ, за его....» Князь остановился, не зная чѣмъ кончить. — «Но маменька,» — сказалъ онъ: «какъ маменька думаетъ? Скажите, маменька, что вы думаете?» — «Никто какъ Богъ!» отвѣчала княгиня со вздохомъ и умильнымъ взглядомъ въ передній уголъ комнаты. — «А самъ Иванъ Егоровичъ?» спросилъ князь, болѣе и болѣе смущавшійся. — «Онъ!» вскричала Алевтина: «онъ — эта добродѣтельная душа, онъ открылъ мнѣ свои чувства — онъ уже давно....» При этихъ словахъ Фонъ-Дракъ бросился предъ нею на колѣни, и поднявъ руки, вскричалъ: «Владычица души моей!» — Алевтина, видно боясь дальнѣйшаго объясненія, сильно притиснула его ртомъ къ корсету, то есть, прижала къ сердцу нѣжной невѣсты, но Хвалынский довершилъ начатое, и прошепталъ на ухо изумленному князю:

Познай, колько я тобою страстенъ!

Познай, колько я несчастенъ,

Ставь плѣнникъ красоты твоей!

Засимъ пошли, какъ водится, поздравленія, лобзанія, слезы. Хвалынский восхищался комическою сце-

ною; но князь былъ очень огорченъ страннымъ поступкомъ Алевтины; не зналъ чему приписать мгновенное воспаленіе пламенной страсти въ умной женщинѣ къ деревянному капитану, и поспѣшилъ, съ другомъ своимъ, выбратъ изъ дому. Карета еще не пріѣзжала, и они пошли пѣшкомъ.

IV.

Дорогою Хвалынскій далъ полную волю смѣху, который такъ долго удерживалъ въ границахъ. «Ай-да женихъ! Ай-да супругъ! И гордая генераль-поручица, покоренная любовною страстью, выходитъ замужъ за капитана! Превосходительство и благородіе! О любовь! любовь! какія штуки ты творишь на свѣтѣ!» — «Тебѣ смѣшно,» сказалъ князь: «а мнѣ такъ очень больно! Алевтина, умная, расчетливая, гордая Алевтина, выбрала этого болвана! И такъ скоро, такъ неожиданно! Непонятно и крайне обидно!» — «А тебѣ что до этого за дѣло?» спросилъ Хвалынскій. «Вѣдь она тебѣ почти совершенно чужая. Твой отецъ женился на ея матери — что это за родство?» — «Конечно не близкое,» сказалъ князь: «но у меня другой родни нѣтъ. Къ тому же я свято чту волю покойника батюшки: онъ назначилъ Алевтину и дѣтей ея наследниками моего имѣнія, если бъ я не имѣлъ своихъ. Это утверждено законнымъ порядкомъ. Но я и безъ его

завѣщанія поступилъ бы не иначе. Покойника ея мужа уважалъ я искренно. Сергѣй Борисовичъ былъ чело-вѣкъ простой, необразованный, можно сказать, ди-кѣй, но имѣлъ доброе сердце, былъ честенъ, и лю-билъ меня, какъ роднаго. Я обязанъ воздать тѣмъ же его дѣтямъ. И повѣришь ли, иногда закрадывается въ душу мою странная мысль, что я отнюдь не дол-женъ жениться, для исполненія воли моего отца?» — «Вотъ это вздоръ!» сказалъ Хвалынскій. «Покойный Элимовъ никогда не рѣшился бы на такую жертву для чужихъ дѣтей.» — «А почему знать? Тебѣ извѣстенъ поступокъ его съ сыномъ бывшаго его начальника, Ветлина. Узнавъ о смерти благодѣтеля своей юности, убитаго подъ Измаиломъ, онъ поспѣшилъ къ его вдо-вѣ, и нашелъ ее на столѣ: она умерла въ родахъ. Добрый Элимовъ взялъ новорожденного сына, при-везъ къ себѣ въ домъ, и объявилъ женѣ, что намѣ-ренъ воспитать сироту наравнѣ съ своими дѣтьми. Жена и теща напали на него, называя мотомъ, вра-гомъ своего племени, и такъ далѣе. Но онъ устоялъ, какъ храбрый воинъ. Ребенка окрестили. Самъ Эли-мовъ былъ его воспріемникомъ. По совершеніи обря-да, поцѣловавъ крестъ, Элимовъ сказалъ мнѣ стро-гимъ голосомъ: «Знаешь ли ты, Князь Алексѣй, что значить это крестное цѣлованіе? Я присягнулъ предъ Богомъ и людьми, быть отцемъ, наставникомъ и за-щитникомъ этого несчастнаго младенца. Но мнѣ не долго остается жить на свѣтѣ. Врядъ ли я дождусь того, чтобъ мой крестникъ выросъ. Меня не станетъ,

такъ ты заплатишь за меня долгъ моему доброму командиру и благодѣтелю.» При этихъ словахъ на грубомъ, дикомъ лицѣ Элимова проглянуло какое-то необыкновенное чувство; слеза выкатилась изъ подъ густыхъ бровей по израненой щекѣ. Тогда въ первый и въ послѣдній разъ я видѣлъ его плачущаго. И я оставляю дѣтей человѣка, который такъ благородно пекся о чужихъ дѣтяхъ? Нѣтъ! Я не даю монашескаго обѣта; не отказываюсь вовсе отъ возможности жениться, но дѣти Элимова всегда будутъ близки моему сердцу. Правда, что сестрица Алевтина....» — «Сдѣлай милость, перестань называть эту несносную женщину своею сестрою, а хитрую лицемѣрку, княгиню, матерью. Меня это всякой разъ какъ ножомъ въ сердце ударить!» вскричалъ Хвалынский. «Пусть будутъ дѣти твоими питомцами — это такъ. Впрочемъ и они не пропадутъ: старшій, Григорій, крестникъ покойнаго Князя Потемкина; младшій, Платонъ....» — «Полно, полно, Хвалынский, судить о дѣтяхъ! Никто не знаетъ что изъ нихъ будетъ.» — «Конечно,» сказалъ Хвалынский насмѣшливымъ тономъ: «подъ опекою и руководствомъ Ивана Егоровича фонъ-Драка они сдѣлаются великими людьми. Но твоего Сережу надобно куда нибудь пристроить. Его тамъ заколотятъ. Онъ мальчикъ острый, рѣзвый; умъ и способности его быстро развиваются.» — «Да, благодаря доброй Натальѣ Васильевнѣ! Почтенная дѣвица! въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, исполняетъ она свои обязанности съ примѣрнымъ усердіемъ. Я и четверти часа не выдержалъ бы

въ этомъ Содомѣ.» — «Вотъ умно, князь, что ты обратился къ этому предмету! Эта Наташа, признаюсь въ слабости, одна и привлекаетъ въ скучный домъ княгининъ. Я терпѣливо слушаю безконечные рассказы княгини о старинѣ, и длинныя рѣчи Алевтины Михайловны о добродѣтели и безкорыстїи, въ ожиданїи той счастливой минуты, когда это благородное, мило-видное, прелестное существо войдетъ въ комнату. Я никогда въ жизни порядочно не влюблялся, но, смотря на черные глаза Наташи, слѣдя за ея очаровательною улыбкою, частехонько хватаюсь за сердце, тутъ ли еще оно. И при этомъ, какой умъ, какое образованіе!» — «Правда» отвѣчалъ Алексѣй: «она премилая дѣвица, какихъ я мало встрѣчалъ въ свѣтѣ. Но мнѣ кажется, что умъ и красота даны ей природою на счетъ сердца. Она холодна, нечувствительна, горда. Въ первые дни пребыванія ея въ домъ сестры, мнѣ казалось, что мы съ нею подружимся: она разговаривала со мною свободно, непринужденно, довѣрчиво, но вдругъ все перемѣнилось. Я сдѣлалъ глупость, подарилъ ей въ именины пару брилліантовыхъ серегъ. Если бъ ты зналъ, какую бѣду я на себя накликалъ! Во-первыхъ, матушка и сестрица прогнѣвались на меня и на нее: у нихъ у самихъ не было такихъ серегъ. Во-вторыхъ, сама Наташа перемѣнила обращеніе со мною: она не могла отказаться отъ подарка, но приняла его какъ горькую обиду, заплакала, и съ тѣхъ поръ перестала говорить со мною. Нестерпимая гордость! Ей стыдно было принять подарокъ отъ чужаго человѣка,

а я дарилъ ее за стараніе о воспитанникѣ моемъ, котораго она своими попеченіями избавила отъ смерти въ кори. — Женщина нечувствительная, гордая, по моему мнѣнію, не загладитъ своихъ недостатковъ умомъ и красотою. Сердце, сердце! вотъ источникъ нашихъ добродѣтелей, вотъ причина страданій и наслажденій нашихъ!» — «Нѣтъ, князь! ошибаешься!» промолвилъ Хвалынскій съ едва примѣтнымъ вздохомъ: «сердце есть и у Наташи, да видно, не намъ съ тобою оно вѣсть подаетъ.» — «А въ самомъ дѣлѣ жаль,» продолжалъ князь: «что она такая гордая! Никогда не встрѣчалъ я женщины миловиднѣе. Иногда, при разсказѣ о чемъ нибудь интересномъ, о какомъ либо подвигѣ добра, о пожертвованіи самимъ собою, о страданіяхъ человѣчества, у ней появляется въ глазахъ и на лицѣ такое выраженіе, что поклялся бы въ ея чувствительности, и даже излишней! И все это маска, жаль! Всякой человѣкъ есть ложь, говорятъ въ свѣтѣ.» — «Да, когда онъ представляется добрымъ,» сказалъ Хвалынскій: «за то Фуріи являются во всемъ своемъ блескѣ. Объ Алевтинѣ Михайловнѣ не скажутъ, что она притворяется, когда вспылитъ на кого нибудь.» — «А я такъ скажу, что и у Алевтины есть хорошія стороны. Меня она навѣрное любитъ — правда, посвѣдую. И любовь ея нерѣдко доходитъ до непростительнаго баловства. Мнѣ, наиримѣръ, давали въ ребячествѣ совершенную волю: денегъ было у меня довольно, слугамъ приказано было слушаться меня безпрекословно. Началь-

никовъ и учителей моихъ дарили, ласкали, просили ихъ не обходиться со мною слишкомъ строго, не принуждать къ ученью, боясь, чтобъ это не повредило моему здоровью. И я сдѣлался бы, можетъ быть, величайшимъ негодяемъ, если бъ не....» — Князь умолкъ и задумался. — «И ты это называешь любовью!» вскричалъ Хвалынскій: «да это хуже всякой ненависти! Хорошо, что у тебя такая добрая натура, а не то, былъ бы я безъ друга. Но, видно, дѣтствомъ баловство и кончилось. Теперь нерѣдко поглядываетъ она на тебя, какъ гремучая змѣя.» — «Перестань меня мучить, Александръ! Мы не вольны выбирать себѣ родню. Провидѣніе лучше насъ знаетъ что каждому нужно и полезно. И замѣть, что гораздо меньше бываетъ раздоровъ между братьями и сестрами, нежели между супругами. Это отъ того, что братьевъ и сестеръ даетъ намъ Богъ, а женъ выбираемъ мы сами. Что дѣлать, если у сестры моей нравъ не самый кроткій? Я знаю и вижу, что она властолюбива, вспыльчива, иногда показываетъ непомерную жадность и зависть, но кто безъ пороковъ? Она терпитъ мои слабости, и я долженъ снисходить къ ней. Къ тому же, какъ и не быть ей бережливою, какъ не стараться о пріобрѣтеніи? У ней имѣнье небольшое, и трое дѣтей.» — «Агнецъ непорочный!» шепталъ про себя Хвалынскій: «его стригутъ безъ жалости, а онъ радуется, что ему будетъ легче!» — «Напрасно ты говоришь,» продолжалъ князь: «что она баловала меня только въ дѣтствѣ. И въ послѣдствіи не худо было бы, если бъ она не давала

мнѣ лишней воли. Чтеніе военныхъ книгъ, рассказы покойнаго зятя, бесѣды съ заслуженными корпусными офицерами—все это вселило въ меня страсть къ военной службѣ — дѣйствительной, противъ непріятеля. Я богатъ, хорошей фамиліи, слѣдственно могъ поступить офицеромъ въ гвардію, и всѣ совѣтовали мнѣ это сдѣлать, даже покойникъ Элимовъ. Только Алевтина и Прасковья Андреевна хвалили мое намѣреніе, и совѣтовали пойти по арміи. Я такъ и сдѣлалъ. Потомъ, когда судьба заставила меня, армейскаго офицера, оставаться въ Петербургѣ при черченіи плановъ, между тѣмъ, какъ гвардія пошла подъ Шведа, обѣ онѣ крайне совѣстились и жалѣли, что позволили мнѣ поставить на своемъ. Что мнѣ до ихъ слабостей и недостатковъ? Онѣ мнѣ свои, онѣ меня любятъ, а впрочемъ судья имъ Богъ!»—«Но теперь у тебя еще *свой* человѣкъ, зять нумеръ второй, Иванъ Егоровичъ фонъ-Дракъ. Поздравляю!»—«Это непостижимо!» сказалъ съ досадою князь. «Гордая, властолюбивая Алевтины выходитъ за самаго ничтожнаго человѣка. Впрочемъ, онъ человѣкъ строгой честности, аккуратенъ до педантства, услужливъ, вѣжливъ, не спорщикъ; можетъ стать, будетъ и хорошимъ мужемъ; только что онъ обѣщаетъ въ будущемъ для Алевтины и дѣтей ея? Неужели она влюбилась въ этого флигельмана?»—«И я не могу понять,» сказалъ Хвалынскій: «что она въ немъ нашла. Только о будущей судьбѣ его я не беспокоюсь: онъ протрется далеко—то бочкомъ, то ничкомъ, иногда и ползкомъ.

Такіе люди сдѣланы для мѣстъ по службѣ, а мѣста для нихъ. Онъ будетъ исполнять непрекословно и исправно всѣ приказанія командира, и самыя глупыя, не смѣя думать, что командиръ можетъ ошибиться; умничать не станетъ: для умничанья нуженъ какой нибудь умъ; секретовъ не перескажетъ: у него лексиконъ начинается словомъ *да*, и оканчивается словами: *точно такъ-съ, слушаю-съ*. Увидишь, какъ онъ пойдетъ въ гору, при помощи своей супруги и тещи!» — «Дай Богъ ему хоть этого!» сказалъ князь со вздохомъ.

V.

Странныя приключенія того дня, неожиданный поступокъ Алевтины, догадки о будущемъ — все это разстроило князя. Хвалынской, нѣжно любившій своего товарища, который всегда былъ для него идеаломъ благородства, ума и образованности, не могъ найти средствъ, чтобъ разсѣять его задумчивость. Князь никогда не былъ словоохотенъ, а въ случаѣ какой нибудь непріятности, становился еще молчаливѣе обыкновеннаго. Менѣе всего желалъ Хвалынской навести его въ это время на любимый предметъ размышлений и бесѣдъ князя — на сверхъестественныя вліянія и на видѣнія духовъ безплотныхъ: ему, правда, странно было, что человѣкъ такого ума и воспитанія, какъ

Князь Кемскій, можетъ вѣрить вещамъ, предоставленнымъ здравою философіею въ удѣлъ суевѣрнымъ старухамъ и людямъ непросвѣщеннымъ; но именно это обстоятельство и подстрекало его любопытство. «Въ этихъ предметахъ должно же быть что нибудь существенное,» говорилъ онъ самъ себѣ: «если мой умный, начитанный, знакомый съ исторіею и физиологіею, Князь Кемскій, вѣритъ въ ихъ дѣйствительность! Дамъ ему поотдохнуть отъ волненія нынѣшней досады, и потомъ найду случай напомнить объ этомъ любопытномъ дѣлѣ.» —

Случай этотъ вскорѣ представился. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, друзья наши узнали, что одинъ изъ корпусныхъ товарищей ихъ, капитанъ Вышатиный, на пути изъ Финляндіи, лежитъ больной близъ Выборгской дороги. Неуклюжій чухонскій ямщикъ, въ двухъ станціяхъ отъ Петербурга, сбился въ темную, бурную ночь съ дороги, проѣхалъ верстъ двѣнадцать въ сторону, и опрокинулъ повозку въ глубокій оврагъ. Вышатиный, спавшій въ это время, проснулся отъ испугу и отъ жестокой боли въ правой ногѣ. Денщикъ вытащилъ его изъ-подъ повозки. Вышатиный ступилъ нѣсколько шаговъ, и упалъ на землю: нога его была смята и вывихнута. Что было дѣлать? Кое-какъ подняли коляску; оказалось, что задняя ось переломилась; подперли коляску оглоблею, и положили Вышатиного на подушки. Часа черезъ два разсвѣло. Вышатиный увидѣлъ себя въ самой живописной долині Финляндской Швейцаріи: шагахъ стахъ въ трехъ ле-

жала на возвышеніи чухонская деревня Сярки; подъ нею простиралась прекрасная долина, орошаемая быстрымъ ручьемъ. Но страдальцу было не до картинныхъ видовъ. Узнавъ, что въ этой деревушкѣ нѣтъ никого, кромѣ крестьянъ, и что въ верстахъ въ осьми находится пасторатъ, онъ рѣшился туда отправиться. Досужій денщикъ изготовилъ носилки. Вышатины уложили, и четыре дюжіе Чухонца, въ надеждѣ щедрой платы, понесли его въ пасторатъ, или село Токсово, извѣстное петербургскимъ любителямъ загородныхъ прогулокъ. Тамъ отвели ему на дворѣ понамаря просторную залу въ большомъ деревянномъ домѣ, гдѣ обыкновенно останавливаются пріѣзжіе изъ Петербурга. Тотчасъ, по приглашенію Вышатины, явился финскій пасторъ, человѣкъ учтивый и образованный, и привелъ съ собою старика лекаря, который проводилъ у него лѣто. Поврежденіе ноги оказалось неопаснымъ, но надлежало, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, соблюдать величайшее спокойствіе, не двигаться съ мѣста, и въ точности исполнять предписанія хирургіи. День, два Вышатинъ пролежалъ смирно; но когда боль стала утихать, когда прекратилось у него головокруженіе, причиненное быстрымъ летомъ въ глубокую яму и нечаяннымъ испугомъ, онъ почувствовалъ смертельную скуку. — «Нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь книгъ?» спросилъ онъ у пастора. — «Какъ не быть,» отвѣчалъ пасторъ, улыбаясь: «только все финскія и шведскія. Впрочемъ у жены моей есть и нѣмецкія.» — «Ради Бога, дайте хоть нѣмец-

кихъ!» жалобно сказалъ Вышатиный, впрочемъ не большой охотникъ до нѣмецкой литературы. Приносятъ книгу, и что жъ это? Всеобщая Повариха, Безъисходный Комплиментеръ и Корреспондентъ, и Балтазара Граціана Придворный Человѣкъ. Вышатиный чуть не заплакалъ съ досады. Потерпѣвъ еще денекъ, онъ вздумалъ пригласить къ себѣ товарищей, и послалъ своего денщика, на чухонской телѣжкѣ, въ Петербургъ съ циркуляромъ: «Вышатиный вывихнулъ дорогою ногу, и лежитъ въ Токсовѣ. Кому изъ кадетъ досужно, тотъ пріѣдетъ навѣстить товарища, умирающаго отъ скуки среди чухонскихъ лицъ, нѣмецкихъ книгъ и латинскихъ мазей.» — Денщикъ тотчасъ отыскалъ Князя Кемскаго и Хвалынского, рассказалъ имъ путевыя приключенія своего барина, и отправился съ отмѣткою ихъ на циркулярѣ: «Читали; ѣдемъ сами, и повѣстимъ по всей ротѣ.»

Князь Кемскій обрадовался случаю отвести душу послѣ горькихъ и досадныхъ сценъ у Алевтины. Хвалынскій уже заранѣе влюблялся въ рыженькихъ и бѣловолосыхъ Чухонченокъ. Взяли позволеніе командира поѣхать на недѣлю за городъ, и поскакали въ Токсово. Дорога туда идетъ сначала по болотному грунту, поросшему низкимъ кустарникомъ; это дно большаго водоема, простиравшагося въ старыя, незапамятныя времена между нынѣшними берегами Финскаго Залива, Дудергофомъ, Пулковымъ и возвышеніями парголовскими и токсовскими. Верстахъ въ двѣнадцати отъ Петербурга земля возвышается; показы-

ваются пригорки, появляются и лѣса; между возвышеніями дремлютъ озера. — Печальный видъ этой страны въ осеннее время склонялъ обоихъ друзей къ задумчивости, cadaго различнымъ образомъ: Хвалынский, смотря на желтѣющіе листья, на блеклую траву, на сѣрое небо, съ сожалѣніемъ воспоминалъ о промелькнувшемъ съ быстротою молніи красномъ лѣтѣ, и считалъ, сколько времени остается до зимнихъ вечеровъ, когда искусственный свѣтъ замѣнитъ долгоденственное сіяніе лѣтняго солнца, когда бесѣды и увеселенія общественныя заставятъ забыть наслажденія природою. — Кемскій же глядѣлъ на померкающую красу природы, какъ на умирающаго друга; пробѣгалъ мыслію время, прошедшее съ минувшей зимы, исчислялъ свои наслажденія, успѣхи, надежды сбывшіяся и несбывшіяся; воображалъ, какъ все это, и окружающій его видимый міръ, и міръ, наполняющій его душу, покроется бѣлымъ саваномъ смерти, и какъ, по истеченіи урочнаго времени, красное солнце опять оживитъ природу, и она воскреснетъ вновь въ блескъ лучей весеннихъ. — Мысли эти настроили душу Кемскаго въ мечтательномъ, возвышенномъ тонѣ. — «Грустно смотрѣть на осеннюю природу,» сказалъ Хвалынский: «точно умирающій человѣкъ, въ которомъ жизнь борется еще съ холодомъ смерти. Это зрѣлище всегда наводитъ на меня тоску.» — «Въ этомъ я счастливѣе тебя,» сказалъ Кемскій: «явленія природы, и тихія и грозныя, и пріятныя и ужасныя — дѣйствуютъ на меня равно, возбуждая мысль о вѣч-

ности, о неизмѣнной силѣ творческой природы, о бла-
гости Провидѣнія, о безконечной и непостижимой
мудрости, съ какою устроена вселенная. Не умираютъ
эти поблекшіе листья, эти увядшія травы: они пре-
образуются въ начало, изъ котораго возникнетъ но-
вая жизнь! Эта мысль утѣшаетъ меня при взглядѣ
на унылую осенью землю, у одра умирающаго друга,
и при помышленіи о собственной моей тлѣнности.» —
«Рано, братецъ, намъ думать объ этомъ, да и страшно.
Я не боюсь смерти въ сраженіи, даже въ военномъ
лазаретѣ, а трепещу при мысли о томъ, что какая ни-
будь глупая простудная горячка можетъ, ни за что,
ни про что, положить меня въ могилу. Всячески уда-
ляю отъ себя мысль о возможности этого случая, и,
благодаря Бога, привыкъ выгонять изъ головы груст-
ные помыслы, какъ докучливыхъ мухъ.» — «Напрас-
но!» сказалъ Кемскій: «намъ должно заранѣе знако-
миться со смертью въ разныхъ ея видахъ; должно
привыкать смотрѣть на нее не только равнодушно,
но и съ какимъ-то утѣшеніемъ душевнымъ. Когда я
вижу вокругъ себя страждущихъ и печальныхъ, когда
помышляю о трудахъ, бѣдствіяхъ и мученіяхъ, при-
вѣтствующихъ въ каждомъ человѣкѣ свою добычу
при утреннемъ его просыпленіи; когда самъ иногда
изнемогаю подъ бременемъ томительныхъ мыслей —
тогда утѣшаюсь одною мыслію: вѣдь это не вѣчно,
все это сонъ и мечтаніе; прійдетъ часъ пробужденія,
называющійся у слѣпыхъ людей часомъ смерти, и
весь этотъ міръ, съ своими страданіями и тѣлесными

и душевными, исчезнетъ какъ тяжелое сновидѣніе, и душа моя, освобожденная отъ тяжкихъ оковъ тѣла земнаго, очутится опять посреди своихъ истинныхъ друзей.» — «Такъ ты увѣренъ, Кемскій, что увидишь на томъ свѣтѣ друзей, умершихъ прежде тебя? Да какъ это возможно?» — «Я увѣренъ, что со мною будетъ то, что быть должно; то, чего лучше я не могу придумать; то, чего слабый мой разумъ, дѣйствующій органами тѣлесными, постигнуть не можетъ; то, о чемъ иногда, въ темныхъ видѣніяхъ, только грѣзится душа моя!» — Хвалынскій ждалъ именно этого оборота рѣчи. «Не постигаю,» сказалъ онъ: «какъ ты дошелъ до этихъ видѣній. Ты, помнится, обѣщаль мнѣ рассказать что возбудило въ тебѣ эту удивительную увѣренность въ дѣйствіи духовнаго міра еще въ здѣшней жизни.» — «Готовъ,» — отвѣчалъ Кемскій: «но такъ какъ это убѣжденіе не можетъ назваться послѣдствіемъ какихъ нибудь внѣшнихъ внушеній, чтенія или минутнаго изступленія, а есть плодъ впечатлѣній, дѣйствовавшихъ на меня съ самаго почти рожденія, плодъ наблюденій и размышленій всей моей жизни, то и должно мнѣ начать рассказъ свой издалека. Имѣй терпѣніе выслушать исторію всей моей жизни.

VI.

«Я родился въ Москвѣ. Объ отцѣ моемъ ты конечно слыхалъ: онъ былъ человѣкъ умный, образован-

ный, благородный и притомъ чрезвычайно тихій, можно сказать, слабый. Служилъ не долго, потомъ поселился въ Москвѣ, и разъ въ годъ объѣзжалъ свои помѣстья въ низовыхъ губерніяхъ. Матушка моя—я едва ее помню—была ангелъ красоты и добродѣтели: скромная, милая, умная, добродушная. Она страстно любила добраго мужа и дѣтей своихъ, не желая ничего въ жизни, кромѣ продолженія своего тихаго семейственнаго счастья, но не долго имъ наслаждалась. Я былъ первый сынъ ея, предметъ всѣхъ ея помысловъ и стараній. Она не могла кормить меня грудью, но сама хотѣла учить всему, и даже наняла себѣ учителей, чтобъ приготовиться къ будущему воспитанію сына. Слабая тѣлосложеніемъ, чувствительная, раздражительная женщина разстроила свое здоровье безпрестанными заботами и трудами, но въ материнскомъ сердцѣ почерпала силы и средства исполнять то, что почитала своимъ долгомъ. Я вижу ее будто сквозь сонъ, какъ она, бывало, посадивъ меня на диванъ подлѣ себя, учить говорить, поправляетъ ошибки, и когда достигнетъ цѣли своей — радуется какъ дитя. Первое дѣтство мое протекло среди игръ, забавъ и уроковъ милой матери.

Вдругъ все вокругъ меня покрылось мглою. Батюшка въ то время уѣзжалъ въ Симбирскую Губернію, матушка оставалась въ Москвѣ одна со мною. Мнѣ было тогда года три отъ роду. Веселыя игры и шутки маменьки прекратились: она безпрерывно плакала, и прижимая меня къ сердцу, говорила съ чувствомъ:

«Бѣдное дитя! какая участь тебя ожидаетъ!» Домъ нашъ опустѣлъ; остались только человѣка три слугъ; сперва заколотили ворота, потомъ заперли и ставни: свѣтъ проходилъ сквозь небольшія въ нихъ отверстія. Каретный стукъ умолкъ на улицахъ; не слышно было ни гулу народнаго, ни голосу продавцевъ; иногда только раздавались дикіе, жалобные крики посреди общаго безмолвія, и какія-то грузныя повозки медленно стучали по мостовой. Когда, бывало, застучать эти колеса, матушка поблѣднѣетъ, заплачетъ, посадить меня къ себѣ на колѣни, и съ трепетомъ обнимаетъ. — Не постигая того, что происходитъ вокругъ меня, я однажды спросилъ маменьку, отчего мы теперь непрерывно одни и сидимъ въ потемкахъ, отчего она груститъ и плачетъ. «Это чума, другъ мой!» отвѣчала матушка: «множество людей умираетъ: кто только дотронется до больного, тотъ самъ занеможетъ и непременно умретъ. Вотъ мы и заперлись, чтобъ никто къ намъ не зашелъ съ чумою. Она ходитъ по всей Москвѣ, и ужъ много такихъ дѣтей, какъ ты, плачутъ по отцѣ или по матери. Вѣдь ты не хочешь, чтобъ я умерла!» — «Нѣтъ! нѣтъ! маменька!» закричалъ я, обнявъ ее: «не умирай, не умирай, а если умрешь, то возьми и меня съ собою!» Слезы матери были отвѣтомъ на этотъ привѣтъ невинной души младенческой. — Повторяю, что все это я помню, какъ сквозь сонъ, можетъ быть, и вовсе не помню, а только составилъ въ воображеніи своемъ эту картину, по словамъ доброй моей няни.

Но вдругъ случилось происшествіе, которое и теперь такъ живо въ моей памяти, какъ будто бы я видѣлъ его вчера. Дѣтское мое любопытство было возбуждено разсказами о чумѣ: я воображалъ, что это злая волшебница, что она разъѣзжаетъ по городу въ колесницѣ, и убиваетъ людей. «Мы живемъ во второмъ ярусѣ дома,» думалъ я: «меня она не достанетъ, хотя бѣ я и выглянулъ въ окошко. Дай посмотрю, что эта за чума.» — Однажды, вечеромъ, я сидѣлъ одинъ въ комнатѣ; вдругъ слышу на улицѣ знакомый мнѣ стукъ колесъ; казалось, повозка остановилась у нашего дома; взглянувъ на окна, сквозь щели ставень, вижу необыкновенный свѣтъ. Непреодолимое любопытство побѣдило во мнѣ боязнь. Осмотрѣвшись въ комнатѣ, и удостовѣрившись, что въ ней нѣтъ никого, я подошелъ къ окну, вынулъ засовъ изъ желѣзнаго прута, которымъ запиралась ставня, и она съ шумомъ отлетѣла. И что я увидѣлъ на улицѣ! У воротъ дома, насупротивъ нашего, стояла большая фура, нагроможденная мертвыми тѣлами. Люди страшнаго вида, въ раздранной одеждѣ, толпились вокругъ повозки, при свѣтѣ факеловъ. Растворилось окно во второмъ ярусѣ, и оттуда выбросили мертвое тѣло, закутанное въ простыни; оно упало поперекъ повозки; страшные люди дико захохотали, и длинными баграми поворотили тѣло вдоль повозки; голова повисла назадъ. Въ это самое время вновь отворилось окно, и въ немъ показалась молодая женщина, въ черномъ платьѣ, съ распущенными по пле-

чамъ черными волосами, покрытая смертною блѣдностью. И теперь вижу эти черты, въ которыхъ изображались тоска и отчаяніе. Она глядѣла внизъ на повозку, на лежавшее сверхъ другихъ тѣло. Повозка двинулась, и въ это самое мгновеніе женщина, съ дикимъ, пронзительнымъ воплемъ, который понынѣ раздается въ моемъ слухѣ, кинулась изъ окна.... Послѣ этого я уже ничего не помнилъ; очнулся въ своей постелѣ. Матушка терла мнѣ виски, и горько плакала. Няня лежала у ней въ ногахъ, прося прощенія, что оставила меня одного. Опамятованіе мое произвело общую радость. «Ничего, ничего, нянюшка! Богъ проститъ!» закричала матушка: «Алеша очнулся.» Я пролежалъ нѣсколько недѣль въ сильной горячкѣ, и съ полгода не могъ оправиться. Наконецъ тѣлесное здоровье мое возвратилось, но въ глубинѣ души затаилась какая-то грустная мысль, какое-то страшное ощущеніе, облеченное въ наружный видъ женщины въ черномъ платьѣ, устранившей меня паденіемъ изъ окна. Я не говорилъ никому что видѣлъ въ тотъ вечеръ; всѣ думали, что одно зрѣлище фуры, нагруженной мертвыми тѣлами, меня испугало. Когда, бывало, мнѣ угрожала болѣзнь, эта женщина являлась мнѣ во снѣ, и смотрѣла на меня угрюмо. Послѣ такого сновидѣнія я ожидалъ болѣзни, и никогда не ошибался. Не думай, чтобъ болѣзни эти были послѣдствіемъ испуга, произведеннаго во мнѣ сновидѣніемъ — нѣтъ! Я привыкъ къ этому видѣнію, какъ къ старому другу, и въ послѣдствіи научился предугадывать по

выраженію лица женщины, что предстоитъ мнѣ вскорѣ. Иногда являлась она печальною и смотрѣла на меня, опустивъ руки; въ другое время манила къ себѣ съ пріятною на устахъ улыбкою; случалось, что она была и угрюма: показывала видъ недовольный, и какъ будто грозила мнѣ. Воображеніе мое принаравливало къ этимъ видѣніямъ всѣ слѣдовавшіе за тѣмъ случаи жизни, и я мало по малу привыкъ считать это обстоятельство принадлежностью моей природы.»

«То есть, эта женщина являлась тебѣ во снѣ?» спросилъ Хвалынский. — «Не всегда во снѣ!» отвѣчалъ Кемскій: «въ необыкновенныхъ случаяхъ, когда отъ волненій душевныхъ прійдетъ въ трепеть мое тѣло, когда настоящая минута ужаснымъ своимъ потрясеніемъ сольетъ въ себѣ и прошедшее и будущее, она является мнѣ и наяву. — Расскажу тебѣ одно изъ самыхъ грозныхъ происшествій моего младенчества. — Но, постой! уже смеркается; становится холодно. Позволь мнѣ посадить Мишу къ намъ въ карету. Бѣдный мальчикъ продрогнетъ на козлахъ.» — «Помилуй, дѣлай, что тебѣ угодно; но позволь замѣтить, что ты крѣпко балуешь своего Мишку. Я думаю, если бѣ карета наша была не четверомѣстная, ты самъ бы въ состояніи былъ сѣсть на козлы, а камердинера посадить на свое мѣсто.» — «Можетъ быть,» сказалъ князь со вздохомъ: «но этотъ чело-вѣкъ мнѣ дорогъ по многимъ отношеніямъ. Онъ сынъ моей кормилицы; его мать и понынѣ груститъ о гибели другаго вскормленника своего, моего брата, да

и Миша малый предобрый, могу сказать, благородный. Онъ любить меня, какъ....» — «Вотъ еще, не любить такого баловщика! Да я, вышедши въ отставку, самъ пойду къ тебѣ въ каммердинеры. Зови же его!» — Князь остановилъ карету, и велѣлъ Мишкѣ сѣсть въ нее. Мальчикъ увѣрялъ было, что ему не холодно на козлахъ, но, по настоянію барина, повиновался.

Друзья продолжали прежній разговоръ — по-французски.

«Страшное время чумы,» сказалъ Кемскій: «вскорѣ миновало. Ставни оконъ нашего дома раскрылись; на улицахъ, по-прежнему, застучали экипажи, раздался шумъ народный, комнаты наполнялись приходящими. Только я, какъ уже сказалъ, не могъ воротить своей дѣтской безпечности: сказываютъ, что я пугался всякой бездѣлицы, плакалъ при малѣйшемъ поводѣ, при радости и при печали. И взрослый, я не могъ бы спокойно смотрѣть на несчастныя происшествія того времени въ нашемъ семействѣ. Здоровье матушки ослабѣвало, и чрезъ два года она скончалась послѣ трудныхъ родовъ. Батюшка, потерявшій въ ней все, что ему было дорого въ мірѣ, возненавидѣлъ Москву, полагая, что ужасныя явленія тамошней чумы были причиною преждевременной смерти его единственнаго друга, и отправился со мною и младшимъ братомъ моимъ въ симбирскую свою деревню. Тамъ росъ я на свѣжемъ сельскомъ воздухѣ, на совершенной свободѣ, и вскорѣ, говорятъ, сдѣлались видимы

слѣды этого переселенія: я окрѣпъ тѣломъ и душою; сдѣлался веселъ и игривъ по лѣтамъ, и въ самомъ дѣлѣ я не помню, чтобъ въ то время грозныя видѣнія мучили меня, какъ прежде. Но это спокойствіе было непродолжительно. Возгорѣлся бунтъ Пугачева. Запылали села, полилась невинная кровь въ счастливыхъ до того низовыхъ странахъ. Страшная лава мятежа и кровопролитія направила разрушительный путь свой къ нашему уѣзду. Батюшка, какъ самый почетный въ округѣ помѣщикъ, по приглашенію чиновника, присланнаго изъ Петербурга, отправился въ городъ на совѣтъ, не воображая, какой опасности подвергается бѣдныхъ своихъ дѣтей. Вдругъ одна изъ злодѣйскихъ шаяекъ вторглась въ наше село, окружила господскій домъ, и съ дикимъ воплемъ требовала помѣщика. На отвѣтъ, что онъ уѣхалъ въ городъ, разбойники возразили, что въ домѣ конечно остался кто нибудь изъ его кровныхъ, и требовали у крестьянъ выдачи жены и дѣтей барскихъ. Добрые наши служители, любившіе барина своего какъ отца, отвѣчали, что барыня скончалась за полгода, а дѣти увезены отцемъ. Кровожадные изверги не повѣрили этому, и кинулись въ домъ. Старушка моя няня, видя бѣду неминуемую, вдругъ раздѣла меня донага, и, вмѣсто тонкой сорочки и платица, надѣла запачканную крестьянскую рубашенку и опоясала ветхою тесьмою. Я это сносилъ терпѣливо, но когда она вздумала сажею марать мнѣ лице и руки, я закричалъ: «Нянюшка! нянюшка! что ты это меня пачкаешь? Я тятенькѣ

пожалуюсь!» Она старалась меня успокоить, умоляла, чтобъ я молчалъ, но я не переставалъ плакать, срывалъ съ себя грязную одежду, и кричалъ: отдайте мнѣ мое платье! Комната наполнилась женщинами и дѣтьми, которыя вздумали въ господскомъ домѣ искать себѣ спасенія и пріюта. Всѣ со слезами просили меня замолчать, но напрасно. Уже слышались шаги буйной толпы; уже раздавались яростные голоса изверговъ, алкавшихъ господской крови; уже растворилась настежь дверь въ переднюю, — вдругъ въ ней появилась черная женщина, какъ я привыкъ называть ее про себя: блѣдная съ распущенными волосами, въ томъ же платьѣ, какъ я видѣлъ ее во время чумы: она остановилась въ дверяхъ, вперила въ меня укоряющій взоръ, и погрозила пальцемъ. Я въ то же мгновеніе умолкъ, и оборотясь къ нянѣ, прижался къ ней лицомъ. Необычайный шумъ вскорѣ заставилъ меня оглянуться: комната наполнилась неистовыми, пьяными разбойниками. «Гдѣ щенята проклятыя!» вопили они: «али утаили ихъ, что ли! Всѣхъ перебьемъ!» Бабы съ дѣтьми бросились въ ноги злодѣямъ, и я припалъ подлѣ няни. «Ей же ей, ихъ нѣтъ здѣсь!» кричали онѣ: «вѣрьте Богу, отцы родные!» — «Смотрите!» ревѣли разбойники, разсыпаясь по комнатамъ: «если хоть одного найдемъ, всѣмъ вамъ конецъ! Признайтесь скорѣе, до бѣды!» Испуганныя женщины повторили свои клятвы. Шумная толпа кинулась въ другія комнаты, а старушка няня, схвативъ меня на руки, выбѣжала изъ господскаго дому въ

село, принесла меня въ домъ своего сына, и посадила на печь. Она смертельно боялась, чтобъ я не вздумалъ кричать, упрямиться и требовать своего платя, но я былъ тихъ и нѣмъ, къ крайнему ея изумленію и удовольствію. Смятеніе продолжалось во весь день, къ вечеру утихло на улицахъ, но меня не выпускали изъ избы, не снимали съ печи; я заснулъ отъ испуга и усталости.

На другой день вступила въ село какая-то команда, и бунтовщики, по приближеніи ея, разбѣжались. Вскорѣ воротился батюшка, и моя спасительница принесла меня домой. Увидѣвъ отца моего, она бросилась ему въ ноги, восклицая: «Батюшка, Князь Ѳедоръ Петровичъ! вотъ сынокъ твой, Князь Алексѣй! Прости! отецъ родной, что мы одѣли его какъ крестьянскаго мальчишку, да вишь злодѣи грозились всѣхъ баричей перебить, такъ мы и догадались: Богъ помогъ намъ, а ты, батюшка, не взыщи!» Отецъ съ радостными слезами обнялъ меня, и усердно благодарилъ няню; но не однѣ слезы радости пришлось ему проливать въ этотъ день. Няня, уstraшенная мыслію объ опасности своего питомца, не подумала о младшемъ братѣ моемъ, которому было десять мѣсяцевъ отъ роду. Кормилица его, слышавъ шумъ, въ испугѣ схватила ребенка, бросилась изъ дому въ село, изъ села — въ лѣсъ. На другой день нашли ее въ безпамятствѣ, верстахъ въ десяти отъ дому, на днѣ глубокаго оврага, покрытую ранами и ушибами, въ застывшей крови. Очнувшись, она объявила, что бѣжала безъ па-

ияти, сама не зная куда. Вдругъ раздались вокругъ нея крики. Въ недоумѣніи и испугѣ, бросила она дитя въ кусты, а сама кинулась въ сторону. Ударомъ въ голову ее оглушило; она лишилась чувствъ, и пока- тилась въ оврагъ. По ея показанію, стали искать въ кустахъ и нашли подъ однимъ дѣтскую шапочку — болѣе ничего. Всѣ разысканія, всѣ изслѣдованія были напрасны. Бѣдный младенецъ пропалъ. Не скажу: по- гибъ, и вотъ почему. Батюшка, сильно пораженный этимъ бѣдствіемъ, часто ходилъ со мною на то мѣсто, гдѣ пропалъ братъ мой; потомъ выложилъ туда доро- гу, и на краю дикаго оврага построилъ домикъ. Это мѣсто было позорищемъ забавъ, игръ, мечтаній моего дѣтства. Чрезъ два года послѣ того ужаснаго проис- шествія батюшка повезъ меня въ Петербургъ, для отдачи въ кадетскій корпусъ. Наканунъ отъѣзда на- шего мы пошли проститься съ нашимъ домикомъ. Это было въ августъ мѣсяцъ, послѣ обѣда. Батюшка, въ безмолвномъ уныніи, ведя меня за руку, обошелъ всю ту сторону, какъ будто ища своей невозвратимой потери, и когда начало смеркаться; вошелъ въ до- микъ, гдѣ ожидала его няня съ чаемъ, а я остался на краю оврага. Мысль о томъ, что я оставляю мѣста, гдѣ жила матушка, гдѣ погибъ братъ мой, наполнила грустью мое младенческое сердце. Я пошелъ къ роко- вому кусту, и глядя на густую зелень его, думалъ: «Такъ ты умеръ, другъ мой?» Въ это время что-то темное приподнялось изъ-за густой зелени: всматри- ваюсь, и вижу знакомую мнѣ черную женщину, но не

страшную, не грозящую, какъ бывало, а съ какою-то милою, утѣшительною улыбкою. Она покачала головою, какъ будто желая сказать: нѣтъ, онъ не умеръ! указала на тропинку, и разлилась туманомъ въ вечернемъ сумракѣ.»

Князь замолчалъ, выглянулъ съ страннымъ выраженіемъ испуга и удовольствія изъ окошка, смотрѣлъ нѣсколько секундъ на густыя сосны, чернѣвшіяся недалеко отъ дороги, и потомъ улыбнулся со вздохомъ.

Хвалынскій пристально всматривался въ ту сторону, ничего не видѣлъ, и наконецъ спросилъ: «Не причудилось ли тебѣ опять чего нибудь?» — «Нѣтъ!» сказалъ князь: «что-то налетѣло на душу странное. Я вотъ уже нѣсколько дней не могу освободиться отъ видѣнія — но оно не съ того свѣта.» При этихъ словахъ онъ покраснѣлъ. — «А! догадываюсь!» вскричалъ Хвалынскій: «сердце подстрѣлено. Пора, другъ мой, пора! Нельзя ли сдѣлать меня твоимъ повѣреннымъ?» — «Какъ можно?» сказалъ князь съ усмѣшкою: «ты мнѣ въ этомъ почти соперникъ. Но, нѣтъ! это пустое, вздоръ! Это игра воображенія.» — «Тѣмъ легче тебѣ открыться!» продолжалъ любопытный Хвалынскій. — «Скажу тебѣ правду,» отвѣчалъ князь, какъ будто принуждая себя: «не знаю отчего, только Наташа непрерывно мерещется у меня въ глазахъ. Ты знаешь, что я ее уважаю, можно сказать, люблю за благородство ея нрава, за умъ, образованіе; но никогда не думалъ я чувствовать къ ней чего нибудь болѣе, и помнится, не далѣе недѣли откровенно гово-

рилъ тебѣ, до какой степени ея гордая холодность меня оскорбляетъ. Вотъ дня четыре тому назадъ, я сижу у сестрицы въ гостиной. Матушка рассказывала что-то о своихъ женихахъ елисаветинскихъ временъ. Я нечаянно посмотрѣлъ въ зеркало, и увидѣлъ, что Наташа, сидѣвшая тогда въ другой комнатѣ, устремила на меня глаза свои съ какимъ-то необыкновенно томнымъ выраженіемъ. Когда взоры наши встрѣтились въ зеркалѣ, глаза ея засверкали, лице подернулось блѣдностью, и мнѣ показалось, что въ немъ было выраженіе лица моей мечты. Я глядѣлъ на нее нѣсколько секундъ съ неизъяснимымъ наслажденіемъ. Вдругъ она, какъ будто догадавшись, что и я вижу ее, когда она на меня смотритъ, отворотилась отъ зеркала, встала и поспѣшно удалилась въ другую комнату. Черезъ часъ увидѣлъ я ее въ гостиной. Лице ея было нѣжное, прекрасное, миловидное, правильное, но то небесное выраженіе исчезло. Она глядѣла на меня учтиво, строго и холодно, какъ всегда, а я и малѣйшимъ движеніемъ лица боялся дать ей почувствовать, что помню, какъ наши глаза мѣнялись взглядами въ зеркалѣ. Съ тѣхъ поръ изображеніе ея въ зеркалѣ меня не покидаетъ. Я вижу ее, пью восторгъ изъ глазъ ея, забываюсь; но эта мечта скорѣе всего проходитъ при появленіи ея самой: вижу, что это не та!» — «Вотъ друзья!» вскричалъ Хвалынский съ комическимъ выраженіемъ отчаянія: «И эту у меня отбиваютъ! Ну, могъ ли я думать, чтобъ ты когда вибѣдъ сдѣлался моимъ соперникомъ? Впрочемъ, это,

можетъ статья, къ лучшему. Влюбиться нашему брату въ бѣдную дѣвицу: любовь да любовь, нуль да нуль — нуль! Только въ одномъ отношеніи мнѣ не такъ накладно было влюбиться въ Наташу, какъ тебѣ. Ты князь, старинной, капитальной фамиліи, человѣкъ богатый, цѣль взглядовъ и вздоховъ многихъ знатныхъ барышень, а она дочь бѣднаго штабъ-лекаря, внучка какого нибудь понамаря, много что сельскаго священника — что это за пара! Я, бѣднякъ, болѣе къ ней подъ рядъ. Родъ Хвалынскихъ не блещетъ въ бархатныхъ книгахъ, и если бѣ покойный мой отецъ не служилъ сорока лѣтъ вѣрою и правдою, не бывать бы мнѣ товарищемъ князей и графовъ.» — «Счастливецъ!» сказалъ Князь Алексѣй: «тебя не тяготитъ полученное отъ родителей титуло, налагающее на человѣка тму цѣпей и обязанностей въ свѣтѣ. Впрочемъ ты болѣе похожъ на князя, нежели я, задумчивый, угрюмый, неуклюжій. Дочь штабъ-лекаря — слѣдственно человѣка благороднаго во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка полезнаго, почтеннаго: почему бы ей не быть Княгинею Кемскою! — Нѣтъ! нѣтъ! не потому! нѣтъ — она меня ненавидитъ! И я хотя влекусь къ ней чѣмъ-то непонятнымъ, но любить ее, такъ, просто, по-человѣчески, не могу. Еще разъ скажу: не знаю, есть ли у нея сердце!» — «И все это къ лучшему, повѣрь мнѣ,» возразилъ Хвалынскій: «твоя, такъ называемая, матушка и сестрица хорошо бы приняли такую родственницу. Боже упаси!»

Въ теченіе этого разговора смерклося. Вдругъ влѣво отъ дороги блеснулъ огонекъ. «Это Токсово!» сказалъ Мишка, отперъ дверцы, выскочилъ изъ кареты, и пошелъ впередъ, искать дома понамаря.

VII.

Чрезъ нѣсколько минутъ Мишка закричалъ кучеру: «здѣсь! стой!» и друзья, оставивъ карету, вошли въ большой деревянный домъ, уже довольно ветхій, но еще не обшитый досками. «Не здѣсь ли остановился больной офицеръ?» спросилъ Хвалынскій. — «*Десь, посалуйте!*» отвѣчала рыженькая Чухоночка съ кроличьими глазками, и ввела пріѣзжихъ, чрезъ сѣни, въ большую комнату. Въ каминѣ пылалъ огонь и колеблющимся блескомъ освѣщалъ бревенчатые, неоклеенные обоями стѣны, на которыхъ, въ исполинскомъ размѣрѣ, рисовались тѣни собесѣдниковъ, расположившихся вокругъ пріятнаго въ осеннее время, домовитаго огня. Вышатишь, молодой, прекрасный собою, въ щегольскомъ халатѣ, лежалъ на черной кожаной софѣ; подлѣ него сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, степеннаго вида, бѣлокурый, въ черномъ однобортномъ сюртукѣ, съ трубкою во рту: въ немъ не трудно было узнать сельскаго пастора. Подлѣ пастора, въ ветхихъ креслахъ развалился молодой человекъ, одѣтый съ великою небрежностью, пріятной

наружности, съ выраженіемъ добродушія и дѣтской безпечности на лицѣ, которое по временамъ озарялось отблесками внутренняго вдохновенія; онъ пристально глядѣлъ въ каминъ, и, казалось, слѣдилъ за постепеннымъ разрушеніемъ дровъ, наблюдалъ каждую вспышку огня. Съ другой стороны камина облокотился на столикъ почтенный старецъ лѣтъ семи-десяти — исполинскаго роста, сухощавый и статный. Густыми черными бровями пріосѣнялись глаза, пылавшіе пламенемъ глубокаго чувства. Черные съ просѣдью волосы едва покрывали высокое, величественно округленное чело; носъ правильный греческій, на щекахъ слѣды румянца юныхъ лѣтъ, уста съ улыбкою спокойствія, выдавшійся подбородокъ — все это составляло физіономію необыкновенную, поражавшую всякаго невольнымъ почтеніемъ при первомъ на нее взглядѣ. Одѣтъ онъ былъ просто — въ старомодномъ коричневомъ сюртукѣ и въ темномъ камзолѣ; но все на немъ было какъ-то порядочно, какъ-то согласно съ его лицомъ, умнымъ и спокойнымъ. Когда пріѣзжіе наши вошли въ комнату, прервался, какъ имъ казалось, интересный разговоръ. Кемскій однимъ взглядомъ окинулъ эту живописную группу, и въ первую секунду нашелъ въ ней нѣчто похожее на тѣ нечаянныя сборища, которыя попадаютъ въ гостиницахъ романовъ.

«Друзья!» съ восторгомъ закричалъ Вышатынъ, увидѣвъ входящихъ: «спасибо вамъ! Спасибо, философъ, и тебѣ, стрекоза — вы, чай, не забыли еще

вашихъ кадетскихъ прозвищъ — что посѣтили своего бѣднаго однокашника. Эй, люди, чаю, поскорѣе!» — Послѣ первыхъ распросовъ о здоровьѣ, Вышатиный познакомиль князя и Хвалынскаго съ тремя своими собесѣдниками. Одинъ точно былъ тамошній пасторъ; другаго онъ назвалъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Беримовымъ, прибавивъ, что онъ художникъ; при взглядѣ на третьяго, произнесъ съ почтеніемъ: «А это, Петръ Антоновичъ Алимари — облегчитель моихъ страданій; можетъ быть, и спаситель моей жизни. — Эти господа разогнали скуку моего одиночества своею бесѣдою; если вы любите меня, братцы, по-прежнему, по-корпусному — поблагодарите ихъ за ласку и за дружбу къ незнакомцу. Этому же почтенному человѣку обязаны будете сохраненіемъ вашего друга!» Онъ протянулъ руку съ выраженіемъ искренняго чувства: старикъ, вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ нему, и отвѣчалъ на его пожатіе руки пріятною улыбкою, выражавшею, что онъ цѣнитъ вниманіе и благодарность, но ни во что ставить свою услугу.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Кемскій сказалъ больному: «Кажется, что мы пріѣздомъ своимъ прервали вашу бесѣду — нельзя ли продолжать?» — «Да,» отвѣчалъ Вышатиный, смѣючись: «мы разсуждали, толковали и спорили о предметѣ очень занимательномъ, безъ котораго рѣдко обойдется дружеская бесѣда, нѣсколько продолжительная. Мы говорили о видѣніяхъ, о предчувствіяхъ, о предсказаніяхъ и тому подобномъ. Я, признаюсь, отнюдь не вѣрю ничему въ этомъ

родъ, и никогда не перемѣню своего образа мыслей. » — «Не вѣрите,» возразилъ старикъ тихимъ, но крайне пріятнымъ голосомъ: «не вѣрите? Отъ чего же происходитъ, что вы съ любопытствомъ слушаете рассказы о необыкновенныхъ случаяхъ? Отъ чего сами сообщали намъ нѣсколько анекдотовъ? Вѣра въ чудесное, сверхъестественное, основывается не на расчетахъ и заключеніяхъ разсудка, а на какомъ-то неизъяснимомъ внутреннемъ чувствѣ.» — «Такъ должно вѣрить, почтенный Алимари,» сказалъ съ жаромъ Вышатинъ: «всѣмъ сказкамъ и бреднямъ старыхъ бабъ? Такъ вы имъ вѣрите?» — «Отнюдь нѣтъ! Мало ли ходитъ по свѣту вымысловъ, завѣренныхъ не только людьми простыми, суевѣрными, но и учеными; между тѣмъ это вымыслы, и только. Но неосновательность одного частнаго случая не можетъ заставить насъ думать, будто общее чувство, сродное всѣмъ людямъ, насъ обманываетъ. Притомъ замѣтите, что вѣра въ сверхъестественные случаи и видѣнія опровергается только отрицательно. Говорятъ: это не можетъ быть, да и только. Докторъ Джонсонъ утверждаетъ, что люди, отвергающіе дѣйствительность привидѣній *уста*ми, признаются въ ней своею *боязнію*. Не должно вѣрить безусловно всѣмъ рассказамъ, но должно изслѣдовать самыя дѣла, и по изслѣдованіи отличить истинное отъ ложнаго.»

Алимари говорилъ твердо и положительно. Выраженія его были чистыя русскія, но часто сбивались на книжный языкъ. Произношеніе его было не ино-

странное, но и не обыкновенное у насъ въ разговорѣ. Выразительное движеніе устъ, пламенное чувство, блиставшее въ глазахъ его, голосъ гармоническій и самая эта необычайность языка придавали рѣчамъ его неизъяснимую силу и прелесть. Кемскій, можно сказать, глазами и слухомъ *прилипъ* къ устами его; сердце его невольно влеклось къ незнакомцу, который, съ своей стороны, примѣтивъ это вниманіе милостиваго, кроткаго, умнаго человѣка, въ рѣчахъ своихъ обращался преимущественно къ нему.

«Воля ваша!» вскричалъ Вышатиный: «а я никакъ не соглашусь съ вами! Слушаю рассказы о духахъ и привидѣніяхъ со вниманіемъ, съ любопытствомъ и, могу сказать, съ удовольствіемъ, но вѣрить имъ — нѣтъ! не могу. И вы, Алимари, натуралистъ, испытатель таинствъ природы, можете утверждать это? Не постигаю!»

«Именно потому, что я натуралистъ, эти явленія меня и занимаютъ. Въ природѣ ничего не дѣлается даромъ. Каждая травка, каждая песчинка имѣетъ свою причину, свою цѣль: такъ и движенія, дѣйствія и стремленія нашей души. Мы не видимъ причинъ и цѣлей того, что въ насъ происходитъ, но происходящее ощущаемъ и признаемъ.»

«И никогда не увидимъ!» — прервалъ Вышатиный.

«Почему же такъ?» спокойно возразилъ Алимари. «Явленія электричества, магнетизма и другія въ теченіе тысячелѣтій изумляли народъ, и казались сверхъестественными самымъ умнымъ и просвѣщеннымъ лю-

дямъ тѣхъ временъ. Нынѣ эти явленія разгаданы. Такъ можетъ, такъ должно быть и со многими другими явленіями физическаго и нравственнаго міра. Повторяю: мы видимъ дѣйствія; но силы, которыми эти дѣйствія производятся, еще отъ насъ сокрыты. Пройдутъ вѣки, совершатся новыя открытія въ наукѣ естества, въ единственной всеобщей, истинной наукѣ, и то, что казалось неизъяснимымъ чудомъ, покажется намъ въ видѣ явленія или дѣйствія природы, понятнаго и даже въ естествѣ вещей необходимаго!»

«Такъ вы не вѣрите чудесамъ?» съ торжествомъ спросилъ Вышатиный.

«Вѣрю и не вѣрю — смотря по тому, какъ вы принимаете это слово. Я не вѣрю, чтобъ порядокъ вещей, единожды установленный премудрымъ Промысломъ, могъ, безъ особенной воли Всевышняго, когда либо или отъ чего нибудь измѣниться. Но чудеса — то есть, дѣйствія и явленія, непостижимыя человѣку, неистолкуемыя по размѣру его ума, временнаго и слабаго, совершаются ежедневно. И самое устроеніе, самое бытіе человѣка есть чудо — непонятное, недосыгаемое. Никогда не чувствовалъ я въ такой степени удивленія и благоговѣнія предъ неисповѣдимымъ Промысломъ, какъ въ то время, когда разлагалъ на части тѣло человѣческое, эту ветхую храмину, изъ которой излетѣла его жительница. Каждая жилка, каждый нервъ есть чудо въ глазахъ и умѣ человѣка. И тутъ умъ человѣческій догадался о причинахъ и цѣли многаго; но столь же многое, можетъ быть и

болѣе, является только тѣлесному его взору, а отъ умственного сокрыто. Такъ въ органѣ слуха, напри- мѣръ, цѣль и польза многихъ частей истолкована и, по возможности, доказана сравненіемъ, но сколько частей сего самаго органа намъ непонятны! И притомъ онѣ необходимы, онѣ имѣютъ и причину и цѣль, ибо находятся въ каждомъ подобномъ органѣ. Отсутствіе ихъ, можетъ быть, показало бы, къ чему онѣ нужны, а этого отсутствія еще не замѣчено съ самаго на- чала міра, или, можетъ быть, съ начала науки. И послѣ этого, когда мы не можемъ растолковать и до- казать пользы и дѣйствія видимыхъ, осязаемыхъ ве- щей, оставленныхъ скрывшимся хозяиномъ въ преж- немъ его жилищѣ — мы станемъ спорить о свойствахъ и дѣяніяхъ самого хозяина! Смиримся предъ Прови- дѣніемъ, и признаемся съ Шекспиромъ, что подъ солнцемъ много такихъ вещей, какія философіи на- шей и во снѣ не грѣзились!»

«Вотъ ужъ и философія!» воскликнулъ Хвалынский: «нельзя ли уволить отъ нея! — Да и какъ вы заго- вороли объ этихъ предметахъ? Нельзя ли избрать чего нибудь попроще, поближе къ нашему армейско- му разумѣнію?»

«И я такъ думаю-съ,» сказалъ художникъ: «а то въ самомъ дѣлѣ, начали о домовыхъ-съ — вотъ это дѣло извѣстное-съ, то есть домовые-съ — кто ихъ не видалъ-съ?... а потомъ занеслися, Богъ знаетъ куда.... съ.... то есть.... впрочемъ и не съ домо- выхъ начали-съ, а съ огненнаго змѣя-съ.» —

«Съ какого змѣя?» спросилъ Хвалынский.

Бериловъ хотѣлъ отвѣчать, но Вышатиный предупредилъ его: «Андрей Ѳедоровичъ рассказывалъ намъ, что въ Петербургѣ случилось необычайное происшествіе. Ты знаешь, что вчера Графъ Самойловъ давалъ праздникъ въ честь гостя нашего, молодого Короля Шведскаго. Въ то самое время, какъ Государыня подѣхала къ крыльцу его дома, огненный шаръ, или, какъ говорятъ въ народѣ, змѣй, пролетѣлъ чрезъ этотъ домъ, потомъ чрезъ Зимній Дворецъ за Неву, и упалъ за крѣпостью. Мы стали разсуждать о подобныхъ явленіяхъ, и отъ этого мало по малу дошли до толковъ о привидѣніяхъ, о предчувствіяхъ и тому подобномъ. Но помнится, вы, Петръ Антоновичъ, хотѣли рассказать намъ одно такое происшествіе, случившееся въ молодая ваши лѣта? Не угодно ли теперь?»

«Охотно,» сказалъ Алимари. «Это было въ тысяча семьсотъ сороковомъ году, послѣднемъ царствованія Императрицы Анны Ивановны. Мнѣ былъ тогда семнадцатый годъ отъ роду. Я жилъ у датскаго резидента, въ домѣ, гдѣ теперь трактиръ Парижъ на Дворцовой Площади, на углу Ледокольнаго Переулка. Это было въ августѣ мѣсяцѣ. Ночь была темная, но чрезвычайно теплая. Резидентъ, по обыкновенію своему, занимался музыкою, игралъ весь вечеръ на клавинохъ, а я пѣлъ на-память лучшія тогдашнія италіянскія аріи. Било десять часовъ; я простился съ нимъ, и пошелъ къ себѣ вверхъ. Вдругъ, вижу я,

освѣщаются среднія ворота Адмиралтейства, идущія къ Гороховой Улицѣ. Изъ воротъ выходитъ какая-то процессія съ множествомъ факеловъ, и поворачивается налѣво, къ Дворцовой Площади. Дома, лежащіе насупротивъ Адмиралтейства, озаряются яркимъ свѣтомъ. И свѣтъ этотъ, наравнѣ съ невидимою процессіею, движется ближе и ближе ко дворцу. Смотрю и недоумѣваю. Резидентъ присылаетъ за мною человѣка. Схожу къ нему, и вижу, что онъ со всѣми домашними стоитъ у окна, и смотритъ на непонятное явленіе — что за процессія можетъ идти изъ Адмиралтейства въ ночное время? Посылаемъ смышленнаго слугу, чтобъ посмотрѣть вблизи и пораспросить. Между тѣмъ процессія, обогнувъ уголъ адмиралтейскаго вала, направилась къ среднимъ воротамъ дворца, и вошла въ нихъ: факелы, по мѣрѣ вступленія въ ворота, исчезали, и чрезъ нѣсколько минутъ водворилась прежняя темнота. Слуга воротился, и объявилъ, что онъ пробѣжалъ до угла Адмиралтейства, но, по приближеніи его, уже ничего не было видно; между тѣмъ поднялся сильный вѣтеръ, сорвалъ съ него шляпу, и унесъ ее къ набережной. Онъ побѣжалъ за нею, поймалъ уже близъ берега Невы, и пошелъ ко дворцу. Все было тихо. Часовые расхаживали у воротъ. Слуга спросилъ у нихъ, что это было за шествіе съ факелами, и куда оно прошло. Часовые отвѣчали, что онъ бредитъ, что ни какого шествія не было, и чтобъ онъ убирался по-здорову. — Тѣмъ это и кончилось. Всѣ жившіе въ нашемъ домѣ видѣли это странное явленіе,

но никто не умѣлъ растолковать его. Разумѣется, что въ послѣдствіи, когда случились необыкновенныя политическія происшествія, люди вздумали утверждать, что это видѣніе было ихъ предзнаменованіемъ. Этому я не могу вѣрить, но вѣрю, что иногда являются намъ призраки и видѣнія наяву, какъ во снѣ.»

«И точно вы это видѣли?» спросилъ Вышатынъ въ недоумѣніи.

«Точно!» отвѣчалъ Алимари. «Помню даже, что резидентъ описалъ это явленіе, и заставилъ всѣхъ бывшихъ въ домѣ подписаться.»

«Вотъ то-то и бѣда,» сказалъ Вышатынъ: «что эти письменныя свидѣтельства обыкновенно пропадаютъ, а остаются одни изустныя преданія, искажаемыя въ теченіе времени. Назовите мнѣ чудесное происшествіе, которое было бы подтверждено достовѣрнымъ письменнымъ свидѣтельствомъ. Такъ нѣтъ!»

«Извините,» прервалъ рѣчь его пасторъ: «я могу служить вамъ подобнымъ происшествіемъ, котораго дѣйствительность подтверждена формальнымъ актомъ. Если угодно, я теперь расскажу происшествіе, а завтра покажу актъ, хранящійся у меня въ вѣрной копіи. Угодно ли послушать!»

«Сдѣлайте одолженіе!» закричали всѣ въ одинъ голосъ.

«Только мнѣ трудно объясняться по-русски: позвольте прибѣгнуть къ французскому языку:» сказалъ пасторъ: «да и тутъ извините въ ошибкахъ. Если бѣ

я могъ говорить съ вами по-шведски, то разсказъ мой былъ бы живѣе и естественнѣе! Слушайте же!»

Всѣ придвинулись къ разсказчику. Вышатынь усмѣхнулся и снялъ со свѣчи, чтобъ лучше видѣть физіономію повѣствующаго.

VIII.

«Карль XI, отецъ знаменитаго Карла XII, былъ одинъ изъ самыхъ умныхъ королей шведскихъ. Онъ опредѣлилъ права и обязанности разныхъ сословій шведскаго народа, и далъ государству своему многіе полезные законы. Притомъ онъ былъ человѣкъ просвѣщенный, храбрый, набожный, твердый, хладнокровный и воображенія отнюдь не пылкаго. Онъ лишился супруги своей, Ульрики Элеоноры, и хотя при жизни обращался съ нею сурово, но грустилъ о ея кончинѣ, болѣе нежели какъ можно бѣ было ожидать. Съ той поры сдѣлался онъ еще угрюмѣе и молчаливѣе прежняго, и искалъ развлеченія своей скорби въ непрерывныхъ занятіяхъ дѣлами государственными. Въ одинъ осенній вечеръ сидѣлъ онъ, въ халатѣ и туфляхъ, предъ каминомъ, въ кабинетѣ стокгольмскаго дворца. При немъ были камергеръ Графъ Браге, пользовавшійся особенною его милостію, и лейбмедикъ Баумгартенъ, человѣкъ умный, представившійся вольнодумцемъ: онъ хотѣлъ, чтобъ люди

не вѣрили ничему, кромѣ медицины. Король сидѣлъ въ этотъ вечеръ у камина долѣе обыкновеннаго, и склонивъ голову, смотрѣлъ въ безмолвіи на потухающіе уголья. Графъ Браге нѣсколько разъ напоминалъ королю, что пора ему успокоиться, но король движеніемъ руки заставлялъ его молчать. Врачъ, въ свою очередь, сталъ было толковать, какъ вредно для здоровья сидѣть за полночь. Король сказалъ ему въ полголоса: «Не уходите; мнѣ еще спать не хочется.» — Придворные начинали говорить о томъ, о другомъ, но разговоръ не завязывался. Графъ Браге, долагая, что король груститъ, вспоминая о своей супругѣ, посмотрѣлъ на портретъ ея, висѣвшій въ кабинетѣ, и сказалъ: «Какое сходство! И величіе и кротость души ея видны въ этомъ портретѣ.» — «Вздоръ!» возразилъ король съ досадою: «Живописецъ польстилъ ей: королева отнюдь не была такъ хороша собою!» Потомъ, какъ будто устыдясь своей горячности, онъ всталъ и началъ прохаживаться по комнатѣ, чтобъ скрыть свое смущеніе. Вдругъ остановился онъ у окна, идущаго на дворъ. Ночь была самая темная. Луна не показывалась. — Нынѣшній королевскій дворецъ въ то время еще не былъ конченъ, и Карлъ XI, начавшій строеніе его, жилъ въ старомъ дворцѣ, на оконечности Риттергольма, вдающейся въ Меларъ. Огромное это зданіе расположено въ видѣ подковы. Кабинетъ короля былъ въ концѣ одного изъ флигелей, и почти насупротивъ его находилась большая зала, въ которой собирались госу-

дарственные чины, для принятія предложеній королевскихъ. — Въ это время казалось, что окна этой залы освѣщены очень ярко. Король изумился, и сначала полагалъ, что тамъ ходитъ кто либо изъ придворныхъ служителей со свѣчею. Но какъ онъ очутился въ залѣ, которой давно уже не отпирали? Притомъ, по необыкновенной яркости свѣта, нельзя было заключить, чтобъ онъ происходилъ отъ одной свѣчи. Можетъ быть, это пожаръ? Но не видно было дыму, окна не были выбиты; все было тихо; казалось, зала иллюминирована какъ для торжества. Карлъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на освѣщенные окна, не говоря ни слова. Графъ Браге протянулъ руку къ колокольчику, чтобъ позвать пажа, и чрезъ него узнать о причинѣ этого страннаго освѣщенія, но король остановилъ его. «Я хочу самъ пойти въ залу,» сказалъ онъ. — При этихъ словахъ онъ поблѣднѣлъ, и на лицѣ его изобразился ужасъ, смѣшанный съ благоговѣніемъ. Между тѣмъ онъ твердымъ шагомъ вышелъ изъ кабинета. Каммергеръ и врачъ послѣдовали за нимъ, неся въ рукѣ по зажженной свѣчѣ.

Смотритель дворца, у котораго хранились ключи, уже спалъ въ то время. Баумгартенъ разбудилъ его, и приказалъ, именемъ короля, отпереть двери въ залу государственныхъ чиновъ. Изумленный смотритель одѣлся поспѣшно, и явился къ королю, съ связкой ключей. Сначала отперъ онъ галерею, служившую переднею комнатою, или аванзалою. Король вступилъ туда, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что всѣ стѣны ком-

наты покрыты чернымъ. «Кто приказалъ обить такимъ образомъ эту залу?» спросилъ онъ гнѣвнымъ голосомъ. «Не могу доложить,» отвѣчалъ испуганный смотритель: «въ послѣдній разъ, когда я приказалъ вынести галерею, она, какъ и всегда, обита была дубомъ. Эти обои взяты конечно не изъ гардеробной вашего величества.» Король быстрыми шагами миновалъ уже большую часть залы. Графъ и смотритель слѣдовали за нимъ. Баумгартенъ поотсталъ: онъ боялся остаться одинъ, боялся и слѣдовать за другими.

«Не ходите далѣе, государь!» закричалъ смотритель: «клянусь Богомъ, тутъ водятся нечистые духи. Въ это время.... со времени кончины ея величества королевы... говорятъ, что она прохаживается по этой галереѣ. Помилуй насъ, Господи!» — «Остановитесь, государь!» сказалъ графъ: «развѣ вы не слышите страннаго шуму въ этой залѣ? Кто знаетъ, какимъ опасностямъ вы подвергаетесь!» — «Всемиловѣйшій государь!» прошепталъ Баумгартенъ, у котораго вѣтромъ задуло свѣчу: «позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ привести сюда человѣкъ двадцать вашихъ трабантовъ.»

«Войдемъ!» сказалъ король твердымъ голосомъ, остановясь у дверей большой залы. «Смотритель, отопрѣ поскорѣе эту дверь.» Онъ толкнулъ въ нее ногою, и отголосокъ, повторенный эхомъ сводовъ, раздался въ галереѣ какъ пушечный выстрѣлъ.

Смотритель дрожалъ, и не могъ ключемъ найти

отверзтія въ замкѣ. — «Старый солдатъ, а трусишь!» сказалъ король, пожавъ плечами. «Ну хоть вы, графъ, отоприте эту дверь.» — «Государь!» отвѣчалъ графъ, отступивъ отъ двери: «прикажите мнѣ броситься на пушку датскую или нѣмецкую, я буду повиноваться безъ земедленія; но здѣсь дѣйствуютъ силы адскія.»

Король вырвалъ ключъ изъ рукъ смотрителя. — «Вижу,» сказалъ онъ съ презрѣніемъ: «что дѣло касается меня одного!» и прежде нежели приближенные могли удержать его, онъ отперъ толстую дубовую дверь, и вошелъ въ большую залу съ словами: «да поможетъ мнѣ Богъ!» — Спутники его, подстрекаемые любопытствомъ, которое превозмогло въ нихъ боязнь, а можетъ быть и стыдась оставить короля, вошли съ нимъ вмѣстѣ.

Большая зала освѣщена была очень ярко. На стѣнахъ старинные обои въ лицахъ замѣнены были чернымъ сукномъ. Вдоль по стѣнамъ стояли, какъ и прежде, добытые Густавомъ Адольфомъ трофеи, знамена враговъ Швеціи. Посреди ихъ видны были и шведскіе штандарты, покрытые траурнымъ крепомъ.

На скамьяхъ сидѣло многочисленное собраніе: четыре сословія государственныя, дворяне, духовные, граждане и крестьяне, занимали свои мѣста. Всѣ были въ черномъ одѣяніи; лица ихъ свѣтились при блескѣ, но король и его спутники не могли различить въ этой толпѣ ни одного знакомаго лица.

На возвышенномъ тронѣ, съ котораго король провозноситъ рѣчи къ собранію, лежалъ окровавленный

трупъ въ царскомъ одѣянїи. По правую сторону стоялъ отрокъ съ короною на головѣ; по лѣвую опирался на кресла трона другой человѣкъ или призракъ, въ торжественной мантии, какую носили древніе правители Швеціи до возведенія ея Вазою на степень королевства. Передъ трономъ, за столомъ, покрытымъ большими книгами и пергаменными хартіями, сидѣли нѣсколько человѣкъ важнаго и строгаго вида, въ длинныхъ черныхъ мантияхъ: они казались судьями. Между трономъ и этимъ столомъ находилась плаха, покрытая чернымъ сукномъ; подлѣ нея лежала сѣкира.

Казалось, что никто изъ собранія не замѣчалъ Карла и троихъ его спутниковъ. При входѣ въ залу слышали они одинъ смѣшанный шепотъ, въ которомъ не могли различить ни одного явственнаго слова. Вдругъ самый старшій изъ судей, повидимому, предсѣдатель, всталъ съ своего мѣста, и трижды ударилъ рукою по большой открытой книгѣ, предъ нимъ лежавшей. Въ то мгновеніе водворилась глубокая тишина. Растворились двери, противоположныя тѣмъ, въ которыя вошелъ Карлъ, и нѣсколько молодыхъ людей, въ богатой одеждѣ, вступили въ залу. Они шли, поднявъ голову и гордо озираясь. Руки ихъ связаны были назадъ; концы веревокъ несъ дюжій человѣкъ въ лосинномъ полукафтани. Плѣнникъ, шедшій впереди, какъ казалось, важнѣйшій изъ всѣхъ, остановился посреди залы передъ плахою, и посмотрѣлъ на нее съ выраженіемъ гордости и презрѣнія.

Въ это мгновеніе затрепеталъ трупъ, и изъ раны его полилась свѣтлая багровая кровь. Молодой человѣкъ сталъ на колѣни и протянулъ голову на плаху. Сѣкира сверкнула въ воздухъ и со стукомъ упала. Кровь ручьемъ пролилась до трона, и смѣшалась съ кровію трупа; отсѣченная голова покатила по полу до ногъ Карла, и обагрила ихъ кровію.

Дотолѣ онъ молчалъ въ изумленіи, но при этомъ грозномъ зрѣлищѣ, выступилъ впередъ, и обратясь къ человѣку въ мантии правителя, смѣло произнесъ: «Если ты отъ Бога, говори; если же не отъ Бога, оставь насъ въ мирѣ!»

Привидѣніе отвѣчало ему медленно, торжественнымъ голосомъ: «Король Карлъ! Эта кровь пролита будетъ не въ твое царствованіе; но (это произнесено было не такъ явственно) чрезъ пять царствованій. Горе, горе, горе крови Вазы!»

Въ это время многочисленныя лица собранія начали исчезать, и вскорѣ казались однѣми тѣнями; мало по малу онѣ исчезли совершенно, и свѣтъ, озарявшій залу, потухъ. Свѣчами, бывшими въ рукахъ Карла и его проводниковъ, освѣщались старые обои, легко колеблемые вѣтромъ. Нѣсколько времени слышался легкій шумъ, подобный то шелесту листьевъ, то звуку струны, лопающей при настроиваніи арфы. Все это произошло минутъ въ десять.

Черные обои, отсѣченная голова; струи крови, обагрявшія полъ, все исчезло съ привидѣніями; только на туфлѣ Карла осталось красное пятно, которое

одно могло бы напомнить ему происшествія этой ночи, если бъ они не врѣзались глубоко въ его памяти.

Возвратясь въ кабинетъ, Карлъ приказалъ составить описаніе всего видѣннаго имъ, велѣлъ своимъ спутникамъ подписать эту бумагу, и самъ скрѣпилъ ее своею подписью. Какъ ни старались скрыть существованіе этого акта, онъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ, даже еще при жизни Карла. Многія особы видѣли подлинникъ; у другихъ есть засвидѣтельствованныя копіи.

Теперь вспомните смерть Густава III, и судъ надъ Анкарстремомъ, его убійцею. Трупъ представлялъ Густава III, казненный человѣкъ Анкарстрема; отрокъ есть Густавъ IV, нынѣшній король, а старецъ—Герцогъ Зюдерманландскій, правитель королевства. — Они теперь находятся въ Петербургѣ. Не случится ли кому нибудь увидѣться съ особами ихъ свиты? Всякой Шведъ подтвердитъ вамъ истину этого преданія.»

ІХ.

Пасторъ умолкъ. Всѣ смотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ. На лицѣ Алимари появилась улыбка удовольствія. «Очень обязанъ вамъ, почтенный господинъ пасторъ,» сказалъ онъ: «за сообщеніе этого анекдота; я слыхалъ объ немъ въ разныя времена и

отъ многихъ особъ, но каждый разсказъ противорѣчилъ другому, противорѣчилъ и самому себѣ. Людямъ не довольно того непонятнаго, что въ самомъ дѣлѣ случается: они стараются изукрасить слышанное, и безсовѣстно искажаютъ. Впрочемъ господа Шведы богаты такими исторіями. Я знавалъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ Неаполѣ шведскаго посланника, человека прелюбезнаго, преумнаго и образованнаго: онъ разсказывалъ мнѣ также одно достойное любопытства событіе. Онъ былъ статсъ-секретаремъ при покойномъ Шведскомъ Королѣ Густавѣ III, и пользовался особенною его милостію. Однажды, послѣ обѣда, король призывалъ его къ себѣ, отдалъ ему какую-то важную дипломатическую бумагу, и приказалъ изготовить по ней исполненіе непременно къ докладу слѣдующаго утра. Графъ отправился домой, написалъ требуемое, заперъ обѣ бумаги въ ящикъ письменнаго стола, и поѣхалъ, на вечеръ, къ пріятелю. Возвратясь домой около полуночи, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ бумагъ къ завтрашнему докладу, но никакъ не могъ найти бумаги, полученной отъ короля, и написаннаго имъ отвѣта. Онъ помнилъ, что положилъ ихъ въ ящикъ, но ихъ ни тамъ и нигдѣ не было. Онъ разбудилъ жену свою, спрашивалъ всѣхъ домашнихъ; никто въ его отсутствіе не входилъ въ кабинетъ, а бумаги исчезли. Ночь прошла въ тщетныхъ поискахъ. При наступленіи утра, графъ, утомленный бдѣніемъ и досадою, бросился въ отчаяніи въ кресла, думая поѣхать къ

королю, объявить о несчастномъ случаѣ, и просить прощенія въ неумышленномъ проступкѣ. Къ нему подошелъ его управитель, помогавшій искать бумаги, человекъ добрый и честный. «Смѣю ли предложить вашему сіятельству средство къ отысканію бумаги, средство несомнѣнное?» сказалъ онъ съ робостью. «Какое?» спросилъ графъ съ нетерпѣніемъ. — «Извольте посоветоваться съ ворожеею. Я знаю такую женщину: она Чухонка, и чудесно ворожитъ на картахъ и на кофе.» Графъ, ожидавшій отвѣта поумнѣе этого, хотѣлъ было выразить свое негодованіе на глупое предложеніе управителя; но въ это самое время утренній лучъ проникъ сквозь занавѣсы, и освѣтилъ стѣнные часы; стрѣлка стояла на половинѣ четвертого: въ шесть часовъ надлежало явиться къ королю. Утопающій хватается и за соломину. «Что жъ?» подумалъ графъ: «хуже отъ этого не будетъ, бумага пропала, и чѣмъ чортъ не шутить! Можетъ быть, ворожея и выведетъ изъ бѣды.» Онъ объявилъ женѣ, что хочетъ, послѣ ночныхъ безпокойствъ, прогуляться на свѣжемъ воздухѣ, зашелъ къ управителю, надѣлъ его старый сюртукъ, поношенную шляпу и сѣроватый галстукъ, и отправился по данному ему адресу. Вошедъ въ комнату ворожеи, онъ назвался простымъ мастеровымъ, и просилъ ее объявить ему, гдѣ можно найти вещь, имъ затерянную. Старуха посмотрѣла на него съ усмѣшкою, и сказала: «Полно-те обманывать меня, ваше сіятельство! Вы Графъ****, и хотите знать, куда дѣвалась какая-то бумага: она завалилась

за ящикъ вашего стола; выдвиньте ящикъ, и найдете ее.» Графъ далъ ей червонецъ, возвратился домой, вынулъ ящикъ изъ стола, и обѣ искомыя бумаги упали къ его ногамъ. Можете вообразить себѣ, какъ онъ обрадовался! Къ назначенному времени явился онъ къ королю и поднесъ докладъ. Король былъ очень доволенъ его работою, но замѣтилъ, что графъ блѣденъ и кажется нездоровымъ, будто не спалъ ночь. Графъ признался ему во всемъ, и рассказалъ странное приключеніе. Густавъ III, человѣкъ воображенія пламеннаго и поэтическаго, захотѣлъ самъ видѣть эту ворожею, и условился съ графомъ посѣтить ее того же вечера. Въ назначенный часъ король и графъ одѣлись въ простое платье, и пошли къ Сибиллѣ. При вступленіи короля въ комнату, она вмигъ его узнала, и привѣтствовала съ должнымъ почтеніемъ. Напрасно онъ увѣрялъ ее, что она ошиблась. По желанію короля, она разложила на столѣ карты, и сказала ему, что онъ погибнетъ въ большомъ собраніи, и что виновникомъ его смерти будетъ первый человѣкъ, который встрѣтится съ нимъ сегодня вечеромъ въ красномъ плащѣ—тогдашняя мода. Густавъ щедро одарилъ ворожею, и съ любимцемъ своимъ отправился домой. Дорогою встрѣчалось имъ много людей, но не было краснаго плаща. Когда они уже приблизились ко дворцу, вышелъ изъ дверей нижняго яруса человѣкъ въ красномъ плащѣ. Король и графъ взглянули ему въ лице, и узнали любимца королевскаго, камергера Графа Л. Всѣмъ извѣстна была

его преданность и любовь къ государю: всѣ знали, что онъ, по малѣйшему мановенію короля, готовъ жертвовать для него жизнью; не менѣе того, Густавъ съ той минуты сталъ его убѣгать, началъ удалять его отъ себя, и, желая сдѣлать ему пребываніе у двора непріятнымъ, иногда поступалъ съ нимъ несправедливо. Это незаслуженное гоненіе тронуло и огорчило графа. Сначала старался онъ, усугубленіемъ своего усердія и ревности къ службѣ короля, возвратить его благоволеніе; но видя, что всѣ старанія его напрасны, присталъ къ оппозиціи и, почитая себя обиженнымъ, сдѣлался явнымъ противникомъ правительства. Извѣстно, что Густавъ III умерщвленъ былъ въ маскарадѣ: убійца его, Анкарстремъ, при допросахъ объявилъ, что къ исполненію этого гнуснаго замысла преимущественно побудило его жалобы и толки Графа 'Л....»

«Любопытно!» сказалъ пасторъ. «Странно!» прошепталъ Хвалынскій. — «Не совсѣмъ странно,» сказалъ Алимари: «ворожея могла наудачу назвать человека въ красномъ плащѣ; суевѣріе и боязнь короля сдѣлали остальное.» — «Все же остается нерѣшеннымъ, какъ эта ворожея могла предсказать другія обстоятельства,» возразилъ Вышатынъ. «То есть,» прибавилъ онъ съ улыбкою: «если правда то, что вамъ рассказывалъ графъ.» — «Не могу сомнѣваться въ истинѣ его словъ: онъ человекъ честный и правдивый. Нынѣ онъ живетъ въ Россіи; вы, можетъ быть, съ нимъ гдѣ нибудь сойдетесь; спросите у него

объ этомъ случаѣ, и онъ охотно повторить вамъ то, что вы отъ меня слышали.» — «Послѣ этого,» вскричалъ Хвалынскій: «не вѣрь ворожеямъ!» — «Вздоръ!» подхватилъ Вышатиный: «я ничему этому не вѣрю, и опять обращаюсь къ вамъ, почтеннѣйшій Петръ Антоновичъ! Скажите, не смѣшно ли вѣрить предсказателямъ? Какъ могутъ эти люди прозирать въ будущее, какъ могутъ они узнавать то, что еще не свершилось, что таится въ душѣ человѣка? — Да и не безразсудно ли узнавать будущее, которое сокрыто отъ насъ премудрымъ Провидѣніемъ — лишать себя надежды и очарованій, заранѣе приготовлять себя къ неотвратимымъ бѣдствіямъ?» — «Вотъ это другое дѣло!» отвѣчалъ Алимари: «не должно давать воли своему любопытству; должно въ безмолвіи и упованіи на благость Промысла, съ покорностью и терпѣніемъ, ожидать того, что намъ суждено — это такъ. Но отвергать то, что нѣкоторые люди имѣютъ способность, по чертамъ и выраженію вашего лица, по вашему голосу, даже по тону вашего вопроса, и еще по какимъ-то примѣтамъ, въ которыхъ, можетъ быть, они и сами отчета себѣ дать не могутъ — узнавать кто вы, что съ вами случилось, слѣдственно отчасти и то, что еще случиться можетъ — это возможно — это существуетъ. Это какой-то инстинктъ, какое-то чутье; — въ Шотландіи оно называется вторымъ зрѣніемъ.

«Позвольте мнѣ въ свидѣтельство этого, прочитатъ вамъ нѣсколько строкъ, продиктованныхъ одному

моему пріятелю знаменитымъ критикомъ Лагарпомъ. Онѣ, по случаю, находятся въ моей записной книжкѣ.»— Всѣ изъявили свое согласіе. Алимари вынулъ изъ записной своей книжки бумагу, и прочиталъ слѣдующее:

«Въ началѣ 1788 года, обѣдалъ я въ Парижѣ у одного умнаго, любезнаго вельможи, бывшаго въ то время членомъ Французской Академіи. Обѣдъ былъ сытный, вкусный, роскошный. Многочисленное общество состояло изъ вельможъ, дамъ, придворныхъ, академиковъ, литераторовъ, артистовъ. Всѣ были веселы и разговорчивы. За десертомъ отборныя вина еще увеличили шумную радость. Шанфоръ прочелъ, къ общему удовольствію, одну изъ своихъ вольныхъ и безбожныхъ сказокъ. И знатныя дамы слушали его, не закрываясь опахаломъ. Это подало поводъ къ безконечнымъ насмѣшкамъ надъ религіею: одинъ читалъ стихи изъ Волгеровой поэмы, другой приводилъ любимыя мѣста изъ Дидрота. Всѣ имъ рукоплескали. Третій, вставъ съ своего мѣста, и поднявъ полную рюмку, возгласилъ: «Господа! Я такъ же увѣренъ въ несуществованіи Бога, какъ въ томъ, что Гомеръ былъ дуракъ!»—Потомъ разговоръ сдѣлался серіознѣе. Собесѣдники стали разсуждать о преобразованіи, произведенномъ твореніями Вольтера, и согласились, что онъ заслужилъ этимъ безсмертную славу. Онъ образовалъ свой вѣкъ, онъ нашелъ читателей и въ гостинныхъ, и въ переднихъ. Одинъ изъ гостей, задыхаясь отъ смѣху, разсказалъ намъ, что парикма-

херъ его, пудря ему голову, объявилъ: «Изволите видѣть, сударь: я бѣдный ремесленникъ, но такой же безбожникъ, какъ и всѣ умные и благородные люди.» — Всѣ заключили, что революція непременно послѣдуетъ, что суевѣріе и фанатизмъ должны уступить мѣсто философіи; рассчитывали, скоро ли это должно случиться, и кто изъ собесѣдниковъ увидитъ владычество разума. Старпки жаловались, что они не доживутъ до вождельннаго времени; молодые восхищались, что для нихъ наступятъ дни блаженства; всѣ превозносили академію за то, что она приготовила великое дѣло, что была средоточіемъ, главнымъ орудіемъ свободы мыслей. — Одинъ изъ гостей не принималъ участія въ общемъ восторгѣ, и даже подшучивалъ надъ собесѣдниками — то былъ Казоттъ, человекъ любезный и умный, но, къ сожалѣнію, зараженный мечтаніями иллюминатовъ. Наконецъ обратился онъ къ собранію, и сказалъ нешуточнымъ тономъ: «Радуйтесь, господа! Вы увидите эту великую и знаменитую революцію, которой дождаться не можете. Вы знаете, что я имѣю даръ предсказанія. Повѣрьте мнѣ, вы ее увидите.» — Ему отвѣчали, что на это не надо большой мудрости. — «Согласенъ,» отвѣчалъ онъ: «но выслушайте меня до конца. Знаете ли что будетъ во время этой революціи, что будетъ со всѣми вами? какія неизбѣжныя послѣдствія произойдутъ отъ ней?» — «Скажите, скажите!» вскричалъ Кондорсетъ, съ хохотомъ угрюмымъ и безсмысленнымъ: «Философъ охотно столкнется съ пророкомъ.» — «Вы,

г. Кондорсетъ, умрете на полу темницы; вы умрете отъ яда, который примете сами, чтобъ избѣгнуть рукъ палача; отъ яда, который, въ то счастливое время, всегда будете носить съ собою.» — Всѣ изумились сначала, но вспомнивъ потомъ, что добрый Казоттъ иногда бредить наяву, захохотали громче прежняго. — «Г. Казоттъ!» сказалъ Кондорсетъ: «эта сказка не такъ забавна, какъ вашъ Влюбленный Чортъ! Но кой-чортъ всадишь вамъ въ голову темницу, ядъ и палачей! Что тутъ общаго съ философіею и царствомъ разсудка?» — «Именно такъ! Вамъ прійдется такъ умереть именемъ философіи, человечества и свободы, во время владычества разума. Тогда разумъ будетъ имѣть свои храмы, и другихъ храмовъ во Франціи не будетъ.» — «Бьюсь объ закладъ,» сказалъ Шанфоръ съ своею язвительною усмѣшкою: «что вы не будете жрецомъ въ этихъ храмахъ!» — «Надѣюсь. Но вы, г. Шанфоръ, вы будете достойнымъ жрецомъ этого божества: вы нанесете себѣ двадцать двѣ раны бритвою по жиламъ, и умрете чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того.» — Всѣ посмотрѣли другъ на друга, и засмѣялись пуще прежняго. — «Вы, г. Викъ-д'Азиръ, не сами отворите себѣ жилы, но велите пустить себѣ кровь шесть разъ въ день въ припадкѣ подагры, и умрете въ слѣдующую ночь. Вы, г. Николай, погибнете на эшафотѣ; вы, г. Бальи, на эшафотѣ; вы, г. Мальзербъ, на эшафотѣ.» — «Ну, слава Богу!» воскликнулъ г. Руше: «кажется, что г. Казоттъ хочетъ только извести ака-

демію, а насъ помилуетъ.» — «И вы погибнете на эшафотѣ.» — «Онъ побился объ закладъ,» воскликнули со всѣхъ сторонъ: «онъ поклялся погубить всѣхъ насъ.» — «Нѣтъ! Поклялся не я.» — «Такъ насъ покорятъ Турки или Татары?» — «Нѣтъ! Я ужъ сказалъ вамъ: тогда вы будете управляемы однимъ разумомъ, одною философіею. Такъ злодѣйски поступать съ вами философы: палачи ваши будутъ твердить то самое, что вы твердите теперь; будутъ повторять ваши правила; будутъ приводить мѣста изъ Вольтера.» — «Развѣ вы не видите, что онъ съ ума спятилъ?» говорили гости другъ другу на ухо. — «Нѣтъ! онъ шутитъ, а вы знаете, что онъ любитъ приправлять свои шутки чудеснымъ.» — «Да,» сказалъ Шанфоръ: «только это чудесное отнюдь не забавно.» — «А когда все это случится?» — «Прежде истеченія шести лѣтъ.»

«Довольно чудесъ,» сказалъ Лагарпъ: «а что вы ничего не скажете обо мнѣ?» — «Съ вами сбудется чудо необычайное: вы тогда сдѣлаетесь христіаниномъ.»

Всѣ захохотали. — «Ахъ!» сказалъ наконецъ Шанфоръ: «теперь я спокоенъ: если намъ суждено погибнуть не прежде того времени, какъ Лагарпъ сдѣлается христіаниномъ, — мы безсмертны.»

«Какъ же счастливы мы, женщины,» примолвила Герцогиня де-Граммонъ: «что не принимаемъ участія въ революціяхъ. Правда, мы иногда и вмѣшиваемся въ политику, но отвѣчаютъ другіе.» — «Вашъ полъ,

сударыня, на этотъ разъ вамъ не защита, и хотя бѣ вы ни во что не вмѣшивались, съ вами будутъ поступать точно такъ, какъ съ мужчинами, безъ всякаго различія.» — «Да что вы это намъ толкуете, г. Казоттъ, преставленіе свѣта, что-ли?» — «Не знаю. Знаю только то, что васъ, герцогиня, повезутъ на казнь, также какъ и многихъ другихъ дамъ, на телѣгѣ, связавъ руки назадъ.» — «Ахъ! я надѣюсь, что въ этомъ случаѣ будетъ у меня, по крайней мѣрѣ, карета, обитая чернымъ сукномъ.» — «Нѣтъ, сударыня! Дамы и познатнѣе васъ поѣдутъ, какъ вы, на телѣгѣ, со связанными руками.» — «Знатнѣе меня? Кто же это? Принцессы крови?» — «Еще знатнѣе!» — При этихъ словахъ гости вздрогнули, и хозяинъ поморщился. Всѣ находили, что шутка выходитъ изъ предѣловъ. Госпожа де-Граммонъ, желая разогнать тучу, перестала спрашивать объясненія, и сказала самымъ легкимъ тономъ: «Вы увидите, что онъ не дастъ мнѣ и духовника.» — «Нѣтъ, сударыня! Ни у васъ, ни у кого не будетъ духовника. Послѣдній изъ казненныхъ, которому, по милости, дадутъ духовника, будетъ....»

Онъ остановился на минутѣ. «Ну, кто жъ счастливецъ, которому дадутъ это преимущество?» — «Одно это ему и останется. Счастливецъ этотъ — Король Французскій.»

Хозяинъ дома поспѣшно всталъ съ своего мѣста а за нимъ и прочіе. Онъ подошелъ къ г. Казотту, и сказалъ ему съ безпокойствомъ: «Любезный Казоттъ!

прекратите эту страшную шутку. Вы выходите изъ границъ, и можете надѣлать непріятностей всѣмъ намъ.» — Казоттъ не сказалъ ни слова, и готовился уйти; но госпожа де-Граммонъ, старавшаяся обратить весь этотъ разговоръ въ шутку, подошла къ нему и сказала: «Господинъ пророкъ! Вы предсказали всѣмъ намъ судьбу нашу. Что же вы ничего не говорите о самомъ себѣ?» — Онъ потушилъ глаза и, помолчавъ нѣсколько времени, спросилъ: «Читали ль вы, сударыня, Іосифово описаніе осады Іерусалима?» — «Какъ не читать!» отвѣчала она: «но положимъ, что не читала.» — «Во время этой осады одинъ человѣкъ семь сутокъ ходилъ по городской стѣнѣ, въ виду осаждающихъ и осажденныхъ, и непрерывно восклицалъ громкимъ и плачевнымъ голосомъ: Горе Іерусалиму! Въ седьмыя сутки онъ воскликнулъ: Горе Іерусалиму, горе и мнѣ! Въ это самое мгновеніе огромный камень, брошенный изъ стана непріятельскаго, поразилъ и разможжилъ его.»

Послѣ этого отвѣта Казоттъ поклонился и вышелъ.»

Прочитавъ бумагу, Алимари сложилъ ее, и, спрятавъ въ карманъ, сказалъ: «Все, предсказанное Казоттомъ, къ несчастію, сбылось въ точности.»

«А кто былъ этотъ Казоттъ?» спросилъ Вышатинъ. «Я читалъ нѣкоторыя его сочиненія, но о немъ самомъ не слыхалъ.»

«Онъ былъ человѣкъ умный, образованный, но при томъ слишкомъ предавался влеченію своего воображенія.»

«Такъ удивительно ли, что онъ могъ предвидѣть нѣкоторыя событія, случившіяся потомъ въ самомъ дѣлѣ? Впрочемъ можетъ быть, и г. Лагарпъ, составляя описаніе *послѣ* происшествій, разукрасилъ истину въ пользу и удовольствіе читателей. Но мы говорили съ вами о нашихъ обыкновенныхъ колдуньяхъ. Вспомните о томъ, что всѣ ворожеи, кофейницы и тому подобныя чародѣйки обыкновенно суть женщины, женщины простыя, грубыя, необразованныя — какъ же вы хотите, чтобъ онѣ могли располагать этою внутреннею силою, употреблять ее, къ изумленію людей умныхъ и просвѣщенныхъ?» — «Именно по тому онѣ и располагаютъ этою силою,» отвѣчалъ Алимари. «Способность эта есть не искусственная, не пріобрѣтенная, а, какъ я уже сказалъ, какое-то врожденное чувство, чутье. Вы согласитесь, что воображеніе у женщины живѣе и пламеннѣе, нежели у мужчины; что образованіе и общезительность обогащаютъ умъ нашъ познаніями и опытами на счетъ и ко вреду нашихъ природныхъ способностей. Можемъ ли, напримѣръ, мы, Европейцы, бѣгать такъ быстро, какъ дикіе Американцы? За то мы танцуемъ балеты. Такъ точно Державинъ пишетъ вдохновенные стихи, а насупротивъ его дома, на грязномъ чердакѣ, безобразная Чухонка или Жидовка — предсказываетъ людямъ судьбу ихъ: вотъ двѣ поэзіи — двѣ натуры человѣка! Жаль, что нынѣшнія пиѳіи наши большею частію твари корыстолюбивыя, безнравственныя — а любопытно было бы изслѣдовать въ нихъ эту спо-

собность. Если кто хочет истинно позабавиться и подивиться, тому совѣтую спросить у такой ворожеи о прошедшихъ случаяхъ своей жизни — онъ изумится.

«И послѣ этого вы еще объявите намъ, что вѣрите астрологамъ?» спросилъ насмѣшливо Вышатинъ. — «Не астрологамъ, а астрологіи,» отвѣчалъ Алимари серьезно: «Согласитесь, что Земной Шаръ получаетъ жизнь свою, жизнь всего растущаго, живущаго, чувствующаго на немъ — отъ солнца; что разстояніе Земли отъ солнца, уголъ паденія на нее лучей его, свойство отраженія этихъ лучей — все это дѣйствуетъ на Землю; что луна подвержена вліянію Земли, и въ то же время сама дѣйствуетъ на нее, хотя и слабѣе, какъ грудной младенецъ дѣйствуетъ на свою мать; что солнце подвержено вліянію на него другихъ солнцевъ, другихъ солнечныхъ системъ; слѣдственно и Земля подчинена вліянію звѣздъ неподвижныхъ, кометъ и планетъ, какъ человѣкъ подчиненъ вліянію людей, его окружающихъ. Слѣдственно есть такая наука, которая показываетъ дѣйствіе свѣтилъ небесныхъ на нашу песчинку; но мы, по ограниченности средствъ своихъ, по кратковременности наблюденій, сдѣланныхъ нами, не знаемъ еще и азбуки ея. Думаю, что въ древнія, такъ сказать, дѣвственные времена міра, когда человѣкъ уподоблялся распускающемуся на зарѣ утренней цвѣтку, упивающемуся небесною росой, людямъ не чуждо было сознаніе силъ великихъ тайнствъ природы, но оно исчезло. Изъ сохранившихся въ свѣтѣ немногихъ преданій,

лжеумудрецы и обманщики составили безобразную систему, преисполненную мудрованій, то есть, глупостей человѣческихъ, и эта система называется астрологіею. По моему мнѣнію, есть только три источника познаній нашихъ: откровеніе Божіе, изученіе природы и познаніе нашего сердца. Все, что не основано на одномъ изъ этихъ началъ, есть мечта и обманъ!» — «Воля ваша!» сказалъ Вышатиный: «а я вѣрю только своимъ глазамъ и истинамъ математическимъ. Вижу, что огонь пылаетъ въ этомъ каминѣ, и говорю: это огонь. Вижу, что тутъ лежатъ четыре полѣна, и знаю, что ихъ не три и не пять. Вотъ и все!» — «Немногимъ же вы довольствуетесь,» отвѣчалъ съ улыбкою Алимари. «Въ Павіи былъ у меня товарищъ, молодой, любезный и образованный человѣкъ, но такъ же, какъ вы, математикъ, и хотѣлъ вѣрить только тому, что видитъ. Тщетно старились мы убѣдить его умственными доводами, что есть въ мірѣ нѣчто очевидное видимаго, истиннѣе истинъ математическихъ. У него умерла любимая сестра, и эта потеря, ужасная, неожиданная, повергла его въ отчаяніе. Мы старались успокоить его доводами разсудка, боясь коснуться струнъ, въ существованіе которыхъ онъ не хотѣлъ вѣрить. «Нѣтъ!» вскричалъ онъ: «все это пустыя бредни слабаго ума! Сердце мое говоритъ, что есть Богъ и безсмертіе души; есть святыя истины, недосыгаемыя уму, и только въ сердцѣ нашемъ находящія отголосокъ. Не прахъ и тлѣніе, оживленные какимъ-то механическимъ движеніемъ, составляли мою

Карлотту — нѣтъ — это былъ духъ небесный, скованный плотію, и теперь разрѣшившійся отъ бранныхъ узъ своихъ. Карлотта! ты жива, и я тебя увижу?» — Не желаю вамъ, почтенный другъ, подобнаго испытанія, — но увѣренъ, что вы не долго будете упорствовать за истины математическія.» —

«Да къ чему поведетъ все это?» спросилъ Вышинъ: «къ глупому суевѣрію!»

«Кстати о суевѣріи!» сказалъ Алимари, вынимая изъ записной книжки своей еще одну бумажку: «я выписалъ изъ одной французской книги нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ. Позвольте прочесть вамъ ихъ, и потомъ скажите мнѣ ваше мнѣніе.

«Мы смотримъ въ свѣтъ на суевѣріе только съ смѣшной его стороны; но оно пустило глубокіе корни въ сердце человѣческое, и та философія, которая не принимаетъ его въ соображеніе, заслуживаетъ наименование поверхностной и дерзновенной. Природа создала человѣка не отдѣльнымъ существомъ, осужденнымъ единственно на воздѣланіе и населеніе земли, и имѣющимъ съ подобными себѣ только тѣ сношенія неизмѣнныя и бездушныя, которыя раждаются одною необходимостью. Есть важныя соотношенія и взаимныя дѣйствія между всѣми существами нравственными и физическими. Нѣтъ человѣка, который, блуждая взорами по безпредѣльному горизонту, или прогуливаясь по берегу моря, омываемому пѣнистыми волнами, или же поднимая глаза на твердь небесную, усыпанную звѣздами, не чувствовалъ бы волненія, которое

описать или опредѣлить невозможно. Кажется, будто нѣкіе голоса сходятъ съ высоты небесъ, низвергаются съ вершины утесовъ, шепчуть въ шумъ водопадѡвъ и въ шелестъ лѣсовъ, исходятъ изъ глубины пропастей. Есть нѣчто пророчественное въ тяжеломъ полетѣ ворона, въ уныломъ воплѣ птицъ ночныхъ, въ отдаленномъ рыканіи дикихъ звѣрей. Все, что не образовано искусствомъ, все то, что не подвержено прихотливому владычеству человѣка, отвѣчаетъ его сердцу. Безмолвны только тѣ вещи, которыя онъ устроилъ для своего употребленія. Но эти самыя вещи пріобрѣтають таинственную жизнь, когда время истребить ихъ полезность. Разрушеніе, касаясь ихъ могучимъ перстомъ своимъ, возстановляетъ соотношеніе ихъ съ природою. Новыя зданія безмолвствуютъ; развалины краснорѣчивы. Весь міръ говоритъ человѣку языкомъ невыразимымъ, раздающимся въ глубинѣ его сердца, въ части его существа, неизвѣстной ему самому, и равномерно дѣйствующей и мыслию, и чувствомъ. Не должно ли заключить, что это стремленіе видимой природы въ нѣдра человѣчества имѣетъ значеніе таинственное? Неужели сей внутренній трепеть, въ которомъ проявляется скрытое отъ насъ въ жизни обыкновенной и вседневной, не имѣетъ ни причины, ни цѣли! Одинъ разумъ этого конечно объяснить не можетъ. При свѣтѣ разума это непостижимое существо исчезаетъ. Но поэтому оно и есть достояніе поэзіи. Разцвѣченное воображеніемъ, оно находитъ во всѣхъ сердцахъ струны, ему соотвѣтствующія.

Гаданіе судьбы по звѣздамъ, предсказанія, сновидѣнія, предчувствія, эти мрачныя тѣни будущаго, витающія вокругъ насъ — извѣстны всѣмъ странамъ, всѣмъ вѣкамъ, всѣмъ вѣрованіямъ. Кто изъ людей, предпринимающая что либо великое, не прислушивается къ тому, что онъ почитаетъ гласомъ судьбы! Всякъ, въ святынищѣ мысли своей, толкуетъ сей голосъ, какъ умѣетъ и какъ можетъ; но всякъ молчитъ объ этомъ въ бесѣдѣ съ другимъ, ибо нѣтъ словъ для выраженія другому того, что существуетъ только для одного человѣка.»

«Прекрасно!» сказалъ Вышатинъ: «но откуда это выписано? Это составилъ какой нибудь престарѣлый мечтатель, какой нибудь авторъ мелодрамы!»

«Ошибаетесь!» отвѣчалъ Алимари: «это выписалъ я изъ диссертациі одного молодаго Швейцарца, обучавшагося лѣтъ за десять предъ симъ въ Брауншвейгскомъ Коллегіумѣ. Этотъ молодой человѣкъ послѣ того сдѣлался извѣстнымъ сочиненіями своими въ другомъ родѣ, и если вы о немъ не слыхали, то конечно услышите.»

— «Имя его?»

«Бенжамень—Констанъ де Ребеккъ!»

Х.

«Бенжамень—Констанъ!» воскликнулъ Вышатинъ: «я недавно читалъ книжку, написанную имъ о нынѣш-

ней политикъ. Видно, что человекъ умный. И онъ можетъ имѣть такія понятія о суевѣріи! Впрочемъ, я придерживаюсь правилъ совершенной свободы мыслей: пусть другіе вѣрятъ чему хотятъ; только бы меня оставили въ покоѣ. Между тѣмъ, прошу васъ, господа, не почитать меня вольнодумцемъ: сохрани Боже! Есть у меня роденька; ты знаешь его, Хвалыинскій?» — «Какъ не знать!» — «Вотъ дѣтина! Что вашъ Вольтеръ! Какъ начнетъ разбирать Библію или Четь-Минеи, такъ и у меня волосъ дыбомъ становится. Я нѣсколько разъ пытался его образумить, или, по крайней мѣрѣ, усовѣститъ, чтобъ онъ не сбивалъ съ толку молодежи! Куда! Вотъ этого ужъ никто въ мірѣ не убѣдитъ.» — «А можетъ быть, и очень вѣроятно, что онъ убѣдится самъ,» сказалъ Алимари: «и со временемъ сдѣлается....» — «Истиннымъ христіаниномъ? Никогда!» воскликнулъ Вышатиный. — «Нѣтъ! не христіаниномъ,» возразилъ Алимари: «а фанатикомъ, изувѣромъ, инквизиторомъ, изступленнымъ гонителемъ всѣхъ иначе мыслящихъ. Помяните мое слово. Я знавалъ многихъ ревностныхъ членовъ инквизиціи въ Италіи и въ Испаніи, и старался получить свѣдѣнія о прежнихъ ихъ свойствахъ и образѣ мыслей: въ молодости своей они почти всѣ были вольнодумцами и безбожниками. Вы, конечно, слышали объ извергѣ Лебонѣ, этомъ чудовищѣ изъ чудовищъ французской революціи, превзошедшемъ своими неистовствами и холодными злодѣяніями и Робеспьера, и Фуки-Тенвиля? — Я знавалъ его въ

молодости: онъ учился въ семинаріи оратористовъ, и отличался изступленною приверженностью къ католицизму.» — «Вы знали Лебона?» спорилъ Вышатинъ съ недоумѣніемъ. — «Зналъ,» отвѣчалъ Алимари: «на пути изъ Англіи во Францію, въ осьмидесятыхъ годахъ, остановился я въ Аррасѣ, по болѣзни, и выздоравливая, познакомился съ нѣкоторыми профессорами тамошней семинаріи. Они указали мнѣ Лебона, какъ необыкновеннаго человѣка, общающаго много для наукъ и католицизма. Въ прошломъ году, также по странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ случилось быть въ Парижѣ, и видѣть его совершенно въ иномъ положеніи.» — «Вы были въ Парижѣ? и недавно?» воскликнули всѣ въ одинъ голосъ. — «Былъ!» — «Ну что, какъ вы думаете, чѣмъ кончатся всѣ эти волненія во Франціи?» спросилъ Вышатинъ: «возстановится ли тронъ Бурбоновъ, или удержится республика?» — «Это рѣшить трудно!» отвѣчалъ Алимари: «притомъ же я прожилъ въ Парижѣ не болѣе четырехъ дней. Расскажу вамъ только что я видѣлъ. Я жилъ въ улицѣ, неподалеку отъ Гревской Площади. Однажды утромъ, это было 13-го вандеміера, ровно за годъ предъ симъ, сидѣлъ я за газетами въ моей комнатѣ. Вдругъ необыкновенный шумъ на улицѣ заставилъ меня подойти къ окошку. Вижу большое стеченіе народа, пикеты національной гвардіи; чего-то ждутъ; взоры всѣхъ обращаются въ одинъ конецъ улицы; возстаетъ шопоть, возвѣщающій о приближеніи ожидаемаго, и вотъ появляется везомая тощими лошадьми

телѣжка: на ней сидятъ приговоренные къ смерти — человекъ пять. При появленіи ихъ, раздались громкія, радостныя восклицанія народа. «Вотъ онъ!» кричатъ со всѣхъ сторонъ: «вотъ кровопійца, тигръ, дьяволъ! вотъ Лебонъ! Смерть извергу!» Всматриваюсь въ преступниковъ, и въ одномъ изъ нихъ узнаю Лебона, видѣннаго мною лѣтъ за тринадцать предъ тѣмъ въ аррасской семинаріи. Онъ тогда былъ блѣденъ отъ постовъ и напряженія умственныхъ силъ; нынѣ же на синеватомъ, красными пятнами покрытомъ лицѣ его, изображались адскія муки отчаянія. Телѣжка проѣхала мимо окна, но я не могъ забыть ужаснаго зрѣлища. Страшные помыслы волновались въ умѣ моемъ. Вдругъ слышу пушечные выстрѣлы. Это что? Вбѣгаетъ привратница и объявляетъ мнѣ, что жители многихъ частей города (*les sections*) взялись за оружіе, и пошли противъ національнаго конвента, что жестокое сраженіе происходитъ близъ Пале-Рояля. Я одѣлся наскоро, и пошелъ на позорище битвы. Главное дѣло уже кончилось. Важнѣйшій постъ гражданъ, у Церкви Св. Рока, былъ сбить. На паперти стоялъ командовавшій войсками конвента, генераль съ своимъ штабомъ. Я протѣснился до самыхъ ступеней, взглянулъ на этого генерала, и какой-то неизвѣстный мнѣ трепеть пробѣжалъ по всему моему тѣлу — такой физиономіи не случалось мнѣ видѣть отъ роду. Не трудно мнѣ было узнать въ немъ земляка, Италіянца, и еще уроженца того острова, съ котораго Римляне не хотѣли брать рабовъ въ службу свою. Невысокаго ро-

ста, довольно нескладный, худощавый, блѣдный молодой человекъ, скрестивъ руки, стоялъ на паперти, въ красномъ генеральскомъ мундирѣ, съ висящими по вискамъ длинными волосами; небольшая шляпа надвинута была на глаза, какихъ я не видывалъ и, вѣроятно, не увижу. Одни глаза эти показывали внутреннее волненіе; они одни начальствовали, одни управляли всѣми движеніями; они наводили непостижимое очарованіе на всякаго, кто попадалъ въ ихъ волшебный кругъ. Я не могъ свести съ него взоровъ. Какое во всемъ спокойствіе! Какая увѣренность! И если бъ не выраженіе глазъ, эта фигура казалась бы неподвижнымъ памятникомъ вѣковъ минувшихъ. Къ нему безпрерывно подѣзжали и прибѣгали за приказаніями; онъ отвѣчалъ отрывисто, но опредѣлительно. Всѣ обращались къ нему съ выраженіемъ глубокаго почтенія; народъ, буйный народъ парижскій, стоялъ въ безмолвіи. Вдругъ раздались голоса: «Посторонитесь! дайте мѣсто представителю народа!» Толпа разступилась, и на паперть вошелъ человекъ въ трехцвѣтномъ шарфѣ. Онъ приблизился къ генералу, и хотѣлъ ему что-то сказать, но этотъ посмотрѣлъ на него съ выраженіемъ презрѣнія, обратился къ своему адъютанту съ словами: «еще пушку на уголъ Сень-Никеза!» потомъ вскричалъ: «лошадь!» вспрыгнулъ на нее, и съ словами: «за мною!» умчался по улицѣ Сенть-Оноре. Всѣ послѣдовали за нимъ взорами; въ толпѣ раздавались шопотомъ восклицанія, которыми Французы изъясляютъ свое изумленіе и удовольствіе.

«Этотъ, или никто,» — подумалъ я: «этотъ, или никто, будетъ властителемъ Франціи, если только какая нибудь пуля не остановитъ его на пути.» — «Какъ!» воскликнулъ Вышатынъ: «королемъ французскимъ! Да это дѣло невозможное. Всѣ клялись....» — «Королемъ, диктаторомъ, императоромъ — все равно, только верховнымъ и неограниченнымъ властелиномъ. Присяга французской толпы ничего не значитъ: сегодня присягнуть Петру, а завтра Ивану. Предчувствіе мое сбывается. Кампанія нынѣшняго лѣта доставила безсмертіе моему кандидату. Монтенотте, Лоди, Арколе....»

— «Такъ этотъ генераль....» — прервалъ его Вышатынъ.

«Наполеонъ Бонапарте,» — отвѣчалъ Алимари.

Разговоръ обратился съ мечтательныхъ предметовъ на существенные, съ привидѣній на полководцевъ, съ грѣзъ на политику. Кемскій въ этой бесѣдѣ не принималъ участія ни словомъ, ни мыслію. Онъ носился въ обыкновенной своей области мечтаній и воздушныхъ видѣній. Наконецъ онъ нашелъ человѣка, и человѣка образованнаго, который не отвергалъ возможности сношеній души человѣческой съ міромъ, ей сроднымъ, съ міромъ духовнымъ. Онъ смотрѣлъ съ уваженіемъ и любовью на прекраснаго, умнаго, глубокомысленнаго, чувствительнаго старца, въ которомъ представлялся ему идеаль мудреца — не изступленнаго Фауста, упорно силящагося расторгнуть предѣлы человѣческихъ способностей, но тихаго

изыскателя вѣчныхъ истинъ, преисполненнаго вѣры и благоговѣнія къ неисповѣдимому Промыслу.

Подали ужинъ, не затѣйный, сельскій, приправленный отборными винами, которыя сибаритъ Вышатинъ успѣлъ выписать изъ Петербурга. Кемскій не ужиналъ, а смотрѣлъ на другихъ. Вышатинъ и Хвалынскій ѣли, какъ молодые здоровяки; пасторъ съ выраженіемъ истиннаго удовольствія пилъ вкусное вино; художникъ ѣлъ и пилъ много, но безъ разбору, и послѣ бургонскаго потребовалъ квасу со ржанымъ хлѣбомъ. Алимари съѣлъ ломтикъ бѣлаго хлѣба, и выпилъ рюмку краснаго вина. Вышатинъ поднялъ бутылку шампанскаго, и хотѣлъ напѣнить его бокаль. — «Опять хотите принуждать меня!» сказалъ, улыбаясь, Алимари: «и я опять принужденъ буду отнѣкиваться неучтиво. Въ мои лѣта всякое излишество отнимаетъ часть жизни, а мнѣ хотѣлось бы пожить еще нѣсколько лѣтъ — по крайней мѣрѣ, чтобъ увидѣть, сбудется ли предсказаніе мое о молодомъ французскомъ генералѣ.»

Послѣ ужина всѣ раскланялись. Пасторъ, Алимари и художникъ отправились къ себѣ, а молодые друзья расположились ночевать въ одной комнатѣ.

Кемскій долго не могъ уснуть. Взошла полная луна, и томнымъ лучемъ своимъ освѣтила комнату съ пѣтическимъ ея безпорядкомъ. Желтѣющіе листья липъ и березъ, подъ окнами дома, казались позолоченными; изрѣдка пролеталъ въ вѣтвяхъ осенній вѣтерокъ, и унылый шумъ ихъ проникалъ въ ком-

нату. Но это были картины только существеннаго міра: ни какой призракъ не потревожилъ нашего юнаго мечтателя наяву, и вскорѣ перенесся онъ въ собственный міръ фантазій.

XI.

Яркій лучъ утренняго солнца разбудилъ Кемскаго. Друзья его еще спали глубокимъ сномъ. Онъ всталъ по-тихоньку, одѣлся, взялъ шляпу и вышелъ изъ дому. Самъ не зная куда, побрелъ онъ по двору по-намаря, повернулъ направо къ красивому домику, въ которомъ ставни были еще заперты, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, и вдругъ очутился посреди самой очаровательной картины, на вершинѣ горы, склоняющейся легкою отлогостью къ живописному озеру, окруженному сизыми горами. Разноцвѣтныя деревья, въ самыхъ прелестныхъ отливахъ, отъ темно-зеленой сосны до позлащенной осенью березы, смотрѣлись въ тихой водѣ, поднимаясь уступами на отлогостяхъ; въ другихъ мѣстахъ берегъ былъ крутой и обрывистый. Надъ горами и деревьями стоялъ прозрачный туманъ; надъ туманомъ сіяло солнце. Никто не прерывалъ глубокаго молчанія. Кемскому казалось, что онъ стоитъ надъ однимъ изъ озеръ дикой Канады. Онъ началъ спускаться внизъ, по дорожкѣ, проложенной къ озеру. На каждомъ шагу виды перемѣня-

лись. Когда онъ былъ на половинѣ горы, раздалась на ея вершинѣ унылые звуки флейты. Трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ. Послѣ быстрой прелюдіи, послышалась какая-то прелестная мелодія, дышавшая сладостью и нѣжностью странъ южныхъ, не искусственная, имѣвшая характеръ народной пѣсни, унылой и выразительной. Жалобные тоны, сначала звонкіе, стали мало по малу утихать, и замолкли въ пустынѣ; чудилось, что тихій воздухъ легкимъ навѣваніемъ отвѣтствуетъ умирающимъ звукамъ — и совершенная тишина, попрежнему, водворилась надъ озеромъ. Кемскій долго еще стоялъ на одномъ мѣстѣ, и прислушивался, не будетъ ли продолженія. Нѣтъ! Все было тихо. Онъ медленно пошелъ далѣе, и приблизился къ краю пустыннаго озера, гладкаго, какъ поверхность чистаго зеркала. Вправо отъ дороги, на выдавшемся въ воду утесѣ, увидѣлъ онъ сидящаго человѣка, и вскорѣ узналъ въ немъ вчерашняго артиста. Кемскій подошелъ къ нему, и увидѣлъ, что онъ снимаетъ на бумагу видъ озера, посматриваетъ на прелестный ландшафтъ холодно и безпечно, а на работу свою съ примѣтнымъ удовольствіемъ, которое иногда превращалось въ порывистые восторги, выражаемые громкими восклицаніями. Вчера былъ онъ тихъ, скромнъ, молчаливъ, при каждомъ словѣ запинался, ни разу не забывалъ примолвить къ отвѣтамъ: ваше сіятельство, а нынѣ сдѣлался бодръ, смѣлъ и, завидѣвъ князя, вскричалъ съ радостью: «Вотъ умно, что вы встали поранѣе, и догадались

выйти на озеро! Вся Петербургская Губернія не стоит этого укромнаго мѣстечка! Что за переливы цвѣтовъ! Какія группы деревъ!» — «А это прекрасное мѣсто конечно не стоитъ вашей картины?» спросилъ Кемскій, ожидая, что художникъ не приметъ этой хвалы, и скромно отдастъ преимущество природѣ. Не тутъ-то было. «Разумѣется!» вскричалъ онъ: «ну, что здѣсь важнаго! Нѣсколько сотъ бочекъ стоячей воды, земля, грязь и каменья; кое-гдѣ сосны, ели и березы — все это, правда, освѣщено, но не вездѣ какъ должно. А картина — это дѣло другое. Въ натурѣ случайное сліяніе предметовъ, — на картинѣ обдуманное, разсмотрѣнное со всѣхъ сторонъ, отдѣланное въ малѣйшихъ подробностяхъ цѣлое!» Засимъ полился еще длинный рядъ сравненій искусства съ природою, ко вреду послѣдней. Кемскій, видя, что художникъ упрямо стоитъ въ своемъ мнѣніи, и никакъ не хочетъ переменить его, пересталъ спорить. Между тѣмъ солнце поднялось выше, туманъ надъ водою исчезъ, и всѣ предметы озарились яркимъ дневнымъ свѣтомъ. «Вотъ видите, сударь, что значитъ ваша природа!» сказалъ Бериловъ: «куда дѣвалась прекрасная картина осенняго утра? Пропала, можетъ быть, надолго. Чего добраго, завтра набѣгутъ тучи, пойдетъ дождь, а тамъ, не успѣешь оглянуться, и зима; — озеро это превратится въ гладкую степь — между тѣмъ, какъ моя картина...» — Онъ посмотрѣлъ на свой эскизъ съ родительскимъ чувствомъ, почти сквозь слезы. Вдругъ задумался,

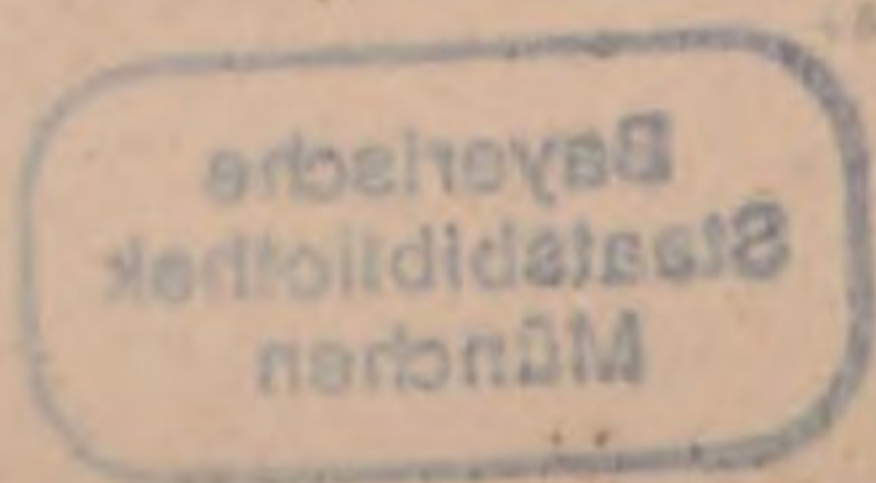
бросилъ взглядъ на озеро, потомъ на бумагу, взялъ карандашъ и началъ поправлять. Кемскій долго стоялъ и смотрѣлъ на работу, но живописецъ не видалъ и не слыхалъ его, работалъ присвистывая. Чрезъ нѣсколько времени опустилъ онъ лѣвую руку въ карманъ широкаго сюртука, вытащилъ ломоть черстваго хлѣба, началъ грызть его, не прерывая работы, и только по временамъ сдувая хлѣбныя крошки, сыпавшіяся на бумагу. Самъ онъ могъ бы служить прекраснымъ образцемъ для живописца: въ глазахъ блистало вдохновеніе, на устахъ изображалась улыбка; иногда являлось на нихъ выраженіе боязни и недоумѣнія — но и эта тѣнь исчезала предъ лучемъ, излетающимъ изъ глазъ. Нашъ мечтатель глядѣлъ на него съ участіемъ и удовольствіемъ: лице артиста казалось ему знакомымъ; онъ гдѣ-то видалъ эти глаза, этотъ ротъ — но давно, очень давно. Наконецъ живописецъ произнесъ громко: «довольно!» посмотрѣлъ еще разъ на озеро, потомъ на свою работу, вздохнулъ, свернулъ бумагу и весь приборъ, всталъ и хотѣлъ итти. Вдругъ увидѣлъ онъ князя. «Ахъ, ваше сіятельство! Вы изволили быть здѣсь — извините.... съ.... ей Богу, не замѣтилъ. Виновать, кругомъ виновать, а я такъ заработался.» — «Пойдемте къ нашему больному,» сказалъ Кемскій: «онъ, чай, ужъ давно всталъ.» — «Какъ прикажете.... съ.... въ самомъ дѣлѣ.... съ....» отвѣчалъ Бериловъ, кланаясь, и они пошли обратно на гору, въ постоялый домъ. Вышатица и Хеалынскаго застали они за чаемъ.

Первымъ предметомъ разговора ихъ было воспоминаніе о пріятномъ вечерѣ наканунѣ. «Скажи, пожалуйста, Вышатинъ,» спросилъ князь: «кто этотъ Петръ Антоновичъ Алимари? Этотъ человѣкъ очень меня интересуеть.» — «Право, не знаю,» отвѣчалъ Вышатинъ: «онъ появился здѣсь за недѣлю предъ симъ; остановился у понамаря; ходилъ, съ флейтою въ карманѣ, по горамъ и по болотамъ, собиралъ рѣдкія растенія; узнавъ, что я лежу здѣсь больной, одинъ и скучаю, онъ посѣтилъ меня какъ сосѣда. Нога моя въ то время жестоко болѣла. Алимари, случась однажды при перевязкѣ, доказалъ лекарю, что онъ не такъ меня лечитъ, совѣтовалъ бросить всѣ его мази; самъ нарвалъ на болотѣ какихъ-то травъ, сдѣлалъ изъ нихъ припарку, и приложилъ къ больной ногѣ. На другой же день я почувствовалъ облегченіе, и съ тѣхъ поръ нога стала примѣтно поправляться. Вчера перемѣнилъ онъ травы, и сказалъ, что дня чрезъ три можно будетъ выйти и отправиться въ городъ.» — «Стало онъ врачъ!» — сказалъ Хвалынской. — «И я то же думалъ,» отвѣчалъ Вышатинъ: «но онъ объявилъ мнѣ, что никогда врачомъ не былъ, а занимается изслѣдованіемъ природы изъ любви къ наукамъ, и имѣетъ нѣсколько важныхъ, но простыхъ рецептовъ, собранныхъ имъ на путешествіяхъ по всѣмъ странамъ Свѣта. По прозвищу своему онъ Италіянецъ, но, кажется мнѣ, родился въ Россіи. Впрочемъ мнѣ совѣстно было допытываться подробнѣе. Довольно того, что онъ человѣкъ добрый,

умный и образованный.» — «И знатокъ въ художествахъ,» прибавилъ Бериловъ: «я видѣлъ у него картину, Мадонну Карлина Дольче: онъ возить ее съ собою не въ рамѣ, а въ деревянномъ ящичкѣ — рѣдкая вещь! Онъ глядитъ на нее по часамъ, и плачетъ — такъ сказывала мнѣ служанка понамаря. Конечно онъ и самъ художникъ, когда такъ хорошо понимаетъ и чувствуетъ искусство.» — «Можетъ быть,» сказалъ Вышатиный: «но въ немъ всего для меня пріятнѣе нравъ его, кроткій, ровный, любезный. Онъ иногда бываетъ въ необходимости противорѣчить другимъ, и дѣлаетъ это съ большою пощадою и скромностью. Однажды только, въ продолженіе дней десяти нашего знакомства, замѣтилъ я необыкновенное въ немъ волненіе. Мы бесѣдовали о здѣшней сѣверной природѣ, о чудесныхъ ея гранитахъ, о прекрасныхъ озерахъ, о живописныхъ видахъ. Пасторъ замѣтилъ мимоходомъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ, Финляндія получила настоящій свой видъ отъ землетрясенія. При этомъ словѣ Алимари поблѣднѣлъ и задрожалъ. Мы испугались, спрашивали что съ нимъ случилось, здоровъ ли онъ; онъ отвѣчалъ, что это ничего незначить, и вскорѣ оправился. Съ тѣхъ поръ мы стали въ бесѣдахъ нашихъ избѣгать этого предмета, и онъ о томъ никогда не заговаривалъ.»

Въ это время вошелъ въ комнату каммердинеръ Вышатины, и подалъ ему записку, полученную отъ Алимари: онъ извинялся, что не можетъ прійти, по приглашенію, къ обѣду, и увѣдомлялъ, что долженъ

ѣхать въ городъ, гдѣ присутствіе его необходимо; совѣтовалъ Вышатину продолжать употребленіе прежнихъ средствъ, и предсказывалъ скорое исцѣленіе. Въ заключеніе записки благодарилъ онъ за пріятные вечера, проведенные въ дружеской бесѣдѣ, и просилъ поклониться друзьямъ. Эта записка всѣхъ привела въ уныніе, потому что всѣ ждали Алимари, всѣ горѣли нетерпѣніемъ насладиться его бесѣдою. — «Жаль,» сказалъ Вышатинъ почти сквозь слезы: «жаль! Я такъ свыкъся съ этимъ почтеннымъ старцемъ, что не знаю, какъ проведу здѣсь еще нѣсколько дней моего карантина. Впрочемъ, мнѣ гораздо легче, и сегодня еще ѣду въ городъ. Барометръ падаетъ, какъ говорилъ мнѣ пасторъ, и мнѣ не хотѣлось бы погрязнуть въ финскихъ болотахъ. Другое дѣло, если бъ здѣсь былъ мой почтенный Алимари, мой мудрецъ, Сократъ.» — «Только этотъ Сократъ,» примолвилъ Хвалынскій: «слишкомъ легковѣренъ и наполненъ предразсудками: вѣрить въ домовыхъ, въ чертей, въ ворожей.» — «А настоящій-то Сократъ,» прервалъ съ досадою рѣчь его Кемскій: «развѣ не вѣрилъ своему демону, развѣ не совѣтовался съ нимъ? Сократъ, такимъ же образомъ, жилъ посреди софистовъ, отвергавшихъ все, по расчетамъ своего слабаго разсудка, и училъ людей тому, что внушало ему сердце и созерцаніе природы. Сократъ не отвергалъ боговъ своего отечества, но умѣлъ отличить божество отъ истукана.» — «Вотъ, таковъ и Алимари!» вскричалъ Вышатинъ: «я не думаю, чтобъ онъ вѣрилъ всѣмъ

преданіямъ Римской Церкви, но онъ не сядетъ за столъ, не перекрестясь. Никогда не вырывалось у него ни малѣйшаго замѣчанія на счетъ святости Религіи, и когда бывало, мы съ пасторомъ, станемъ по-смѣиваться надъ папою, онъ намъ не противорѣчитъ, а молчитъ, улыбаясь. Нѣтъ, друзья! такіе люди, какъ онъ, рѣдки въ этомъ свѣтѣ. И если вы меня любите, то перестанете остриться и дѣлать замѣчанія на его счетъ. Пусть вы будете и правы, но мнѣ, признаюсь, больно слышать о немъ что либо кромѣ хорошаго. — Эй, Оадька! Подай шампанскаго! Выпьемъ за здоровье моего иецѣлителя, а потомъ кое-какъ поплетемся на зимнія квартиры.»

Все исполнено было по диспозиціи. Вышатиный уго-стилъ въ послѣдній разъ добраго пастора, усѣлся въ каретѣ съ художникомъ, и отправился въ Петербургъ. Кемскій и Хвалынскій послѣдовали за ними. Во всю дорогу молчаніе прерывалось только короткими фра-зами. Кемскій былъ погруженъ въ глубокую думу,

ХІІ.

Новый міръ открылся предъ нашимъ мечтателемъ. Дотолѣ не удавалось ему найти человѣка, который могъ бы, постигая его, раздѣлять съ нимъ его вне-чатлѣнія и ощущенія, и превосходя его умомъ, позна-ніями и опытностью, объяснять ему то, что въ жизни

и въ свѣтѣ казалось ему непонятнымъ. Товарищи не могли удовлетворить безпокойному любопытству Кемскаго: одни изъ нихъ его не понимали, другіе надъ нимъ смѣялись. Хвалынскій съ участіемъ слушалъ его рассказы, но не раздѣлялъ его ощущеній и мыслей: наслаждаясь настоящимъ, онъ забывалъ будущее, и не думалъ о прошедшемъ. Вышатиный былъ человѣкъ умный, образованный, но свѣтскій и слишкомъ налитанный тѣмъ, что въ то время называлось философіею. Кемскій искалъ пищи у записныхъ ученыхъ, но и тамъ не находилъ ничего. Одинъ былъ просто профессоръ или, лучше сказать, педантъ, произведенный изъ Нѣмцевъ въ надворные совѣтники, и получавшій тысячу рублей въ годъ за то, чтобъ два часа въ недѣлю читать кое—что по тетрадкѣ, списанной съ печатной книги; другой, на вопросы пламеннаго юноши, отвѣчалъ исчисленіемъ книгъ, въ которыхъ можно найти удовлетворительное разрѣшеніе, и которыхъ онъ самъ не читалъ, за недосугомъ; третій старался объяснить бытіе міра сравненіемъ его съ деревянными часами; четвертый отвѣчалъ глубокимъ вздохомъ и текстомъ изъ Библіи. Всѣ прочіе единогласно приписывали мечтанія и видѣнія обманамъ чувствъ или кознямъ шалуновъ, а предчувствія называли случайностью или послѣдствіемъ неваренія желудка. Явился человѣкъ умный, просвѣщенный, добродушный — способный разсѣять сомнѣнія юнаго искателя истины, готовый его просвѣтить, наставить и успокоить; но онъ явился, и исчезъ, какъ мечтаніе

утреннее, какъ тѣ лица, которыя намъ представляются иногда въ сновидѣніяхъ: человекъ намъ знакомый, близкій, любезный; мы его помнимъ, знаемъ; радуемся, что съ нимъ свидѣлись, но проснувшись, убѣждаемся, что онъ дотолѣ существовалъ только въ глубинѣ души нашей; можетъ быть, перенесенъ былъ ею изъ другаго міра, въ которомъ она обитала до переселенія въ нынѣшнее свое жилище.

Тщетно искалъ Кемскій новаго своего знакомца. Никто изъ всѣхъ пріятелей молодого человека не зналъ его. Всѣ распросы и поиски были напрасны. Бѣдный мечтатель походилъ на странствующаго рыцаря, ищущаго пропадшей Дульциней. Однажды случай польстилъ ему надеждою, но не надолго. Онъ былъ въ италіянскомъ театрѣ. Играли любимую его оперу, *Il matrimonio segreto*. Музыку слушалъ онъ внимательно, но при речитативахъ посматривалъ въ ложу перваго яруса, занимаемую его сестрицею. Иванъ Егоровичъ сидѣлъ, вытянувшись въ струнку, на второй скамейкѣ, безсмысленно глазѣлъ на театръ, не понимая ни словъ, ни музыки, и только при звукахъ барабана скромною улыбкою изъяслялъ удовольствіе. На первой скамейкѣ справа, рисовалась Алевтина, а налѣво сидѣла Наталья Васильевна. Любя страстно музыку, и сама играя прекрасно на фортепіанѣ, она прикована была къ сценѣ глазами, слухомъ и душою; не видѣла ненавистнаго ей Кемскаго, не знала даже, что онъ въ театрѣ, и въ полной мѣрѣ наслаждалась прелестною гармоніею. На прекрасномъ

лицъ, въ выразительныхъ глазахъ ея отсвѣчивалось душевное удовольствіе. Кемскій былъ въ третьемъ небѣ: предъ нимъ оживилась мраморная Галатея. Кончился актъ; всѣ сидѣвшія въ креслахъ встали, но онъ сидѣлъ, боясь появленіемъ своимъ смутить и разочаровать строгую Наташу. Лорнетъ Алевтины производилъ между тѣмъ инспекторскій смотръ по всей залѣ. Вотъ одинъ изъ сосѣдей его заговорилъ съ кѣмъ-то въ партерѣ: «Каково?» спросилъ онъ по-италіянски. «Прелестно!» отвѣчали ему: «сегодня я дома.» Кемскій вздрогнулъ: это былъ голосъ Алимари. Онъ привсталъ, оборотился къ партеру, но за толпою не могъ его увидѣть; бросился опрометью изъ креселъ, пробрался въ партеръ, искалъ, искалъ — Алимари не было. «Не выходилъ ли изъ партера высокій, худощавый господинъ?» спросилъ онъ у капельдинера. «Не могу доложить,» отвѣчалъ онъ: «мало ли кто выходитъ въ антрактъ!» Кемскій воротился на свое мѣсто въ досадѣ и печали. — «Позвольте узнать,» спросилъ онъ наконецъ у сосѣда, разговаривавшаго съ Алимари: «съ кѣмъ вы говорили въ партерѣ, въ началѣ антракта?» — «Съ господиномъ Алимари,» отвѣчалъ тотъ. — «Скажите мнѣ, пожалуйста, коротко ли вы его знаете? Нельзя ли сказать мнѣ, гдѣ можно его найти?» — «Этимъ не могу я вамъ служить,» отвѣчалъ незнакомецъ: «Я служу въ конторѣ банкира Барона Ралля; у насъ открытъ однимъ венеціанскимъ домомъ кредитъ на имя господина Алимари. Онъ иногда приходитъ къ намъ, и получаетъ деньги. Мы

съ нимъ кланяемся на улицахъ, и разговариваемъ о погодѣ!» — «Въ извѣстные ли сроки онъ къ вамъ приходитъ?» спросилъ Кемскій. — «Нѣтъ, какъ случится: иногда мы его не видимъ по полугоду.» — «Не можете ли вы мнѣ сдѣлать одолженія,» спросилъ Кемскій: «когда къ вамъ явится Алимари, узнать, гдѣ онъ живетъ, и сообщить объ этомъ мнѣ. Вотъ мой адресъ. Я имѣю крайнюю надобность съ нимъ видѣться!» — «Охотно!» сказалъ молодой человекъ, взявъ адресъ, наскоро написанный карандашемъ на визитной карточкѣ. Заиграла музыка, и начался второй актъ. — Кемскій не видалъ и не слыхалъ ничего, что происходило на сценѣ: безпрестанно смотрѣлъ на прелестную Наташу, и размышлялъ о таинственномъ Алимари. Вдругъ замѣтилъ онъ какое-то безпокойство въ чертахъ лица и въ движеніяхъ Наташи. Она стала повертываться во всѣ стороны; бросивъ взглядъ на кресла, увидѣла Кемскаго, и вздрогнула. Сперва блѣдная, потомъ алая краска пробѣжала по лицу ея, но вкорѣ оно опять приняло обыкновенное свое выраженіе. Наташа обратилась къ сценѣ, и не спускала съ нея глазъ. Кемскій, увидѣвъ, что его замѣтили, пересталъ смотрѣть на нее, глубоко вздохнулъ и обратилъ глаза въ другую сторону залы. При выходѣ изъ театра, сказалъ онъ своему сосѣду: «Мнѣ странно и удивительно, что вы не познакомились короче съ господиномъ Алимари, имѣя къ тому случай. Онъ человекъ необыкновенно интересный: умный, образованный.» — «Вѣрю,» от-

вѣчалъ молодой человѣкъ: «но намъ, въ банкирскихъ конторахъ, нѣкогда бесѣдовать съ приходящими. Бѣда, если завидитъ нашъ строгій принципаль, что мы оставляемъ работу! Однажды только, когда Алимари пришелъ за деньгами, и кассира не случилось въ конторѣ, самъ баронъ приказалъ мнѣ занять незнакомца разговоромъ, и я побесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько времени. Онъ дѣйствительно человѣкъ умный, любезный, но — извините, странный. Вообразите, онъ вѣритъ магнитизму, этой дерзкой выдумкѣ шарлатанства и корыстолюбія; ѣздилъ во Францію именно для того, чтобъ видѣть на самомъ дѣлѣ явленія этой небывалой и невозможной силы, и чуть было не вызвалъ на дуэль нѣкоторыхъ членовъ Парижской Академіи Наукъ, доказавшихъ лживость и нелѣпость ученія Месмерова. На возраженія и насмѣшки мои онъ отвѣчалъ скромно и учтиво, и предложилъ мнѣ испытать надъ самимъ собою эту силу, которая непреодолимо подчиняетъ одного человѣка душевному вліянію и волѣ другаго.» — «И вы испытали ее?» — «Нѣтъ! мнѣ не до того, да и кто станетъ заниматься этимъ вздоромъ!» — «Нельзя ли,» продолжалъ Кемскій съ выраженіемъ возрастающаго любопытства: «сообщить это средство мнѣ?» — «Охотно!» отвѣчалъ молодой человѣкъ: «Алимари утверждалъ, что можно одною волею принудить человѣка, который на васъ не смотритъ, оглянуться и отвѣчать вамъ взоромъ. Онъ утверждаетъ, что для этого должно только смотрѣть на человѣка нѣсколько секундъ пристально, хотя бы

съ тылу, и думать о немъ исключительно. Не вздоръ ли это? — Ахъ, извините — вотъ мои дрожки — прощайте до свиданія?» Молодой человѣкъ скрылся изъ сѣней театральнахъ. Кемскій вспомнилъ о нынѣшнемъ вечерѣ, вспомнилъ о Наташѣ, какъ она невольно почувствовала дѣйствіе его одушевленныхъ взоровъ, и принуждена была взглянуть на него. «Если магнетизмъ дѣйствуетъ на эту холодную и равнодушную женщину,» — думалъ онъ: «чего жъ онъ не произведетъ въ душѣ пламенной, отверзтой впечатлѣніямъ пылкихъ страстей!»

ХІІІ.

Мечтанія и сновидѣнія Кемскаго прервались великими происшествіями въ мірѣ существенномъ. Скончалась Екатерина ІІ, и со вступленіемъ на престолъ Императора Павла Петровича, началась новая эра для службы, особенно военной. Многіе товарищи нашего князя жаловались на строгость и взыскательность новыхъ начальниковъ, на трудность и беспокойство строгаго порядка; на непріятную имъ форму новыхъ мундировъ и прически, и едва не со слезами смотрѣли на прелестные свои фраки, произведенія безсмертнаго Кроля, съ которыми должно было разстаться навѣки! — Кемскому эти перемѣны были не только сносны, но и пріятны. Дѣятельная служба за-

няла всѣ минуты его жизни: онъ пересталъ тосковать, рѣже мучился мечтаніями, и послѣ ученья, продолжавшагося нѣсколько часовъ, послѣ суточного караула, въ которомъ уже нельзя было, по-прежнему, спать всю ночь на пуховикахъ, наслаждался крѣпкимъ и здоровымъ сномъ. Единообразная воинская одежда также была ему по нраву: онъ не любилъ наряжаться, не терпѣлъ переменъ по прихотямъ моды, и былъ въ этомъ отношеніи жертвою своего портнаго, сапожника и каммердинера, которые иногда отставали на цѣлый мѣсяцъ отъ моды, и подвергали свѣтскаго юношу замѣчаніямъ и насмѣшкамъ досужихъ товарищей. Но теперь онъ имѣлъ время и возможность привыкнуть къ своей одеждѣ, а она могла прильнуть къ нему и сдѣлаться его собственностью; до того же времени ему казалось, что онъ всегда ходитъ въ чужомъ платьѣ. — Исправность его, прилежаніе къ службѣ и неутомимость вскорѣ были замѣчены начальниками: его перевели въ гвардію, къ душевному огорченію Алевтины, излившемуся въ высокопарныхъ поздравленіяхъ.

Въ самый тотъ день, когда отдано было въ приказъ о его перемѣщеніи, лишь только онъ успѣлъ примѣрить свой новый мундиръ, получилъ онъ записку о томъ, что наряженъ въ ночной караулъ въ Зимнемъ Дворцѣ, при печальной комиссіи. Къ одиннадцати часамъ вечера отправился онъ туда съ своимъ отрядомъ, подъ начальствомъ гвардіи капитана. Его самого отрядили къ тѣлу покойной Императрицы. Все это

сдѣлалось такъ поспѣшно и неожиданно, что онъ опомнился не прежде, какъ въ самой траурной комнатѣ. Тамъ картина торжественная, преисполненная невыразимаго величія, представилась глазамъ его. Посреди огромной залы, обитой чернымъ сукномъ, увидѣлъ онъ великую Императрицу, на парадной постелѣ, въ царскомъ облаченіи, безгласную и бездыханную. Дымъ свѣчъ носился надъ нею какъ облако. Дежурные кавалеры и дамы стояли въ безмолвіи вокругъ смертнаго одра величія земнаго; тихіе звуки утѣшенія небеснаго слышались изъ устъ протодіакона, читавшаго Евангеліе. Кемскій, взирая на божественныя черты усопшей, погрузился въ глубокое уныніе. Било двѣнадцать. Нѣкоторые изъ дежурныхъ удалились въ другіе покои; прочіе сѣли на стульяхъ, стоявшихъ вдоль стѣнъ траурной залы. Голосъ чтеца ослабѣвалъ. Свѣчи тускли. Вдругъ растворились двери изъ другой комнаты: человекъ высокаго роста, въ глубокомъ траурѣ, въ предшествіи придворнаго служителя, вошелъ въ залу тихими шагами, приблизился къ эстрадѣ, перекрестился по-католически, преклонилъ колѣно, тихо произнесъ: Екатерина! и заплакалъ. Черезъ нѣсколько минутъ безмолвной молитвы, онъ всталъ, обернулся; взоры Кемскаго остановились на немъ — это былъ Алимари. Онъ узналъ князя, подошелъ къ нему, и съ горестнымъ безмолвнымъ привѣтствіемъ пожалъ ему руку. — «И вы пришли проститься съ прахомъ нашей великой Екатерины!» сказалъ Кемскій. «Вашей?» тихо возразилъ Алимари:

«вашей? Она принадлежит всему роду человѣческому, не одной Россіи. И я, не Русскій по происхожденію, былъ ея вѣрнѣйшимъ подданнымъ: я былъ свидѣтелемъ прибытія Государыни въ Россію, имѣлъ случай видѣть ея занятія науками и изученіемъ Россіи; я стоялъ на крыльцѣ Зимняго Дворца въ ту минуту, какъ она вступала въ царское жилище, въ день восшествія своего на престолъ; видѣлъ ее потомъ и на блистательныхъ каруселяхъ, и въ торжественныхъ шествіяхъ; неоднократно смотрѣлъ издали, какъ она прогуливалась по царскосельскимъ аллеямъ, въ глубокомъ размышленіи о славѣ и величіи своего народа; я слышалъ, въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ, и громовые звуки побѣдъ ея, и тихія благословенія, возносившіяся за нее изъ мирныхъ хижинъ къ престолу Предвѣчнаго. Знаете ли вы что есть государь, и государь великій, добрый, правосудный? Не даромъ облакаемъ мы его земнымъ блескомъ и величіемъ въ сей жизни, и сами, подданные, восхищаемся и гордимся этимъ блескомъ, этимъ величіемъ! Вообразите себѣ: милліоны существъ, одаренныхъ чувствомъ и душою безсмертною, живутъ въ мірѣ подъ кровомъ и защитою одного изъ земнородныхъ, а этотъ земнородный есть государь ихъ. Вообразите, что спокойствіе, благоденствіе, душевное достоинство сихъ милліоновъ зиждется волею и трудами государя; вообразите, что изъ подвиговъ этого государя истекаетъ счастье или несчастье милліоновъ людей, еще неродившихся—и послѣ этого разсудите, съ какимъ благо-

говѣніемъ должны мы приближаться къ смертному одру тѣхъ изъ сихъ государей, которые свято исполняли долгъ свой на земли, и теперь, предъ трономъ Вседержителя, даютъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ, помыслахъ и чувствованіяхъ.» — «И для чего они не бессмертны?» съ уныніемъ сказалъ Кемскій. — «Для того, что должны управлять смертными!» отвѣчалъ Алимари: «Неужели вы думаете, что ангель бессмертный и безплотный могъ бы жить и дѣйствовать посреди людей, волнуемыхъ страстями и пороками? Сверхъ того, всякій человѣкъ, и самый великій, есть произведеніе своего вѣка. Вѣкъ Екатерины минулъ, и духъ ея оставилъ земную оболочку. Вѣкъ новый наступаетъ, вѣкъ чуждый той, которая была превосходнѣйшимъ созданіемъ своего вѣка; но память Екатерины пребудетъ священною потомкамъ, и при звукахъ новой славы раздаваться будутъ въ великихъ воспоминаніяхъ отголоски дней Кагула и Чесмы, и новые законы будутъ опираться на премудрые уставы великой законодательницы, и грядущіе поэты съ умиленіемъ будутъ повторять гимны пѣвцовъ Екатерины! — Вы молоды и увидите будущее поколѣніе. Великія судьбы ожидаютъ Россію въ грозныхъ буряхъ, которыя собираются на западѣ; блистательная слава озаритъ ваше отечество, но внуки ваши съ жадностью будутъ внимать повѣствованіямъ дѣда о дняхъ минувшихъ, о дняхъ Екатерины. Скажите имъ, что вы знали республиканца, который четыре раза искалъ крова и защиты подъ скипетромъ самодержавной Импе-

ратрицы, и на хладныхъ берегахъ гостепріимной Невы проклиналъ свободу цвѣтущей Венеціи.» — Алимари вновь подошелъ къ эстрадѣ, преклонилъ колѣно, перекрестился, всталъ и вышелъ изъ комнаты. Кемскій, въ сіи торжественные минуты, не могъ думать ни о чемъ, кромѣ того, что представлялось глазамъ его. Онъ еще разъ упустилъ случай узнать, гдѣ можно найти ему Алимари, и въ этотъ разъ не могъ даже упрекать себя въ оплошности. — Прѣжняя тишина водворилась въ залѣ. Ночь прошла для Кемскаго въ глубокихъ размышленіяхъ....

Въ первыхъ мѣсяцахъ слѣдующаго года, поѣздка въ полуденныя губерніи по дѣламъ службы доставила ему пріятное развлеченіе. Онъ посланъ былъ съ какими-то важными бумагами въ новороссійскій край, и встрѣтилъ весну на берегу Чернаго Моря, въ раждавшейся тогда Одессѣ. Тамъ нашелъ онъ нѣсколько товарищей корпусныхъ, а въ начальникѣ друга своего покойнаго отца, и провелъ время самымъ усладительнымъ для своего сердца образомъ. Между тѣмъ какая-то непонятная сила влекла его домой: онъ никого въ Петербургѣ не любилъ, что называется любить, а не могъ вспомнить о сѣверной столицѣ безъ сердечнаго волненія, не могъ остановить на ней мыслей, не почувствовавъ въ глубинѣ души своей какого-то неопостижимаго влеченія. Неожиданно явился въ Одессѣ и Хвалынскій: онъ ѣздилъ съ порученіемъ въ Херсонскую Губернію, и завернулъ въ Одессу, чтобъ возвратиться въ Петербургъ въ обществѣ милаго своего

друга. Кемскій искренне обрадовался товарищу, и сообщил ему, съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ минуты отъѣзда: теплое дыханіе полудня сдѣлалось ему несноснымъ; онъ горѣлъ мыслию воротиться на хладный сѣверъ. — «Что это за магнитный полюсъ, къ которому стрѣлка твоего сердца неизмѣнно обращается?» съ улыбкою спрашивалъ Хвалыинскій. — «Самъ не знаю!» отвѣчалъ Кемскій: «но мнѣ здѣсь скучно, тяжело, душно. Поѣдемъ, ради Бога, поѣдемъ!» Желаніе его вскорѣ исполнилось. Друзья оставили Одессу, и помчались въ Петербургъ.

Въ одномъ жидовскомъ мѣстечкѣ, въ Бѣлоруссіи, принуждены они были остановиться на ночь въ корчмѣ, для починки экипажа. Имъ отвели мѣсто за перегородкою. Утомленные продолжительною ѣздой, они оба заснули на свѣжей соломѣ; но около полуночи какое-то страшное сновидѣніе разбудило Кемскаго. Опамятовавшись совершенно, онъ слышитъ за перегородкою разговоры и хохотъ. Прислушивается: старуха Жидовка ворожить солдатамъ на картахъ, предсказываетъ одному генеральскій чинъ, другому отставку, третьему молодую жену. Служивые смѣются и шутятъ другъ надъ другомъ. — «Полно слушать ее!» говоритъ одинъ голосъ: «все пустяки вретъ! Ну, какъ ей, старой хрычовкѣ, знать, что нашему брату на роду написано! Пойдемъ домой! пусть новобранцевъ морочить.» — «Нѣтъ, Спиридоновъ!» говоритъ другой голосъ: «не шути этимъ. Самъ бѣсъ у ней подъ языкомъ! Добро бы она толковала о будущемъ;

анъ и прошедшее, какъ по пальцамъ расчитываетъ. Мнѣ все рассказала: какъ меня въ солдаты отдали, какъ подъ Шведомъ ранили, какъ въ Польшѣ чуть-было въ полонъ не взяли — эка притча! — Ну-ка, старая вѣдьма! Вотъ тебѣ еще гривняга: скажи, скоро ли мнѣ достанется въ ундера!» — Водворилось молчаніе. Потомъ послышался хриплый шопоть, и раздался громкій смѣхъ. Разговоры, шутки, хохоть продолжались нѣсколько времени. Наконецъ одинъ изъ солдатъ напомнилъ, что пора отправиться по квартирамъ; и схрапнуть до завтрашняго похода. Совѣтъ его подѣйствовалъ. Мало по малу шумъ уменьшался, и чрезъ нѣсколько времени водворилась въ корчмѣ совершенная тишина, прерываемая слабымъ кашлемъ старухи. — Кемскій между тѣмъ всталъ, надѣлъ сюртукъ, и вышелъ изъ-за перегородки. Въ большой избѣ, едва освѣщаемой сальнымъ огаркомъ, сидѣла, въ углу, за столомъ, грязная старуха, въ ветхомъ жидовскомъ костюмѣ, и собирала разложенныя по столу, саломъ и пылью налитыя, частымъ употребленіемъ закругленныя по угламъ, карты. Кемскій подошелъ къ ней, бросилъ на столъ серебряный рубль, и сказалъ: «Бабушка! погадай мнѣ: гдѣ ожидаетъ меня счастье!»

Старушка взглянула на него, протасовала карты, дала ему снять лѣвою рукою, вскрыла пиковую семерку, и тихимъ голосомъ сказала: «въ гробу!»

XIV.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1798.

Время улетало на крыльяхъ своихъ, свинцовыхъ для несчастныхъ, воздушныхъ для счастливыхъ. Алевтина сочеталась законнымъ бракомъ съ Иваномъ Егоровичемъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, при помощи друзей, благотворителей, визитовъ и обѣдовъ, успѣла вывести его въ подполковники. Онъ былъ опредѣленъ въ смотрители при построеніи разныхъ казенныхъ зданій. Должно сказать, что самъ онъ не пользовался ни копѣйкою: съ утра до ночи ходилъ по лѣсамъ, смотрѣлъ за сохранностью матеріаловъ, за прочностью работъ; но архитекторы наживались, подрядчики толпами являлись къ торгамъ, и перебивали другъ у друга работу. Начальникъ, случайно, въ это самое время строилъ дачу: къ нему безпрекословно отпускаемы были матеріалы и работники. По счетамъ архитекторовъ и поставщиковъ, плата производилась неукоснительно. А отчеты? А вѣдомости? Это сводилъ у него человѣкъ опытный, необыкновенный въ сихъ дѣлахъ искусникъ. Иванъ Егоровичъ нашелъ этотъ кладъ по слѣдующему случаю.

Въ началѣ службы своей посланъ онъ былъ въ Симбирскую Губернію, для привода рекрутской партіи: получилъ прогонныя деньги, сумму на расходы, инструкцію и шнуровую книгу, и отправился по назначенію. Нельзя было дѣйствовать исправнѣе, осто-

рожиѣ, совѣстиѣ Ивана Егоровича: за всякую казенную копѣйку торговался онъ до драки; всѣ сбереженные суммы показывалъ въ приходѣ по чистой совѣсти; при каждой передачѣ подробно исчислялъ причины, по какимъ долженъ былъ произвести ее. Такимъ образомъ сберегъ онъ въ пользу казны слишкомъ треть данныхъ ему денегъ, и заранѣе восхищался мыслию, съ какимъ торжествомъ представить свою экономію начальству. На послѣднемъ переходѣ подъ Петербургомъ, сошелся онъ съ товарищемъ, который велъ другую партію, изъ Смоленска. За чаемъ разговорились они о своихъ дѣлахъ по службѣ. — «Скажи, сдѣлай одолженіе, Сайдаковъ,» спросилъ Фонъ-Дракъ у товарища: «сколько у тебя осталось изъ отпущенныхъ тебѣ денегъ?» — «Сколько осталось? Право, не знаю. Эй, Звѣробоевъ! сколько бишь у насъ въ остаткѣ?» — «Ничего не осталось,» отвѣчалъ сержантъ: «и своихъ ваше благородіе изволили потратить.» — «Прійдется еще искать на Военной Коллегіи,» сказалъ Сайдаковъ. — «Помилуй, другъ мой!» возразилъ Фонъ-Дракъ съ трепетомъ: «куда это ты дѣвалъ всѣ деньги? Покажи мнѣ, пожалуйста, шнуровую книгу.» — «Изволь, любезный! Эй, Звѣробоевъ! Подай книгу.» Звѣробоевъ подалъ. Фонъ-Дракъ раскрылъ ее, перевернулъ нѣсколько листовъ, и поблѣднѣлъ: «Несчастный, ты пропалъ! Книга бѣлая!» — «Знаю,» отвѣчалъ Сайдаковъ, смѣючись. «Смотри, Звѣробоевъ! завтра, когда прійдемъ въ Петербургъ, приведи ко мнѣ писаря — того, разу-

иѣешь?» — «Слушаю, ваше благородіе!» — Фонь-Дракъ не могъ уснуть, помышляя о бѣдѣ, ожидающей безпечнаго Сайдакова. На другой день товарищи пришли въ городъ, и остановились на одной квартирѣ. Фонь-Дракъ всталъ въ пять часовъ, и занялся окончаніемъ счетовъ; вывелъ всѣ расходы, повѣрилъ итоги, перечелъ остальные деньги, и съ торжествомъ подписалъ рапортъ. — Сайдаковъ проснулся въ одиннадцать часовъ, и сѣлъ за чай. Денщикъ докладываетъ: «Пришелъ писарь изъ Военной Коллегіи.» — «Зови скота!» — Вошла гнусная, красноносая фигурка въ засаленномъ фракѣ и сѣромъ галстухѣ. — «Здорово, Тряпицынъ! Я привелъ партію; мнѣ еще слѣдуетъ получить сто двадцать пять рублей.» — «Слушаю, ваше благородіе!» — «Вотъ тебѣ книга, и вотъ пять рублей; когда кончишь, дамъ еще синенькую.» — «Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе; — будетъ исправлено.» — «При этомъ случаѣ,» сказалъ Сайдаковъ, обращаясь къ Фонь-Драку: «ты можешь отправить свои счета въ коллегію. Тряпицынъ ихъ доставить.» — «Съ нашимъ удовольствіемъ,» пробормоталъ Тряпицынъ. — «Нѣтъ, Сайдаковъ!» отвѣчалъ Иванъ Егоровичъ съ боязливою важностью: «я долженъ самъ имѣть честь представить отчеты — это долгъ службы.» — «Это пустое, ваше благородіе,» возразилъ Тряпицынъ: «поручите намъ, все исправимъ. Ей, ей, довольны будете!» — «Нѣтъ, братецъ!» отвѣчалъ Фонь-Дракъ: «я знаю долгъ службы. Самъ представлю.» — «Какъ изволите!» сказалъ Тря-

пицынъ съ усмѣшкою, и отправился. Фонъ-Дракъ представилъ свои отчеты и остальные деньги, и чрезъ двѣ недѣли явился въ коллегію за квитанціею. Въ прихожей встрѣтилъ онъ Сайдакова. «Ну что, какъ сошло?» спросилъ Фонъ-Дракъ съ состраданіемъ. — «Прекрасно! Мнѣ доплатили передержку; вотъ приказъ казначею, выдать деньги. Приходи завтра обѣдать. Разговѣмся послѣ похода!» — Фонъ-Дракъ поблагодарилъ и отправился въ присутствіе. «Куда изволите итти?» важно спрашиваетъ его Тряпицынъ, сидящій посреди запачканной брѣтѣи въ канцеляріи. — «Куда! Въ присутствіе за квитанціею.» — «Извольте погодить, ваше благородіе! Есть начесть, есть неисправности, передержки противъ справочныхъ цѣнъ, незаконныя выдачи, невѣрные итоги. Надобно поправить!» — Фонъ-Дракъ остоленѣлъ. «Помилуй, братецъ! Я велъ самый исправный счетъ! У меня въ остаткѣ значительная сумма.» — «Точно такъ-съ; но если бѣ изволили соблюдать казенный интересъ по предписаннымъ формамъ, то осталось бы конечно вдвое болѣе.» — «Да какъ это? Сайдакову дали квитанцію, а онъ передержалъ сверхъ денегъ, выданныхъ ему отъ казны.» — «Точно такъ-съ; да они представили на все законныя объясненія и доказательства. Начальство справедливо: оно выдаетъ и передержку, если таковая учинена не въ противность существующимъ постановленіямъ. Извѣстно вамъ премудрое изрѣченіе Государя Императора Петра Великаго: вотще законы писать, если по нимъ не исполнять.» — Фонъ-

Дракъ былъ въ отчаяніи: отправился съ жалобою въ присутствіе, и получилъ въ отвѣтъ, что ревизія отчетовъ поручена столу коллежскаго регистратора Тряпицына, и что онъ тамъ долженъ ждать рѣшенія, которое въ свое время будетъ разсмотрѣно и утверждено или отринуто присутствіемъ. Фонъ-Дракъ рѣшился выждать окончаніе дѣла, являлся каждый день въ канцелярію, но каждый день Тряпицынъ находилъ въ его книгѣ новыя неисправности, и заготовлялъ запросы въ земскіе суды уѣздовъ, лежащихъ на пути изъ Симбирска. Терпѣніе несчастнаго просителя истощилось: чрезъ мѣсяцъ рѣшился онъ искать *приватно* покровительства Тряпицына, и въ ужасную осеннюю погоду, въ пять часовъ утра, отправился къ нему на квартиру, на Козьемъ Болотѣ. Тряпицынъ встрѣтилъ его въ раздранномъ плащѣ, и ввелъ въ освѣщенную сальнымъ огаркомъ, грязную комнату, въ которой пахло и дегтемъ, и саломъ, и гнилью. Фонъ-Дракъ не зналъ съ чего начать, но Тряпицынъ самъ помогъ ему. — «Мнѣ жаль, ваше благородіе, что вы изволите такъ часто трудиться ходить въ канцелярію: не угодно ли вамъ поручить мнѣ окончаніе сего дѣла, и я ручаюсь вамъ, что черезъ недѣлю все улажу къ вашему удовольствію и къ соблюденію казеннаго интереса. Изволите видѣть, для сего должно мнѣ будетъ просиживать ночи; такъ я надѣюсь, что ваше благородіе за экстренные труды не оставите меня должнымъ вознагражденіемъ. Вѣрьте Богу, жалованья беру въ годъ шестьдесятъ рублей.» — Фонъ-Дракъ вынулъ

изъ кармана пятирублевую ассигнацію, и положилъ на столъ. «Изволите видѣть-съ,» продолжалъ Тряпицынъ: «для его благородія, Семена Егоровича господина Сайдакова, можно было въ скоромъ времени исправить: его дѣло было чистое, садись, пиши да и только; а въ этомъ дѣлѣ, изволите видѣть, должно сперва поправить, а потомъ сдѣлать должное по законамъ. Двойная работа, ваше благородіе!» — Фонъ-Дракъ вздохнулъ тяжело, вынулъ изъ кармана другую синюю ассигнацію. — «Вижу,» сказалъ Тряпицынъ: «что вы человекъ добрый; только жаль, неопытны въ службѣ по счетной части, и несвѣдуши въ существующихъ законахъ. Радъ помочь вамъ отъ души. Пожалуйста дня чрезъ три въ канцелярію, и все найдете въ порядкѣ. — «Какъ чрезъ три дня?» спросилъ Фонъ-Дракъ: «да успѣешь ли?» — «И! ваше благородіе! Не безпокойтесь, мы люди дѣловые: все сладимъ къ вашему удовольствію. Дѣло ваше у меня на дому — изволите видѣть, вотъ оно-съ. Я тотчасъ имъ займусь.» — Фонъ-Дракъ откланялся. Тряпицынъ, провожая его въ сѣни, отперъ дверь въ кухню, и закричалъ: «Денисьевна! растопи-ка сальца горшечекъ, да поскорѣе.» — «Это что?» подумалъ Фонъ-Дракъ, вышедъ на улицу: «неужели Тряпицынъ питается саломъ?» Онъ остановился у домика, предъ окномъ комнаты дѣльца, котораго очень хорошо видѣлъ сквозь дырявую занавѣску, и съ любопытствомъ смотрѣлъ что будетъ. Тряпицынъ дѣйствительно занялся его дѣломъ: взялъ кипку бумагъ, перевернулъ ли-

сточки одинъ за другимъ; вынулъ приложенныя къ рапорту деньги, и спряталъ ихъ въ столикъ. Хромая Денисьевна принесла горшокъ съ растопленнымъ саломъ. Тряпицынъ окунулъ въ него все дѣло, и, положивъ засаленные почти доверху листы на полъ, сѣлъ за столъ, и началъ что-то писать. Фонъ-Дракъ отправился домой, ломая голову надъ тѣмъ, что бы значила эта операція. Черезъ три дня является онъ въ канцелярію. Тряпицынъ кланяется ему сухо, какъ чужому человѣку, и чрезъ нѣсколько времени обращается къ столоначальнику: «Егоръ Кузьмичъ! Сдѣлайте божескую милость, убѣдите господина экзекутора завести кота въ канцеляріи. Отъ крысъ житья нѣтъ. Вотъ еще одно дѣло съѣли.» Съ этими словами вытаскиваетъ онъ изъ-подъ стола заголовки бумагъ и счетовъ Фонъ-Драка: вся нижняя часть дѣйствительно съѣдена была крысами, по то мѣсто, до котораго Тряпицынъ опустилъ бумагу въ сало. «Неужели?» спросилъ столоначальникъ. — «Дѣйствительно такъ-съ, извольте сами посмотрѣть.» Столоначальникъ подошелъ: «Въ самомъ дѣлѣ! Да какъ онѣ, проклятыя, грызутъ узорчато! Нешто! Надобно завести кота!» — «Это напредки-съ,» сказалъ Тряпицынъ: «а сіе дѣло пропало. Слѣдуетъ, за утратою документовъ, предать оное забвенію, и господину поручику выдать квитанцію.» — «А остальные деньги, оставшіяся въ экономіи?» спросилъ жалобно Фонъ-Дракъ. «Деньги-съ? какія деньги-съ?» — «Да тѣ, которыя я представилъ при рапортѣ!» — «Съѣдены кры-

сами—съ. Что дѣлать? И казенный интересъ иногда въ экстренностяхъ пропадаетъ. Впрочемъ, если вашему благородію угодно, мы выведемъ справки, пошлавъ запросы въ тѣ присутственные мѣста и начальства, съ коими вы, по помянутому приводу рекрутской партіи, изволили находиться въ сношеніяхъ. Это скоро сдѣлаемъ. Мѣсяцевъ въ восемь.» — «Нѣтъ, ради Бога нѣтъ!» вскричалъ фонъ-Дракъ: «дайте мнѣ только квитанцію.» — «Какъ угодно,» отвѣчалъ Тряпицынъ: «извольте повременить!» Чрезъ часъ квитанція была фонъ-Драку выдана, и онъ за десять рублей получилъ урокъ, какимъ образомъ надлежитъ дѣйствовать въ дѣлахъ для сохраненія казеннаго интереса.

Вступивъ въ новую должность по счетной и письменной части, онъ сначала пришелъ было въ отчаяніе: товарищи поздравляли его съ *хлѣбнымъ* мѣстомъ, а онъ не зналъ, какъ поживиться и на *соль*, и при представленіи отчета за первый мѣсяцъ принужденъ былъ дополнить недоимку своими деньгами.

Тогда вспомнилъ онъ о Тряпицынѣ: пригласилъ его къ себѣ, приласкалъ и предложилъ ему мѣсто секретаря, бухгалтера и казначея. Догадливый рачитель казеннаго интереса охотно согласился на это предложеніе, опредѣлился подъ начальство фонъ-Драка, и вскорѣ освободилъ его отъ всѣхъ заботъ: фонъ-Дракъ поутру подписывалъ бумаги, заготовленные Тряпицынымъ, будучи увѣренъ, что не нужно читать ихъ предварительно; потомъ ходилъ на строенія, и

занимался механизмомъ работы, который былъ ему довольно хорошо извѣстенъ. Дѣла пошли своимъ порядкомъ: смѣты, книги, вѣдомости, отчеты ведены были съ величайшею исправностію, и все происходило на законномъ основаніи. Для текущей переписки Тряпицынъ пріискалъ изгнаннаго изъ академіи за дурное поведеніе семинариста: этотъ сочинялъ бумаги, а Тряпицынъ исправлялъ ихъ по надлежащей формѣ. Слогъ и законность бумагъ канцеляріи фонъ-Драка сдѣлались извѣстными въ приказносчетномъ свѣтѣ. Но не одной суетной славы домогался Тряпицынъ: онъ любилъ существенность. Изъ скуднаго жалованья своего сберегъ онъ, при благоразумной экономіи, столько, что построилъ домикъ на Новыхъ Мѣстахъ, и сталъ приторговывать деревеньку; онъ бы окончательно купилъ ее, да малый чинъ не позволялъ ему совершить крѣпость на свое имя; сверхъ того это скорое благопріобрѣтеніе могло бы возбудить зависть, толки и клевету людей неблагонамѣренныхъ: и такъ онъ рѣшился подождать удобнѣйшаго случая. И медвѣжья наружность Тряпицына мало по малу преобразилась. Алевтина Михайловна ахнула, увидѣвъ этого запачканнаго урода въ кабинетѣ своего мужа, и стала было требовать, чтобъ его не пускали на дворъ, но вскорѣ смирилась доводами и увѣщаніями фонъ-Драка: онъ представилъ ей Тряпицына человѣкомъ единственнымъ и необходимымъ для устроенія дѣлъ по службѣ и по фамиліи. И самъ Тряпицынъ усмотрѣлъ, что безсмертной душѣ его надлежитъ на новой пла-

нетъ переселиться въ другое тѣло. Онъ сталъ бриться по два раза въ недѣлю, и такъ же часто перемѣнять косынку и манжеты; пудра и помада смѣнили сальце съ мучкою; пучекъ его превратился въ благообразную косу; насаленные виски свились регулярными пуклями: кафтанъ и нижнее платье бирюзоваго цвѣта, а въ праздничные дни губернской мундиръ съ бархатнымъ воротникомъ и обшлагами, замѣнили казавшійся безсмертнымъ сюртукъ его. Табачная лавочка у Синяго Мосту лишилась въ немъ постоянного покупателя: онъ нюхалъ табакъ рульный, а потомъ и настоящій французскій, уже не изъ скромной тавлинки или ветхой бумажной табакерки съ изображеніемъ турецкаго султана, — а изъ серебряной, по высокимъ праздникамъ изъ золотой. Нельзя было перемѣнить гнусной фигуры и подлаго лица — но и на это нашлось средство: остались вещи, но возвысились имена, и этого довольно. Грубость его стали называть строгою честностью, дерзость и безстыдство откровенностью, каверзы и крючки усердіемъ къ службѣ, уваженіемъ къ законамъ и знаніемъ дѣла. Одаренный природною смѣтливостью, сынъ порховскаго цѣловальника не замедлилъ догадаться чего ему недоставало: онъ не вмѣшивался ни въ какіе разговоры и сужденія, которыхъ предметъ превосходилъ его понятія, а замѣтивъ въ спорѣ двухъ другихъ лицъ слабую сторону, приставалъ къ сильнѣйшей, и значительною улыбкою давалъ знать, что понимаетъ дѣло и судить о немъ, какъ люди умные и просвѣщенные, но, по скромности ли своей,

или же потому, что почитаетъ такой предметъ недостойнымъ своего вниманія, самъ въ споръ не вступаетъ. Въ то же время возникла въ душѣ его непримиримая ненависть къ людямъ просвѣщеннымъ и образованнымъ: всякъ, кто уже умѣлъ говорить по-французски, былъ природнымъ врагомъ его. Онъ скрывалъ эту ненависть подъ личиною скромности и покорности, но при первомъ удобномъ случаѣ давалъ чувствовать ее на дѣлѣ. Привязанность и довѣріе къ нему фонъ-Драка не знали предѣловъ: онѣ усилились еще отъ того обстоятельства, что начальникъ, страшась беспокоить грозную супругу, занималъ у подчиненнаго деньги, по заемнымъ письмамъ, безъ процентовъ. Тряпицынъ совершенно овладѣлъ своимъ командиромъ, но не давая ему этого чувствовать, и представляясь, будто дѣйствуетъ во всемъ по его приказаніямъ и распоряженіямъ. Благосклонность Алевтины была равномерно должною наградою за его труды и усердіе. Но Кемскій и другъ его, Хвалынскій, были предметами ненависти и злобы секретаря: предъ ними онъ не могъ укрыться: они знали и презирали его. Кемскій молчалъ, но Хвалынскій не могъ не позабавиться на счетъ плута, и при всякомъ случаѣ старался уколоть и унижить его предъ другими. Однажды, за столомъ, разговорились о дороговизнѣ, о томъ, что нынѣ трудно жить и т. д., какъ ведется отъ Адама и будетъ до преставленія свѣта. «Всему виною худое хозяйство!» сказалъ Хвалынскій: «Вотъ у меня, напри-мѣръ: доходу до трехъ тысячъ рублей, а я съ каж-

дымъ годомъ наживаю долги, и отъ чего? Нѣтъ порядку, экономіи, расчетливости. А вотъ, на примѣръ (указывая на Тряпицына), Яковъ Лукичъ! Вы, кажется, берете жалованья рублей четыреста: экипажъ у васъ преизрядненькій; домикъ построили хоть куда, и тотъ, какъ полная чаша; въ бостонъ играете по четвертцѣ, и прочее въ соразмѣрности. А все это отъ того, что жить умѣете съ расчетомъ, по одеждѣ протягиваете ножки. Наша же братья, такъ называемые благородные, разоряемся въ пухъ, а живемъ какъ нищіе. Хоть бы вы меня поучили, почтеннѣйшій, какъ все изъ ничего создается. А домикъ—отъ вашъ я вмигъ узналъ: у крыльца толпа подрядчиковъ, и надъ нижнимъ ярусомъ вывѣска съ надписью: *«здесь брѣютъ и кровь отворяютъ.»* — Алевтина пылала гнѣвомъ; Фонъ—Дракъ блѣднѣлъ; Тряпицынъ сидѣлъ за столомъ полумертвый. Кемскій кашлялъ, толкалъ Хвалынскаго, но тотъ не унимался. Послѣ обѣда Алевтина напрямки объявила Кемскому, что не хочетъ и не можетъ терпѣть дерзкихъ людей въ своемъ домѣ, и поручила ему просить Хвалынскаго, чтобъ онъ не трудился навѣщать ее. Кемскій хотѣлъ было, въ сотый разъ, защитить и оправдать своего друга, но Алевтина заградила ему уста замѣчаніемъ, что онъ конечно не захочетъ, въ угожденіе своему пріятелю, сдѣлать ее несчастною, подвергнувъ гнѣву раздраженнаго мужа. Несчастною? гнѣвъ мужа? раздраженный Фонъ—Дракъ? Какъ сообразить это съ обыкновенною кротостью и покорностью Ивана Егоровича?

Странно, но дѣйствительно такъ было. Иванъ Егоровичъ былъ смиренъ, кротокъ, послушенъ, терпѣливъ, какъ овца или какъ знаменитое неутомимостью животное странъ полуденныхъ, но только до извѣстной степени. Когда же его выводили изъ терпѣнія, онъ впадалъ въ бѣшенство, становился дикимъ, свирѣпымъ звѣремъ, былъ готовъ на все. Алевтина раза два испытала на себѣ дѣйствія этого ясновидѣнія, и извѣдала опытомъ ту степень, до которой было позволительно томить, мучить и терзать несчастнаго супруга; но лишь только онъ поблѣднѣетъ и задрожитъ, она перемѣняла свое обращеніе, начинала его ласкать, плакала, называла себя неблагодарною, недостойною такого мужа, ангела и праведника. Иванъ Егоровичъ приходилъ въ себя, и буря пролетала мимо. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Фонъ-Дракъ долгое время сносилъ замѣчанія, насмѣшки, колкости Хвалынскаго; но когда сатирикъ коснулся Тряпицына, его души и провидѣнія въ этомъ мірѣ, терпѣніе его лопнуло, и онъ готовъ былъ доказать насмѣшнику свой гнѣвъ самымъ чувствительнымъ и обиднымъ образомъ. Алевтина, щадя брата, предупредила эту вспышку, и упросила князя освободить ее отъ Хвалынскаго.

Молодому вѣтрянику крайне досадно было это происшествіе: во-первыхъ, онъ лишился возможности видѣть Наташу, прелестную, умную и любезную; во-вторыхъ, оставлялъ своего друга въ когтяхъ его злодѣевъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ этого времени род-

ственный тріумвиратъ могъ дѣйствовать безъ опасенія, и Тряпицынъ сдѣлался орудіемъ всѣхъ козней противъ Кемскаго, предвидя, что, въ случаѣ устраненія его, будетъ неограниченнымъ управителемъ всего имѣнія. Онъ, какъ уже сказано, питалъ къ молодому князю сильнѣйшую ненависть за привязанность его къ Хвалынскому, за неуваженіе его къ секретарю и совѣтнику своего зятя, и наконецъ не могъ ему простить знатной породы, образованія и богатства. И когда случалось, что Иванъ Егоровичъ, въ рѣдкія минуты совѣстности и богобоязни, не тотчасъ соглашался на предложенія Тряпицына, клонившіяся ко вреду князя, усердный клеветъ успокоивалъ сомнѣнія его слѣдующими разсужденіями: «Помилуйте, ваше высокоблагородіе! Что вы это балуете мальчишку! Вѣдь имѣніе его не благопріобрѣтенное, не стоило ему ни труда, ни заботъ, и онъ имъ владѣетъ безъ всякихъ заслугъ — не такъ какъ мы, полезные государству люди, каждую копѣйку пріобрѣтаемъ въ потѣ лица и иногда съ крайнею опасностью. Если не вы, такъ другой расхититъ его имущество. Теперь у него въ модѣ друзья и просвѣщеніе. Посмотрите что онъ раздарилъ этимъ повѣсамъ, что накупилъ книгъ, ландкартъ, картинъ и другихъ бесполезныхъ мелочей! За этимъ непремѣнно послѣдуютъ карты, пьянство и тому подобное! На долго ли тутъ имѣнія? Оно перейдетъ въ руки ростовщиковъ, а дѣти вашей супруги, его племянники, пойдутъ по міру. Не грѣшно ли допустить это? Воля ваша, ваше высокоблагоро-

діе, а великодушіе тутъ не у мѣста!» — Какъ не согласиться съ такими убѣдительными доводами! Фонъ-Дракъ съ улыбкою отвѣчалъ: «Да, да! точно такъ, дѣйствительно такъ! Дока, дока — Тряпицынъ!»

Между тѣмъ, по благонамѣренному совѣту секретаря, учтивость, вниманіе, ласки Алевтины, ея матери и мужа къ Князю Кемскому еще усилились. Онъ восхищался ихъ довѣренностью, любовью и нѣжностью, и нѣсколько разъ думалъ про себя: «Давно бы Хвалынскому отстать отъ ихъ дома: они, въ его отсутствіе, не имѣютъ ни какой причины быть недовольными мною.»

XV.

Смѣтливый секретарь видѣлъ, что пылкій, чувствительный и въ то же время слабый характеромъ Кемскій легко можетъ сдѣлаться добычею первой женщины, которой бы вздумалось пріобрѣсти его любовь, или только показаться къ нему неравнодушною и задѣть его слабую сторону. Многія дѣвицы посматривали на него съ участіемъ и нѣжностью: матушки обходились съ нимъ предупредительно и учтиво. Тряпицынъ сообщилъ эти опасенія своимъ благодѣтелямъ, и доказалъ имъ, что князь, женись безъ ихъ воли на дочери какого нибудь неблагонамѣреннаго человека, можетъ забыть, чѣмъ обязанъ своимъ род-

ственникамъ, можетъ перемѣнить свои намѣренія въ разсужденіи дѣтей Алевтины. Слѣдственно, если уже должно ему жениться, пусть онъ женится на особѣ, которая совершенно зависѣла бы отъ его семейства. Планъ былъ одобренъ въ семейномъ совѣтѣ; надлежало привести его въ исполненіе. Алевтина вспомнила объ одной своей дальной родственницѣ по матери, круглой сиротѣ, не имѣвшей ни какой надежды въ свѣтѣ, ни даже пріюта, и проживавшей въ Москвѣ попеременно у разныхъ родственниковъ. Ее выписали. Явилась недурная собою, высокая, худощавая, чахотная фигура, лѣтъ двадцати пяти, изъ которыхъ, по скромности, убавляла двадцать процентовъ. Татьяна Петровна была довольно хорошо воспитана, говорила по-французски, танцевала и т. д. Наслышась о властолюбивомъ нравѣ Алевтины, она предстала предъ нею, какъ предъ грознаго судью, со страхомъ и трепетомъ; но пріемъ ласковый, нѣжный и предупредительный разсѣялъ ея опасенія. Алевтина объявила ей, что намѣрена исполнить давнишнее свое желаніе, пристроить любезную родственницу въ своемъ домѣ, и если сыщется женихъ, выдать ее замужъ, какъ родную дочь. Старушка Прасковья Андреевна оросила ее слезами родственной любви и нѣжнаго участія къ судьбѣ несчастной сироты. Ей отвели хорошенькую комнатку въ домѣ, приставили къ ней служанку, обновили ея гардеробъ. Татьяна пришла сперва въ изумленіе отъ такихъ неожиданныхъ и незаслуженныхъ милостей со стороны людей, которые безъ

расчету никому въ свѣтъ добра не дѣлали, и вскорѣ догадалась, что ее ласкаютъ не проста. Не даромъ была она однофамилицею Алевтины: женская хитрость, упражнявшаяся всю жизнь въ изысканіи средствъ къ угожденію зажиточнымъ родственникамъ, нашла себѣ теперь достаточную пищу. Татьяна рѣшилась повиноваться, молчать и наблюдать: безъ труда замѣтила она старанія Алевтины сблизить ее съ княземъ, не догадывалась о дѣйствительной причинѣ этихъ замысловъ, но съ восторгомъ предалась мысли, быть княгиней и богатою, и вознамѣрилась употребить всѣ средства къ достиженію этой цѣли.

А что дѣлалъ между тѣмъ Кемскій? Беззаботность его была непродолжительна. Попривыкнувъ къ новой службѣ, не находя прежнихъ споровъ и неудовольствій въ домѣ сестры своей, онъ опять началъ призадумываться. Въ немъ дѣйствительно были двѣ жизни: одна существенная, такъ сказать, практическая, въ которой онъ занимался вседневными дѣлами, службою, обхожденіемъ съ людьми, къ которымъ былъ равнодушенъ, и когда эти дѣла наполняли всѣ его минуты, когда они его беспокоили, тревожили, онъ былъ доволенъ, не требовалъ и не искалъ ничего инаго; но лишь только случался въ этихъ обыкновенныхъ занятіяхъ какой либо промежутокъ, наполненный у иныхъ людей скукою, въ Кемскомъ возникала другая жизнь — возвышенная, не земная, мечтательная; онъ занимался и прежними дѣлами, но въ томъ участвовали только физическія его силы и низшія способности души, а

умъ, воображеніе, разсудокъ, чувство — носились въ мірѣ духовномъ. Въ это время одной малой искры достаточно было для воспламененія всей души его. Знакомые и родственники считали его нездоровымъ, но не беспокоились о слѣдствіяхъ, зная, что эти припадки у него часто случаются и со временемъ проходятъ.

Кемскій искалъ человѣка, съ которымъ могъ бы раздѣлять свою непостижимую тоску, свои гаданія и надежды. Онъ душевно любилъ Хвалынскаго, и всегда находилъ въ немъ друга и помощника, — но только въ дѣлахъ жизни обыкновенной. Когда Кемскій забирался въ области надзвѣздныя, другъ его сначала старался слушать его со вниманіемъ, употреблялъ всѣ силы, чтобъ ясно представить себѣ то, о чемъ князь говорилъ такъ положительно, но вскорѣ утомлялся, начиналъ зѣвать, и наконецъ рѣдко могъ удержаться отъ какого нибудь ѣдкаго замѣчанія. Кемскій не сердился на него, даже не жаловался, ибо не могъ требовать, чтобъ другіе безусловно принимали его мнѣнія, но мало по малу пересталъ говорить съ товарищемъ о любимыхъ своихъ предметахъ. Съ какимъ искреннимъ чувствомъ помышлялъ онъ объ Алимари! съ какимъ пламеннымъ восторгомъ вспоминалъ онъ о бесѣдѣ въ Токсовѣ! Но таинственный Италіянецъ скрылся изъ глазъ его, и нигдѣ нельзя было найти его слѣда. Не было сомнѣнія, что онъ оставилъ Петербургъ. Удивительно ли, что Кемскій, при этихъ пріятныхъ воспоминаніяхъ, съ душевнымъ

удовольствіемъ помышлялъ о тѣхъ, которые раздѣляли съ нимъ бесѣду въ тотъ незабвенный вечеръ! Встрѣтившись однажды съ Бериловымъ, онъ привѣтствовалъ его, какъ давнишняго, короткаго знакома. Бериловъ обошелся съ нимъ вѣжливо, застѣнчиво, неловко, и, по приглашенію князя, сталъ посѣщать его, сначала рѣдко, а потомъ, узнавъ добродушіе, откровенность, простоту нрава его, чаще и чаще. Кемскій полюбилъ художника, человѣка съ отличнымъ талантомъ, но страннаго и причудливаго. Бериловъ былъ скромнень, тихъ, покорень, даже слишкомъ учтивъ предъ людьми знатными и богатыми, доколѣ рѣчь шла о чемъ нибудь, кромѣ его художества. Когда же онъ говорилъ объ искусствахъ, когда предъ нимъ была хорошая картина, особенно собственной его работы, онъ становился твердъ, смѣлъ до дерзости, не давалъ никому выговорить слова, спорилъ до слезъ, и нерѣдко выходилъ изъ предѣловъ приличія. Но, свернувъ свой рисунокъ или отворотясь отъ оригинала Тиціанова, онъ становился прежнимъ простячкомъ и всепокорнымъ слугою всякаго, кто захотѣлъ бы имъ командовать. Не имѣя родни въ Петербургѣ, онъ жилъ нѣсколько лѣтъ одинъ, въ грязной комнатѣ, которую часто забывали топить, и страдалъ отъ грубостей и плутней наемнаго слуги, который оставлялъ его по цѣлымъ днямъ одного, вечеромъ приходилъ домой пьяный, и бранился съ господиномъ своимъ всю ночь. Бериловъ, занимаясь работою, частенько не обѣдалъ; и утолялъ голодъ хлѣбомъ и квасомъ, случайно оста-

вленными небрежнымъ Емельяномъ. Такой образъ жизни разстроилъ его здоровье. Одна добрая сосѣдка, занимавшаяся чужими дѣлами болѣе нежели своими, увидѣла бѣдственное положеніе Берилова и, испытавъ, что убѣжденія и слова на него не дѣйствуютъ, насильно вторглась въ его комнату, при помощи полиціи выгнала пьянаго слугу, и опредѣлила въ услуженіе къ нему свою золовку, о которой можно было сказать, что говорилъ покойный А. Е. Измайловъ о хорошей дворовой собакѣ: *предобрая, презлая!* Настасья Родіоновна вымыла, выскребла, вычистила пріютъ генія; одѣла его самого въ благопристойный сюртукъ; научила пить чай и кофе въ надлежащее время; кормила сытнымъ обѣдомъ, и прятала лишнія его деньги. Сначала вздумала она было принять команду и по искусственной части, но кроткій во всякомъ другомъ случаѣ Бериловъ грозно объявилъ ей, чтобъ она отнюдь не смѣла касаться святыни художествъ. Старуха догадалась, и мало по малу водворилась между юнымъ художникомъ и шестидесятилѣтнею боцманшею самая нѣжная дружба. Онъ предоставлялъ ей волю во всемъ, что не касалось главной цѣли его жизни, и только удивлялся, что Емельянъ, истрачивая вдвое болѣе, гораздо хуже кормилъ и одѣвалъ его, нежели Родіоновна. Она же привыкла къ странностямъ своего хозяина, и бранилась съ нимъ только тогда, когда онъ на картинахъ своихъ изображалъ неодѣтыхъ женщинъ, и садился на извозниковъ безъ ряды.

Страннымъ покажется, что Берилловъ, съ ограниченными своими познаніями и образованіемъ, безхарактерный и безтолковый, успѣлъ вселить дружбу и довѣренность въ просвѣщеннаго, умнаго Кемскаго. Но сколько мы видимъ въ жизни примѣровъ, что человекъ отличнаго ума и просвѣщенія всею душою привязывается къ необразованному простаку! Въ этомъ случаѣ не равенство ума и нрава, а какая-то тайная, неизъяснимая симпатія дѣйствуетъ на людей. Эта симпатія влекла Кемскаго къ художнику, и привязывала художника къ Кемскому.

Къ тому должно присовокупить еще одно обстоятельство. Князь нашелъ въ Берилловѣ человека, который слушалъ его жалобы и терпѣлъ причуды съ молчаніемъ и покорностью; не требовалъ, чтобъ князь занимался имъ каждую минуту, не гнѣвался и даже не примѣчалъ, когда князь цѣлый день не промолвить съ нимъ слова. Родіоновна радовалась, видя, что ея питомецъ знакомъ съ знатнымъ человекомъ, съ сіятельнымъ княземъ, и поддерживала въ немъ уваженіе и привязанность къ новому пріятелю, особенно потому, что для этого гостя не нужно было подавать пуншу. Въ веселыя минуты Кемскій заводилъ рѣчь о художествахъ, и радовался восторгамъ Берилова, шутилъ надъ любимыми его образцами, бранилъ бритыя головы древнихъ лицъ италіянской школы и мясистыя формы Рубенса, смѣялся надъ анахронисмами великихъ мастеровъ, и выводилъ артиста изъ терпѣнія. — Однажды Берилловъ, въ изступленіи отъ оскорб-

ленія, нанесеннаго памяти Караваджія, вскричалъ:
«Да какое вы имѣете право цыганить великихъ лю-
дей? Что вы сами? что вы произвели? Небось, въ кор-
пусѣ, рисовать учились, то есть, Андрей Петровичъ
Екимовъ за васъ рисовалъ на экзаменъ глазки и но-
сики!» — «Извините!» отвѣчалъ князь съ комическою
важностью: «я не только любитель, но и самъ худож-
никъ. Не угодно ли посмотрѣть моей работы? Теперь,
конечно, мнѣ нѣкогда заниматься рисованьемъ; но
было время.... Миша! потрудишь, братъ, принеси
зеленую папку изъ кабинета!» — Бериловъ въ мол-
чаніи вытаращилъ глаза. Принесли рисунки. Въ числѣ
ихъ было нѣсколько удачныхъ попытокъ, но ни одинъ
рисунокъ не былъ конченъ. Нашъ художникъ раз-
глядывалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и удоволь-
ствіемъ: онъ восхищался не самими рисунками, а
мыслию, что князь, уважаемый имъ во многихъ отно-
шеніяхъ, имѣетъ дарованіе къ художествамъ. —
«Ей Богу, изряднехонько!» говорилъ онъ: «Богъ
накажи меня, если я лучше нарисую вотъ эту пер-
спективу. А эта головка! Хоть бы въ академію ее!
Ну кто бы ожидалъ такихъ прекрасныхъ вещей отъ
природнаго князя! Ей, ей, прекрасно. Жаль только,
что нѣтъ ничего конченнаго.» — «И мнѣ самому жаль,»
отвѣчалъ князь: «да я, видите, художникъ недоуче-
ный, такъ и всѣ мои произведенія по мнѣ пошли.
Болѣе всего мнѣ жаль, что я не могъ, или, лучше
сказать, не умѣлъ кончить вотъ этого ландшафта: я
хотѣлъ изобразить одно мѣсто, гдѣ игривалъ въ дѣт-

скія лѣта, гдѣ гулялъ съ отцемъ, матерью, братомъ....» Слезы прервали рѣчь его. — «Позвольте, князь!» въ восторгѣ закричалъ Бериловъ: «я кончу этотъ ландшафтъ! Только въ бѣльшемъ видѣ, если не противно! Знаю, знаю, какъ это обработать. Вотъ тутъ побольше тѣни, а тамъ вдали — вижу, понимаю! Вы будете довольны.» — «И вы также!» сказалъ князь, отдавая ему бумагу. — «Что вы подѣ этимъ разумѣете?» спросилъ оскорбленный Бериловъ: «неужели плату? Такъ знайте, что этого мнѣ не нужно! Если бѣ я бралъ за свои произведенія должную плату, то былъ бы богаче нашего эконома въ академіи. Но я гнушаюсь деньгами, и не бралъ бы ни копейки за труды свои, если бѣ не Родіоновна и не андреевскій рынокъ.... Боже! Боже мой!» продолжалъ онъ въ полголоса: «творить, созидать, работать для потомства — и брать деньги! Деньги! что это? Негодныя бумажки, на которыхъ и ученической головки не нарисуешь. И за мои картины! За этотъ ландшафтъ, который я вижу на бумагѣ! Вижу, сударь, вижу!» вскричалъ онъ, оборотясь къ Кемскому: «вижу его въ моей душѣ, и вы вскорѣ увидите его на дѣлѣ! Вскорѣ, то есть — ну, все равно! только увидите!» Кемскій радовался, что восторженный артистъ забылъ о его предложеніи, и отдалъ ему эскисъ. Бериловъ схватилъ его съ жадностью, и побѣжалъ домой. Мѣсяца три не говорилъ онъ князю ни слова объ успѣхѣ своей работы, а только посматривалъ на него торжественно. Наконецъ, въ такое время, когда князя не

было дома, онъ принесъ къ нему свою картину, написанную въ самомъ большомъ размѣрѣ, поставилъ ее въ кабинетъ князя, освѣтилъ ее по всѣмъ правиламъ, и, уходя, наказалъ людямъ, чтобъ они, при возвращеніи князя, отнюдь не предупреждали его о томъ, что онъ найдетъ въ своей комнатѣ. Онъ хотѣлъ поразить друга своего нечаянностью.

XVI.

Кемскій, занимаясь попеременно то дѣлами, то мечтами, не замѣчалъ бури, которая собиралась надъ его головою. Алевтина, съ достойными помощниками, подвигалась безпрепятственно къ своей цѣли. Надобно было удалить отъ брата ея всѣхъ людей, которые могли бы препятствовать исполненію ея замысловъ. Прекращеніе знакомства съ Хвалынскимъ было ей очень благопріятно. Она поручила Тряпицыну добраться, съ кѣмъ чаще всего видится князь. Тряпицынъ донесъ ей, что чаще всякаго другаго бываетъ у него какой-то живописецъ, человѣкъ простой и недалъновидный, слѣдственно неопасный; что Хвалынскій также нерѣдко посѣщаетъ князя, но только урывками, будучи слишкомъ занятъ какою-то должностью. Болѣе ничего не могъ онъ узнать, ибо главный изъ слугъ князя, камердинеръ его, Мишка, не охотно вдается въ разговоры о своемъ баринѣ, и что-то косо

поглядываетъ на господина секретаря, эконома и казначея, когда онъ, подъ какимъ либо предлогомъ, явится у нихъ въ домъ. — «Главное дѣло, ваше превосходительство,» говорилъ Тряпицынъ Алевтинѣ (которая предъ домашними людьми не слагала прежняго своего титула): «состоить въ томъ, чтобъ удалить сего мошенника, Мишку. Я знаю отъ вѣрныхъ людей, что онъ обкрадываетъ своего барина, а Князь Алексѣй Ѳедоровичъ такъ добръ и великодушенъ, что не изволить сего видѣть. Надобно какъ нибудь удалить этого вреднаго холопа; услать его подальше, чтобъ онъ не могъ и воротиться.» — Чрезъ нѣсколько дней Алевтина объявила Кемскому, что мать Мишкина, живущая въ симбирской деревнѣ, опасно больна и непременно желаетъ видѣть сына, и что управитель, боясь отказа своего барина, обратился къ его сестрицѣ съ просьбою о ходатайствѣ. Князь не колебался ни минуты: отправился домой, и объявилъ Мишкѣ о болѣзни и о желаніи его матери; сказалъ, что охотно отпускаетъ его, и позволяетъ оставаться въ деревнѣ, доколѣ будетъ нужно. Вѣрный слуга, залившись слезами, бросился въ ноги къ своему доброму барину, и въ первыя минуты не хотѣлъ его оставить; но когда самъ князь растолковалъ ему, что обязанности чело-вѣка къ родителямъ его суть первыя въ свѣтѣ, онъ, скрѣпя сердце, отправился въ домъ Алевтины, и въ тотъ же вечеръ посланъ былъ въ деревню съ новымъ винокуромъ, выписаннымъ изъ Лифляндіи. — Князь грустилъ по слугѣ своему, какъ по вѣрномъ другѣ,

Мишка не понималъ своего барина умомъ, но постигалъ его сердцемъ — берегъ его сколько могъ, угождалъ его малымъ слабостямъ, не тревожилъ въ часы унынія, и честно распоряжалъ его дѣлами. На мѣсто Мишки, Алевтина пристроила къ князю камердинера покойнаго своего мужа, человека тихаго, но глухаго до крайней степени. Если бѣ въ свѣтѣ узнали это достоинство Медора, онъ могъ бы сдѣлать блистательную карьеру. Каждое дѣйствіе, каждый шагъ Кемскаго были извѣстны Алевтинѣ и ея помощнику. Она перечитывала всѣ письма, которыя получалъ или отправлялъ Кемскій, имѣла свѣдѣнія, какія книги онъ читаетъ — словомъ, обладала всѣми средствами къ уловленію брата. Всякая другая, на ея мѣстѣ, короче узнавъ этого добродѣтельнаго человека, почувствовала бы къ нему еще бѣольшую любовь и искреннѣйшее уваженіе: всѣ дѣла, всѣ помыслы, всѣ чувствованія князя основаны были на чистѣйшей нравственности, на истинномъ благородствѣ, и самая мечтательность его была духовная, религіозная. Но это открытіе еще болѣе воспламеняло ревность и жадность Алевтины: она видѣла, что Кемскій, вступивъ въ бракъ по склонности, привяжется къ женѣ всею душою, и что судьба дѣтей ея тогда будетъ зависѣть отъ благорасположенія этой жены. Притомъ же душевное превосходство брата вселяло въ нее непримиримую къ нему злобу и ненависть. Жестоко, но справедливо замѣчаніе, что люди скорѣе простятъ ближнему гнусный порокъ, нежели блистательную

добродѣтель. Болѣе всего старалась она узнать, нѣтъ ли у него какой склонности, не занято ли его сердце. Долгое время не находила она ни какихъ слѣдовъ, но вдругъ поразили ее слова въ письмѣ къ Вышати-ну, бывшему тогда въ Москвѣ: «Всѣ мои поиски донынѣ были тщетны. Алимари нѣтъ, какъ нѣтъ. Это существо таинственное явилось и исчезло, оставивъ въ умѣ и сердцѣ моемъ глубокое впечатлѣніе. Но я не унываю: буду искать и надѣяться, и когда найду, ни какія силы не разлучатъ насъ.» — «Нашла, нашла!» невольно закричала Алевтина, и сообщила открытіе свое Татьянѣ Петровнѣ и Тряпицыну. У ревности и подозрѣнія глаза велики: они втроемъ сплели цѣлый романъ; увѣрились, что князь влюбленъ въ иностранку Алимари; что она скрылась, вѣроятно, по расчетамъ кокетства, что онъ твердо намѣренъ на ней жениться, и т. д. Открытіе ужасное! Алевтина употребила еще одинъ способъ, чтобъ увѣриться въ этихъ предположеніяхъ. Дня чрезъ два, за чаемъ, когда сидѣли у нее Кемскій и еще нѣсколько человѣкъ постороннихъ, она издалека завела рѣчь объ италіянскомъ театрѣ, и когда пошли сужденія и споры, вмѣшалась въ разговоръ, будто невзначай: «Болѣе всѣхъ нравится мнѣ пѣвица — какъ бишь зовутъ ее — Сапоретти, Гаспарини — нѣтъ! Алимари, — кажется?» — При этомъ словѣ Кемскій взглянулъ на сестру въ недоумѣніи, покраснѣлъ и ждалъ продолженія. — Для ней было довольно! На замѣчаніе одного изъ гостей, что это должна быть Гаспарини, она согласилась съ нимъ, и

продолжала разговоръ равнодушно, какъ будто не замѣчая движенія въ братѣ. И онъ думалъ, что никто не видалъ его волненія, но оно не укрылось ни отъ одной изъ женщинъ: и старушка Прасковья Андреевна, и Татьяна Петровна, и скромная Наташа замѣтили, что имя Алимари подѣйствовало на молодого человѣка съ волшебною силою. — «Нечего терять время!» воскликнула Алевтина, и объявила Татьянѣ Петровнѣ, что, любя ее душевно, желаетъ женить на ней брата, особенно потому, что у него есть интрига съ иностранкою, Богъ знаетъ какою: что эта иностранка скрылась, и что должно воспользоваться временемъ ея отсутствія. Татьяна Петровна совершенно постигла намѣреніе и виды почтенной своей благодѣтельницы, и обѣщала помогать ей всѣми силами, а сама въ душѣ положила дѣйствовать для себя, и употреблять Алевтину орудіемъ къ достиженію собственной своей цѣли.

ХVII.

Если бѣ всѣ люди, съ немногими исключеніями, родились въ свѣтъ съ однимъ и тѣмъ же талантомъ; если бѣ они поставляли употребленіе на пользу этого таланта предметомъ и цѣлю всей своей жизни; если бѣ ежедневно старались въ немъ упражняться — до какой степени совершенства достигло бы въ теоріи и на

дѣлѣ искусство, требующее этого таланта! Теперь подумайте, что женщины одарены отъ природы всѣми способами нравиться мужчинамъ, и уловлять ихъ въ свои сѣти, что все воспитаніе ихъ состоитъ въ усовершеніи этихъ способовъ, а вся жизнь посвящена употребленію природныхъ дарованій, изощренныхъ воспитаніемъ — и не дивитесь послѣ этого, что это искусство доведено въ свѣтѣ до высшей степени совершенства! Не дивитесь, что люди умные, образованные, опытные, легко попадаютъ въ сѣти, разставленные женщинами ограниченнаго ума, непросвѣщенными и во всемъ другомъ неискусными. Добрый, благородный, но слишкомъ мягкосердый Кемскій не умѣлъ остеречься отъ сѣтей, разставленныхъ ему прекраснымъ поломъ, при помощи непрекраснаго. Татьяна Петровна, узнавъ о склонности его къ чудесному и сверхъестественному, стала толковать, будто невзначай, объ этихъ предметахъ, и умѣла обратить на себя его вниманіе. Она старалась читать тѣ книги, которыя онъ читалъ въ это время, и находила средства занимать его умъ и воображеніе. Гдѣ не доставало познаній и разсудка, тамъ употреблялись обыкновенныя уловки: молчаніе, значительная улыбка, будто бы произвольный вздохъ. Кемскій сталъ привыкать къ ея бесѣдѣ, старался не примѣчать ея слабостей и недостатковъ, и въ скоромъ времени началъ находить въ Татьянѣ Петровнѣ достоинства и добродѣтели. Мачиха и сестра пѣли похвальный дуэтъ въ пользу сиротки: то—то сердце, то—то душа; что за хозяйка бу-

детъ; бѣдная сирота гора натерпѣлась, такъ сбережетъ мужнину копѣйку. Наташа не вторила этимъ хваламъ: Кемскій приписывалъ это обыкновенному ея хладнокровію и эгоизму; изрѣдка только чудилось ему въ глазахъ ея выраженіе какого-то сожалѣнія, какого-то горестнаго чувства. Мысль, что Татьяна Петровна можетъ сдѣлаться подругою его жизни, что она будетъ понимать его мысли и раздѣлять чувства, мало по малу укоренилась въ его душѣ. Онъ заключалъ, что эта дѣвица должна имѣть необыкновенныя достоинства, когда женщины, завистливыя и недоброжелательныя къ своимъ ближнимъ, каковы Прасковья Андреевна и Алевтина Михайловна, отдаютъ ей должную справедливость. Онъ долго собирался открыться въ этомъ, но какая-то непостижимая сила его удерживала. Однажды, просидѣвъ цѣлый вечеръ у сестры, въ бесѣдѣ съ нею и съ Татьяною Петровною, онъ воротился домой въ большомъ разстройствѣ. Нѣсколько разъ порывался онъ именно въ этотъ вечеръ объясниться съ ними, но никакъ не смѣлъ. Наконецъ онъ твердо рѣшился прекратить это недоумѣніе, и уже началъ обращеніемъ къ Алевтинѣ, но вдругъ послышался изъ другой комнаты очаровательный голосъ Наташи; онъ смѣшался и умолкъ. Дома, ложась спать, онъ взялся, по обыкновенію, за книгу, и когда развернулъ ее, вынала изъ нея запечатанная записка, безъ адреса. Кемскій распечаталъ ее, и прочиталъ на французскомъ языкѣ слѣдующее;

«Берегитесь. Вы стоите на краю пропасти. Въ послѣдствіе времени ради будете отдать жизнь свою, чтобъ воротить прошедшее, но уже будетъ поздно. Васъ предостерегаетъ

Алимари.»

2-го Октября 1798.

Кемскій оцѣпенѣлъ. Читалъ записку нѣсколько разъ, наконецъ позвалъ Медора, и спрашивалъ, не присылалъ ли кто нибудь записки, не входилъ ли чужой человѣкъ въ комнату. Медоръ клялся, что никого не было, и говорилъ правду. Кемскій повѣрилъ ему, и крѣпко задумался. Алимари здѣсь? Алимари нашелъ меня? Алимари предостерегаетъ меня отъ какого-то несчастія, а самъ не является! Что это за несчастіе? что за опасность? По службѣ я не знаю ни какихъ огорченій, враговъ у меня нѣтъ. Обхожусь я коротко только съ ближайшими родными. Одна мысль смѣняла другую, и всѣ онѣ безостановочно терзали бѣднаго князя. Во всю ночь не могъ онъ заснуть: лишь задремлетъ, страшныя видѣнія начнутъ терзать его. Онъ всталъ утомленный, измученный; отправился къ разводу, потомъ къ сестрѣ. Тамъ всѣ испугались, увидѣвъ, въ какомъ онъ положеніи. Всѣ удвоили попеченія о немъ, и даже холодная, безсердечная Наташа, замѣтивъ блѣдность и нездоровье князя, видимо смутилась. Спрашивали о причинѣ его разстройства. Князь отвѣчалъ, что наканунѣ читалъ страшную исторію, и она снилась ему всю ночь и

мѣшала спать. Алевтина изъясляла самое дружеское соболѣзнованіе; мало по малу обратила рѣчь на скуку одинокой жизни князя, на семейственные радости, которыя ожидаютъ добраго человѣка въ счастливомъ бракѣ, и нечувствительно довела его до того, что онъ признался ей въ желаніи жениться на Татьянѣ Петровнѣ. Алевтина крайне обрадовалась этому избранію, но представилась, будто вовсе того не ожидала, и обѣщала брату поговорить съ Танею. Прасковья Андреевна, бывшая притомъ, заплакала и благословила пасынка, а онъ, кончивъ трудное признаніе, сидѣлъ въ глубокой думѣ. Вдругъ взглянулъ въ открытую дверь темной залы, поблѣднѣлъ, задрожалъ, и вскричавъ: «она! она!» бросился опрометью изъ комнаты. Въ передней набросилъ онъ на себя шинель, выбѣжалъ на крыльцо, кинулся въ коляску, и закричалъ: «домой!»

Алевтина, ея мать, Татьяна Петровна, Иванъ Егоровичъ — всѣ въ домѣ были до крайности изумлены и испуганы этимъ случаемъ. Алевтина въ ту же минуту поручила Ивану Егоровичу ѣхать вслѣдъ за княземъ, узнать, если можно, о причинѣ быстрого его удаленія, освѣдомиться, не боленъ ли онъ, и, въ случаѣ болѣзни, пригласить его переѣхать къ ней въ домъ, гдѣ удобнѣе можно будетъ его пользоваться. Фонъ-Дракъ взглянулъ на Тряпицына, спрашивая взорами что дѣлать. — «Поѣзжайте, поѣзжайте, ваше высокоблагородіе,» сказалъ Тряпицынъ: «и постарайтесь непременно убѣдить его сіятельство къ

переезду въ вашъ домъ. Здѣсь онъ будетъ, аки на лонѣ Авраамлемъ.»

Фонъ-Дракъ поспѣшилъ исполнить приказанное. Прискакавъ въ квартиру Кемскаго, входитъ онъ въ залу, въ гостиную — нѣтъ никого, — наконецъ въ кабинетъ, и видитъ, что князь лежитъ въ обморокъъ посреди комнаты, а Медоръ, горько рыдая, старается привести его въ чувство. Кабинетъ былъ ярко освѣщенъ. Всю заднюю стѣну его занимала невиданная дотолѣ Фонъ-Дракомъ картина, представлявшая сельскій видъ. Медоръ разсказалъ отрывисто, что баринъ за четверть часа предъ симъ пріѣхалъ домой, блѣдный, разстроенный, и когда вошелъ въ кабинетъ и увидѣлъ эту картину, принесенную безъ него живописцемъ, закричалъ: «Что это? гдѣ я!» задрожалъ и лишился чувствъ. — «Батюшка, Иванъ Егоровичъ!» примолвилъ Медоръ: «скажите ради Бога, что это съ нимъ приключилось?» — «Ничего,» отвѣчалъ Фонъ-Дракъ: «просто съ ума сошелъ. А всему виною проклятыя картины да книги. Ну, дворянину ли, князю ли этимъ заниматься! Но теперь, помоги мнѣ, Медоръ, свести его въ карету. Алевтина Михайловна именно приказала мнѣ, въ случаѣ болѣзни, непременно поставить его къ ней. Ужъ она сбережетъ его!» — «Вѣстимо, батюшка Иванъ Егоровичъ! До кого другаго, а ужъ до брата ея превосходительство куда какъ ласкова и милостива. Бережетъ, какъ сына роднаго. Прійдешь къ ней, такъ спросамъ конца не бываетъ: кто-де былъ у него, куда самъ ѣздилъ, здо-

ровъ ли, не грѣзилось ли ему чего, какія письма онъ получилъ, какія отправилъ, даже какія книги читаетъ — все ей знать надобно. Ужъ подлинно мать родная! Только—де Медоръ, унаси тебя Боже, если ты хоть словомъ обмолвишься передъ княземъ. Куда—де, матушка, ваше превосходительство! Стану ли я поступать противъ вашего господскаго приказанія! Для его же добра обо всемъ доложу вамъ. Дѣло его молодое, самъ за собою не присмотритъ.» — Во время этого монолога, князя завернули въ шубу, снесли въ карету, и фонъ—Дракъ повезъ его домой. Онъ все это время былъ въ безпамятствѣ. Алевтина, Прасковья Андреевна и Татьяна Петровна встрѣтили его съ горькимъ плачемъ. Его отнесли въ особую комнату, раздѣли и положили въ постель. Онъ очнулся и началъ бредить. Алевтина послала за знаменитѣйшими по чинамъ и орденамъ врачами.

И въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлалось съ Кемскимъ? Въ разговорѣ съ Алевтиною, онъ чувствовалъ какое—то мучительное безпокойство, какъ будто ему предстояло несчастье, и когда высказалъ все, что хотѣлъ давно сказать ей, когда на минуту показалось ему, будто онъ облегчилъ свое сердце — вдругъ невольно взглянулъ на дверь темной залы, и тамъ увидѣлъ черную женщину. Она посмотрѣла на него печально, покачала головою, какъ будто не одобряя его поступка, и исчезла. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и бросился изъ комнаты; самъ не зная для чего, сѣлъ въ коляску и поспѣшилъ домой. Быстрыми ша-

гами вошелъ онъ въ кабинетъ, и вдругъ увидѣлъ предъ собою изображеніе знакомаго, драгоцѣннаго для него мѣста. Бериловъ, по какому-то таинственному *чутью*, отгадалъ характеръ ландшафта, и изобразилъ его съ величайшею точностью, какъ будто бы снялъ съ натуры. Князь, настроенный уже къ необыкновеннымъ явленіямъ, не догадался, что это давно ожидаемая имъ картина, вообразилъ, что дѣйствительно перенесенъ въ то незабвенное мѣсто: мысли его смутились, чувства взволновались, и онъ лишился памяти.

ХVIII.

Въ Кемскомъ открылись признаки жесточайшей первической горячки. Для окружающихъ онъ былъ въ безпамятствѣ; самъ же сохранилъ въ себѣ какое-то темное чувство: когда передъ его глазами было свѣтло, въ слухъ его раздавались разные нестройные голоса; ему чудилось, что въ него вливаютъ ядъ и пламя; мученія его усугублялись, становились нестерпимыми и выражались горькими воплями; когда же вокругъ него становилось темно, тогда эти мучительные голоса утихали: ему казалось, что онъ перенесенъ въ другой міръ, что руки ангеловъ поддерживаютъ его разгоряченную голову, что онъ вкушаетъ небесное цѣлебное питье, и вслѣдъ за тѣмъ онъ впа-

далъ въ сонъ сладкій и крѣпительный; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этихъ усладительныхъ минутъ, и въ часы страданій произносилъ стѣнящимъ голосомъ: «Ночь! ночь! наступи скорѣе: свѣтъ мнѣ несносенъ!» Наконецъ все это слилось въ одно общее чувство оцѣпенѣнія. Долго ли онъ лежалъ въ совершенномъ безпамятствѣ, этого онъ не помнилъ; только, пришедъ въ себя, онъ почувствовалъ необыкновенный холодъ; онъ лежалъ на чемъ-то жесткомъ и колючемъ; вокругъ него слышались голоса. Онъ хотѣлъ открыть глаза — невозможно, приподняться — нѣтъ силы, протянуть одну изъ рукъ, сложенныхъ на груди — не двигается, вымолвить слово, испустить вздохъ — не стаешь дыханія. Мало по малу приходилъ онъ въ себя, припоминалъ прошедшее, старался догадаться что съ нимъ сдѣлалось, и наконецъ удостовѣрился, что лежитъ въ гробу, что съ нимъ случился припадокъ омертвѣнія, или мнимой смерти. Онъ былъ въ совершенной памяти: чувство слуха, а отчасти и зрѣніе, принимали впечатлѣнія извнѣ, но весь прочій составъ его былъ въ совершенномъ оцѣпенѣніи, и всѣ усилія выйти изъ этого состоянія — подать малѣйшій признакъ жизни движеніемъ или голосомъ — напрасны. Что происходило въ это время въ душѣ его? Онъ былъ совершенно покоенъ, какъ выздоравливающій отъ болѣзни послѣ перваго крѣпительнаго сна: мысль объ опасности, въ которой онъ находился — быть заживо погребеннымъ, уступала мѣсто надеждѣ, что ему непременно удастся въ скоромъ времени вывести

изъ заблужденія особъ, его окружающихъ. Онъ припоминалъ что съ нимъ было; помышлялъ о Хвалынскомъ, о Бериловѣ, о Татьянѣ, о Наташѣ; вспоминалъ, что во снѣ, такъ ему казалось, былъ перенесенъ на свою родину.

Движеніе и шумъ, вокругъ него происходившіе, прервали это мечтаніе. Кто-то стоялъ у его изголовья и рыдалъ. Вдругъ раздался голосъ Алевтины: «Ну, полно же хныкать-то! мертваго не разбудишь. Медоръ! сведи Сережку къ Натальѣ Васильсвнѣ, да спроси, на что это походить, выпускать этого шалуна изъ комнаты? Теперь не до него!» — «Слушаю, сударыня! Пойдемъ-же, батюшка Сергѣй Ивановичъ; дяденька ужъ не встанетъ — царство ему небесное!» Ребенокъ зарыдалъ громче прежняго, и вышелъ съ Медоромъ. — «Не встанетъ,» повторила Алевтина: «наконецъ уговорился. Я съ своей стороны сдѣлала все, что могла, и теперь чиста духомъ и сердцемъ предъ Господомъ Богомъ. Четыре доктора вдругъ лечили его; иногда по восьми разъ въ день лекарство перемѣняли. И въ аптеку бѣгалъ не какой нибудь холопъ, а Эльпифидоръ Силичъ, самъ лекаръ. Ужъ подлинно какъ князя лечили, да Богу не угодно было внять нашимъ молитвамъ. Да будетъ воля его святая! Прошедшаго не воротишь. — Теперь я въ домѣ полная барыня и всему наслѣдница, и сынъ мой старшій вступаетъ во всѣ права покойника. Яковъ Лукичъ! напишите въ герольдію просьбу объ утвержденіи за нимъ фамиліи и герба Князей Кемскихъ. — Да что это

Демка не вернулся отъ портнаго? Я безъ траура, какъ безъ правой руки. Надобно проучить этихъ негодяевъ, а перваго злодѣя Мишку. Отъ его проказъ покойникъ и въ землю пошелъ. Напиши, папенька, Иванъ Егоровичъ, управителю, чтобъ держалъ его въ ежовыхъ рукавицахъ.» — Въ это время послышался голосъ вошедшаго въ залу слуги: «Графиня Марья Александровна пріѣхать изволили!» — «Отказать!» — «Нельзя—съ, ваше превосходительство: Степанъ доложилъ ея сіятельству, что вы дома — графиня изволитъ итти.» — «Ахъ, вы злодѣи! Да я въ отчаяніи, въ спазмахъ, въ обморокѣ — братъ умеръ! До гостей ли мнѣ!» — Атласное фуру графини зашумѣло въ дверяхъ. — Алевтина бросилась на стулъ и громко зарыдала. Князь слышалъ, какъ старушка графиня старалась утѣшить неутѣшную, какъ приводила, въ подкрѣпленіе своихъ увѣщаній, всѣ *общія мѣста*, употребляемыя въ такихъ случаяхъ, но тщетно: рыданія Алевтины усиливались съ каждою минутою. Графиня, истощивъ все свое краснорѣчіе, умолкла; раздался посреди рыданій и всхлипываній звукъ прощальныхъ поцѣлуевъ, и фуру опять зашумѣло въ дверяхъ. Тонъ Алевтины въ минуту перемѣнился. «Никого не пускать на дворъ!» вскричала она: «эти визиты слишкомъ меня утомляютъ; я не вытерплю. Слышите ли, Иванъ Егоровичъ?» — По полу шаркнуло и послышалась дробь: «да, да, да, да!» — Опять кто-то вошелъ въ залу. Опять раздался звонкій голосъ Алевтины: «Это что значитъ, сударыня? По комъ это изволили въ

глубокій трауръ нарядиться? Раненько, матушка!» — «Да онъ былъ мнѣ нарѣченный женихъ, тетушка Алевтина Михайловна!» отвѣчалъ голосъ Татьяны Петровны. — «Вотъ что еще выдумала! Перекрестись, сударыня! Нарѣченный женихъ! Пожалуй еще вздумаешь требовать седьмой доли изъ наслѣдства! Полно, полно, сударыня, вздоръ нести. Извольте образумиться.» — «Помилуйте, тетушка!» возразила Татьяна Петровна: «да развѣ я не вашу волю исполняла, жертвуя собою? Что мнѣ было радости въ этомъ взбалмошномъ женихѣ? Того и гляди бывало, что въ желтый домъ свезутъ его! Я для него, то есть для васъ, бросила въ Москвѣ жениха красавца и умнаго. Вы ублажали меня: выдѣ за него, Танюшка! здоровье — де его плохое; сегодня, завтра ножки протянетъ, такъ мы посестрински подѣлимся. Вотъ Богъ прибралъ его до сроку, такъ я вамъ и въ тягость. Да виновата ли я, что вы не рассчитали? Вообразите, что я, въ угожденіе вамъ, рисковала быть женою полоумнаго чело-вѣка, который всю жизнь бредилъ, какъ въ бѣлой горячкѣ!» — «Ахъ, ты неблагодарная!» закричала Алевтина: «да развѣ я не добра тебѣ хотѣла! Вонъ, сію минуту вонъ изъ дому! Поносить покойнаго братца, этого ангела Божія! Онъ-де взбалмошный, онъ сумасшедшій! Ахъ, ты московская вертушка! Да какъ ты смѣла? Убирайся къ своему болвану жениху! Экая красавица! Еще, чай, стрѣляться за тебя будутъ! Вонъ, съ глазъ моихъ!» — Татьяна Петровна громко заплакала и вышла изъ залы; Алевтина же, обратясь

къ Тряпицыну, сказала: «Прошу васъ, Яковъ Лукичъ, постарайтесь отправить эту мамзель, какъ можно скорѣе, обратно въ Москву. Вотъ благодарность за мои попеченія! Богъ съ нею! Я ей зла не желаю. — Да поторопите, чтобы скорѣе изготовили трауръ для дѣтей. Князь Григорью плерезы велитешить пошире. Сережку баловать нечего: и безъ обновы проживетъ. Довольно ужъ на вѣку своемъ заѣлъ изъ имѣнія бѣдныхъ моихъ дѣтей, да теперь я госпожа въ домѣ! А вы, Иванъ Егоровичъ, извольте ѣхать въ Лавру, да похлопочите, чтобъ погребеніе было приличное нашему званію. Я въ важныхъ случаяхъ, вы знаете, денегъ не жалѣю. Гдѣ идетъ дѣло о родственномъ долгѣ, о чести фамиліи, тамъ экономія не у мѣста.» Алевтина вышла изъ залы. Всѣ послѣдовали за нею. Настала тишина. Горестныя ощущенія волновали бѣднаго Кемскаго: предъ нимъ спала завѣса; онъ увидѣлъ во всей наготѣ жадность, неблагодарность, коварство и мстительность своей сестры, и подлость ея помощниковъ; увидѣлъ, что Татьяна Петровна играла выученную ею роль, и только удивлялся, какъ не замѣтилъ этого ранѣе. И въ какомъ гнусномъ видѣ являлись сердце и нравъ Алевтины: въ общественной жизни она умѣла воздерживаться, и въ порывахъ страстей говорила языкомъ женщины благовоспитанной, а нынѣ, когда не стало надобности притворяться, унизилась до ругательствъ, какихъ постыдилась бы ея ключница. Кемскій, въ эти ужасныя минуты, не думалъ о своемъ бѣдственномъ положеніи, и даже

готовъ былъ желать дѣйствительной смерти. Къ тому присоединились и терзанія оскорбленнаго самолюбія: его любили, ласкали, уважали — за одно его богатство. Одинъ Сережа плакалъ по немъ, но онъ еще ребенокъ: возмужавъ, и онъ сдѣлается холоднымъ эгоистомъ и лицемеромъ. Въ головѣ страдальца закружилось: онъ сталъ забываться — неясныя мечтанія затолпились предъ его глазами, и онъ опять впалъ въ безпамятство.

XIX.

Но это забвеніе не было уже прежнимъ мертвеннымъ оцѣпенѣніемъ. Сильнымъ потрясеніемъ чувствъ произведена была въ немъ благотворная переменна: онъ погрузился въ тихій, крѣпительный сонъ. Когда онъ чрезъ нѣсколько часовъ проснулся, вокругъ него было темно. Лице его было покрыто прозрачною дымкою. У изголовья горѣла тусклая свѣча, и слышалось тихое чтеніе псаломщика. Кемскій мало по малу пришелъ въ себя, и вспомнилъ что съ нимъ случилось, и гдѣ онъ находится. Онъ ощущалъ возрожденіе чувствъ и силъ своихъ; могъ дышать свободнѣе; слышалъ біеніе сердца; думалъ, что можетъ и двигаться, но боялся подать знакъ жизни, чтобъ не испугать чтеца. Въ комнатѣ было очень прохладно. Вдругъ растворилась дверь, и раздался голосъ ключницы:

«Володимірычъ! Подь—ко сюда, поужинай, да и со-
сни.» — «Нельзя, бабушка,» проворчалъ псалом-
щикъ: «не смѣю отойти отъ покойника.» — «Полно
манериться, родной! Сама генеральша велѣла накормить и уложить тебя. Что теперь читать? дѣло ночное.
У насъ и лекарей на ночь отпускали, и только съ
утра начинали давать лекарства. Легкое ли дѣло тебѣ
завтра до Лавры за покойникомъ тащиться! Поку-
шаешь, отдохнешь, такъ съ силами соберешься. А
завтра я ранехонько разбужу тебя. Ступай, небось!»
— «Не что!» сказалъ псаломщикъ: «конецъ и Богу
слава!» захлопнулъ книгу, и ушелъ, взявъ съ собою
свѣчу.

Князь остался одинъ, въ совершенной темнотѣ.
Онъ не зналъ что дѣлать: оставаться въ гробу —
опасно, холодно; встать—перепугаешь весь домъ, да
и будетъ ли силы добратъ до жилыхъ покоевъ? Въ
это время ударилъ часъ; слышался шорохъ легкихъ
шаговъ, и лучъ свѣта проникъ сквозь замочную сква-
жину двери, ведущей въ общій коридоръ. Сердце его
забилося надеждою. Отмыкаютъ дверь; она отворяет-
ся, и входитъ въ залу женщина — въ черномъ платьѣ,
съ распущенными по плечамъ черными волосами, неся
въ рукахъ свѣчу. Кемскій, увидѣвъ свою всегдашнюю
мечту, вообразилъ, что это явленіе возвѣщаетъ ему
о наступленіи смертнаго часа; но она не останавли-
вается вдали, какъ обыкновенно, а подходитъ медлен-
но, озираясь во всѣ стороны, ближе и ближе, ста-
вить свѣчу на столикъ у изголовья, а сама обра-

щается къ гробу. Въ эту минуту Кемскій узналъ Наташу — блѣдную, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами. Она подошла къ гробу, бросилась на покойника, и прижала горячія губы къ его рукѣ. Слезы ея, жаркія слезы текли ручьемъ. Рыданія занимали духъ. «Теперь могу сказать тебѣ,» промолвила она едва внятнымъ голосомъ: «какъ страстно я тебя любила! Могу тебѣ поклясться, что никого въ мірѣ такъ любить не буду и не могу!» Слезы пресѣкли ея голосъ. Кемскій былъ въ изумленіи: сердце его забилося восторгомъ; онъ готовъ былъ прижать Наташу къ груди своей, но страшился испугать, убить ее; старался не подать ни малѣйшаго знака жизни, удерживалъ дыханіе, сторожилъ за каждымъ біеніемъ пульса. Наташа приподнялась, отошла отъ гроба, сѣла на стулъ, и въ молчаніи вперила томные глаза свои на любезнаго. Черезъ нѣсколько минутъ растворилась дверь въ залу, и вошла другая дѣвица, жившая въ домѣ Алевтины. «Что вы это дѣлаете, Наталья Васильевна!» спросила она съ состраданіемъ: «Вы мучите себя, а мертваго не разбудите. Упаси Боже, если Алевтина Михайловна узнаетъ, что вы и прощаться къ нему приходили!» — «Оставьте, оставьте меня, Авдотья Семеновна!» сказала Наташа слабымъ голосомъ: «дайте на него наглядѣться. Завтра, черезъ нѣсколько часовъ, увезутъ его навсегда.» — «Полно те тосковать!» продолжала дѣвица: «ужъ вы ли мало для него дѣлали! Вотъ третья недѣля, что глазъ не смыкали, сидя у его постели. И батюшка вашъ ста-

рался объ немъ, какъ о родномъ сынѣ, но, видно, Богу не было угодно, чтобъ князь выздоровѣлъ. Перестаньте, ради Бога, терзаться!» Наташа объявила рѣшительно, что хочетъ провести сколько можно болѣе времени у тѣла того, кто ей былъ всего дороже въ жизни. Авдотья Семеновна перестала увѣщевать ее, но не уходила. Изъ рѣчей ихъ Кемскій узналъ, что Наташа съ перваго дня его болѣзни увидѣла, сколь мало будетъ пользы отъ леченья, которое производилось съ шумомъ и только для виду; что днемъ толпилось около его постели множество докторовъ, лекарей, подлекарей, а съ наступленіемъ ночи онъ оставался одинъ, безъ всякой помощи и призрѣнія. Алевтина именно запретила и людямъ оставаться на ночь при больномъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ имѣетъ надобность въ отдохновеніи. Наталья Васильевна воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, бросилась къ отцу своему, и, рассказавъ всѣ обстоятельства фамиліи, умоляла его помочь несчастному, котораго готовы уморить жадные наслѣдники. Василій Григорьевичъ Павленко, человекъ истинно добродѣтельный, врачъ искусный и совѣстный, согласился на просьбы дочери, не подозрѣвая впрочемъ, чтобъ это усердіе ея къ благу молодаго князя было иное что, какъ любовь къ ближнему. При помощи одного стараго, вѣрнаго служителя, почтенный врачъ являлся въ домъ съ наступленіемъ ночи, смотрѣлъ больного, испытывалъ предписанныя ему лекарства, и когда не находилъ ихъ дѣйствительными, (что случалось

почти всегда), давалъ ему свои. Между тѣмъ это одностороннее леченіе не могло имѣть совершеннаго успѣха: оно лишь на нѣсколько времени облегчало страданія больного, и доставляло ему краткое успокоеніе, и онъ непремѣнно сдѣлался бы жертвою двухъ противоположныхъ системъ, если бъ здоровая, неиспорченная натура его не поддерживала.

«Что жъ дѣлать!» сказала наконецъ Авдотья Семеновна: «ваша совѣсть можетъ быть покойна: вы сдѣлали все, что могли, къ его спасенію. Пусть терзаются тѣ, которые его сгубили!» — «Нѣтъ, Дуняша!» отвѣчала Наташа голосомъ тоски и отчаянія: «совѣсть моя не можетъ быть покойна. Страшно вздумать, а мнѣ кажется, что и я отчасти виновна въ его гибели. Я, я, по внушенію любви къ нему, отважилась на поступокъ, который, вѣроятно, стоилъ ему жизни. Давно видѣла я замыслы Алевтины; видѣла, какъ эта коварная злодѣйка опутываетъ бѣднаго, легковѣрнаго брата; видѣла, какъ она, отчаявшись дожить до его смерти, рѣшилась отравить его жизнь, заставивъ его вступить въ бракъ съ женщиною, его недостойною. Татьяна Петровна не знала, не понимала, не любила князя; могу сказать, она ненавидѣла его; но любовь къ богатству и знатности была въ ней сильнѣе этой ненависти, и она рѣшилась воспользоваться случаемъ. Онъ стоялъ на краю гибели. Признаюсь, любовь моя къ нему, любовь безотрадная и безнадежная, заставляла меня не разъ терпѣть всѣ мученія ревности; однако, если бъ я могла быть увѣ-

рена, что въ бракѣ съ другою ожидаетъ его счастье, я все перенесла бѣ въ молчаніи. Но видѣть его несчастье, видѣть, что его готовы погубить навѣки, связавъ неразрывными узами съ холодною, безсердою и глупою кокеткою — этого я не могла вытерпѣть, и рѣшилась его предостеречь. Я написала къ нему записку, въ которой немногими словами старалась показать ему опасность его положенія; записку вложила въ книгу, которую Медоръ приносилъ на просмотръ къ Алевтинѣ Михайловнѣ. Князь читалъ эту книгу каждый вечеръ, и конечно прочиталъ мою записку.» — «Такъ, что жъ?» спросила Авдотья Семеновна: «тутъ грѣха ни какого нѣтъ; напротивъ, вы исполнили долгъ свой.» — «Да!» отвѣчала Нагаша протяжно: «если бѣ я удовольствовалась этою запискою! Но любовь внушила мнѣ это средство, а ревность — признаюсь, къ стыду моему — ревность заставила прибавить одно слово, которое, какъ теперь вижу, поразило несчастнаго. Я замѣтила, что одна италіянская фамилія, фамилія какой-то пѣвицы, невзначай произнесенная, заставила его покраснѣть — и я подписала эту фамилію подъ запискою. На другой день онъ пріѣхалъ къ намъ безпокойный, разстроенный, больной, и вдругъ сдѣлался съ нимъ припадокъ. Я увѣрена, что этимъ именемъ растравила рану его сердца, убила его!»

Что чувствовалъ въ это время несчастный счастливецъ, то легче вообразить, нежели описать возможно. Одну женщину въ свѣтѣ онъ почиталъ достойною любви своей, но убѣгалъ ея, воображая, что она

холодна, нечувствительна, что она его ненавидитъ — и эта самая женщина любила его пламенно, страстно, жертвовала всѣмъ для его спасенія!

Слова Наташи прерваны были шорохомъ шаговъ въ коридорѣ. «Это батюшка вашъ!» сказала Авдотья Семеновна печально: «мы не успѣли увѣдомить его о несчастіи: онъ пріѣхалъ навѣстить больного. Какъ онъ, бѣдный, огорчится!»

Въ это время растворилась дверь, и въ залу вошелъ почтенный старичекъ, невысокаго роста, въ старомодной одеждѣ. «Батюшка!» вскричала Наташа, бросившись къ нему: «все напрасно! Онъ скончался.» — «Знаю, знаю!» сказалъ онъ тихо: «я пришелъ съ нимъ проститься.»

Онъ подошелъ къ гробу, и перекрестился. Наташа сняла дымковый покровъ, и старикъ приложился къ устамъ покойника. Вдругъ онъ приподнялся и сказалъ: «Помилуйте, да онъ не умеръ!» — «Не умеръ!» вскричали, въ одинъ голосъ, и дочь его и Авдотья Семеновна. — «Тише, тише!» сказалъ Василій Григорьевичъ, вынулъ изъ кармана стекляночку съ спиртомъ, и началъ тереть ему виски. Кемскій обрадовался, что можетъ подать знаки жизни, не пугая людей: громко вздохнулъ и приподнялъ руку. «Живъ! живъ!» закричали женщины. Авдотья Семеновна побѣжала за людьми; мнимоумершаго подняли изъ гроба, вынесли изъ холодной залы въ его спальню, положили въ теплую постель. Онъ хотѣлъ говорить. Павленко

просилъ его успокоиться. Вскорѣ благодѣтельный сонъ смежилъ его утомленные вѣжды.

Уже было свѣтло, когда громкій шумъ разбудилъ его. Комната была наполнена людьми. Павленко сидѣлъ у его постели, и держалъ его за руку. Наташа стояла въ ногахъ, и смотрѣла ему въ лице. Они не обращали вниманія на Алевтину, которая бѣсновалась посреди безмолвнаго своего штаба. Иванъ Егоровичъ вытянулся стрункою въ форменной позиціи, и глядѣлъ на нее съ раболѣпствомъ. Тряпицынъ рассчитывался съ псаломщикомъ. Въ отдаленіи стояли Авдотья Семеновна, Медоръ, и несчастный слуга, впускавшій Павленка въ комнаты князя. Изрѣдка отдергивалась занавѣска стеклянной двери, и Татьяна Петровна заглядывала въ комнату. «Кто это осмѣлился впускать чужихъ людей въ мой домъ? Это ты, мошенникъ Тимошка! Въ деревню тебя, въ пастухи! А ты, Авдотья Семеновна, изволька сегодня же убираться изъ дому. Кто это тебя выучилъ чортъ знаетъ кого принимать у меня въ домъ! И какой вздоръ выдумали, будто братецъ ожилъ! Сумасшедшіе вы, что ли?» — «Извольте посмотрѣть сами,» тихо сказалъ Висилій Григорьевичъ: «Князь приходитъ въ себя.» Алевтина подошла, увидѣла, что братъ ея раскрылъ глаза, и въ безмолвной злобѣ поблѣднѣла; но вдругъ опомнилась и кинулась обнимать его: «Братецъ любезный! ангелъ мой! Богъ возвратилъ тебя мнѣ!» — Кемскій удержалъ ее, и произнесъ слабымъ голосомъ: «Алевтина Михайловна! оставьте меня въ покоѣ. Позвольте — вижу

что вы хотите сказать — я въ вашемъ домѣ, но я здѣсь по неволѣ. Освобожу васъ отъ моего присутствія, какъ можно скорѣе. Несчастный этотъ случай далъ мнѣ способъ узнать истинныхъ друзей моихъ. Наталья Васильевна! жизнь моя есть вашъ даръ — и вамъ она принадлежитъ отнынѣ. Вы и почтенный родитель вашъ — мои родные. — Ни слова, Алевтина Михайловна! Людей не извольте трогать — они мои. Одному мнѣ они обязаны отчетомъ въ своихъ поступкахъ.» Алевтина молчала въ бѣшенствѣ. Иванъ Егоровичъ дрожалъ со страху. Тряпицынъ дерзнулъ прервать молчаніе: «Но, ваше сіятельство, на основаніи духовнаго завѣщанія покойнаго вашего родителя....» — «Молчать!» закричалъ Кемскій, приподнявшись въ постелѣ: «вонъ отсюда, мерзавецъ!» — «Ради Бога, успокойтесь!» сказалъ ему Павленко, и обратился къ Ивану Егоровичу: «Вы будете отвѣчать предъ законами, если попрепятствуете его выздоровленію: ему нуженъ покой. Вы хозяинъ въ домѣ; прикажите всѣмъ вашимъ домашнимъ выйти отсюда!» Иванъ Егоровичъ обратился къ Алевтинѣ, и подалъ ей знакъ, что должно повиноваться. Она поспѣшно вышла изъ комнаты, и всѣ послѣдовали за нею, кромѣ врача и его дочери.

XX.

Выздоровленіе князя шло быстрыми шагами. И есть ли въ свѣтѣ болѣзнь, которой не исцѣлила бы любовь и дружба!

Онъ узналъ ту, которая могла составить его счастье въ жизни. Наталья Васильевна, лишившаяся матери въ младенчествѣ, воспитана была въ Малороссіи, въ одномъ знатномъ домѣ, гдѣ отецъ ея былъ домашнимъ врачомъ, и получила блистательное образованіе. Одаренная отъ природы сердцемъ пламеннымъ, но умомъ основательнымъ, она рано научилась въ чужемъ домѣ вести себя благоразумно и осторожно, привыкла жертвовать своими склонностями и желаніями обстоятельствамъ и приличію. Отецъ ея получилъ мѣсто въ Петербургѣ, и взялъ ее съ собою; по должности своей, онъ не могъ находиться безпрестанно въ столицѣ, и принужденъ былъ нерѣдко ѣздить въ разныя мѣста. Въ сихъ обстоятельствахъ желалось ему пристроить дочь свою въ какомъ либо хорошемъ домѣ. Алевтина узнала ее случайно, и предложила ей мѣсто у себя, при воспитаніи дѣтей своихъ. Наташа, въ угожденіе отцу, согласилась. Вскорѣ узнала она нравъ и правила Алевтины, лицемеріе ея матери, но, между тѣмъ, привязалась сердцемъ къ сиротѣ Сережѣ и къ маленькой дочери Алевтины, и не рѣшалась ихъ оставить. Къ этой склонности присоединилась въ скоромъ времени и другая,

въ которой она долго не хотѣла самой себѣ признать-
ся — склонность къ Кемскому. Благородный, любез-
ный мечтатель покоришь сердце Наташи. Она уважала
его характеръ, его достоинства, его добродѣтели, но
не воображала любить его. Однажды вздумалъ онъ
сдѣлать ей, какъ наставницѣ питомца своего, пода-
рокъ — это оскорбило ея гордость, пробудило страсть,
таившуюся въ глубинѣ души ея, и въ то же время
показало ей всю безнадежность этой любви. Она рѣ-
шилась заглушить въ себѣ страсть, заглушить холод-
ностью, суровостью, гордостью въ обращеніи съ тѣмъ,
чей взглядъ доставлялъ ей отраду и утѣшеніе. Нѣ-
сколько разъ порывалась она оставить домъ Алев-
тины, но это было превыше силъ ея. Она страдала и
безмолвствовала. Доколѣ одна любовь дѣйствовала
въ ея сердцѣ, она могла владѣть собою; но когда
къ этой страсти присоединилась другая, обыкновен-
ная ея спутница, ревность — притворство и молчаніе
сдѣлались ей нестерпимыми. Никто въ домѣ не замѣ-
чалъ волненія души ея; одна только Авдотья Семе-
новна ее понимала: она сама въ жизни своей испытала
восторги и томленія несчастной любви.

Ревность и любовь заставила Наташу отважиться
на предостереженіе Кемскаго: опасность его жизни
вселила въ нее геройство. Нѣсколько разъ давала
она чувствовать Алевтинѣ, что князя лечатъ не хоро-
шо, и получала въ отвѣтъ, что это не ея дѣло, что
доктора знаютъ какъ поступать. Когда болѣзнь уси-
лилась, она убѣдила отца своего подать помощь

несчастному, сама проводила ночи у его постели, и только при первом появленіи утреннихъ лучей, со слезами, удалялась, оставляя любезнаго на рукахъ его мучителей и злодѣевъ. Любовь восторжествовала. Кемскій былъ спасенъ; Кемскій зналъ кому этимъ обязанъ, и въ тѣ минуты, когда съ одной стороны чувство благодарности къ давно обожаемой, а съ другой радость о спасеніи единственнаго друга, устранили всякія другія отношенія, признаніе во взаимной любви и клятва въ вѣрности до могилы, излетѣли изъ устъ ихъ въ одно мгновеніе, и почти безъ ихъ воли и вѣдома.

При первой возможности, Кемскій переѣхалъ обратно къ себѣ. Не ужась и испугъ ощутилъ онъ, а пролилъ слезы унылаго, сладостнаго воспоминанія, увидѣвъ въ этотъ разъ картину, представлявшую мѣсто дѣтскихъ игръ и мечтаній его. Василій Григорьевичъ поселился у него въ домѣ, чтобъ ближе за нимъ присматривать. Кемскій учтивымъ, но холоднымъ нисѣмомъ увѣдомилъ Алевтину о своемъ выздоровленіи и о намѣреніи жениться на Натальѣ Васильевнѣ, и просилъ прислать къ нему питомца его, Сережу. Алевтина, желая уколоть Наташу, поручила ей, какъ гувернанткѣ, свезти ребенка. Она вошла въ комнату въ ту самую минуту, когда Кемскій признался почтенному старцу въ любви къ его дочери, и просилъ его благословенія.

«А что, дочка,» спросилъ онъ по-малороссійски (въ дѣлахъ сердца употреблялъ онъ это нарѣчіе,

какъ въ рецептахъ языкъ латинскій), «неужели правда, что ты готова идти замужъ за князя?» и прибавилъ изъ любимой своей пѣсни: «хочешь меня старенького да покинуть!» — «Нѣтъ, нѣтъ! никогда васъ не покину!» вскричала Наташа, бросаясь къ нему на шею. «Добре! добре!» сказалъ онъ, утирая слезы: «ступай за него, и будь счастлива. Онъ истинно добрый человѣкъ. Люби его всѣмъ сердцемъ, а я буду приходить къ тебѣ на борщъ и на вареники. Да чуръ не забывать нашихъ малороссійскихъ пѣсень! Никого у меня не осталось на родинѣ. Жива одна сестра, да и та не въ живыхъ: въ монастырской кельѣ доплакиваетъ горькіе дни. Не увижу я болѣе своей Украйны; такъ будь же здѣсь моя родина!».....

Восторги юной счастливой любви! кто васъ опишетъ!.....

XXI.

Прошла зима. Наташа была уже нѣсколько мѣсяцевъ Княгинею Кемскою, а мужъ ея счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Никогда не чувствовалъ онъ такого спокойствія, такой свободы духа, какъ нынѣ: всѣ мечтанія, грѣзы, видѣнія его исчезли. Онъ пояснилъ Наташѣ кто былъ Алимари, возбудившій ея ревность, и конечно съ удовольствіемъ встрѣтилъ бы

его, но уже не тосковалъ по немъ. Наташа вступила въ роль княгини безъ усилія и труда. Не придавая ни какой цѣны дороговизнѣ нарядовъ, она играла брилліантами и драгоценными шаями, какъ прежде стеклярусомъ и простою тафтичкою. Благородный ея тонъ, образованіе, привычка къ свѣтскому обращенію, заставляли уважать ее, а скромность и добродушіе возбуждали нелицемѣрную къ ней любовь и въ тѣхъ, которые хотѣли бы позабавиться на счетъ новой княгини. Первымъ ея стараніемъ было помирить князя съ Алевтиною: это было не трудно. Князь не умѣлъ долго сердиться, ненависти не зналъ вовсе, и охотно дѣлалъ угодное милой своей подругѣ. Алевтина рада была, что возобновленіемъ прежнихъ связей можетъ прекратить вредные слухи, носившіеся въ городѣ на счетъ обращенія ея съ братомъ. Прасковья Андреевна оросила новобрачныхъ дешевыми слезами, когда они пріѣхали къ ней съ первымъ визитомъ. Иванъ Егоровичъ съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ подошелъ къ ручкѣ княгини, и при каждомъ случаѣ величалъ ее сіятельствомъ. Алевтина приняла ее съ выраженіемъ нѣжнѣйшей дружбы, и старалась всѣми средствами заставить ее забыть прошедшее. Иногда однако она, при всемъ лицемѣріи, на имѣла силъ преодолѣть внутреннее влеченіе злобы и ненависти, и пользовалась случаемъ, когда могла уязвить прежнюю свою наемницу; но стрѣлы ея отскакивали отъ твердаго щита, который Наташа противопоставляла ей своимъ праводушіемъ и благород-

ствомъ. Такъ, однажды, въ домѣ ея, въ многочисленномъ обществѣ, зашла рѣчь о болѣзни и чудесномъ исцѣленіи Кемскаго. Одна старушка, охотница пожить, спросила: «Скажи, сдѣлай одолженіе, матушка Алевтина Михайловна, откуда ты взяла такого колдуна лекаря, который изъ гробу людей воскрешаетъ? Кто это, родная, вылечилъ твоего братца? Да сколько ты ему заплатила? Теперь они страхъ какъ дорожатся, проклятые!» — Алевтина притворилась смущенною, и съ сожалѣніемъ посмотрѣла на молодую княгиню. Наташа, ни мало не смѣшавшись, сказала старушкѣ: «Позвольте мнѣ отвѣчать вамъ: этотъ счастливый лекарь былъ мой отецъ. Мы оба, и я и мужъ, обязаны ему жизни!» Съ симъ словомъ она вскочила съ креселъ, подбѣжала къ князю, сидѣвшему въ нѣкоторомъ отдаленіи, и поцѣловала его. Эта сцена, угрожавшая развязкою очень непріятною, тронула всѣхъ присутствовавшихъ. И Алевтина утерла глаза.

Домъ Кемскаго сдѣлался пріютомъ любви, дружбы и тихихъ наслажденій жизни. Хвалынской пріѣхалъ къ новобрачнымъ съ нѣкоторою робостью: онъ совѣстился явиться къ Наташѣ, съ которою, въ прежнемъ ея состояніи, иногда обращался довольно смѣло. Она приняла его учтиво, съ выраженіемъ дружбы и уваженія къ давнишнему искреннему пріятелю своего мужа, и чрезъ нѣсколько минутъ разсѣяла его смущеніе и неловкость. Хвалынской, глядя на прелестную, умную, добродѣтельную женщину, въ сердцѣ своемъ радовался счастію друга, и признавалъ себя

недостойнымъ такого сокровища. «Помнишь ли предсказаніе Жидовки въ бѣлорусской корчмѣ?» спросилъ онъ однажды съ улыбкою Кемскаго. — «Какое предсказаніе?» со страхомъ спросила Наталья Васильевна, боясь, чтобъ этотъ вопросъ не возбудилъ въ мужѣ ея прежнихъ мечтаній и безпокойствъ. — «Ничего ничего!» сказалъ Кемскій, обнимая ее: «это предсказаніе сбылось, и я благословляю провидѣніе. Мнѣ предсказано было, что я найду счастье въ гробу. Только не я нашелъ его, а оно само нашло меня!»

Бериловъ, взглянувъ въ первый разъ на княгиню, пораженъ былъ красотою, благородствомъ и выраженіемъ души въ лицѣ ея. Онъ, по обыкновенію своему, былъ неловокъ, страненъ, боязливъ, но Наташа вскорѣ навела разговоръ на искусство, и оживила артиста. Онъ заговорилъ съ жаромъ и страстью, сталъ съ нею толковать и спорить, восхитился ея умомъ, познаніями, вкусомъ и нѣжною скромностью, и въ восторгѣ своемъ раза два называлъ ее Натальею Родіоновною. Онъ остался, попрежнему, ежедневнымъ гостемъ и домашнимъ другомъ князя.

Какъ обильны, разнообразны и занимательны описанія страданій и недуговъ человѣка, и какъ проста, суха, неинтересна исторія его счастья! Преслѣдуемый судьбою, онъ выходитъ на состязаніе со всѣми силами природы, и въ этой борьбѣ, падая ли подъ ударами рока, или одерживая надъ нимъ побѣду, представляетъ для ближнихъ своихъ зрѣлище богатое, грозное и умирительное. Истинное же счастье, обитая

въ глубинѣ души человѣка, распространяя на все существо его спокойствіе и тишину, принимающія для другихъ единообразный видъ равнодушія, лишаютъ внѣшнюю жизнь его всякаго драматическаго движенія. — Но какъ рѣдки въ жизни нашей эти *кануны* небесныхъ праздниковъ — кануны, въ которые не бываетъ игрищъ для черни здѣшняго міра!

Кемскій былъ счастливъ, какъ только человѣкъ въ жизни счастливъ быть можетъ. Одно желаніе было у него — дожить до сентября, взять отставку, и ѣхать съ женою въ симбирскую свою вотчину, чтобъ показать ей въ природѣ то мѣсто, которое на картинѣ приводило его въ умильный восторгъ.

...и в то время, когда я сидел в кресле, передо мной стояла женщина, которая была мне знакома. Она была высокая, худая, с длинными темными волосами, которые были распущены. Она смотрела на меня с таким выражением, которое мне было знакомо. Я вспомнил, что это была та же самая женщина, которая была со мной в то время, когда я сидел в кресле. Она была высокая, худая, с длинными темными волосами, которые были распущены. Она смотрела на меня с таким выражением, которое мне было знакомо. Я вспомнил, что это была та же самая женщина, которая была со мной в то время, когда я сидел в кресле.

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА.

КНИГА ВТОРАЯ.

АМЕРИКАНСКАЯ РАБОТА

КНИГА ВТОРАЯ

XXII.

Блаженъ, кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1799. ЮНЬ.

Въ одно утро Кемскій получилъ отъ полковаго командира своего записку слѣдующаго содержанія:

«Мнѣ приказано откомандировать въ Гатчину одного изъ надежнѣйшихъ офицеровъ полка. Прошу васъ отправиться туда немедленно, и съ приложенною у сего бумагою явиться къ генераль-адъютанту ****.»

Такая командировка была для Кемскаго не новость, но, по внушенію какого-то неизъяснимаго предчувствія, онъ, прочитавъ записку, вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Наташа замѣтила его смятеніе. «Что это, любезный?» спросила она съ участіемъ и боязнію. «Ничего,» отвѣчалъ онъ, стараясь скрыть волненіе и казаться равнодушнымъ: «нарядъ по службѣ. Только для меня пришелъ онъ очень не во-время. Мнѣ не хотѣлось бы теперь ѣхать.» — «Что жъ дѣлать, другъ

мой!» возразила жена, прочитавъ поданную имъ записку: «поѣдешь сегодня, а завтра воротишься.» — «Но нынѣшній день потерянь!» сказалъ онъ печально. — «Когда завтра воротишься рано, я скажу тебѣ тайну, новость, которая, можетъ быть, тебя порадуетъ. Или нѣтъ, пусть лучше батюшка тебѣ это скажетъ!» прибавила она, покраснѣвши, и бросилась къ нему на шею. Умиленіе проникло въ душу Кемскаго: онъ понялъ слова юной, стыдливой подруги, понялъ, что его ожидаютъ радости родительскія, и съ горячностью прижалъ Наташу къ своему сердцу. Чрезъ часъ онъ уже летѣлъ къ мѣсту назначенія.

Въ Гатчинѣ явился онъ къ генераль-адъютанту****. «Вы конечно имѣете при дворѣ сильныхъ покровителей!» сказалъ ему генераль съ досадою. — «Могу увѣрить ваше превосходительство, что имѣю только просто знакомыхъ или начальниковъ!» отвѣчалъ Кемскій. — «Довольно! оставимъ это,» продолжалъ генераль. «Вамъ готовится порученіе важное и пріятное. Вы должны отправиться въ Италію, и свезти къ главнокомандующему нашею арміею важныя бумаги. Признаюсь, я представилъ было для этого порученія моего племянника, но ваши друзья превозмогли меня: уладили дѣло такъ, что кажется, будто вы наряжены по случайному выбору полковаго командира. Вы тотчасъ получите депеши, и должны отправиться, не теряя ни минуты.» Генераль поклонился и ушелъ обратно въ свой кабинетъ, а Кемскій остался въ

приемной комнатѣ, какъ громомъ пораженный. Долгъ и любовь, честь и привязанность къ женѣ—боролись въ душѣ его. Война, слава, Италія съ одной стороны обѣщали ему исполненіе давнишнихъ его желаній. Съ другой стороны мысль о разлукѣ съ тою, которая сдѣлалась его истинною жизнію, убивала его. Онъ погрузился въ глубокую думу. Неясныя мечтанія, какія-то мрачныя тучи носились въ его умѣ и воображеніи; ему казалось, что голова его не можетъ вытерпѣть движеній сердца. Стукъ экипажа по мостовой прервалъ его задумчивость. — «Вотъ наша тройка!» сказалъ ему безмолвный до того времени фельдъегерь. — «Такъ вы ѣдете со мною?» — «Точно такъ, ваше сіятельство. Я имѣю порученіе *поставить* васъ въ десятый день въ главную квартиру. Но, можетъ быть, вамъ не угодно будетъ ѣхать въ телѣжкѣ? Позвольте ли взять вашу коляску? И человѣку вашему будетъ лучше.» — «Какъ хотите!» сказалъ Кемскій. — Фельдъегерь выбѣжалъ изъ залы, и, отдавъ приказанія ямщику, воротился. Съ нимъ вошелъ другой фельдъегерь. — «Не угодно ли вашему сіятельству,» спросилъ первый: «дать товарищу моему порученія? Онъ сію минуту ѣдетъ въ Петербургъ!» — «Ахъ! точно такъ! очень хорошо!» сказалъ Кемскій: «мнѣ хотѣлось бы увѣдомить жену мою.... Не зайдете ли вы со мною въ трактиръ? тамъ я написалъ бы письмо.» — «Никакъ нельзя,» отвѣчалъ другой фельдъегерь сербскимъ нарѣчіемъ: «я имѣю приказаніе вручить вотъ сіи бумаги чрезъ два часа господину гене-

ралъ-прокурору, а фельдъегерь Соколовичъ никогда не опаздывалъ. Да что тутъ долго толковать! Вотъ и чернила и перо; добудемъ и бумаги!» Съ этими словами оторвалъ онъ половину лежавшаго на столѣ листа, на которомъ записывали имена свои посѣтители низшихъ классовъ, не имѣющіе права оставлять визитныя карточки. Кемскій присѣлъ къ столу, и написалъ нѣсколько строкъ къ Наташѣ, не помня самъ что пишетъ; сложилъ бумагу, подписалъ и, не запечатавъ, отдалъ доброму Сербу, а этотъ, пожавъ ему руку, сказалъ: «Будьте увѣрены, что Соколовичъ вѣрно доставить вашу грамотку, и не стыдитесь, что она не запечатана; у насъ, въ Сербіи, всегда такъ: пишутъ рѣдко, а не запечатываютъ никогда — и сургучу въ заводѣ нѣтъ. Счастливо оставаться!» — «Вы увидите мою жену — поѣзжайте къ ней сами,» — сказалъ Кемскій: «скажите ей....» — Онъ залился слезами и упалъ на стулъ. — «*Босомъ теремтете!*» проворчалъ Соколовичъ: «да что вы за сумасшедшій! Плачете по бабѣ, когда Царь великій на службу посылаетъ? Полно-те, князь! Перестаньте! Я не скажу вашей княгинѣ, что вамъ трудно было разставаться съ нею: пусть думаетъ она, что вы храбрый юнакъ, славянская кровь!» — Кемскій слышалъ эти слова, какъ сквозь сонъ. Его позвали въ кабинетъ. — «Вотъ,» сказалъ ему генералъ: «бумаги на имя графа. Можетъ быть, вы не запаслись деньгами на непредвидѣнную дорогу. Позвольте мнѣ предложить вамъ сколько нибудь. Я получу уплату отъ вашей супруги, если позволите.»

Онъ подалъ ему нѣсколько свертковъ съ червонцами. Въ глазахъ его видно было сожалѣніе о прежнемъ разговорѣ; онъ удостовѣрился въ истинѣ словъ князя: голосъ искренняго чувства есть голосъ правды. — Кемскій съ благодарностью принялъ это предложеніе, и воспользовался симъ случаемъ, чтобъ переслать еще поклонъ своей любезной. Генералъ обѣщалъ это сдѣлать, и умолкъ въ замѣшательствѣ. Кемскій догадался, что ему, какъ курьеру, нельзя медлить долѣе, откланялся, и чрезъ нѣсколько минутъ коляска его простучала мимо колонны на Коннетаблѣ. Вильна, Краковъ, Брюннъ, Вѣна промелькнули въ глазахъ его. Чрезъ нѣсколько дней ознакомился онъ съ своимъ положеніемъ: старался увѣрить себя, что тягостная разлука будетъ непродолжительна; рассчитывалъ, сколько времени можетъ пробыть въ Италіи, и когда воротиться, воображалъ минуту свиданія.... — Но эти прекрасныя, утѣшительныя мечты нерѣдко смѣнялись горькою печалью: ему казалось, что онъ впадаетъ въ прежнюю задумчивость, что предъ нимъ опять зачернѣлась та точка, изъ которой развивались прежнія грозныя видѣнія. — Въ Вѣну пріѣхалъ онъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа; но когда явился къ русскому послу, когда увидѣлъ, съ какимъ уваженіемъ принимаютъ его, офицера русской гвардіи, съ какимъ почтеніемъ смотрятъ на героевъ, подвижающихся подъ русскими знаменами, благородная гордость и патріотическое честолюбіе смѣнили чувство горести и унынія. Изъ Вѣны написалъ онъ первое порядочное

письмо къ своей Наташѣ: дотолѣ посылалъ онъ отрывки, наполненные восклицаніями. Въ этомъ письмѣ онъ открылъ ей желаніе свое, непременно воспользоваться настоящими обстоятельствами и послужить противъ непріятеля; писалъ, какъ пріятно и восхитительно ему будетъ свидѣться съ нею по исполненіи долга гражданина и воина. Въ лучахъ блистательнаго свѣтила славы затмилась тихая лампада сердечныхъ чувствъ — затмилась, но не потухла: пламенные мечты славобія, въ минуты тишины и уединенія, смѣнялись помышленіями о прежнихъ и будущихъ наслажденіяхъ чистой любви супружеской.

XXIII.

Ломбардія.

Италіянское утро, въ исходѣ іюля, озаряло прекраснѣйшій сельскій видъ на берегахъ Адды. Воздухъ прозрачный и легкій дышалъ еще свѣжестью ночи. Лазоревое небо разстилалось надъ горизонтомъ, ограниченнымъ темно-зелеными рощами. На скатѣ горы, простиравшейся къ ложу рѣки, бѣлѣлся крестьянскій домъ; вдоль стѣнъ его взвивались виноградныя лозы. Кемскій, прислонясь къ полуопрокинутой своей коляскѣ, у которой изломилась передняя ось, услаждалъ глаза прелестною картиною, и пилъ ароматное дыханіе полуденной земли. Въ воздухѣ носился тихій, невы-

разимый гуль утра — слышалось это непонятное движение воскресающего дня. «Наташа!» тихо пролепетал минутный счастливецъ — звукъ этого имени сдѣлался для него выраженіемъ всего, что наполняло его душу, что извлекало у него слезы и умиленія и горести. — Вдругъ онъ вздрогнулъ, выпрямился и началъ прислушиваться. Внизу, на самомъ берегу рѣки, раздались звуки флейты, сначала тихіе, потомъ громче и громче. Звуки очаровательные, знакомые, отозвались въ душѣ Кемскаго: онъ гдѣ-то слышалъ ихъ прежде. Гдѣ? Флейта умолкла, и послѣдніе звуки ея вторились еще между крутыми берегами: тогда Кемскій вспомнилъ баркаролу, которая таилась въ его памяти съ осенняго утра, проведеннаго имъ на высотахъ токовскихъ — та же музыка, та же игра, то же выраженіе. Прошедшее, при этомъ напоминовеніи, затолпилось въ его сердцѣ и умѣ. Онъ удивлялся странной игрѣ случая, что одна и та же музыка оглашала для него и пустынное озеро Карелии, и живописное ложе роскошной Адды. — Въ правой сторонѣ отъ него слышались шаги: кто-то по крутому берегу взбирался наверхъ. Кемскій взглянулъ въ ту сторону, и взорамъ его предсталъ Алимари. Бѣдный нашъ странникъ изумился, поблѣднѣлъ, и, съ выраженіемъ душевнаго восторга кинувшись въ объятія пришельца, закричалъ по-русски: «Ахъ! это вы, Петръ Антоновичъ!» — Алимари въ тотъ же мигъ узналъ молодаго князя, который заинтересовалъ его при первомъ свиданіи, и врѣзался глубокими чертами

въ его памяти. По курьерскому наряду Кемскаго, Алимари догадался, какимъ образомъ съ нимъ здѣсь сошелся; но Кемскій не думалъ спрашивать его, какъ очутились они вмѣстѣ подъ прелестнымъ небомъ Ломбардіи; онъ радовался, что нашелъ человѣка, который его знаетъ и понимаетъ; странно: радовался еще, что нашелъ человѣка, съ которымъ можетъ поговорить по-русски. Фельдъегерь его, Ярлыковъ, правда, говорилъ съ нимъ по-русски, да не умѣлъ говорить по-человѣчески. Вся сфера его познаній обращалась вокругъ дегтя, сала, осей, колесъ, подковъ, подиругъ, шлей и недоуздровъ. Цѣль жизни его была — *поставить* такого-то какъ можно исправнѣе туда-то. Впрочемъ, это самое ограниченіе, тѣсное, опредѣленное, было по душѣ Кемскому: Ярлыковъ молчалъ въ продолженіе всего пути; краснорѣчіе его начинало дѣйствовать только съ той минуты, какъ повозка останавливалась у почтовой станціи, и вновь прекращалось съ первымъ ея движеніемъ. Можно себѣ вообразить, какъ тягостно было бы его сотоварищество, если бѣ онъ вздумалъ разсуждать, говорить, утѣшать, совѣтовать!

Въ началѣ разговора, отрывистые вопросы, отвѣты, восклицанія — попеременно смѣнялись, и старые знакомцы не могли надивиться случаю, сведшему ихъ на берегу Адды. Мало по малу улеглось первое волненіе, и Кемскій разсказалъ все, что съ нимъ случилось въ продолженіе времени, истекшаго послѣ ихъ разлуки. Онъ говорилъ обо всемъ съ величайшею

довѣрчивостью, въ полнотѣ чувствъ, и не прежде, какъ по окончаніи своего разсказа, вдругъ вспомнилъ что Алимари никогда не былъ съ нимъ коротокъ, что они видѣлись другъ съ другомъ раза два въ жизни, и то мелькомъ, а тутъ онъ обошелся съ нимъ, какъ съ искреннимъ пріятелемъ, съ близкимъ родственникомъ! Онъ умолкъ, засмѣялся, и сообщилъ это замѣчаніе своему собесѣднику. Алимари отвѣчалъ съ чувствомъ: «Неужели вы не вѣрите въ созвучіе душъ, подобное созвучію тѣлъ неодушевленныхъ? Извѣстенъ ли вамъ опытъ физики, въ которомъ, отъ разбитія одного стеклянаго сосуда, другой, настроенный въ одномъ съ нимъ тонѣ, разлетается въ дребезги безъ малѣйшаго къ нему прикосновенія? Въ самый первый вечеръ свиданія нашего въ Токсовѣ, я почувствовалъ непреодолимое къ вамъ влеченіе, хотѣлъ искать вашего знакомства, заслужить вашу дружбу, но на другой день обстоятельства насъ разлучили, и я никакъ не могъ свидѣться съ вами въ послѣдствіи.» — «Но вы жили въ Петербургѣ?» — «Близъ Петербурга, и рѣдко бывалъ въ городѣ. Но теперь не станемъ терять краткихъ мгновеній нашего свиданія. Я увидѣлъ въ деревнѣ фельдъегеря, заботившагося о починкѣ вашего экипажа, и узнавъ, что ѣдетъ русскій курьеръ, отыскалъ васъ. Вы не можете выѣхать отсюда ранѣе полудня — воспользуемся этимъ временемъ. Жаръ въ скоромъ времени сдѣлается неносимъ. Войдемъ въ этотъ домикъ. Я знаю хозяевъ.» — Кемскій пошелъ за другомъ своимъ. Они вошли въ сельскій домикъ,

жилище бѣдности, трудолюбія и добродѣтели. Ихъ встрѣтила миловидная хозяйка, смугловатая, черноглазая, пламенная, съ амурчикомъ на рукахъ. Алимари заговорилъ съ нею тамошнимъ народнымъ нарѣчіемъ, вовсе непонятнымъ для иностранца, хотя бы онъ въ совершенствѣ зналъ языкъ Метастазія и Альфieri. Италіанка отвѣчала что-то, улыбаясь съ выраженіемъ добродушія, и ввела странника въ комнату, чрезвычайно чистую въ сравненіи съ обыкновенными жилищами бѣдныхъ Италіанцевъ. Кемскій пораженъ былъ какимъ-то невольнымъ, какъ бы *инстинктивнымъ* изяществомъ всѣхъ формъ въ этой обители убожества и простоты. Дотолѣ ѣхалъ онъ сломя голову, и едва успѣвалъ вздохнуть и перехватить кое-чего на станціяхъ; — здѣсь, въ первый разъ, осмотрѣлся въ италіанскомъ быту. Онъ сообщилъ замѣчаніе свое товарищу. — «Подлинно,» сказалъ Алимари: «въ Италіи и Греціи чувство прекраснаго преобладаетъ въ народѣ. Слава, просвѣщеніе, богатство наше исчезли въ вѣкахъ; но и въ развалинахъ, поросшихъ мхомъ бѣдности и невѣжества, являются великолѣпныя формы, соврожденные любимцамъ древняго міра. Здѣсь и посреди Греціи можно перенестись умомъ въ первобытный міръ, и въ необразованной поселанкѣ вообразить себѣ древнюю Гречанку или Этруску; въ простой кружкѣ, подносимой вамъ гостепріимствомъ, видѣть вазу, которой не достаетъ только тысячелѣтней давности, чтобъ красоваться въ богатомъ музеѣ.»

Друзья расположились у окна, изъ котораго видъ простирался на обворожительную сельскую картину. Свѣсившіяся надъ окномъ виноградныя лозы защищали ихъ отъ палящихъ лучей солнца. Кемскій ожилъ душею: въ первый разъ съ той минуты, какъ оставилъ Наташу, почувствовалъ онъ, что живъ еще, что можетъ мыслить и передавать мысли, что есть существо, умѣющее понимать его. Алимари раздѣлялъ его искреннюю радость. Въ усладительной бесѣдѣ улетали быстрые часы. — «Другъ мой!» сказалъ Кемскій: «не считите моихъ вопросовъ пустымъ любопытствомъ; не поскучайте отвѣчать мнѣ. Скажите кто вы; какимъ образомъ произошло, что вы и Италіянецъ, и Русскій; что вы дома и въ Финляндіи, и на берегахъ Адды? Гдѣ ваша родина? гдѣ ваше семейство? Кто открылъ вамъ тѣ познанія, тѣ соображенія, которыми вы изумляли не одного меня? Повѣдайте мнѣ тайну вашей жизни: я буду хранить ее свято, если она дѣйствительно тайна; но во всякомъ случаѣ узнаю васъ ближе, и тѣснѣе заключу союзъ, невидимо возникшій между нами въ то самое мгновеніе, когда звукъ вашего голоса коснулся моего слуха.» — «Вы знаете, князь,» сказалъ Алимари, улыбаясь: «что отвѣчалъ одинъ членъ голландскихъ генеральныхъ штатовъ, когда его разбудили въ собраніи, и спросили, согласенъ ли онъ сдать городъ французскому королю: да развѣ король требовалъ сдачи? — Такъ и я скажу: вы полагаете, что я скрываю отъ васъ кто я; но развѣ вы меня о томъ когда либо спрашивали? А на-

вязывать исторію моей жизни я никому не хотѣлъ; не всякъ охотно слушаетъ чужія похождения, и кому своя жизнь не дороже чужой, хотя бы Кировой или Александровой! — Вамъ угодно, извольте, я сообщу вамъ нѣкоторыя обстоятельства моей жизни; — *нѣкоторыя*, говорю, ибо въ жизни моей были такіе случаи, которыхъ я не только пересказать другому, но и самъ вспомнить едва ли въ состояніи.» При этихъ словахъ твердый голосъ Алимари задрожалъ; слезы выступили на глазахъ его; но онъ вскорѣ оправился и продолжалъ.

XXIV.

«Отецъ мой былъ родомъ изъ Венеціи, мать Морлачка, оба люди неважные и небогатые благами земными. Отецъ мой былъ искусный шлюзовый и фонтанный мастеръ: въ обильной водою и скудной землею Венеціи находилъ онъ довольно работы и пропитанія. Однажды (это было около 1715 года, ему отъ роду было лѣтъ двадцать) чинилъ онъ въ Венеціи дождевую трубу у одного богатаго дворца. Примостясь къ краю канала, онъ работалъ прилежно, поглядывая изрѣдка на миловидную дѣвушку, въ славянскомъ нарядѣ, продававшую прохожимъ вкусные горячіе пирожки. Голубые глаза пирожницы встрѣчались съ пламенными взглядами молодого работника, и уже раждалась

та невидимая нить, которая соединяетъ сердца лучами глазъ. Эти безмолвные переговоры длились нѣсколько дней. Антоніо съ уныніемъ видѣлъ, что работа его приближается къ концу, что вскорѣ должно будетъ оставить это мѣсто и пригожую торговку, основавшую тутъ свою подвижную лавочку. Онъ замедлялъ окончаніемъ своего дѣла, чтобъ продлить еще минуты наслажденія. Ему казалось, что и Славянка съ прискорбіемъ глядитъ на приготовленія его къ оставленію мѣста, сдѣлавшагося имъ драгоцѣннымъ. Вдругъ выходитъ изъ дворца молодой человѣкъ въ богатой одеждѣ; въ походкѣ, во всѣхъ его движеніяхъ и въ чертахъ лица, прекраснаго отъ природы, изображалась гордость, дерзость и безстыдство. Онъ приближается къ торговкѣ, лѣвою рукою беретъ за одинъ пирожокъ, а правою треплетъ ее по щекѣ, спрашиваетъ о цѣнѣ пирожка, и въ то же время произноситъ что-то въ полголоса. Она краснѣетъ и уклоняется отъ его ласкъ; молодой человѣкъ становится смѣлѣе, схватываетъ ее обѣими руками; она вскрикиваетъ.... Не прошло двухъ секундъ, какъ дерзкій юноша летѣлъ стремглавъ въ каналъ; за нимъ сыпались горячіе пирожки съ лотка дѣвушки. Антоніо бѣжалъ съ нею на первой гондолѣ. Они вышли на берегъ въ Местрѣ, и наняли извозчика до Тревиза. Тамъ былъ у Антонія братъ, каноникъ, человѣкъ добрый и сострадательный. Бѣглецы явились къ нему, и со слезами объяснили причину своего поступка. Въ Тревизѣ уже было извѣстно, что племянникъ дожа кѣмъ-то былъ столкнутъ въ ка-

наль, и вытащенъ въ безпамятствѣ. Искали виновниковъ этого несчастнаго случая: замѣтили, что работавшій у берега мастеръ скрылся, и послали погоню въ разныя стороны. Каноникъ совѣтовалъ Антонію бѣжать за границу венеціанскихъ владѣній, а Морлачкѣ воротиться въ Венецію, потому что никто не подозрѣвалъ ея въ соучастіи. Они было согласились и со вздохомъ потушили глаза; но когда подняли ихъ, чтобъ проститься, не могли удержать влеченія сердець, бросились въ объятія другъ другу, и объявили брату, что никогда въ жизни не разлучатся. Каноникъ, избравшій духовное званіе съ отчаянія о потерѣ любезной, понялъ ихъ: чрезъ часъ служитель Церкви освятилъ союзъ ихъ въ скромной часовнѣ, и только при вѣнчаніи Антоніо узналъ имя своей подруги: ее звали Еленою. Каноникъ отдалъ имъ все, что могъ отдать, самъ проводилъ за городъ по дорогѣ въ Швейцарію, простился съ ними, и далъ имъ напутственное благословеніе. Вскорѣ перешли они границу, перебрались чрезъ грозныя Альпы, и очутились во Франціи. Антоніо рѣшился итти въ Парижъ: въ малыхъ городахъ онъ не могъ снискивать прожитанія ремесломъ своимъ. Они добрались до Парижа, и отправились въ Версаль, гдѣ требовались искусные мастера для поддержанія тамошнихъ великолѣпныхъ фонтановъ. Антоніо поселился съ женою въ селеніи Поръ-Марли, неподалеку отъ машины марлійской; работалъ прилежно и усѣбно, и утомленный дневными трудами, въ объятіяхъ доброй жены находилъ отраду и отдохновеніе.

Музыка была главною ихъ забавою: Антоніо игралъ на флейтѣ и на гитарѣ венеціанскія баркаролы; Елена пѣла, по внушенію природы и вѣрнаго вкуса, прекрасныя пѣсни морлацкія. Время текло для нихъ непримѣтно. Иногда Елена горевала, что вскорѣ забудетъ свой славянскій языкъ, и Антоніо, въ угожденіе ей, выучилъ нѣсколько морлацкихъ словъ.

Однажды, это было лѣтомъ 1717 года, Антоніо работалъ на большой марлійской машинѣ. Къ нему подходятъ какіе-то иностранцы. Одинъ изъ нихъ, одѣтый проще другихъ, отличался сановитостью и благороднымъ видомъ. Онъ входилъ во всѣ подробности устройства машины, любопытствовалъ узнать въ точности законы, по которымъ она составлена, разсматривалъ всѣ орудія. Онъ говорилъ чрезъ переводчика, но Антоніо понималъ большую часть словъ его — они были славянскія, — и предупреждалъ отвѣтами переводъ вопросовъ. «Откуда ты родомъ?» спросилъ его съ пріятною улыбкою иностранецъ. — «Я Венеціянецъ, синіоръ,» отвѣчалъ онъ. — «Какъ же ты понимаешь мои слова?» — «Не диво!» отвѣчалъ отецъ мой: «вы говорите нарѣчіемъ славянскимъ, похожимъ на языкъ жены моей; она Морлачка, Славянка, и пойметъ васъ еще лучше моего.» — «Хотѣлось бы мнѣ увидѣть землячку, Славянку,» сказалъ иностранецъ съ возрастающимъ участіемъ: «гдѣ твоя жена?» — «Мы живемъ недалеко отсюда, и если синіоръ не погнушается нашимъ простымъ обѣдомъ, мы угостимъ его славянскими пирожками, какихъ

конечно нѣтъ на столѣ регента Франціи.» — «Хорошо,» сказалъ иностранецъ: «ударилъ адмиральскій часъ, и я охотно принимаю твое приглашеніе. Пойдемъ!» — «Нѣтъ!» сказалъ Антонію: «вашъ часъ ударилъ, а нашъ еще не пробилъ. Я не смѣю до звонка отлучиться отъ работы.» Одинъ изъ провожатыхъ незнакомца сказалъ Антонію по-французски, что онъ можетъ отлучиться до срока, въ угожденіе почтенному посѣтителю, но иностранецъ никакъ не хотѣлъ этого дозволить, похвалилъ прилежаніе мастера, и, для сокращенія времени, самъ занялся его работою. Ударилъ обѣденный колоколъ: отецъ мой сложилъ инструменты, и пригласилъ своего гостя пойти за нимъ. Провожатые хотѣли итти туда же, но онъ велѣлъ имъ дождаться его возвращенія, и пошелъ въ жилище бѣдности, довольства и благополучія. На порогѣ встрѣтила ихъ Елена, бросилась въ объятія мужа, не обращая вниманія на пришельца, стала цѣловать его и отирать потъ съ его лица. «Вотъ, Елена!» сказалъ отецъ мой: «я привелъ къ тебѣ гостя, твоего земляка: онъ хочетъ пообѣдать съ нами.» — «Вы Славянинъ? Морлакъ?» спросила Елена съ радостнымъ трепетомъ. — «Славянинъ, хоть и не Морлакъ,» отвѣчалъ иностранецъ, поцѣловавъ ее въ лобъ: «я Русскій, Москвичъ, и тебѣ не чужой! Слышала ты о Русскихъ?» — «Какъ не слышать!» воскликнула Елена: «говорятъ они народъ добрый и ласковый, и хотятъ освободить всѣхъ нашихъ земляковъ отъ ига турецкаго. А Царь у нихъ, сказываютъ, куда

смышленный и умный человекъ. Добро пожаловать, господинъ Москвичъ! Прошу не погнѣваться на нашу простую славянскую пищу — мы подносимъ ее вамъ съ любовью и уваженіемъ.» Сѣли за столъ. Иностранецъ кушалъ и пилъ охотно, и не могъ нахвалиться пирожками, издѣлья хозяйки. «Послушай!» сказалъ онъ Антонію: «нашъ Царь беретъ въ службу хорошихъ и трудолюбивыхъ мастеровъ: не хочешь ли ты къ намъ опредѣлиться? Тебѣ, на Руси, будетъ житье привольное, и Елена твоя заживетъ тамъ, какъ дома. Вамъ здѣсь оставлять и терять нечего. Подумайте, и если найдете, что это вамъ выгодно, то приходите завтра въ квартиру Царя, въ Парижѣ подлѣ арсенала, да спросите Петра Михайлова, а я между тѣмъ поговорю о васъ съ Царемъ, и увѣренъ, что онъ вамъ не откажетъ.» Супруги не могли еще образумиться, какъ незнакомецъ, простясь съ ними, вышелъ изъ ихъ дому. Чего тутъ было долго размышлять? На другой день отправились они въ Парижъ, добрались до арсенала, и узнали жилище Царя, по множеству каретъ, которыя стояли въ готовности для его разъѣздовъ. Они спросили Петра Михайлова, и были введены въ богатую комнату, гдѣ увидѣли вчерашняго своего гостя среди русскихъ и французскихъ царедворцевъ. Имъ нетрудно было узнать кого принимали вчера. Петръ обнялъ ихъ ласково, и, не теряя времени, далъ имъ письмо къ Меншикову, велѣлъ выдать паспортъ и отпустить денегъ на дорогу. Чрезъ мѣсяцъ были они въ Петербургѣ. Отецъ мой и еще

одинъ землякъ его употреблены были при постройкѣ шлюзовъ на рѣкахъ Ижорѣ и Уверѣ. Государь, по возвращеніи въ Россію, посѣтилъ мастеровъ въ новомъ ихъ жилищѣ, освѣдомился, довольны ли они содержаніемъ, покушалъ пирожковъ печенья Елены, шутилъ надъ нею, что у ней нѣтъ дѣтей, и взялъ слово, что она позоветъ его въ кумовья, когда родится у ней сынъ. Это было и пламенное желаніе моихъ родителей, но оно сбылось не скоро: я родился въ исходѣ 1724 года. Отецъ привезъ меня въ Петербургъ, и великій Государь, за два мѣсяца до своей кончины, былъ моимъ воспріемникомъ. Онъ надѣлъ на меня вотъ этотъ золотой крестъ, который пойдетъ со мною въ могилу.»

Алимари вынулъ крестъ, висѣвшій у него на шеѣ, поцѣловалъ его со вздохомъ и продолжалъ.

XXV.

«И такъ вы видите, что я, хотя Италіянецъ по происхожденію, католикъ по исповѣданію; но Славянинъ по матери, и Русскій по мѣсту рожденія. Вскорѣ послѣ моего рожденія скончался нашъ великій благодѣтель. Родители мои оросили слезами искренней скорби хладные его останки, и неоднократно на гробницѣ воспріемника моего пламенно молились Богу, почерпали новыя силы для перенесенія бѣдствій и тяго-

стей житейскихъ. Отецъ мой умеръ, когда мнѣ было отъ роду семь лѣтъ. Братъ его, возвысившійся между тѣмъ на степень епископа тревизскаго, упросилъ мою мать отправить меня на родину отца. Она согласилась, но сама не могла за мною слѣдовать, не могла оставить того мѣста, гдѣ былъ погребенъ ея любезный Антоніо. Меня привезли къ дядѣ, который осыпалъ меня ласками и милостями. Сначала жилъ я у него въ домѣ, потомъ отданъ былъ въ іезуитское училище. Дядѣ хотѣлось, чтобъ я вступилъ въ духовное званіе; я же самъ не зналъ чего хочу, только учился прилежно и успѣшно. Когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, получилъ я отъ матушки извѣстіе, что она занемогла, тоскуетъ по мнѣ, предчувствуетъ близкую свою кончину, и хочетъ меня благословить. Почтенный епископъ ни минуты не колебался, отправилъ меня въ Петербургъ съ позволеніемъ жить тамъ, сколько времени пожелаю. Я увидѣлся съ моею матерью, о которой въ душѣ моей оставалось одно темное воспоминаніе, украшенное чувствомъ любви и благодарности дѣтской. Она была очень слаба, и умоляла меня не оставлять ея. И я не могъ бы рѣшиться на вторичную разлуку съ нею. Мы увѣдомили объ этомъ намѣреніи дядю: онъ охотно на то согласился, прислалъ мнѣ денегъ, и совѣтовалъ искать въ Петербургѣ случая, продолжать начатое ученіе. Я искалъ не долго. Однажды, по обыкновенію, проводилъ я матушку на могилу отца, за Невою у церкви Самсонія, и между тѣмъ, какъ она молилась надъ прахомъ ей любез-

нымъ, я бродилъ по кладбищу, и читалъ надгробныя надписи—италіянскія, французскія, латинскія. Вскорѣ замѣтилъ я, что по слѣдамъ моимъ ходитъ какой-то человѣкъ, высокій ростомъ, блѣдный, съ унылымъ взглядомъ, и прислушивается къ моему чтенію. Дѣтское мое тщеславіе возбудилось этимъ вниманіемъ: нашедъ на одномъ камнѣ эпитафію въ латинскихъ стихахъ, я прочиталъ ее громко, съ точнымъ наблюденіемъ мѣры стиховъ. На лицѣ незнакомца изобразилось удовольствіе. Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, и ласково спросилъ по-латыни, кто я. Я объявилъ ему мое имя и званіе, и указалъ на матушку. «Горестъ ея священна,» сказалъ онъ съ участіемъ: «не надобно нарушать ея. Ты мнѣ нравишься, юноша! Мнѣ желалось бы познакомиться съ тобою покороче. Когда можешь, приходи въ Невскую Лавру, и спроси тамъ Селлія, учителя семинаріи.» — Онъ пожалъ мнѣ руку и удалился. Я всегда имѣлъ большую склонность къ таинственному и необыкновенному: это знакомство, начавшееся на кладбищѣ, объясненіемъ на мертвомъ языкѣ, казалось мнѣ привлекательнымъ. Дня чрезъ два явился я по адресу, и нашелъ Селлія въ укромной кельѣ, окруженнаго рукописями и книгами. Онъ не былъ монахъ и, удивительно, былъ протестантъ, но, по любви къ Россіи, къ Греческой Вѣрѣ, къ наукамъ, поселился въ русскомъ монастырѣ. Онъ сдѣлался моимъ учителемъ, руководителемъ, другомъ. Мнѣ легко было вспомнить русскій языкъ, который я было совершенно забылъ

въ Италіи, но никогда не могъ я выучиться говорить на немъ, какъ на природномъ. Селлій выучилъ меня языку нѣмецкому, усовершилъ въ познаніи языковъ древнихъ, посвятилъ въ таинства науки естества, познакомилъ съ Русскою Исторіею, и — вселилъ въ меня отвращеніе къ монашеству католическому, хотя никогда не говорилъ со мною о моей вѣрѣ, никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшаго замѣчанія на католическіе обряды и преданія. Такъ провелъ я жизнь свою до осьмнадцати лѣтъ, въ бесѣдѣ съ доброю матерью, въ строгихъ, но усладительныхъ занятіяхъ науками. Тогда постигъ меня первый ударъ судьбы: матушка скончалась.»

Алимари умолкъ на минуту, и отеръ слезу.

«Селлій зналъ положеніе моего семейства. Съ кончиною матушки прекращался пенсіонъ, который производили ей по указу царскому. Я оставался одинъ, безъ надежды, безъ помощи въ Россіи. Онъ совѣтовалъ мнѣ послѣдовать приглашенію дяди, призывавшаго меня къ себѣ. Оросивъ искренними слезами могилы моихъ родителей, обнявъ въ послѣдній разъ почтеннаго моего наставника, я уѣхалъ въ Италію. Епископъ принялъ меня съ прежнею любовію, обрадовался моимъ успѣхамъ, написалъ собственноручное благодарственное письмо къ моему наставнику, хотѣлъ послать ему и подарокъ, но я, зная моего друга, удержалъ его: Селлій отослалъ бы этотъ подарокъ назадъ, къ огорченію дяди. Меня отправили въ павійскій университетъ. Я страстно занялся нау-

ками. Изслѣдованіе чудесъ природы, свойствъ чело-
вѣка и судебъ его, изученіе древности, были глав-
ными предметами моихъ занятій. Тщетно старался
дядя обратить вниманіе мое на духовныя науки; тщетно
представлялъ мнѣ въ отдаленіи тіару и ключи святаго
Петра. Я былъ послушенъ ему во всемъ, только въ
этомъ остался непреклоненъ: почтительно, но без-
условно объявилъ ему, что хочу остаться міряниномъ.
Онъ былъ огорченъ и раздраженъ моимъ отказомъ,
и, въ минуту гнѣва, объявилъ мнѣ, что за непокор-
ность лишаетъ меня наслѣдства. Я не горевалъ о по-
терѣ богатства, ибо въ тотъ самый день другая, бѣль-
шая печаль преисполнила мое сердце: я получилъ из-
вѣстіе о кончинѣ Селлія. Это было въ 1746 году.
Тогда....»

Алимари всталъ съ своего мѣста, прошелся нѣ-
сколько разъ по комнатѣ и, какъ будто вновь собрав-
шись съ силами, продолжалъ:

«Черезъ десять лѣтъ послѣ этого, получилъ я въ
Бадахосѣ извѣстіе о кончинѣ моего дяди. Угроза его
ограничилась словами: я наслѣдовалъ значительный
капиталъ, отданный имъ навсегда въ венеціанскій
банкъ, съ тѣмъ, чтобъ при малѣйшей опасности, ко-
торая бы угрожала Венеціанской Республикѣ, этотъ
капиталъ былъ переведенъ въ Голландію или въ Ан-
глию; это сдѣлано, по его завѣщанію, года за четыре
предъ симъ, когда французская армія приблизилась
къ границамъ Венеціи. — Съ того времени, вотъ уже
этому слишкомъ сорокъ лѣтъ, я живу въ мірѣ одинъ,

занимаюсь науками и искусствами, ѣзжу изъ одной страны въ другую, люблю жить въ Италиі, но иногда непреодолимою силою влекусь на сѣверъ, посѣщаю Россію, любезную, гостепріимную, спокойную, величественную и, признаюсь вамъ, желалъ бы быть погребеннымъ подлѣ отца и матери, ибо другихъ могилъ, для меня священныхъ, нѣтъ въ мірѣ. Теперь я странствую по Италиі, служу переводчикомъ для Русскихъ, Французовъ и Италиянцевъ; помогаю, сколько могу, тѣмъ и другимъ. И здѣсь, любезный князь, судьба насъ опять соединила. И въ какое время! Повсюду льется кровь; повсюду борются между собою адскія страсти! Французы и Италиянцы, приверженцы новаго и стараго порядка вещей, терзаютъ другъ друга, какъ кровожадные тигры. Вы, добрые Русскіе, пришли сюда для того, чтобъ разсѣчь этотъ Гордіевъ узелъ. Намѣренія вашего Государя безкорыстны и великодушны. Вашъ предводитель понимаетъ свой долгъ, и исполняетъ во всей точности. Но они имѣютъ дѣло съ ужаснѣйшими страстями — изувѣрствомъ и мщеніемъ. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ успѣхъ этой войны, на чьей бы сторонѣ ни остался перевѣсъ — Русскіе стяжали въ ней славу безсмертную — не одною храбростію — и благородствомъ. Мнѣ привелось быть очнымъ тому свидѣлемъ. За нѣсколько дней предъ симъ былъ я на одномъ изъ венеціанскихъ острововъ, отнятыхъ у Французовъ соединенными силами Россіянъ и Турокъ. Любопытное было зрѣлище — видѣть Русскихъ и

вѣчныхъ враговъ ихъ, Мусульманъ, сражающихся въ однихъ рядахъ, за одно дѣло! Но любопытнѣе всего была взаимная борьба этихъ новыхъ союзниковъ. Турки не могутъ покинуть древняго своего обычая, отсѣкать головы у плѣнныхъ непріятелей, а Русскіе не могутъ вразумить ихъ, что это противно правиламъ войны. Что жъ дѣлаютъ ваши соотчичи? Они покупаютъ плѣнниковъ у Турокъ, и тѣмъ спасаютъ имъ жизнь. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ майоръ морскихъ полковъ, Соколовъ, удержалъ саблю, поднятую турецкимъ солдатомъ надъ головою одного французскаго офицера. — «Что тебѣ дадутъ за его голову?» спросилъ онъ у него чрезъ переводчика. — «Червонецъ.» — «Вотъ тебѣ два — отпусти его.» — И не одни офицеры — солдаты спасали многихъ несчастныхъ. Да сохранить Богъ въ вашемъ народѣ эту кротость къ побѣжденнымъ, эту преданность Государю и отечеству — и Россія вознесется надъ всѣми царствами Европы, погрязшими нынѣ въ бѣдствіяхъ и преступленіяхъ, порожденныхъ забвеніемъ законовъ Божіихъ! Я въ Россіи родился, надѣюсь умереть въ Россіи: ея слава и благоденствіе мнѣ драгоцѣнны.»

XXVI.

Послѣднія слова произнесъ Алимари съ выраженіемъ глубокаго чувства. Кемскій дружески пожалъ

ему руку, но молчалъ, какъ будто дожидаясь продолженія разсказа. Алимари понялъ его. «Вижу,» сказалъ онъ, «что повѣствованіе мое не удовлетворило вашему ожиданію. Не знаю, съ чего многіе взяли, что я долженъ быть человѣкъ необыкновенный, загадочный. Не отъ того ли, что я то появляюсь, то исчезаю въ одномъ мѣстѣ, какъ Аполлоній Тианскій?» — «Признаюсь,» возразилъ ему Кемскій: «и я полагалъ, что вы не принадлежите къ нашему кругу, къ числу людей обыкновенныхъ. Думаю такъ и теперь: какая-то непонятная сила влечетъ меня къ вамъ, и я увѣренъ, что бесѣда съ вами, пріязнь ваша, не смѣю сказать, дружба, меня бы осчастливила. Притомъ ваши познанія, особенный взглядъ на міръ вещественный и духовный — все это влекло и влечетъ меня къ вамъ съ непреодолимою силою. И теперь, послѣ вашего простаго разсказа, я остаюсь въ томъ увѣреніи, что не много найду такихъ людей, какъ вы.» — «Какъ легко,» сказалъ съ улыбкою Алимари: «прослыть въ свѣтѣ человѣкомъ необыкновеннымъ! Меня видятъ лѣтъ тридцать въ одной порѣ, то есть, волосы мои уже не сѣдѣютъ съ того времени, тѣло не сохнетъ, потому что нечему ни посѣдѣть, ни высохнуть; никто не видалъ меня больнымъ; многихъ я излечилъ простыми средствами — вотъ и прославили меня неуязвимымъ, безстрадальнымъ, едва ли не безсмертнымъ. Я ни у кого не занималъ денегъ, иному и помогалъ бездѣлицею — отъ этого прослылъ милліонщикомъ, алхимикомъ. Я занимаюсь изученіемъ природы — говорятъ, что я

чародѣй, духовидецъ, колдунъ.» — «И я,» возразилъ Кемскій, «принадлежу къ числу людей, которыхъ вы изумили своими мнѣніями. Ни отъ кого не слыхалъ я столько любопытнаго о важныхъ и грозныхъ явленіяхъ жизни, какъ отъ васъ — а бесѣдовалъ съ вами всего только два часа. Вы изумили меня особенно тѣмъ, что проникли въ міръ духовный не только съ вѣрою, но и съ знаніемъ. И вы хотите оставаться въ рядахъ обыкновенныхъ?» — «Это было и есть,» продолжалъ Алимари: «слѣдствіе усерднаго изученія природы, слѣдствіе того, что я отбросилъ школьныя вериги, презрѣлъ насмѣшки вольнодумства и дерзости осьмнадцатаго вѣка, и изучалъ природу не въ книгахъ, а въ ея дѣйствіяхъ и въ своей душѣ. Не думайте, чтобъ я одинъ обладалъ этими знаніями и средствами къ ихъ пріобрѣтенію. Посреди грозныхъ бурь войны и революціи, зрѣетъ школа натуралистовъ-философовъ, которые начали изученіе природы съ познанія Бога, источника всего видимаго и невидимаго. Теперь они сами еще въ школѣ, еще разсматриваютъ, еще обдумываютъ предметъ своей науки, но вскорѣ, вскорѣ свѣтъ увидитъ плоды трудовъ ихъ. Начавъ изслѣдованіе природы съ источника всѣхъ силъ, мы, при окончаніи сего изслѣдованія, естественно обратимся опять къ этому источнику, и такимъ образомъ соорудимъ систему, основанную на законахъ вѣчныхъ и непреложныхъ. Исчезнутъ гнусныя, богопротивныя положенія матеріалистовъ; духъ всеобщій, духъ чело-вѣчества займетъ свое мѣсто въ природѣ, и всѣ люди

вновь обратятся съ чистымъ сердцемъ къ Всевышнему Строителю міровъ, какъ покланялись ему въ дни свѣтлаго своего младенчества — тогда поклоненіе было дѣтское, невольное; нынѣшнее будетъ вѣчное, неизмѣнное!» — При сихъ словахъ глаза Алимари блистали огнемъ необыкновеннымъ; звуки голоса его были звучнѣе, разительнѣе нежели когда-либо; слезы умиленія лились по морщинамъ лица. Кемскій былъ пораженъ его словами. — «И въ слѣдствіе этого ученія,» сказалъ онъ, чрезъ нѣсколько минутъ торжественнаго молчанія: «вы вѣрите существованію духовъ?» — «Неужели,» спросилъ Алимари: «вы, какъ философъ и христіанинъ, могли отвергать существованіе духовнаго міра? Но вы не то, вѣроятно, сказать хотѣли. Вы хотѣли спросить: вѣрю ли я духовидѣнію, появленію духовъ въ земномъ, вещественномъ мірѣ. Такъ ли? На это отвѣчаю вамъ вопросомъ: вѣрите ли вы существованію фигуръ, ясно представляемыхъ вамъ волшебнымъ фонаремъ на бѣлой стѣнѣ? Неужели это призракъ воображенія? Нѣтъ! это есть искусственное преломленіе лучей, произведенное по законамъ нашего зрѣнія. Слѣпой ничего на гладкой стѣнѣ не ощупаетъ. Такъ и съ видѣніями. Ихъ нѣтъ въ существѣ, въ осязаемости, какъ нѣтъ цвѣтовъ, лучемъ свѣта производимыхъ, нѣтъ звуковъ флейты, потрясающихъ фибры нашего слуха, но эти видѣнія существуютъ въ глубинѣ души нашей, суть представленія внутреннихъ ея движеній, изображаютъ прошедшее, затаившееся въ душѣ нашей темнымъ воспо-

минаніемъ, иногда и будущее, по особенному, таинственному сочетанію дѣйствій духовнаго міра — какъ въ вещественномъ, на примѣръ, птицы предчувствуютъ непогоду. Душа наша, по словамъ великаго вашего Державина, есть гостя міра: заключенная въ темницѣ своей, тѣлѣ, она играетъ и дѣйствуетъ своими цѣпями, не можетъ перенестись за стѣны тѣсной и темной храмины, но въ ней есть свои силы, дремлющія въ этомъ заключеніи, и проявляющіяся во всемъ блескѣ, когда она наконецъ исторгнется на свободу.» — «Но все это однѣ догадки,» сказалъ Кемскій съ возрастающимъ любопытствомъ: «кто видѣлъ душу внѣ этой темницы? Кто видѣлъ дѣйствія невещественныхъ ея органовъ?» — «Она дремлетъ въ сей темницѣ, но иногда и просыпается,» отвѣчалъ Али-мари. «Бываютъ состоянія души, въ которыхъ она дѣйствуетъ не внѣшними органами: и это случается во снѣ естественномъ и магнитическомъ. Размышляли ли вы когда либо о сновидѣніяхъ? старались ли вы постигнуть эту силу, которая бодрствуетъ въ насъ, когда спятъ всѣ прочія силы? Старались ли вы постигнуть этотъ міръ поэзіи и чаръ, который пробуждается въ насъ, когда міръ вещественный покроется мглою? Это сонъ естественный. Замѣьте, что мы помнимъ только тѣ сновидѣнія, которыя грѣзились намъ предъ просыпленіемъ; но если бѣ могли вспомнить и сообразить то, что видится душѣ нашей, когда она погружена въ полноту этого забвенія внѣшняго міра! А лунатизмъ? а сонъ магнитическій? а ясновидѣніе?» —

При этихъ словахъ Кемскій не могъ удержаться отъ вопроса: «Какъ! и вы вѣрите существованію и силѣ магнитисма? И вы убѣждены, что магнитисмъ не есть ложь и шарлатанство?» — «Убѣжденъ,» отвѣчалъ твердымъ голосомъ Алимари: «какъ въ существованіи свѣта дневнаго.» — «А помните ли рѣшеніе Парижской Академіи Наукъ?» — «Помню и знаю лучше всякаго другаго, ибо я въ то самое время былъ въ Парижѣ и слѣдовалъ за изысканіями. Но что значитъ рѣшеніе академіи? Академія ли открыла Коперникову систему, Ньютоново ученіе о притяженіи, Кеплеровы законы небесной механики, порохъ, книгопечатаніе, зрительныя трубы, громовые отводы? Академія ли сочинила Иліаду, Энеиду, Филиппики, Короля Лира, Освобожденный Іерусалимъ, Сиды, Аталію? Я признаю и уважаю труды многихъ людей, засѣдающихъ въ академіяхъ на досугѣ, но академія природы для меня выше всѣхъ. Знайте же, любезный князь, что не далеко то время, въ которое живой магнитисмъ, эта чудесная сила существа нашего, открывающая намъ многія таинства души, займетъ надлежащее ему мѣсто въ ряду познаній и опытовъ человѣческаго рода, какъ сила электрическая, магнитная и другія, бывшія неизвѣстными древнимъ. И въ какое время академія парижская изслѣдовала эту силу? Когда открытіе ея было еще во младенчествѣ, когда не было ни опытовъ достаточныхъ, ни свидѣтельства заслуживающихъ вѣроятія людей, въ подкрѣпленіе ученія Месмера, который, впрочемъ, напрасно облекъ свое великое от-

крытіе ребяческимъ шарлатанствомъ. Вотъ въ чемъ состоятъ мои изслѣдованія и изученія! Я не ищу средствъ къ обнародованію ихъ, но отъ людей умныхъ и добросовѣстныхъ не скрываю того, что мнѣ узнать случилось. Пусть ученая недовѣрчивость, въ борьбѣ съ гнуснымъ шарлатанствомъ, нѣсколько времени густымъ облакомъ скрываетъ отъ взоровъ людскихъ эту выпрениую силу: наступитъ время, и лучи истины разгонятъ мракъ страстей и предразсудковъ! И обратите вниманіе еще на одно обстоятельство: въ истекающемъ нынѣ столѣтіи, когда дерзкіе умы посягнули на все священное для человѣка, когда хотѣли отнять у него и душу безсмертную, и надежду на вѣчную жизнь, превративъ его въ машину, дѣйствующую механически по волѣ одного скотскаго инстинкта; когда отринули они и существованіе Бога, утѣшителя и хранителя міра, — тогда душа человѣческая, изгнанная съ лица земли, затаилась въ глубинѣ самой себя, и тамъ, въ сновидѣніяхъ, вновь обрѣла то, что у ней отнимали наяву — обрѣла вѣру въ свое существованіе, въ свое безсмертіе. Когда молчатъ люди, тогда краснорѣчивы камни; когда заблуждается бодрствующій, тогда истина проявляется спящему; когда не даютъ свидѣтельства живые — раздается пророческій голосъ мертвыхъ!» — Алимари умолкъ. Кемскій молчалъ также, съ умиленіемъ глядя на лице своего друга, пылавшее пламенемъ внутренняго восторга. «Желалъ бы я,» сказалъ онъ наконецъ: «увѣриться собственными глазами, собственнымъ слухомъ въ истинѣ

того, что вы мнѣ говорите, и чему я, впрочемъ, уважая васъ, охотно вѣрю.» — «Для этого должно ждать случая,» отвѣчалъ Алимари. «Случай магнитическаго сна могъ бы я доставить вамъ безъ труда, ибо это зависитъ отъ воли нашей; но вѣщій сонъ естественный есть дѣло рѣдкое. Показать вамъ не могу, но могу рассказать случай, которому я былъ свидѣлемъ, и который подтвердятъ вамъ земляки ваши, офицеры двухъ полковъ. И это было очень недавно, не въ далекомъ отсюда разстояніи.

XXVII.

«На странствіяхъ моихъ по театру войны, провелъ я вечеръ въ Веронѣ. Проходя мимо одного трактира, услышалъ я хохотъ, прерываемый звономъ рюмокъ и русскими восклицаніями. «Это наши!» подумалъ я съ удовольствіемъ, и, не утерпѣвъ свидѣться съ земляками, вошелъ въ трактиръ: человекъ шесть артиллерійскихъ офицеровъ ужинали по-русски, то есть, съ шумомъ и смѣхомъ. Я подсѣлъ къ нимъ, и вскорѣ съ нимъ познакомился. — «Веселитесь, забавляйтесь, молодые люди!» сказалъ я имъ, когда одинъ изъ нихъ сталъ извиняться предо мною въ излишней шумливости ихъ бесѣды: «вы моложе меня, но я далѣе васъ стою отъ опасностей и смерти. Что будетъ завтра — не знаемъ; поживемъ весело сегодня.» — «И не ста-

немъ говорить объ опасностяхъ,» сказалъ одинъ миловидный бѣлокурый офицеръ: «онъ и незванная пожалуютъ къ намъ на встрѣчу; лучше поголкуемъ о родимой землѣ, о друзьяхъ и родныхъ, оставленныхъ нами въ Россіи.» — «А тебѣ не худо бы, Александръ, подумать и о вѣчности,» — сказалъ другой, черноглазый острякъ, съ значительною улыбкою. — «Мнѣ?» спросилъ первый: «почему жъ именно мнѣ, а не другому?» — «Потому, что — потому, что мнѣ это приснилось» — «Вотъ прекрасно!» закричали всѣ: «ему приснилось! Двинскому приснилось! Вотъ пророкъ!» — Всѣ хохотали, и Двинскій вмѣстѣ съ прочими. — «Въ самомъ дѣлѣ,» сказалъ онъ: «я видѣлъ эту ночь странный сонъ. Я было совершенно забылъ о немъ, но теперь, глядя на Ладина, припомнилъ всѣ обстоятельства. Выслушайте, что мнѣ пригрѣзилось. Вы помните мѣсто прогулки нашей въ Виченцѣ за городомъ?» — «Какъ не помнить!» вскричалъ другой: «по прекрасной каштановой аллеѣ, къ древнему монастырю, гдѣ мы не разъ восхищались и унылымъ звономъ колоколовъ и вечернею зарею.» — «И гдѣ всѣмъ, кромѣ Ладина, бывало страшно!» сказалъ третій. — «Точно,» продолжалъ Двинскій. «Вотъ мнѣ снится, что я прогуливаюсь по этой аллеѣ, подхожу къ монастырю; вижу, отворены ворота, и въ оградѣ множество народу; вступаю въ ограду; двери церковныя отперты; во мглѣ древняго храма теплятся свѣчи. Вхожу туда: среди перкви стоитъ на амвонѣ гробъ лиловаго цвѣту.» — «Лиловаго!» закричалъ одинъ

офицеръ: — «новая мода!» — «Вокругъ гроба стоятъ незнакомые мнѣ кирасирскіе офицеры, и только одинъ нашъ, полковникъ Ельцовъ. Подхожу къ гробу, смотрю на покойника — это Ладинъ — блѣдный, ужасный. — Я испугался и проснулся. — Но это такъ ясно, такъ отчетисто представилось глазамъ моимъ, что я теперь могъ бы нарисовать все. Какъ я обрадовался, увѣрившись, что это мечта!» Всѣ молчали. Ладинъ призадумался. — «Что за вздоръ!» сказалъ одинъ офицеръ, старше прочихъ: «Этому вѣтрянику пригрѣзилась какая-то дичь, и онъ всѣхъ насъ опечалилъ. Полно-те, господа! выпьемъ за здравіе нашего главнокомандующаго, и пожелаемъ, чтобъ наши ядра скорѣе зажужжали въ ушахъ непріятельскихъ! Въ животъ и смерти Богъ воленъ, а пока живы мы, грустить не о чемъ, менѣе всего о томъ, что приснится сытому или голодному!» — Разговоры о другихъ предметахъ вскорѣ изгладили это минутное впечатлѣніе грусти и грозныхъ предчувствій. Ужинъ кончился весело. Я простился съ офицерами, и пошелъ въ свою квартиру. На другой день я еще спалъ, какъ барабанный бой и стукъ колесъ по мостовой возвѣстили мнѣ объ отходѣ этихъ минутныхъ, но искреннихъ моихъ пріятелей. — Чрезъ двѣ недѣли послѣ того былъ я въ Виченцѣ. Въ одно утро вышелъ я за городъ, и примѣтилъ, что иду по той самой аллеѣ, о которой говорилъ Двинскій. Воспоминаніе о томъ вечерѣ и о сновидѣніи возобновилось въ душѣ моей; иду далѣе — вотъ черныя стѣны монастыря; ворота

отперты; народъ толпится въ оградѣ и на паперти церкви. Вхожу въ монастырь, въ церковь — посреди ея стоитъ на возвышеніи лиловый гробъ. Вокругъ него русскіе кирасирскіе офицеры и одинъ артиллерійскій. Я приблизился къ покойнику — взглянулъ — это былъ Ладинъ. Ужасъ объялъ меня. Я удалился въ уголъ церкви, боясь видимымъ волненіемъ чувствъ моихъ нарушить священное безмолвіе. Обрядъ погребенія, по неимѣнію русскаго священника, совершали монахи католическіе. Пособравшись съ мыслями, я подошелъ къ артиллеристу, и спросилъ у него, кого хоронятъ и не отъ ранъ ли умеръ этотъ офицеръ. — «Нѣтъ,» отвѣчалъ онъ: «бѣдный мой товарищъ умеръ отъ болѣзни, отъ недостатка врачебнаго пособія. Онъ шелъ съ ротою къ арміи. Миновавъ Верону, онъ былъ отправленъ обратно съ приказаніями ко мнѣ на встрѣчу (я иду изъ Вѣны съ запасными орудіями); не доѣзжая двухъ станцій отсюда, занемогъ, Богъ знаетъ отъ чего, и умеръ чрезъ два дня. Вотъ я принужденъ хоронить его, хоронить не по обряду Православной Церкви, и даже долженъ былъ обить гробъ лиловымъ атласомъ — здѣсь, въ городѣ, не нашлось малиноваго.» — Обрядъ кончился; мы снесли гробъ юноши въ юдоль вѣчнаго покоя. Потомъ рассказалъ я полковнику Ельцову (это былъ онъ самъ) о встрѣчѣ моей съ офицерами въ Веронѣ, о вѣщемъ сновидѣніи Двинскаго. Мы оба не могли надивиться этому случаю, и согласились только въ одномъ....»

Въ это время слышался на улицѣ шумъ, и раз-

дался голосъ Ярлыкова: «Все готово, ваше сіятельство! извольте садиться.» Друзья вышли изъ дому. Кемскій былъ въ глубокомъ размышленіи. Коляска подѣхала къ крыльцу. «Простите, другъ мой!» вскричалъ Кемскій: «можетъ быть, навсегда!» — «Не можетъ быть!» отвѣчалъ Алимари: «мы непременно увидимся, и еще въ здѣшнемъ мірѣ. — Теперь,» продолжалъ онъ по-французски: «сдѣлайте мнѣ одолженіе — примите отъ меня на память вещь, которая, въ случаѣ нужды, можетъ послужить вамъ.» Съ этими словами вынулъ онъ изъ записной книжки своей доскутъ бумаги, написалъ на немъ нѣсколько словъ карандашемъ, свернулъ его и подалъ Кемскому. «Возьмите! вы будете въ сраженіяхъ....» — «Не думаю,» прервалъ его Кемскій: «я ѣду съ депешами и, вѣроятно, съ тѣмъ же и ворочусь.» — «Но — можетъ статья! Кто знаетъ будущее? Берегите эту бумажку. Въ случаѣ крайней опасности прочтите слова, на ней написанныя. Это вамъ не повредитъ, а вѣроятно поможетъ. Теперь мнѣ нѣкогда толковать вамъ что это такое; прошу только вѣрить, что я не чародѣй, а истинный другъ вашъ!» Алимари улыбнулся сквозь слезы. Кемскій прослезился также. Они обнялись въ безмолвіи. Кемскій бросился въ коляску, и она помчалась по косоугору.

XXVIII.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ то время, когда Кемскій быстро летѣлъ къ мѣсту своего назначенія, вѣрная его Наташа испытала всѣ мученія, какія только могутъ столпиться надъ головою человѣка. Неожиданный, внезапный отъѣздъ мужа сразилъ ее жестоко. Она была близка къ отчаянiю; будущее рисовалось въ ея воображенiи самыми ужасными чертами: она видѣла друга своего раненаго, убитаго, взятаго въ плѣнъ; ей слышались звуки какого-то тайнаго голоса, который нашептывалъ ей въ минуту унынiя и тоски: ты его не увидишь! Въ этихъ жестокихъ терзанiяхъ не разъ помышляла она о смерти, не разъ молила Бога отозвать ее отъ здѣшняго міра до совершенiя грозившихъ ей ударовъ. И надежда, вѣчная утѣшительница и обманщица смертныхъ, не могла бы подкрѣпить ея, если бъ другое чувство — возвышеннѣйшее, не придавало ей силы: она ощущала уже обязанности матери.

Если съ одной стороны это неизъяснимое въ женщинѣ ощущенiе придавало ей силы переносить настоящія горести, съ другой — жестокій ударъ судьбы, поразившей ее въ то самое время, могъ показаться ей вѣстникомъ новыхъ страданiй въ будущемъ. Неожиданно, скоропостижно лишилась она добраго своего родителя. Она сидѣла однажды, поутру, у письменнаго столика, повѣреннаго ея страданiй и утѣше-

ній, и выраженіями пламенной любви покрывала листъ, готовившійся летѣть къ другу ея сердца. Вдругъ вбѣжала въ кабинетъ ея горничная, и прерывающимся голосомъ объявила, что отъ Василья Григорьевича присланъ человѣкъ; что Наталю Васильевну просятъ немедленно пожаловать къ батюшкѣ; что онъ опасно заболѣлъ. Испуганная Наташа бросилась къ отцу. Съ нимъ приключился ударъ. Онъ лежалъ безъ языка, дышалъ съ трудомъ, и только рукою манилъ кого-то къ себѣ. Увидѣвъ дочь свою, онъ нѣсколько пришелъ въ себя и едва внятнымъ голосомъ произнесъ: «Наташа! прости! ты — мужъ твой — сестра моя — монастырь — Наташа, прости!» Онъ простеръ къ ней руки — это было послѣднее усиліе отлетавшей жизни. Черезъ нѣсколько минутъ спокойствіе смерти водворилось на кроткомъ челѣ честнаго человѣка и добраго христіанина.

Казалось бы, что этотъ новый ударъ усугубить ея страданія, доведетъ ее до отчаянія — но, нѣтъ! Природа такъ устроила сердце человѣческое, что въ немъ есть мѣсто для всякой печали, что новая горестъ, присоединяясь къ прежней, не усугубляетъ, а какъ будто утѣляетъ ее. Наташа горько рыдала надъ прахомъ добраго отца, и эти слезы о потерѣ невозвратной чудеснымъ образомъ дали ей отраду и утѣшеніе въ воспоминаніи объ отсутствовавшемъ. «Алексѣя здѣсь нѣтъ, но онъ живъ: онъ помнитъ, онъ любитъ меня!» говорила она, перечитывая страстные его письма.

Алевтина Михайловна принимала живѣйшее участіе

въ судьбѣ Наташи, навѣщала ее ежедневно, освѣдомлялась съ нѣжностью о ея здоровьѣ, съ восторгомъ читала письма брата, и орошала ихъ слезами. «Это слезы искренняго раскаянія,» думала добрая Наташа: «ей совѣстно, что она, по извинительнымъ впрочемъ побужденіямъ материнской любви, слишкомъ неосторожно порадовалась мнимому наслѣдству. Слава Богу, что это такъ кончилось! Время исправить ее еще болѣе, и она бросить всѣ свои интриги и замыслы, когда удостовѣрится, что они излишни и вредны ей самой.»

Одинъ нечаянный случай открылъ глаза просто-душной. Чрезъ нѣсколько дней по погребеніи отца, Наташа сидѣла вечеромъ у Алевтины, которая самымъ нѣжнымъ вниманіемъ старалась доказать ей свое участіе, съ чувствомъ уваженія говорила о покойномъ, и разсыпалась въ похвалахъ отсутствующему брату. Наташа слушала ее въ молчаніи. Алевтина, окончивъ заученый молебенъ, умолкла. Иванъ Егоровичъ счелъ обязанностью своею воспользоваться этою перемежкой и подтвердить слова жены. «Вы не повѣрите, Княгиня Наталья Васильевна, какъ мы любимъ вашего супруга, какъ о немъ стараемся. Теперь онъ на пути къ счастью; теперь исполнились давнишнія его желанія отличиться на войнѣ. Долго ждалъ онъ этого случая! Да и трудненько было выхлопотать для него такое лестное порученіе. Сколько охотниковъ изъ самыхъ случайныхъ фамилій набивались на отправленіе въ Италію! Намъ Богъ помогъ уладить.» — Наташа измѣнилась въ лицѣ, и уронила изъ рукъ своихъ ра-

боту. Алевтина Михайловна, разговаривавшая между тѣмъ съ матерью, не слыхала начала рѣчи, но вдругъ догадалась и закашляла, поглядывая на своего мужа съ выраженіемъ изумленія и злобы. Онъ смутился и затвердилъ: «да! да! да!» — Испуганная Наташа спросила трепещущимъ голосомъ: «Скажите, ради Бога, что это значитъ? Такъ это былъ не случайный нарядъ? такъ эта разлука — такъ это вы? — Несчастный! онъ погибъ, и я также!» вскричала она съ выраженіемъ отчаянія, и кинулась въ двери. Всѣ бросились къ ней. Алевтина стала клясться и божиться, что ничего не знаетъ; что не понимаетъ съ чего Иванъ Егоровичъ взялъ это; плакала, рыдала. Прасковья Андреевна готовилась снять образъ со стѣны. Иванъ Егоровичъ, блѣдный, испуганный, говорилъ заикаясь: «Ей, ей-съ, да-съ, ничего не знаемъ-съ. — Ваше сіятельство — это я такъ — хотѣлъ пошутить, утѣшить васъ.» — «Молчите, сударь!» закричалъ Алевтина: «вы своимъ хвастовствомъ меня губите: выдумали о какихъ-то связяхъ моихъ съ случайными людьми! Что вы! съ ума что ли сошли? Извольте выйти вонъ, а то еще Богъ знаетъ, чего нагородите.»

Наташа поуспокоилась, но не говорила ни слова съ Алевтиною и ея матерью, приказала подать карету, и, отдавъ имъ холодный поклонъ, уѣхала домой. Тоска безотрадная ждала ее въ одиночествѣ. Она кинулась на колѣни предъ образомъ, подареннымъ ей теткою, и усердною молитвою тщилась подкрѣпить себя въ борьбѣ съ отчаяніемъ.

И такъ Алевтина дѣйствительно была причиною отправленія Кемскаго? И такъ она не отказалась еще отъ своихъ коварныхъ замысловъ? Возможно ли, чтобъ умирительное счастіе брата и жены его не могло ее тронуть? — Къ несчастію, возможно. Невозможно было бы противное. Солнце идетъ неизмѣннымъ путемъ своимъ; луна въ урочное время перемѣняетъ свой обликъ; левъ упивается кровью; горлица умираетъ за птенцовъ своихъ: злой человѣкъ нищетъ одно злодѣяніе къ другому — и каждое препятствіе на пути къ исполненію своихъ желаній считаетъ только новою ступенью лѣстницы, ведущей къ желаемой цѣли. Таковъ законъ природы!

XXIX.

ЛАГЕРЬ ПРИ НОВИ.

Солнце катилось за Боккету, когда Кемскій, въ глубокомъ раздумьѣ, приблизился къ мѣсту своего назначенія. Дорога шла лощиною и вдругъ поднялась на крутой холмъ. Съ высоты этого холма открылась пространная равнина, живописная, величественная, прелестная. Бѣлые шатры рисовались вдали на темно-зеленомъ коврѣ, по сторонамъ свѣтлой рѣчки, сребрившейся изгибами въ крутыхъ берегахъ. Необычайная тишина господствовала въ этомъ временномъ жилищѣ многихъ тысячъ. Изрѣдка приносились къ страннику отголоски русскихъ заунывныхъ пѣсень,

какъ звуки арфы Эоловой, и приводили въ движеніе всѣ жилки его сердца. Слезы выступили на глазахъ Кемскаго — слезы сладкаго унынія, неизъяснимой тоски, небеснаго утѣшенія. Русскій читатель! бывалъ ли ты на чужбинѣ, среди людей, тебѣ незнакомыхъ, тебя непонимающихъ? И тамъ случалось ли, что перелетный вѣтерокъ приносилъ, какъ бы невзначай, къ слуху твоему звукъ родной стороны? Ты поймешь слезы моего героя.

Ночь уже наступила, когда Кемскій прибылъ къ главной квартирѣ. Адъютанты главнокомандующаго, объявивъ ему, что графъ легъ спать, и что должно представиться ему утромъ въ пять часовъ, повели новопріѣзжаго въ свои палатки. Долго ли знакомиться землякамъ, молодымъ, военнымъ? Черезъ полчаса князь сидѣлъ въ кругу искреннихъ пріятелей, рассказывалъ имъ о Петербургѣ, о вѣстяхъ московскихъ; слушалъ о новыхъ подвигахъ нашихъ храбрыхъ воиновъ, и не видалъ, какъ летѣло время. Когда новые знакомцы готовились разойтись, вошелъ въ комнату молодой солдатъ, вѣстовой, и подалъ пакетъ хозяину. «Отъ дивизіоннаго генерала къ вашему благородію!» примолвилъ онъ тономъ учтивымъ, но вовсе не солдатскимъ. Кемскій, пораженный звукомъ его голоса, подошелъ, чтобы всмотрѣться въ него, и узналъ въ молодомъ солдатѣ своего добраго, вѣрнаго слугу! — «Миша!» вскричалъ онъ съ изумленіемъ. Солдатъ взглянулъ на него, залился слезами, и бросясь въ ноги, закричалъ: «Ахъ, ваше сіятельство! васъ ли

я вижу! — Князь поднялъ его, и заключилъ въ свои объятія. — Когда прошли первыя минуты радостнаго забвенія, Кемскій объявилъ удивленнымъ этою странною сценою офицерамъ, что этотъ солдатъ — сынъ его кормилицы, другъ и товарищъ его дѣтства. — «Какимъ же ты образомъ попалъ въ солдаты?» спросилъ Кемскій съ недоумѣніемъ и состраданіемъ. — «По вашему господскому приказанію,» отвѣчалъ Миша печально. — Кемскій поблѣднѣлъ. «Помилуй! какъ ты можешь это думать? Что это тебѣ на умъ взбрело, чтобъ я, я отдалъ тебя въ солдаты?» — «Точно такъ, ваше сіятельство! Вы изволили меня послать съ винокуромъ на свиданье съ матушкою; но, не доѣзжая до села, въ первой изъ деревень вашихъ, сотскій остановилъ насъ; винокура отправилъ далѣе, а меня заковалъ и послалъ съ другими рекрутами въ уѣздный городъ. Я бился, плакалъ, спрашивалъ, молилъ растолковать, что это значитъ. Мнѣ отвѣчали, что уже до пріѣзда моего получено ваше приказаніе, немедленно по пріѣздѣ въ вотчину, забрить мнѣ лобъ, за дерзкіе поступки съ вами, за обманы, за — не могу выговорить, ваше сіятельство, — за воровство. Приказъ исполнили въ точности. Оправданія мои были напрасны. Я ссылался на ваши милости, на ваши ласки. «Видно, братъ, порядкомъ накудесилъ,» отвѣчалъ мнѣ сотскій, — «когда такой добрый баринъ, какъ Князь Алексѣй Ѳедоровичъ, отдаетъ тебя въ солдаты. По дѣламъ вору и мука.» — «Да гдѣ же былъ мой приказъ?» спросилъ князь:

«показали ль тебѣ его?» — «Показывали, ваше сіятельство! Приказъ былъ отъ имени вашего и сестрицы вашей, Алевтины Михайловны, и подписанъ Яковымъ Лукичемъ.» — «Злодѣи!» прошепталъ огорченный князь. — «Меня отправили съ партіею къ границѣ, на Волынь.» — «И ты не писалъ ко мнѣ?» спросилъ Кемскій съ укоризненнымъ взглядомъ. — «Не посмѣлъ, ваше сіятельство!» — «И ты думалъ, что я могъ быть виною твоего несчастія?» — «Несчастіе было для меня одно, ваше сіятельство, что я разлученъ съ вами, да не видался съ старухою матерью, а она, впрочемъ, слава Богу, здорова, и больна не бывала—это выдумали. Въ службѣ же царской быть, что за несчастіе? Только неразумный мужикъ можетъ называть это бѣдою, да развѣ еще семьянину больно разставаться съ родными. А мнѣ что? радъ служить Царю, какъ служилъ вашему сіятельству. Только вы....» Слезы прервали слова его. Князь увѣрилъ Мишу, что никогда не думалъ отчуждать его отъ себя, и убѣдилъ его, что все это сдѣлано коварнымъ управителемъ — ему совѣстно было обвинять не Тряпицына. Миша ожилъ душею, видя, что добрый его баринъ на него не гнѣвенъ, и просилъ князя взять его къ себѣ на вѣсти, на все время войны. «Это очень легко сдѣлать!» сказалъ одинъ изъ адъютантовъ: «стоитъ написать къ полковому командиру.»

Кемскій отправился въ отведенную ему палатку, волнуемый попеременно то радостными, то грустными чувствами. Душа Алевтины открылась предъ нимъ

во всей чернотѣ своей. «И Наташа въ ея рукахъ!» подумалъ онъ съ трепетомъ.

Въ пять часовъ утра явился онъ у палатки главнокомандующаго. Тамъ былъ уже полдень, по шуму и движенію. Вчерашніе друзья окружили его съ нѣжнымъ участіемъ. Вечерняя сцена съ Мишею привела всѣхъ въ умиленіе: молодые люди плѣнились кротостью, нѣжностью души Кемскаго. Они были еще въ тѣхъ лѣтахъ, когда подвиги благородства, великодушія, самоотверженія восхищаютъ насъ; когда не закралось еще въ душу, незакаленную жестокимъ опытомъ, исключительное уваженіе въ холодности, благоразумію и эгоизму. Тутъ же случился и Мишинъ полковникъ: онъ охотно согласился прикомандировать Силантьева (такъ окрестили Мишу въ полку) къ поручику Князю Кемскому на время пребыванія его въ главной квартирѣ.

«Пожалуйте къ графу!» сказалъ Кемскому офицеръ, вышедшій изъ палатки. Кемскій съ невольнымъ трепетомъ вступилъ въ палатку. Въ ней расхаживалъ сѣдой, низенькій, сухощавый старичекъ — въ солдатской курткѣ. — Увидѣвъ Кемскаго, онъ подошелъ къ нему, взялъ изъ рукъ его бумаги; не говоря ни слова, распечаталъ и началъ пробѣгать глазами. Кемскій боялся, что графъ, по обыкновенію, станетъ шутить съ нимъ, говорить вздоръ, спрашивать о пустякахъ. Ни чуть. Просмотрѣлъ бумаги, графъ кликнулъ камердинера своего, Прошку, и, велѣвъ ему позвать *сухощаваго бригадира*, обратилъ про-

нищательные глаза свои на Кемскаго, и сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о Петербургѣ, о Вѣнѣ и вообще о дѣлахъ того времени. Кемскій, имѣвшій время собраться съ духомъ, отвѣчалъ твердо, рѣшительно. Это понравилось графу. Онъ сталъ спрашивать молодаго человѣка о его родственныхъ, хотѣлъ знать, не служилъ ли кто нибудь изъ его родныхъ въ арміи. — «Зять мой, генераль-поручикъ Элимовъ, имѣлъ счастіе служить подъ вашимъ начальствомъ въ Польшѣ, и положилъ тамъ голову.» — «Знаю, помню!» поспѣшно отвѣчалъ Суворовъ: «онъ былъ храбрый человѣкъ, разсуждалъ не много, говорилъ не красно, а гдѣ надобно было постоять за матушку Государыню, тамъ другаго не спрашивай, царство ему небесное!» — Въ это время вошелъ въ палатку высокій, худощавый человѣкъ въ гражданскомъ мундирѣ. «Возьми, мой дипломатъ, эти бумаги, поразбери ихъ, а потомъ мы прочитаемъ ихъ вмѣстѣ. — Вотъ родственникъ нашего храбраго Элимова. Поди, любезный, отдохни съ дороги! Богъ съ тобою!» Съ этими словами онъ перекрестилъ Кемскаго, и поцѣловалъ его. — Кемскій вышелъ изъ палатки съ радостнымъ сердцемъ: ему удалось видѣть русскаго героя, на котораго обращены были взоры всего міра, видѣть его съ глазу на глазъ, наединѣ, когда онъ не прикрывался плащомъ діогеновскимъ. Весь тотъ день прошелъ для Кемскаго, какъ быстрое сновидѣніе: жизнь, движеніе, шумъ военнаго стана занимали его каждую минуту. Онъ ходилъ изъ полка въ полкъ, отыскивалъ

и находилъ корпусныхъ товарищей, и въ бесѣдѣ съ ними услаждалъ душу.

Вечеромъ стоялъ онъ, въ кругу офицеровъ, неподалеку отъ палатки фельдмаршала. Когда забили зорю, графъ вышелъ, въ сопровожденіи русскихъ, австрійскихъ и плѣнныхъ французскихъ генераловъ. Завидѣвъ Кемскаго, онъ подошелъ къ нему скорыми шагами, и спросилъ насмѣшливо: «Сколько у васъ въ Петербургѣ тетушекъ, храбрый князь?» — «Ни одной,» отвѣчалъ князь, принимая это за шутку. — «Быть не можетъ,» вскричалъ фельдмаршалъ: «у васъ ихъ тма тмушая! А если нѣтъ тетушекъ, такъ есть бабушки, двоюродныя сестрицы, братцы каммергеры. Хорошо тому жить, кому бабушка ворожить! Далеко ли ему до генеральства!» — Кемскій смутился. «А вотъ былъ адъютантъ у вашего зятя, не помню, какъ звали его — нихтбештимтзагеръ, унтеркунтфщикъ — тотъ и безъ бабушекъ успѣлъ улизнуть изъ арміи. Храбрый офицеръ, миролюбивый офицеръ!» Съ симъ словомъ онъ отвернулся, заговорилъ съ однимъ изъ генераловъ, и пошелъ далѣе. Кемскій былъ въ неописанномъ волненіи: такое привѣтствіе, совершенно противное утреннему приему, изумило и испугало его. Въ это время подошелъ къ нему секретарь, котораго онъ видѣлъ поутру въ палаткѣ. Замѣтивъ замѣшательство Кемскаго, и зная тому причину, онъ сказалъ ему съ участіемъ: «Мнѣ жаль, что вы ошиблись, князь! На что вамъ было такое множество рекомендательныхъ писемъ? Чрезъ часъ послѣ вашей явки

графъ получилъ ординарную почту, и удивился множеству вашихъ заступниковъ. Неужели его еще не знаютъ? Онъ врагъ всякой протекціи, и на зло дѣлаетъ противное тому, о чемъ его просятъ. Теперь вообразилъ онъ, что ваши покровители желаютъ поберечь васъ; надѣются, что графъ при первомъ случаѣ отправитъ васъ обратно въ Петербургъ съ реляціею о побѣдѣ.» — «Могу васъ увѣрить честью,» отвѣчалъ Кемскій съ досадою: «что я вовсе не зналъ объ этихъ рекомендаціяхъ, и не понимаю, какъ это могло случиться. Меня послали въ армію безъ моего вѣдома и почти противъ желанія. Когда я не успѣлъ даже проститься съ женою....» Голосъ его задрожалъ. — «Вѣрю, охотно вѣрю вамъ,» съ чувствомъ отвѣчалъ ему секретарь, убѣжденный тономъ истины. «Но письма эти въ моихъ рукахъ, и такъ какъ въ нихъ нѣтъ секретовъ, то вы сами можете удостовѣриться. Между тѣмъ, это дѣло надо поправить. Я попрошу Князя Петра Ивановича Багратиона, чтобъ онъ употребилъ васъ въ первомъ дѣлѣ, и тогда фельд-маршалъ увидитъ, дорожите ли вы рекомендаціями.» — Въ это время скомандовали на молитву. Князь, снимая шляпу, пожалъ руку доброму своему ходатаю. — После зари пошли они въ палатку секретаря, и тамъ Кемскій увидѣлъ дѣйствительно, что въ пяти или шести письмахъ знакомые и родственники Суворова рекомендовали ему назначеннаго къ посылкѣ въ Италію, гвардіи офицера Князя Кемскаго. Иные просили его поберечь молодаго человѣка, слабаго здоровьемъ,

последнюю отрасль знаменитой фамилии, единственную отраду сестры и племянниковъ. Кемскій остолбенѣлъ: въ числѣ просителей видѣлъ онъ нѣкоторыхъ знакомцевъ Алевтины, другихъ не зналъ вовсе. «Не-сносная страсть вмѣшиваться въ чужія дѣла!» вскричалъ онъ; «навязывать свои услуги тому, кто ихъ не просить и не хочетъ! Ради Бога, помогите мнѣ изгладить это непріятное впечатлѣніе въ умѣ графа! Я жизни пожертвую, чтобы этотъ великій человекъ не имѣлъ обо мнѣ ложнаго понятія.» Секретарь успокоилъ его честнымъ словомъ. Князь пошелъ, въ раздумѣ, въ свою палатку, гдѣ ожидалъ его добрый Силантьевъ. Кемскій рассказалъ ему случившееся, и объявилъ, что непременно хочетъ кровью смыть съ себя это постыдное пятно. — «Повѣрьте мнѣ, ваше сіятельство,» сказалъ ему Силантьевъ: «не любовь и не усердіе къ вамъ заставили Алевтину Михайловну искать вамъ покровителей. Это....» — «Молчи, Миша!» вскричалъ Кемскій съ жаромъ: «не договаривай того, о чемъ я самъ страшусь подумать! О люди! люди!»

XXX.

Это происходило въ послѣдніе дни іюля. Суворовъ, поразивъ на Треббії Макдональда, готовился, какъ разъяренный (тенетами гофкригсрата) левъ, броситься

на Жубера, который, въ обаяніи славы, любви и надежды юныхъ лѣтъ, спускался съ Пеннинскихъ Альповъ на сѣвернаго Аннибала. Обѣ арміи кипѣли нетерпѣніемъ. Сначала полагали, что Французы произведутъ первое нападеніе, но мнѣніе благоразумнаго Моро одержало верхъ въ военномъ совѣтѣ: рѣшено было занять неприступную позицію на скатѣ горъ, и ждать подкрѣпленій. Суворовъ, взглянувъ орлинымъ окомъ на положеніе враговъ, рѣшился двинуться на нихъ грудью. Начальникъ авангарда, Князь Багратионъ, на другой день получилъ приказаніе, лишь только услышитъ пальбу австрійскаго генерала Барона Края на правомъ флангѣ, открыть непріятеля на лѣвомъ, и завязать съ нимъ дѣло. До отбытія своего, онъ пригласилъ къ себѣ Кемскаго, и объявилъ ему, что, узнавъ о случившейся съ нимъ непріятности, беретъ его съ собою за адъютанта. — «Позвольте мнѣ вступить во фронтъ, ваше сіятельство,» возразилъ Кемскій: «позвольте сражаться въ рядахъ храбраго вашего авангарда. Не довольно *быть* въ дѣлѣ: непременно хочу и *дѣйствовать*.» — «Извольте,» сказалъ генераль съ привѣтливою улыбкою: «ваше желаніе будетъ исполнено.» — Чрезъ часъ объявили Кемскому, что онъ прикомандированъ къ егерскому Князя Багратиона полку, и имѣетъ немедленно явиться къ своей должности. Онъ не мѣшкалъ въ главной квартирѣ, посѣтилъ только добраго секретаря графскаго, и отправился впередъ съ своимъ Силантьевымъ, кипя ревностью загладить вчерашній позоръ. Ему каза-

лось, что всѣ офицеры, всѣ солдаты знаютъ, какое дурное мнѣніе имѣетъ о немъ Суворовъ; казалось, что надъ нимъ издѣваются, указываютъ на него пальцами.

Авангардъ выстроился впереди деревни. Генералъ, въ раздумьѣ, разѣзжалъ предъ фронтомъ. Кемскій явился къ нему, и получилъ приказаніе стать въ шефской ротѣ. Всѣ хранили глубокое молчаніе. Вотъ летитъ казакъ къ генералу, съ донесеніемъ, что на передовыхъ пикетахъ слышна пальба. Чрезъ нѣскольکو минутъ пушечные выстрѣлы справа сдѣлались явственнѣе. Потомъ сталъ перекатываться и батальный огонь изъ ружей. «Теперь пора,» сказалъ генералъ: «охотники впередъ!» Надлежало послать отрядъ для открытія непріятеля. Надобно было тридцати человѣкъ, а охотниковъ высыпало вдесятеро болѣе. Въ минуту кинули жеребій, и счастливыцы съ радостною улыбкою выступили впередъ. Кемскій обратился къ баталіонному командиру съ убѣдительною просьбою поручить эту команду ему. — «Невозможно:» отвѣчалъ командиръ. «Штабсъ-капитанъ Леоновъ, ваша очередь!» сказалъ онъ, оборотясь къ фронту. Вышелъ молодой человѣкъ. Кемскій узналъ въ немъ корпуснаго товарища. «Леоновъ!» вскричалъ онъ: «уступи мнѣ свое мѣсто!» — «Такъ это ты, Кемскій!» воскликнулъ съ радостнымъ изумленіемъ Леоновъ: «такъ ты тотъ гвардейскій офицеръ, о которомъ я сегодня слышалъ? Сердце мое говорило, что этотъ упрямый храбрецъ долженъ быть нашъ кадетъ. Радуюсь, что вижу тебя,

но мѣста своего не уступлю ни за что въ мірѣ. Я двѣ недѣли ждалъ очереди. Прости!» Онъ сталъ впереди отряда, отдалъ честь генералу, и скомандовалъ: «маршъ, маршъ!» — Чрезъ нѣсколько минутъ храбрая дружина исчезла за кустами. Авангардъ медленно двигался впередъ. — Не прошло получаса, какъ впереди слышались ружейные выстрѣлы. Авангардъ прибавилъ шагу: предъ нимъ открылась лощина, въ которой передовой отрядъ наткнулся на непріятеля. Французы скакали назадъ, въ лѣсъ; наши отступали въ свою сторону. Изъ тридцати осталось человѣкъ двѣнадцать. Впереди вели троихъ плѣнныхъ, и несли убитого — это былъ Леоновъ. Старшій унтеръ-офицеръ донесъ генералу, что, по вступленіи въ эту лощину, высыпала на нихъ французская кавалерія. Наши стали было отстрѣливаться и отступать, но когда пали нѣсколько человѣкъ, ярость заглушила голосъ благоразумія. Защита превратилась въ атаку. Одинъ французскій генераль, одинъ полковникъ и еще человѣкъ двадцать пали отъ русскихъ штыковъ. Но роковая пуля сразила Леонова, и весь отрядъ увидѣлъ себя обрѣченнымъ на неизбѣжную смерть, когда звукъ русскихъ барабановъ въ подступающемъ авангардѣ заставилъ Французовъ отступить. Невольный трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу Кемскаго, когда онъ взглянулъ на блѣдное, недавно цвѣтшее здоровьемъ и юностью лице Леонова. Мысль о Натангъ мелькнула въ душѣ его, но вскорѣ громъ боя, чувство мщенія, голосъ чести заглушили легкій шопотъ любви.

Авангардъ двинулся впередъ. Вскорѣ открылись предъ нимъ ряды непріятельскіе, и завязалось жаркое дѣло. Кемскій посланъ былъ съ застрѣльщиками. Одушевленный какою-то высшею силою, онъ подавалъ своимъ товарищамъ и подчиненнымъ примѣръ блистательнѣйшей храбрости. Его линія непрерывно подвигалась впередъ. Французская отступала, сражаясь неустрашимо. Вдругъ почувствовалъ онъ, что его чѣмъ-то ударило въ лѣвую руку выше локтя. Онъ оборотился въ ту сторону, и увидѣлъ подлѣ себя Мишу. «Ваше сіятельство! вы ранены!» закричалъ Миша. — «Нѣтъ, братецъ! тебѣ такъ кажется!» — «Ей Богу, ранены, ваше сіятельство! Посмотрите на лѣвую вашу руку.» — Кемскій взглянулъ, увидѣлъ, что весь рукавъ его покрытъ кровью, и въ ту минуту почувствовалъ боль. — «Нужды нѣтъ!» сказалъ онъ хладнокровно: «это рана не важная; не для чего оставлять сраженіе.» — «Правда,» сказалъ ему командиръ его въ цѣпи, старый армейскій капитанъ, восхищавшійся во все время мужествомъ молодаго воина: «она, можетъ быть, не опасна; но я вижу, вы теряете много крови и ослабѣете. Велите себя перевязать, и потому можете воротиться.» — «Ей такъ, ваше сіятельство!» примолвилъ Миша умоляющимъ голосомъ. Кемскій согласился, и, въ сопровожденіи вѣрнаго слуги своего, отправился къ отряду. — «Поздравляю,» закричалъ ему генераль: «вотъ вамъ и обнова! Теперь, кажется, довольно?» — «Нѣтъ, генераль!» отвѣчалъ ему Кемскій: «только въ позорномъ

поединкѣ достаточно первой крови, а здѣсь присягали мы драться до послѣдней капли. Велите перевязать меня, а потомъ отпустите опять въ цѣпь.» Явился лекарь, осмотрѣлъ рану, объявилъ ее неопасною, и началъ перевязывать. Вдругъ раздались громкія, единоголасныя восклицанія во фронтѣ, и заглушили на минуту звуки ружейной пальбы. «Это что значитъ?» спросилъ Кемскій у лекаря. — «Ничего,» отвѣчалъ лекарь, разматывая бинты: «это, видно, старикъ фельдмаршалъ ѣдетъ.» И въ самомъ дѣла появился Суворовъ верхомъ, въ каскѣ австрійскаго гренадера, безъ мундира, съ голубою лентою по рубашкѣ. — «Славно, помилуй Богъ, славно!» кричалъ онъ войску: «впередъ, чудо-богатыри! Чего жалѣть супостатовъ: перекрестясь, да и въ штыки!» Новые усердные клики были ему отвѣтомъ. Генераль подъѣхалъ къ фельдмаршалу, и сталъ докладывать объ успѣхахъ дня. Суворовъ слушалъ его со вниманіемъ, потомъ съ улыбкою удовольствія обратился въ ту сторону, гдѣ, въ интервалѣ взводовъ, перевязывали Кемскаго. Проницательный взглядъ сѣдаго героя осчастливилъ, воскресилъ юнаго воина: онъ видѣлъ, что прежнее непріятное впечатлѣніе уже изглажено. Фельдмаршалъ поскакалъ по линіи далѣе. Кемскій возвратился на свое мѣсто.

Бой крѣпчалъ. Ужасная канонада, повторяемая эхомъ сосѣднихъ горъ, превратилась въ непрерывный гулъ, пересѣкаемый ружейными выстрѣлами. Земля, въ точномъ смыслѣ, стонала подъ ногами сражаю-

щихся. Непріятель усиливался. Генераль хотѣлъ послать за подкрѣпленіемъ, но не успѣлъ. Изъ-за кустарниковъ показалась сильная колонна Французовъ: скомандовали: впередъ, въ штыки! Русскіе бросились, разсѣкали густой строй непріятелей и довершали ихъ пораженіе; но вдругъ насккали на нихъ два французскіе эскадрона, отрѣзали сражавшихся спереди, и за конницею появилась сильная пѣхота. Русскіе видѣли себя на краю гибели. Тутъ подоспѣла къ нимъ помощь. Корпусъ Дерфельдена показался на высотахъ, и передовой отрядъ, подъ начальствомъ храбраго Милорадовича, вскорѣ примкнулъ къ ослабѣвшимъ баталіонамъ Багратіона. Непріятель открылъ огонь изъ двадцати орудій, но всѣ его усилія были тщетны. Натискъ свѣжихъ войскъ рѣшилъ дѣло. Французы поколебались, начали отступать, и потомъ обратились въ совершенное бѣгство. Ночь прекратила убійство, и прикрыла бѣгущихъ крыломъ своимъ. Наши остановились, утомленные дневнымъ жаромъ, усиленіемъ боя, жаждою мести, избыткомъ славы. Взводы порѣдѣли. Стали считать уцѣлѣвшихъ. Съ горестнымъ чувствомъ увидѣли, что Кемскаго не было въ числѣ ихъ. Въ одинъ день успѣлъ онъ пріобрѣсти общее уваженіе, общую довѣренность. Покрытые пылью, не слишкомъ видные и опрятные армейцы въ началѣ съ недовѣрчивостью и досадою смотрѣли на молодаго гвардейца, отличавшагося осанкою, свѣтскимъ обращеніемъ, щегольскимъ мундиромъ; полагали, что его выслали въ армію за какую нибудь ша-

лость; но когда онъ вышелъ впередъ и выдержалъ жестокий огонь въ передовой цѣпи, когда объявилъ, что не хочетъ воспользоваться предложеньемъ раны, и воротился въ сраженіе—искреннее почтеніе и усердная любовь замѣнили прежнія чувства въ груди честныхъ воиновъ. Товарищи положили непременно отыскать его тѣло, и отдать ему особую послѣднюю воинскую почесть, но никакъ не могли доискаться. Послѣ многихъ распросовъ, нашли одного раненаго егеря, который былъ въ отрядѣ князя. Егеръ объявилъ, что офицеръ былъ впереди со стрѣлками, когда появилась непріятельская конница; что онъ хотѣлъ было отступить и примкнуть къ своимъ, но не успѣлъ: его отрѣзали. Французскіе драгуны окружили горсть храбрыхъ егерей, и съ дикимъ воплемъ изрубили всѣхъ. Этотъ егеръ видѣлъ, какъ палъ Князь Кемскій; самъ же онъ, бывъ раненъ прежде, притаился въ кустарникѣ, и, не вѣдая какъ, одинъ изъ всего отряда очутился посреди своихъ.

Искренній вздохъ братскаго сожалѣнія и краткая солдатская молитва къ Богу за упокой души храбраго товарища — были панихидою по Кемскомъ.

XXXI.

Кемскій не погибъ. Атакъ непріятельской конницы изумила, но не испугала его. Видя себя отрѣзаннымъ

отъ своихъ, онъ выстроилъ всю свою команду въ карре, и началъ отстрѣливаться. Французы нападали на него съ звѣрскимъ ожесточеніемъ. «Нѣтъ пощады! нѣтъ вамъ помилованія!» кричали они. «Австрійцы убили Жубера, а вы — нашего Гаро! вы! вы! мы узнаемъ ваши мундиры! Смерть! смерть вамъ!» — Наши, въ безмолвіи отчаянія, не понимая кликовъ непріятельскихъ, сражались и умирали. Силантьевъ палъ изъ первыхъ, придерживавшись рукою за полу своего господина. Кемскій, видя, что нѣтъ спасенія, рѣшился умереть. Онъ чувствовалъ, что раненъ нѣсколько разъ; уже близко блистали вражескія сабли; уже падали послѣдніе изъ храбрыхъ егерей. Вдругъ пуля ударила ему въ грудь, и придавила медаліонъ съ портретомъ Наташи въ его записной книжкѣ. Мысль о женѣ возвратила ему чувство и любовь къ жизни. Онъ схватился за книжку, вынулъ ее изъ-за пазухи, чтобъ еще разъ взглянуть на милыя черты, развернулъ ее; изъ нея выпала бумажка, и онъ увидѣлъ слова, начертанныя другомъ Алимари при послѣднемъ прощаніи. Не зная самъ что дѣлаетъ, онъ громко произнесъ эти слова — не помнилъ, какія именно, но они были французскія. Въ то же мгновеніе почувствовалъ онъ ударъ сабли въ плечѣ, и вдругъ въ ряду непріятельскомъ раздался голосъ: «Остановитесь! не рубите его! Именемъ республики, онъ мой плѣнникъ!» — Сабли опустились, выстрѣлы умолкли, драгуны разступились. Французскій полковникъ приблизился къ Кемскому, взялъ его за руку и повелъ

съ собою, прежде нежели онъ могъ опомниться. — «Берите плѣнника,» бормотали драгуны: «но деньги и вещи его принадлежать намъ.» — «Молчать!» воскликнулъ полковникъ грозно: «и онъ и его вещи принадлежать мнѣ.» — «Они правы,» возразилъ Кемскій: «я отдамъ все, что у меня есть!» — «Нѣтъ, братъ мой!» отвѣчалъ ему полковникъ дружескимъ тономъ: «вы изранены, вы въ плѣну.» — «Въ плѣну!» съ горестью повторилъ Кемскій. — «Что дѣлать? такова участь войны!» возразилъ полковникъ. «Вамъ теперь деньги нужны, но если бъ ихъ не стало, располагайте моими.» — «Великодушный человѣкъ!» сказалъ ему тронутый Кемскій: «не деньги мнѣ нужны, но если уже вы хотите довершить доброе дѣло....» «Говорите! говорите!» воскликнулъ полковникъ: «минуты дороги. Я долженъ воротиться на свое мѣсто.» — «Въ моемъ отрядѣ былъ одинъ человѣкъ, дорогой моему сердцу. Онъ палъ, но, можетъ быть, онъ живъ. Умоляю васъ, отыщите его на мѣстѣ сраженія.» — «Охотно; но какъ его узнать? Онъ конечно офицеръ?» — «Нѣтъ,» отвѣчалъ Кемскій: «онъ простой солдатъ; скажу болѣе: онъ былъ у меня тѣмъ — что вы называете невольникомъ; но онъ выросъ со мною, онъ мнѣ другъ! Узнать же вы его легко можете. Всѣ мои егери были въ мундирахъ съ зелеными воротниками; онъ одинъ съ краснымъ.» — «Извольте!» отвѣчалъ полковникъ. «Непремѣнно его отыщемъ.»

Въ первомъ жару Кемскій не чувствовалъ ранъ своихъ; но вскорѣ природа взяла свое. Едва пришли

они къ первой французской перевязкѣ, онъ почувствовалъ ослабленіе силъ. Въ глазахъ его затуманилось. Онъ помнилъ только, что полковникъ сдалъ его на руки военному лекарю, старичку пріятной наружности; его ввели въ полуразрушенную хижину, положили на скамью — и все предъ нимъ исчезло.

Чрезъ нѣсколько часовъ онъ очнулся. Вокругъ него было темно. Кто-то охалъ подлѣ его скамьи, на полу. «Кто тутъ?» спросилъ онъ по-французски. Отвѣта не было. Онъ повторилъ этотъ вопросъ по-русски. — «Я, сударь!» отвѣчалъ слабый голосъ. — «Да кто ты?» — «Силантьевъ, рядовой мушкетерскаго Барановскаго полку. Лѣвую руку отняли, ваше благородіе!» — «Миша!» закричалъ въ радости Кемскій. — «Ваше сіятельство! это вы!» воскликнулъ Силантьевъ. «Слава Богу, что онъ привелъ меня къ вамъ. Встать не могу.» — «Да какъ ты здѣсь очутился?» — «Самъ не знаю, ваше сіятельство! Когда меня ранили, я упалъ подлѣ васъ и вскорѣ безпамятѣль. Вдругъ слышу шарягъ вокругъ меня. Открываю глаза, и вижу Французовъ. Ну, думалъ я, послѣдній часъ мой наступилъ, и уже хотѣлъ сотворить молитву. — Они, увидѣвъ меня, будто обрадовались, подняли на ноги, посадили на лошадь и привезли сюда. Здѣсь, на дворѣ, лекарь посмотрѣлъ на мою руку, сорвалъ съ меня мундиръ, засучилъ себѣ рукава, да и давай рѣзать; я было не давался, да двое драгунъ меня держали. Онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отпилилъ мнѣ руку, перевязалъ и положилъ меня на траву. Къ ночи меня

внесли сюда. Ахъ, больно, ваше сіятельство! Одна отрада, что я съ вами.»

Послышался шумъ у дверей; показались огни; двери растворились, и въ избу внесли двухъ раненыхъ французскихъ офицеровъ. «Посторонитесь!» вскричалъ провожавшій ихъ унтеръ-офицеръ! — Кемскій хотѣлъ привстать, но не могъ. — «Долой съ кровати, проклятый казакъ!» закричалъ унтеръ-офицеръ еще громче, и готовился стащить раненаго. Въ это время вбѣжалъ въ комнату лекарь. «Что ты дѣлаешь, гражданинъ!» закричалъ онъ унтеръ-офицеру: «эти пѣнные находятся подъ покровительствомъ законовъ!» — «Вздоръ!» отвѣчалъ тотъ: «это непріатели; безоружныхъ не обижу, но и не уступлю имъ мѣста, которое принадлежитъ Французамъ. Долой!» — «Удержись, гражданинъ!» воскликнулъ лекарь: «знаешь ли кто отдалъ ихъ мнѣ на руки?» — «А кто? хоть бы всѣ пять директоровъ, чтобъ ихъ чортъ побралъ!» — «Нѣтъ! полковникъ Уде!» — «Полковникъ Уде?» повторилъ, понизивъ голосъ, унтеръ-офицеръ. «Что жъ ты мнѣ не сказалъ этого ранѣе, гражданинъ лекарь? Не што! Только полковникъ конечно не захочетъ, чтобъ и наши раненые валялись какъ собаки. Позволь положить ихъ здѣсь въ комнатѣ, хоть на полу.»

Въ это время раздались издали ружейные выстрѣлы, и озарили блескомъ своимъ темноту ночи; послышались крики на улицѣ: «Непріатели! Русскіе! казаки! спасайся, кто можетъ!» — «Вотъ-те чортъ!» закричалъ унтеръ-офицеръ: «ну, ребята! скорѣй под-

нимайте раненыхъ; поплетемся какъ нибудь, чтобъ они не достались непріятелю.» Съ этими словами подняли безмолвныхъ страдальцевъ, и поспѣшно вынесли изъ комнаты. — «И намъ надобно убираться!» торопливо сказалъ лекарь: «вставайте, господинъ офицеръ!» — «Оставьте меня,» сказалъ Кемскій: «и спасайтесь одни: я не боюсь вашихъ непріятелей; напротивъ, радъ ихъ видѣть.» — «Помилуйте!» воскликнулъ лекарь жалобно: «неужели вы хотите меня погубить? Когда я дамъ вамъ уйти, меня разстрѣляютъ. Вы не знаете полковника Уде!» — Звуки выстрѣловъ приближались. Лекарь, не дожидаясь отвѣта, выбѣжалъ изъ комнаты, и воротился съ солдатами. Они подняли раненыхъ, вынесли на улицу и положили на телѣгу, покрытую соломой. Лекарь взмолился, какъ говорится по-французски, *кроликомъ* (en l'airin) подлѣ фурлейта, ударили по лошадямъ и поскакали. Ружейные выстрѣлы вскорѣ затихли вдали, и, по просьбѣ Кемскаго, телѣга пошла шагомъ. — «Скажите, пожалуйста,» сказалъ онъ лекарю: «кто этотъ полковникъ Уде, которому я обязанъ жизнью?» — «Какъ? вы его не знаете и не слыхали о немъ? Да такой сорви-головы у насъ нѣтъ въ цѣлой арміи. Храбръ какъ шпага; уменъ какъ чортъ; упрямъ какъ Бретонецъ. И что за взглядъ! На кого посмотреть, тотъ такъ и съежится. Это одинъ человѣкъ во Франціи, предъ которымъ и самъ Бонапарте не устоитъ. Экая голова! Однажды заспорилъ онъ (это было въ Миланѣ) съ нашимъ главнымъ докторомъ объ одной

ранѣ, утверждая, что она была не смертельна. Докторъ заставилъ его молчать двумя анатомическими терминами. На другой день полковникъ возобновилъ споръ, и сбиль доктора съ поля доводами, основанными на самомъ глубокомъ познаніи анатоміи. — «Что жъ вы не отвѣчали ему вчера?» спросилъ я потомъ у полковника. — «Да вчера,» отвѣчалъ онъ съ простодушною улыбкою: «я самъ не зналъ того, о чемъ говорилъ сегодня.» Вообразите: онъ, послѣ перваго спора купилъ Руководство къ Анатоміи и въ ночь выучилъ. Сущій чародѣй! Да ему не сдобровать у насъ. Такихъ людей въ свободныхъ земляхъ не любятъ. Бонапарту и одному тѣсно было во Франціи, такъ отправился въ Египетъ, а вдвоемъ, съ полковникомъ, они и на цѣлой планетѣ простора не найдутъ.» — Лекаръ продолжалъ свои разсужденія безъ умолку. Кемскій и Силантьевъ, качаемые на повозкѣ, заснули.

XXXII.

Проворный лекаръ спѣшилъ съ своими плѣнными въ безопасное мѣсто, боясь погони Русскихъ, и взгляда полковника. Чрезъ нѣсколько дней привезъ онъ ихъ благополучно въ Ниццу, и сдалъ на руки старшему врачу тамошняго госпиталя. Кемскій, не чувствовавшій въ первыя минуты ни какой боли, дорогою раз-

немогся, и привезенъ былъ въ Ниццу почти въ безпамятствѣ. Между тѣмъ Миша, страдавшій только тѣломъ, выздоравливалъ со дня на день. Недѣли чрезъ три лѣвая рука его почти совершенно зажила; онъ вскорѣ выучился дѣйствовать одною правою, и жалѣлъ о потерѣ лѣвой только потому, что не могъ такъ ловко и проворно услуживать своему господину, какъ прежде. Понимая по-французски, онъ выучился говорить съ тамошними жителями, и въ короткое время снискалъ знакомыхъ и пріятелей. Къ счастію плѣнниковъ нашихъ, они снабжены были средствомъ, купить въ свѣтѣ все, разумѣется кромѣ счастія, которое не покупается. Миша честно и бережливо распоряжалъ казною: нашелъ для князя покойную квартиру въ домѣ одной семидесятилѣтней старушки, платилъ врачу за визиты, строго наблюдалъ всѣ его предписанія, и берегъ своего барина, какъ нѣжный сынъ отца.

Кроткій, благорастворенный воздухъ Ниццы, тишина и спокойствіе оказали ощутительное вліяніе на здоровье страдальца. Раны его стали закрываться, лихорадка уменьшилась. Онъ вскорѣ началъ ходить, прихрамывая, по комнатѣ: пуля, пролетѣвшая сквозь пятку лѣвой ноги, оставила на всю жизнь его воспоминаніе о битвѣ при Нови. Но, съ возвращеніемъ силъ и здоровья, возникало въ душѣ его страданіе: онъ видѣлъ себя въ странѣ чуждой, далекой отъ отечества, вражеской, — въ плѣну, не постыдномъ, но убійственномъ для благороднаго русскаго воина. А

она? а Наташа? — За этою мыслию возникалъ въ душѣ его рядъ горестныхъ ощущеній — одно другаго мучительнѣе, одно другаго ужаснѣе. Онъ искалъ средствъ дать вѣсть о себѣ на родину, но не было ни какой возможности: всѣ сношенія Франціи и Италіи съ Россіею были въ то время совершенно прерваны. Между тѣмъ, наавось, пересылалъ онъ ежедневно по письму, чрезъ Парижъ, Лондонъ, Стокгольмъ, въ Санктпетербургъ.

Наступилъ ноябрь мѣсяцъ — не нашъ ноябрь, угрюмый, дождливый, снѣжный, морозный, а время прохладное, пріятное, живительное послѣ зноя лѣтняго. Прогулка по возвышенной аллеѣ на берегу морскомъ сдѣлалась ежедневнымъ времяпровожденіемъ Кемскаго. Въ глубокой задумчивости глядѣлъ онъ на темныя волны, разсыпавшіяся жемчужною пѣною, на быстрый бѣгъ судовъ, являвшихъ зрѣлище свободы на непокоренной стихіи — зрѣлище мучительное для унылаго плѣнника! Изъ глубины растерзанной души его стали возникать тѣ видѣнія, которыя исчезли было при полуденномъ свѣтѣ счастья и довольства судьбою. Часто сумерки заставляли его на этихъ прогулкахъ. Тогда, въ полусвѣтѣ, въ борьбѣ тмы съ владычествомъ солнца, чудился ему давно знакомый призракъ: въ концѣ аллеи появляется бѣлая точка, развивается, развивается, и наконецъ принимаетъ видъ черной женщины, которой воображеніе духовидца придавало любезныя ему черты Наташи. Она, казалось ему, поглядывала на него печально, и покачивала головою,

какъ будто къ словамъ: нѣтъ, не вѣрь! садилась на скамью, и въ задумчивости облакачивалась на ручку. Онъ быстро подходилъ къ скамьѣ, но призрака уже не было. Обманутый мечтою, сѣлся онъ на то мѣсто, гдѣ видѣлъ незримую, и таинственный шелестъ листьевъ, колеблемыхъ вечернимъ вѣтромъ, нашептывалъ въ слухъ его что-то знакомое, что-то родное. Люди перемѣняются по временамъ и странамъ: природа вездѣ одна и всегда неизмѣнна. Вездѣ говоритъ она человѣку языкомъ, ему понятнымъ: и сибирскій кедръ, и италіянскій каштанъ говоромъ листьевъ своихъ ему знакомы.

Къ тоскѣ о милой женѣ присоединилась питаемая неизвѣстностью скорбь объ участи соотечественниковъ, о судьбѣ русскаго оружія. Бѣдный плѣнникъ не зналъ что въ точности случилось съ русскою арміею. Живые бюллетени, издаваемые тогдашнимъ слабымъ и презрѣннымъ правительствомъ Франціи, смѣшивали его мысли и догадки, и не могли сообщить ему правды. Изъ всего однако жъ могъ онъ заключить, что наши войска, потерпѣвъ уронъ, вышли изъ Италіи и изъ Швейцаріи; но мысль, чтобъ Суворовъ могъ быть побѣжденъ, не находила мѣста въ головѣ его. Нѣтъ! Суворовъ не можетъ быть разбитъ никѣмъ въ мірѣ! повторялъ онъ громко, въ порывахъ благороднаго патріотисма. Онъ не ошибался: сѣверный левъ, брошенный завистью и недоброжелательствомъ въ непроходимыя дебри, проложилъ себѣ кровавый путь къ свободѣ, и дорого заставилъ заплатить тѣхъ, ко-

торые дерзнули мыслить, что могут его остановить, стѣснить, уничтожить.

Рѣдко случается, чтобъ истинная горестъ, истинное несчастіе не нашли себѣ отголоска въ сердцѣ ближняго. Старушка, хозяйка того домика, въ которомъ остановился Кемскій, сначала не хотѣла пускать къ себѣ на квартиру варвара, казака, людоѣда, а согласившись на убѣжденія и посулы врача, прятала отъ постояльца осьмилѣтнюю внучку. Кротость Кемскаго, его томный взглядъ, которымъ выражались страданіе, добродушіе и терпѣливость, учтивость его со всѣми — вскорѣ перемѣнили мнѣніе старушки: изъ непріятельницы сдѣлалась она усерднымъ его другомъ и защитницею Москвитянина отъ злобныхъ навѣтовъ ея сосѣдокъ. Правда, она испугалась и поблѣднѣла, когда однажды Кемскій, встрѣтивъ на крыльцѣ прекрасную Лоретту, сталъ ее ласкать, хвалить ея прелестные глаза, играть каштановыми ея кудрями — сталъ просить, чтобъ милое дитя иногда посѣщало его въ грустномъ уединеніи. Мало по малу нелѣпыя опасенія суевѣрной старушки разсѣялись: она позволила Лореттѣ ходить къ доброму казаку. Кемскій находилъ развлеченіе своему горю въ бесѣдѣ съ Лореттою, учился у ней тамошнему нарѣчію, самъ училъ ее читать и писать, и послѣ уроковъ строилъ для нея карточные домики, вырѣзывалъ игрушки изъ бумаги. Дѣтскій возрастъ чувствителенъ къ добру и благодаренъ: дѣвочка душою привязалась къ Кемскому, который, въ невинномъ взглядѣ, въ доверчивой улыбкѣ ея, нахо-

диль облегченіе своимъ страданіямъ: «И я, можетъ быть, теперь отецъ!» думаль онъ, глядя на ея дѣтскія игры съ чувствомъ горести и отрады, мученія и утѣшенія.

Однажды у этихъ новыхъ друзей не стало матеріалу на постройку бумажнаго домика. — «Я тотчасъ принесу еще бумаги!» сказала Лоретта: «у сосѣдки нашей, Симони, есть пребольшой запасъ. Я побѣгу къ ней, и возьму охапку; она не поскупится.» Лоретта побѣжала, и чрезъ нѣсколько минутъ воротилась, неся въ передникѣ множество бумаги: «Посмотрите сколько!» вскричала она, вошедъ въ комнату: «мы можемъ выстроить цѣлый городъ.» — «Хорошо!» сказалъ ея архитекторъ: «начнемъ!» Съ сими словами сталъ онъ разбирать принесенныя отъ сосѣдки бумаги; но въ какое пришелъ удивленіе, когда въ числѣ ихъ увидѣлъ множество писемъ на русскомъ языкѣ! «Это что? откуда это?» спросилъ онъ вошедшую въ комнату его хозяйку, съ радостнымъ взглядомъ, какъ будто отыскалъ старыхъ друзей. — «Это изъ того глупаго чемодана, который сосѣдъ нашъ, Симони, раненый гдѣ-то далеко за горами, кажется, въ Швейцаріи, привезъ сюда, думая, что захватилъ Богъ знаетъ какую добычу. Видно, какой нибудь курьеръ обронилъ этотъ чемоданъ. Ни денегъ, ни вещей въ немъ не было — одни письма, въ которыхъ толку не добьешься. Сосѣдка Симони вытопила съ этихъ писемъ сургучу фунта два — вотъ и вся прибыль. — Между тѣмъ Кемскій съ жадностью читалъ разбросанныя

предъ нимъ письма — то была почта изъ Петербурга въ армію. Видно, курьеръ былъ убитъ или ограбленъ въ дорогѣ.....

XXXIII.

Алимари остановился предъ домомъ, въ которомъ, какъ ему сказывали, живетъ раненый русскій офицеръ, и готовился постучаться въ двери. Вдругъ онъ распахнулись, и изъ дому выбѣжалъ опрометью человекъ. «Батюшки! помогите! помогите!» кричалъ онъ по-русски: «князь умираетъ!» Слезы градомъ катились по блѣдному лицу; онъ дрожалъ, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ. «Кто умираетъ? какой князь!» спросилъ у него Алимари. — «Мой баринъ, то есть мой начальникъ, Князь Алексѣй Ѳедоровичъ Кемскій!» отвѣчалъ Силантьевъ, протягивая оставшуюся правую руку свою къ Алимари, и какъ бы прося о помощи. — «Боже мой!» вскричалъ Алимари: «такъ это онъ точно! И умираетъ! Веди меня къ нему!» — «Извольте!» отвѣчалъ Силантьевъ, въ отчаяніи своемъ неудивившійся и тому, что слышалъ въ Нищѣ звуки русскаго языка.

Они вошли въ комнату Кемскаго.

Какое печальное зрѣлище представилось имъ! Кемскій, въ безпамятствѣ, блѣдный, бездыханный, лежалъ на диванѣ. Перевязки ранъ его были сорваны; изъ

нѣкоторыхъ выступила кровь. Передъ нимъ на столѣ разбросаны были бумаги. Одна бумага сжата была въ лѣвой его рукѣ.

Алимари поспѣшилъ помочь своему другу, и вскорѣ привелъ его въ чувство, но разумъ несчастнаго былъ разстроенъ. Онъ не узнавалъ окружавшихъ его, и только повторялъ: «Несчастный случай — предметъ разговоровъ!»

Явился врачъ, употребилъ нѣкоторыя средства, и больной поуспокоился, но все еще былъ очень слабъ, горѣлъ и бредилъ.

Алимари взялъ бумагу, бывшую въ рукѣ князя, и нашелъ, что это письмо изъ Петербурга, неизвѣстно къ кому писанное. Между прочимъ нашелъ онъ въ немъ слѣдующее: «Несчастный случай составляетъ здѣсь предметъ разговоровъ во всѣхъ обществахъ. Ты зналъ, я думаю, Князя Алексѣя Кемскаго. Онъ посланъ былъ отсюда курьеромъ къ вамъ, въ армію — оставивъ беременную жену свою въ тоскѣ и горѣ. За мѣсяць предъ симъ, полученъ здѣсь и обнародованъ списокъ убитыхъ: князь былъ первымъ въ числѣ ихъ. Эту бумагу, по неосторожности, показали княгинѣ. Она до того испугалась, что родила преждевременно. Дочь ея не прожила часу. Сама она, недѣли чрезъ три, воспользовавшись небрежностью ходившихъ за нею, въ припадкѣ отчаянія и сумасшествія, ночью убѣжала изъ дому, и утопилась въ Невѣ.» За симъ слѣдовали обыкновенныя при такихъ случаяхъ разсужденія.

Ужасная тайна открылась изумленному Алимари. Онъ не зналъ чего желать своему другу для его счастья — исцѣленія ли, для того, чтобъ влачить жизнь въ одиночествѣ и горести, или смерти — которая соединитъ его съ любезными для него существами. Между тѣмъ прилагалъ онъ самое нѣжное, самое усердное стараніе къ облегченію его мученій, къ возвращенію ему разсудка. Долгое время всѣ его труды, всѣ пособія врача были тщетны; наконецъ удалось переломить горячку, съ которою прекратился бредъ, и раны его стали заживать снова. Кемскій какъ будто проснулся отъ глубокаго сна, но ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова; узналъ Алимари, но не изъявилъ ни удивленія, ни радости, что видитъ его у себя. Казалось, онъ припоминалъ прошедшее, и шарилъ у себя въ постелѣ, будто ища чего-то. Пылъ и бредъ горячки превратились въ тихую задумчивость и почти совершенное безмолвіе. Окружавшимъ больного часто казалось, что онъ хочетъ обмануть ихъ притворнымъ спокойствіемъ, что онъ высматриваетъ удобное время и случай для того, чтобъ освободиться отъ ихъ надзора. Они усугубили свою бдительность, и всѣ покушенія несчастнаго къ прекращенію ненавистой ему жизни, были тщетны.

XXXIV.

Кемскій лежалъ въ безмолвіи на диванѣ, и смотрѣлъ пристально на потолокъ комнаты. Алимари стоялъ у окна, и глядѣлъ на улицу. Вдругъ раздался глухой бой барабановъ, и вслѣдъ за тѣмъ слышались унылые звуки погребальной музыки. «Хоронятъ Французскаго генерала,» сказалъ Алимари, какъ будто желая успокоить Кемскаго, который могъ быть изумленъ и испуганъ этими необыкновенными звуками; но Кемскій не обратилъ вниманія на эти слова; казалось, и вовсе не слыхалъ ихъ. Печальное шествіе проходило мимо оконъ. — «Почій съ миромъ, храбрый, благородный воинъ!» говорилъ Алимари въ полголоса: «ты совершилъ свое земное поприще, какъ честный человекъ и усердный гражданинъ! Обагренная кровію враговъ твоего отечества — шпага лежитъ, какъ должное украшеніе, на гробѣ твоёмъ, но въ самомъ гробѣ покой, миръ и отдохновеніе по трудахъ. Ты храбро и мужественно сражался съ врагами явными и скрытными; враги чтили и уважали тебя, соотечественники преслѣдовали; но ты не совратился съ пути, предначертаннаго честью, долгомъ, присягою. Ты не унылъ, не упалъ духомъ подъ ударами судьбы, преслѣдующей человека въ земной жизни. Ты имѣлъ въ виду цѣль высшую, благороднѣйшую, и теперь достигъ ея — претерпѣлъ до конца, и положилъ странническій посохъ свой лишь тамъ, гдѣ Провидѣніе назначило

предѣлъ твоей жизни. Теперь ты освобожденъ, успокоенъ, награжденъ. Блаженство тамъ — благословенія здѣсь!» — Кемскій началъ прислушиваться. Алимари, замѣтивъ это, умолкъ. — Кемскій спросилъ: «Какого генерала хоронятъ?» — «Шампіонета,» отвѣчалъ Алимари сухо. — «Какъ, Шампіонета?» спросилъ Кемскій съ горестнымъ изумленіемъ: «покорителя Неаполя и Рима, побѣдителя Мака?» — «Того самого,» отвѣчалъ Алимари: «того самого, котораго уважалъ и чтилъ Суворовъ. За подвиги и услуги отечеству былъ онъ награжденъ гнусною неблагодарностью, и когда отечество, на краю гибели, воззвало къ нему, онъ вновь взялся за оставленный мечъ, и сталъ на стражѣ. Въ несчастіи, въ гоненіяхъ, онъ не унизился, не возненавидѣлъ жизни, зная, что человѣкъ самъ въ ней не властенъ. Настала его черда — и онъ успокоился.» — «Преслѣдованіе, гоненіе, тюрьма,» возразилъ Кемскій: «все это ничто, когда въ сердцѣ хранится еще надежда; когда мы знаемъ, что есть въ мірѣ люди, которые однимъ словомъ, одною улыбкою награждаютъ насъ за претерпѣнное нами.» — Алимари обрадовался этому отвѣту: кто спорить, кто доказываетъ, тотъ ужъ не въ отчаяніи. «Въ этомъ мірѣ, говорите вы? Жалко утѣшеніе, которое ограничивается *этимъ* ничтожнымъ, временнымъ міромъ рабства и тлѣнія! Жалокъ человѣкъ, который, отъ обыкновенныхъ, неизбѣжныхъ всякому бѣдствій въ жизни, можетъ впасть въ отчаяніе, презрѣть Провидѣніе, возстать противъ своего Творца!

Онъ не знаетъ чего липается въ вѣчности » — «Но неужели,» возразилъ Кемскій съ видомъ оскорбленнаго самолюбія: «нѣтъ случаевъ, нѣтъ горестей въ жизни, которые не могли бы преодолѣть слабаго человека?» — «Слабаго, конечно; но человекъ слабый не есть человекъ истинный, царь земнаго творенія.» — «Нѣтъ!» сказалъ Кемскій: «часто случается, что долгъ и совѣсть, честь и правила Вѣры приходятъ въ бореніе между собою, и человекъ, впрочемъ сильный характеромъ и твердый духомъ, падаетъ отъ ударовъ высшей силы.» — «Вы говорите о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ долгъ гражданина и сына отечества находится въ бореніи съ правилами человека и христіанина. Не вамъ, Русскимъ, упоминать объ этихъ случаяхъ: у васъ одинъ Богъ, одинъ Царь, одно отечество! Живите и умирайте за нихъ: вы исполните всѣ свои обязанности, и онѣ никогда одна другой противорѣчить не будутъ. Чтобъ доказать вамъ, до какой степени можно, изъ любви къ своему долгу, заглушить въ сердцѣ голосъ природы, приведу еще примѣръ — я долженъ взять его въ рядахъ вашихъ непріятелей. Примѣръ этотъ представляетъ вамъ генераль Моро. Въ то время, когда онъ, сражаясь за Францію, оборонялъ ее отъ натиска сильныхъ враговъ, неистовые изверги, называвшіеся правителями его отечества, казнили роднаго его отца. Человекъ слабодушный, хотя бъ и добрейшій сердцемъ, бросилъ бы службу неблагодарному отечеству, но Моро умѣлъ отличить Францію отъ ея притѣснителей: про-

ливая слезы о невозвратной потерѣ, онъ не забывалъ обязанностей гражданина, не унывалъ душою, не ослабѣвалъ въ усердіи къ родинѣ жестокой, но всегда любезной!» — «Такъ!» сказалъ Кемскій сквозь слезы: «Моро поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ истинно великій человѣкъ; но вы не знаете, какъ жестоки могутъ быть иногда удары судьбы, какъ неисцѣлимые раны сердца! Вы не знаете....»

«Не знаю?» вскричалъ Алимари съ жаромъ и въ нѣкоторомъ изступленіи: «не знаю? Нѣтъ, другъ мой! Я знаю, слишкомъ хорошо знаю эти потери, эти страданія, которымъ предѣлъ — только во гробѣ!» — Сказавъ эти слова, онъ громко зарыдалъ.

Кемскій изумился: онъ никогда не видалъ своего друга въ такомъ положеніи. Твердый, благоразумный, убѣленный сѣдинами, охлажденный лѣтами, Алимари рыдалъ, какъ дитя, какъ юноша, лишившійся подруги своего сердца.

Черезъ нѣсколько минутъ Алимари обратилъ наполненные слезъ глаза свои на Кемскаго. «Молодой человѣкъ!» сказалъ онъ ему: «это невольное изліяніе чувствъ старика, стоящаго уже одною ногою въ гробу, васъ изумило. Но я не въ состояніи былъ удержаться отъ слезъ при воспоминаніи объ одномъ ужасномъ случаѣ моей жизни. Я никому не говорилъ о немъ, потому, что не надѣялся найти человѣка, который могъ бы постигнуть и оцѣнить всю жестокость моихъ страданій. Съ вами же раздѣлю воспоминаніе, которое слишкомъ сорокъ лѣтъ тяготитъ мое сердце.»

Кемскій, при этихъ словахъ друга, забылъ на минуту собственное горе и страданіе, не отвѣчалъ ни слова, — но любопытнымъ взглядомъ далъ знать, что готовъ слушать.

XXXV.

«Я не буду много распространяться, не буду искать, выбирать выраженій. И простой рассказъ этого періода моей жизни едва ли не истощитъ силъ моихъ. Слушайте!

«Вы помните, думаю, что я, сообщая вамъ исторію свою, умолчалъ о десяти годахъ моей жизни; вы помните, что я вамъ говорилъ о нежеланіи моемъ вступить въ духовное званіе. Я умолчалъ тогда объ истинной причинѣ моего отказа: причина эта была любовь. Любовь, — чувство благороднѣйшее, святѣйшее изъ вложенныхъ Творцемъ въ сердце человѣческое, — чувство, которое, какъ по всему видно, становится рѣже и рѣже въ свѣтѣ; которое вскорѣ будетъ пылать въ сердцахъ только немногихъ избранныхъ, а прочимъ извѣстно будетъ лишь по сказаніямъ минувшаго вѣка. Преданія и развалины священной старины, заветы родительскіе, игры дѣтскихъ лѣтъ, мечтанія юношескія — все это истребляется тлетворнымъ дыханіемъ эгоизма, властолюбія и алчности къ золоту — все поглощается такъ называемою политикою, равен-

ствомъ, свободою — какъ цвѣтушіе города и поля покрываются пстребительною лавою, составляющею на нихъ, по охладѣніи, ровную поверхность. Мы мечтали, мы любили, мы блаженствовали! Вы еще видите закатъ того свѣтила, которое лучами живило міръ питическій, волнебный. Близкіе наши потомки станутъ читать въ книгахъ повѣсть о бывшемъ, незнакомомъ имъ вѣкѣ Астреи: одни не будутъ вѣрить, чтобъ онъ когда либо существовалъ; другіе станутъ осыпать его насмѣшками и презрѣніемъ. Едва ли немногіе избранные будутъ питать въ сердцахъ огонь священный. Но, можетъ быть, все клонится къ лучшему, только не для насъ, запоздалыхъ въ мірѣ гостей изъ прошлаго вѣка! — Вы знаете, что я учился въ Павійскомъ Университетѣ. Я учился прилежно, неутомимо, страстно. Особенно занимала меня древняя литература, преимущественно греческая, занимала не столько важностью своихъ произведеній, сколько священнымъ благоговѣніемъ, возбуждаемымъ во мнѣ мыслями о юныхъ дняхъ міра, о свѣжей жизни Эллиновъ. Мнѣ не довольно было книгъ печатныхъ: я списывалъ ихъ на свиткахъ, стараясь поддѣлываться подъ самую древнюю скоропись; стихи Гомера писалъ уставомъ по образцамъ, оставшимся на памятникахъ и медаляхъ. Профессоръ мой полюбилъ и отличилъ меня за это предпочтеніе его предмета, но не могъ заняться мною исключительно. Онъ познакомилъ меня съ своимъ бывшимъ учителемъ, осьмидесятилѣтнимъ іезуитомъ, который, отслуживъ въ профессорской

должности пятьдесятъ лѣтъ, посвящалъ остальные годы жизни своей изученію любимаго предмета. Онъ жилъ уединенно, въ предмѣстіи города. Я приходилъ, когда могъ удосужиться, къ почтенному старцу, и читалъ съ нимъ авторовъ, поэтовъ греческихъ. Вскорѣ увидѣлъ я, что нашелъ кладъ въ этомъ старикѣ: онъ любилъ древнюю Грецію до изступленія, и, какъ я слышалъ, за это страстное обожаніе языческаго времени и народа, былъ въ самой молодости притѣсняемъ начальниками своего ордена. Его употребляли, какъ знающаго и искуснаго профессора, приносившаго честь обществу Св. Игнатія, но не давали ему ходу въ іерархіи: онъ всегда оставался простымъ монахомъ. Это стѣсненіе отнюдь его не огорчало; напротивъ, онъ радовался, что занятія духовныя не мѣшали его любимымъ упражненіямъ. Жизнь отшельническая и непрерывное занятіе ума однимъ и тѣмъ же предметомъ — неминуемо должны были подѣйствовать на его душевныя силы: онъ дѣйствительно помѣшался на греческомъ языкѣ, утверждалъ, что нашелъ истинное греческое произношеніе, и открылъ настоящую мелодію древняго напѣва Эллиновъ. Можно вообразить, какъ онъ обрадовался, нашедши во мнѣ ученика прилежнаго и страстнаго. Я проводилъ у него цѣлыя утра. Старикъ съ восторгомъ сообщалъ мнѣ свои правила, наблюденія и открытія, но иногда, въ срединѣ рѣчи, останавливался и, пристально посмотрѣвъ на меня, говорилъ: «жаль!» Потомъ обращался опять къ любимому предмету. Я былъ бы еще вдвое

прилежнѣе, если бѣ одна мечта не отвлекала меня отъ древней Эллады. Я замѣтилъ въ одно воскресенье, въ іезуитской церкви, молодую, небогато одѣтую дѣвицу, молившуюся съ выраженіемъ глубокаго чувства. Она стояла на колѣняхъ, обратясь къ главному алтарю. Сначала не могъ я видѣть ея въ лице: гибкій станъ, лебединая шея, херувимская головка — все обличало въ ней красавицу. Я протѣснился къ ней съ боку, и ждалъ окончанія молитвы. Незнакомка приподнялась и обратилась къ образу, висѣвшему на той сторонѣ, гдѣ я стоялъ. Обликъ ангела, взглядъ праведницы, слезы христіанскаго умиленія — поразили меня. Я едва не закричалъ, чуть не упалъ, удержавшись за перила ограды. Легкое дымчатое покрывало спустилось на предестное лице. Дѣвица, преклонивъ еще разъ колѣни предъ алтаремъ, пошла изъ церкви, сопровождаемая другою женщиною. Я не смѣлъ слѣдовать за нею. Неизвѣстная дотолѣ, новая жизнь возникла въ душѣ моей: всѣ предметы облеклись въ глаза моихъ радужными цвѣтами; на лицахъ женщинъ искалъ я, чего и самъ не зналъ, искалъ выраженія лица незнакомки. Я искалъ и ея самой, но напрасно. Въ церкви она не являлась. Впрочемъ, какъ ни желалъ я увидѣть ее еще разъ, какъ ни горѣлъ нетерпѣніемъ узнать кто она — душа моя довольствовалась воспоминаніемъ: она питалась лицомъ божественнымъ, явившимся на минуту, и заронившимъ въ нее искру вѣчнаго огня. И разсудокъ говорилъ мнѣ, что я не долженъ доискиваться того, что благодѣтельное Про-

видѣніе, можетъ быть съ умысломъ, отъ меня скрывается: пусть одна душа наслаждается тѣмъ, что для души создано! Мечтанія юныхъ лѣтъ! Но стоитъ ли вся остальная существенная жизнь наша этихъ мгновенныхъ мечтаній? — Мысль о незнакомкѣ наполняла меня всего: я учился и занимался прилежно, по-прежнему, но только механически. Всѣ греческія буквы старинныхъ манускриптовъ казались мнѣ обведенными красною коемкою; только тѣ мѣста классиковъ занимали меня, гдѣ говорилось о женщинахъ. Этихъ женъ, этихъ дѣвъ юной Эллады, думалъ я, давно уже нѣтъ въ мірѣ: такъ и моя мечта существуетъ для меня только въ воображеніи. Мой наставникъ сталъ замѣчать мою разсѣянность, невнимательность, забывчивость, и видимо этимъ огорчился. Онъ началъ, сперва стороною, а потомъ и прямо, упрекать меня въ небреженіи, въ холодности къ великому предмету изученія древности. Я пытался было возобновить въ себѣ прежнее рвеніе къ любимой наукѣ, но оно улетѣло невозвратно. Наконецъ рѣшился я сказать почтенному старцу, что сухость предмета нашихъ занятій убила во мнѣ всю охоту къ ученію, и что молодому человѣку нѣтъ возможности долго заниматься изслѣдованіемъ мертваго языка. — «Мертваго!» вскричалъ оскорбленный старецъ: «мертваго! Сынъ мой! что ты сказалъ? Мертвы только тѣ языки, которыми человѣкъ выражаетъ свои земныя нужды и страсти. Но языкъ Греціи — языкъ Платона и Демосѳена, Гомера и Софокла — языкъ Божественнаго Открове-

нія — ты называешь мертвымъ! Онъ живъ, какъ живо солнце Адама!» — Я извинился въ неосторожномъ выраженіи, но присовокупилъ, что подробное изученіе столь великаго предмета превосходитъ мои силы. «Твои силы!» воскликнулъ онъ: «твои силы! У тебя силы атлета, у тебя память желѣзная, у тебя — довольно! Я докажу тебѣ, что не нужно исполинскихъ силъ; не нужно продолжительнаго занятія для постиженія предмета, если только мы обнимемъ его душою. Приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ, когда смеркнется. Теперь ступай, подумай на свободѣ о неразуміи словъ своихъ, и — принеси чистое покаяніе! Неужели я въ тебѣ ошибся! Неужели одна — ступай съ Богомъ, сынъ мой!» Послѣднія слова произнесъ онъ дрожащимъ отъ душевнаго волненія голосомъ. Мнѣ жалъ стало почтеннаго старца. Я повиновался: вечеромъ, лишь только смерклось, отправился я къ нему, нетерпѣливо желая знать, чѣмъ онъ докажетъ обязанность мою учиться греческому языку. Онъ встрѣтилъ меня на порогѣ дома, ввелъ въ пріемную комнату, въ которой не было свѣчъ, велѣлъ мнѣ сѣсть въ углу и молчать, а самъ вошелъ въ кабинетъ, не запирая за собою дверей, и только задернулъ ихъ завѣсою. — «Продолжай, Антигона!» сказалъ онъ кому-то. Женскій голосъ началъ читать Софоклова Эдипа въ Колоннѣ, именно привѣтствіе хора несчастному слѣпцу. Невидимая читала смѣло, чисто, съ строгимъ наблюденіемъ размѣра. — Когда она начала вторую антистрофу, старикъ потребовалъ объясненія нѣкоторыхъ

мѣсть. Тотъ же голосъ отвѣчалъ ему. Засимъ началось пѣніе: пріятнѣйшій женскій голосъ, какой когда либо раздавался подъ сводами неба Италіи, запѣлъ прочитанныя строфы, на мелодію, вымышленную старикомъ: онъ самъ дрожащимъ голосомъ сталъ вторить — и я перенесся мыслию въ глубокую древность, въ то судилище, которое, выслушавъ эти стихи Софокла, отринуло доносъ неблагодарныхъ дѣтей, обвинявшихъ его въ безуміи. Когда утихло пѣніе стиховъ Эдипа, началось чтеніе прозы Демосѣеновой. Старикъ останавливался на каждомъ періодѣ, на каждомъ сомнительномъ словѣ, требовалъ объясненія, и получалъ его. Послѣ такого подробнаго разбора, тотъ же голосъ женскій прочиталъ разобранные періоды по правиламъ декламаціи моего учителя. Голосъ былъ такъ же чистъ и пріятенъ, какъ прежде, но нѣжность и мягкость его уступили мѣсто величію и твердости. По окончаніи чтенія, раздался звукъ одобренія: старикъ поцѣловалъ эленистку. Свѣтъ въ кабинетѣ исчезъ. Онъ вышелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, подвелъ къ двери на улицу, и сказалъ торжественнымъ голосомъ: «Ты слышалъ, чего можетъ достигнуть слабая женщина. Стыдись. Теперь ступай съ Богомъ!»

Голосъ невидимки проникъ глубоко въ мою душу, и сначала едва не изгладилъ изъ нея прежняго впечатлѣнія, произведеннаго зрѣніемъ. Но потомъ слились обѣ мечты, и я началъ воображать себѣ, что невидимая Антигона была дѣйствительно слышанная

мною дѣвица. Эта мысль возбудила во мнѣ прежнее рвеніе къ эллинской древности. Старикъ видѣлъ чудесное дѣйствіе примѣра, и восхищался своею стратегемою. Такъ неопытный поэтъ радуется успѣху актрисы, читающей его стихи, и приписываетъ произведенію своей фантазіи дѣйствіе прекрасныхъ глазъ! Но для меня оба мои идеала оставались идеалами: незнакомки я, попрежнему, не встрѣчалъ нигдѣ; невидимки не слыхалъ, ибо старикъ принималъ меня лишь по утрамъ въ своемъ отдѣльномъ кабинетѣ, сообщавшемся съ сѣнями посредствомъ пріемной залы: я никогда не видалъ у него никого посторонняго. Иногда слышались шорохъ и невнятные отдаленные голоса изъ жилыхъ покоевъ. По вечерамъ домъ его былъ неприступенъ. Однажды я съ умысломъ забылъ у него книгу, и вечеромъ пришелъ за нею, но не могъ достучаться. Утромъ, видно, мой старикъ жилъ въ кабинетѣ ученаго; вечеромъ запирался въ кельѣ монаха. — Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, единообразныя занятія мои прерваны были поѣздкою къ дядѣ, въ Виченцу. Пробывъ тамъ недѣли двѣ, я воротился въ Павію, и, тотчасъ по пріѣздѣ, пошелъ навѣстить почтеннаго моего наставника. Двери его дома были закрыты, по обыкновенію, но въ этотъ разъ я не могъ достучаться. Странно! подумалъ я: неужели никого въ домѣ не осталось? и опять началъ стучать. Въ сосѣднемъ домѣ высунулась въ окошко старуха, и съ недовольнымъ видомъ спросила, кого мнѣ надобно. — «Отца Валентина!» сказалъ

я. «Онъ умеръ,» отвѣчала она: «сегодня хоронять его въ іезуитской церкви.» — Эта вѣсть поразила меня: я былъ молодъ и не привыкъ еще къ тратамъ; теперь, если умретъ кто изъ пріятелей моихъ, мнѣ кажется, что мы съ нимъ были въ гостяхъ, и онъ только ранѣе меня пошелъ домой, гдѣ я вскорѣ найду его. Я побѣжалъ въ іезуитскую церковь. Тамъ, въ одномъ скромномъ придѣлѣ, стоялъ гробъ, освѣщаемый тусклыми лампадами. Хоръ иноковъ окружалъ почившаго брата, и пѣлъ хвалебные гимны Неисповѣдимому. Поодаль у стѣны стояло нѣсколько женщинъ, въ траурной одеждѣ и покрывалахъ. Онѣ тихими голосами вторили пѣнію; иногда казалось мнѣ, что я въ этихъ унылыхъ звукахъ слышу что-то знакомое. По окончаніи обряда, братія подняли гробъ, и понесли на близлежащее кладбище. Женщины послѣдовали за ними. Я шелъ подлѣ. «Не вы ли синіоръ Алимари?» спросила одна изъ нихъ дрожащимъ отъ старости голосомъ. — «Я Алимари,» отвѣчалъ я. — «Покойный братъ мой искренно васъ любилъ, и, чувствуя приближеніе кончины, хотѣлъ видѣть. Но васъ не было въ Павіи. Это его огорчило. Онъ скончался, твердя ваше имя.» — «Такъ вы сестра моего почтеннаго наставника! А это?» сказалъ я, указывая на женщину, которая шла подлѣ насъ, тихо рыдая. — «Это дочь моя, его крестница и ученица, теперь совершенная сирота — я ей не подпора!» Мы подошли между тѣмъ къ могилѣ, опустили гробъ при молитвѣ священника, при пѣніи монаховъ и при общихъ ры-

даніяхъ. Покрывъ хладною землею останки друга, мы воротились въ городъ. Я шелъ за сестрою покойнаго, самъ не зная для чего. Она остановилась съ дочерью у одного дома, и спросила, не хочу ли я посѣтить ее на минуту. Я согласился; мы вошли въ комнаты, убранныя не богато, но чисто и со вкусомъ. «Антигона!» сказали старушка дочери: «помоги мнѣ принять новаго гостя.» Антигона? подумалъ я: это она — невидимка. Въ эту минуту онѣ сняли съ себя покрывала. Въ матери увидѣлъ я женщину почтеннаго вида, какъ казалось, кроткую и добродушную; когда же обратилъ глаза на дочь — узналъ мою незнакомку. Мечта моя осуществилась: Антигона была дѣйствительно та самая дѣвица, которая красотою своею поразила меня въ церкви. Я смутился. Хозяйки мои приписали это застѣнчивости, начали говорить со мною, старались ободрить. Я оправился, вслушался въ ихъ рѣчи, сталъ отвѣчать, и чрезъ часъ познакомился съ ними, какъ будто зналъ ихъ нѣсколько лѣтъ. Вскорѣ узналъ я всѣ подробности ихъ состоянія и жизни. Мать была вдова художника, умершаго, когда Антигона едва начала себя помнить. Дядя взялся за воспитаніе племянницы, и, преподавая ей уроки въ первоначальныхъ знаніяхъ, замѣтилъ въ ней необыкновенныя дарованія и способности. Это родило въ немъ желаніе воспитать племянницу, какъ бы племянника, познакомить ее съ высшими науками, съ языками и литературою древности. Антигона училась охотно и прилежно, радовалась своимъ успѣхамъ,

ибо они восхищали ея благодѣтеля, но не догадывалась, что познанія ея рѣдки и необыкновенны въ женщинѣ, и потому сохранила скромность, смиреніе, кротость своего пола; твердя стихи Гомера и Софокла, готовила умѣренный обѣдъ своего семейства, и пѣла строфы Анакреона, какъ обыкновенныя народныя пѣсни. Старикъ дядя жилъ въ одной съ ними квартирѣ, имѣвшей выходы на двѣ улицы. Приходившіе къ нему поутру не догадывались, что онъ живетъ въ семействѣ. Вечеромъ уходилъ онъ въ другую половину дома, и занимался обученіемъ Антигоны. — — —

Чрезъ два года я сочетался бракомъ съ Антигоною. Не буду говорить вамъ, какъ я былъ счастливъ, счастливъ нѣсколько лѣтъ, — на это не станетъ у меня словъ. Дядя не соглашался на бракъ мой, готовя меня въ духовное званіе, и когда узналъ, что я женился, написалъ ко мнѣ, чтобъ я не ожидалъ отъ него ни какого пособія, что онъ предоставляетъ меня судьбѣ моей — судьбѣ моей! — Мать моей жены въ томъ же году скончалась. Намъ нечего было дѣлать въ Павіи. Одинъ университетскій товарищъ, родомъ Португалецъ, пригласилъ меня къ себѣ, въ Лиссабонъ, обѣщая доставить мнѣ хорошее мѣсто. Мы туда отправились. Я поступилъ въ службу подъ начальство министра Помбаля, одного изъ величайшихъ государственныхъ мужей истекающаго столѣтія. Досужіе часы проводилъ я въ бесѣдѣ моей Антигоны, въ занятіяхъ науками. Богъ даровалъ намъ двоихъ дѣтей. — И нынѣ, по истеченіи полувѣка съ того вре-

мени, каждый день, отходя ко сну, я молю неисповѣ-
димаго Подателя благъ душевныхъ, воскресить для
меня въ мечтѣ дни молодыхъ лѣтъ: иногда молитва
моя бываетъ услышана, и это случается только тогда,
когда въ теченіе дня мнѣ удалось сдѣлать что либо
доброе, укротить въ сердцѣ чувство самолюбія или
нетерпѣнія, помочь ближнему. Тогда переносусь я
во снѣ въ Лиссабонъ; сижу въ саду моемъ, подъ тѣ-
нію каштановъ; подлѣ меня сидитъ Антигона. Антоніо
трехлѣтній играетъ у ногъ нашихъ. Елена у ней на
рукахъ.» — — — Алимари при сихъ словахъ затрепе-
талъ всѣмъ тѣломъ; слезы навернулись у него на гла-
захъ; голосъ его пресѣкся. Кемскій взялъ его за
руку съ выраженіемъ сердечнаго участія — и самъ
заплакалъ. «Что жъ съ ними сдѣлалось? гдѣ они?»
спросилъ онъ.

«Перваго ноябра пятьдесятъ пятаго года,» продол-
жалъ Алимари: «я былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ
въ мірѣ; но какое-то мучительное волненіе, какъ бы
предчувствіе несчастія, волновало грудь мою. Воздухъ
въ тотъ день былъ необыкновенно тяжелъ. Густыя
тучи носились надъ Лиссабономъ. Зловѣщія птицы
хриплымъ крикомъ предвѣщали жестокую бурю. Я
легъ спать въ ожиданіи какого-то неизвѣстнаго бѣд-
ствія. Страшныя мечты вскорѣ разбудили меня. Про-
снувшись, вижу Антигону: она стоитъ на колѣняхъ
предъ Распятіемъ, и, заливаясь слезами, усердно мо-
лится. — «Что съ тобою, другъ мой?» спросилъ я въ
безпокойствѣ. — «Мнѣ страшно!» сказала она: «хочу

подкрѣпить и успокоить себя молитвою!» — Я хотѣлъ было отвѣчать ей, но вдругъ ужасный грохотъ и трескъ на улицѣ изумилъ и ужаснулъ меня. «Что это?» закричала съ трепетомъ Антигона, и кинулась къ спящимъ дѣтямъ. — Я набросилъ на себя платье, и поспѣшилъ выйти изъ дому. На улицѣ, полной утрашеннаго народа, раздавались вопли ужаса и отчаянія. Земля колебалась подъ моими ногами; стѣны огромныхъ зданій падали какъ карточные домики, и давили людей подъ собою. Ночь была темная. Громъ небесный вторилъ подземному грохоту. Молніи ежесекундно освѣщали картину опустошенія. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, я обратился назадъ къ своему жилищу, но уже бездонная пропасть отдѣляла меня отъ моихъ. Я стоялъ въ двадцати шагахъ отъ своего дома, въ мертвенномъ оцѣпенѣніи, самъ не зная гдѣ я и что со мною дѣлается. Вдругъ сверкнула молнія: Антигона стояла у окна, держа на рукахъ дѣтей; увидѣвъ меня, она закричала: «прѣсти навѣки!» Еще молнія — и я видѣлъ, какъ домъ мой рухнулъ въ бездну. Я чувствовалъ, что на меня посыпались камни, и больше ничего не помнилъ. На другой день, сказываютъ, меня вытащили изъ-подъ груды развалинъ. Не знаю что происходило со мною съ того времени. Я очнулся, какъ говорилъ вамъ, чрезъ годъ послѣ того, въ Бадахосѣ — на рукахъ добрыхъ монаховъ, одинокій сирота, забвенный въ мірѣ. Я пошелъ въ Лиссабонъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ домъ мой, лежали груды камней. Все исчезло навѣки.»

— «И вы остались живы?» спросил Кемскій. — «Живу, ибо такъ угодно Создавшему меня; живу, и жизнью стараюсь заслужить мѣсто подлѣ жены и дѣтей моихъ.» — «И вы не находите въ этомъ случаѣ, что судьба жестоко поступила съ вами, что она съ адскимъ злорадствомъ погубила невинныхъ, а васъ пощадила, вамъ дала долготѣе, чтобъ ежедневно возобновлялись въ вашемъ сердцѣ мучительныя воспоминанія! И вы не клянете часа своего рожденія?» — «Нѣтъ!» отвѣчалъ Алимари тихо и протяжно: «ежедневно благословляю и благодарю Провидѣніе: оно знаетъ что дѣлаетъ. И чѣмъ долѣе живу, тѣмъ тверже, усладительнѣе становится во мнѣ мысль о премудрости, правосудіи и благодати Божіихъ и въ самыхъ грозныхъ для человѣка явленіяхъ. Признаюсь, иногда возникалъ въ душѣ моей ропотъ на несправедливость судебъ человѣческихъ, но онъ утихалъ при первомъ взглядѣ моемъ на этотъ свѣтъ, при помышленіи о таинственности духовнаго міра. Въ ту ночь, которая разрушила все мое земное счастье, одна великая государыня, великая въ женахъ, Марія Терезія, дала жизнь принцессѣ, рожденной со всѣми правами и надеждами на счастье въ мірѣ. Я былъ свидѣтелемъ торжественнаго въѣзда Маріи Антоніи въ Францію, неоднократно видалъ ее и посреди великолѣпнаго двора, и въ простомъ одѣяніи помѣщицы тріанонской, и при взглядѣ на нее не могъ удержаться отъ тайнаго трепета, отъ тайнаго негодованія на судьбу, въ одно и то же мгновеніе отнимающую у одного

человѣка все — и все дающую другому. Но потомъ, когда душевныя страданія, всѣ жесточайшіе удары судьбы посыпались на эту несчастную принцессу; когда она сведена была съ трона въ темницу, лишлась супруга, разлучена была съ дѣтьми; когда въ одну ночь посѣдѣли ея волосы, и на другой день она взошла на эшафотъ — тогда въ растерзанной страданіями ближнихъ душѣ своей, я принесъ покаяніе Господу, что дерзаю роптать на него, видя счастье, возникшее въ одинъ день съ моими страданіями, и благословилъ невидимую десницу, меня покаравшую.»

«Удивляюсь вашей твердости, вашей покорности судьбѣ,» сказалъ Кемскій, «но не постигаю, какъ можно пережить тѣхъ, для кого мы жили въ мірѣ. Для меня, въ нынѣшнемъ моемъ положеніи, смерть, и самая мучительная, была бы благодѣяніемъ. Что мнѣ осталось въ мірѣ?»

— «И Русскій спрашиваетъ объ этомъ?» сказалъ съ жаромъ Алимари. «У васъ осталось отечество, и въ отечествѣ вашемъ люди, достойные вашей любви, вашего попеченія.»

«Отечество!» возразилъ Кемскій: «гдѣ оно? Я плѣнникъ, на чужбинѣ — можетъ быть, осужденъ нѣсколько лѣтъ томиться въ неволѣ. И что отечеству во мнѣ! Я отжилъ свой вѣкъ!»

Алимари хотѣлъ возразить, радуясь, что Кемскій началъ спорить — знакъ, что раны сердца его заживаютъ.

Въ это время постучались у дверей, и на отзывъ Кемскаго, вошелъ французскій офицеръ, держа въ рукахъ шпагу съ русскимъ темлякомъ.

«Вы ли поручикъ Князь Кемскій?» спросилъ онъ учтиво.

«Я, сударь. Что вамъ угодно?»

«Республика Французская заключила миръ съ Имперіею Россійскою. Первый Консулъ, чтя вашего Императора, уважая храбрость Русскихъ, возвращаетъ всѣмъ плѣннымъ свободу. Я присланъ сюда для извѣщенія объ этомъ пребывающихъ здѣсь офицеровъ. Вотъ ваша шпага; примите ее изъ рукъ недавнихъ враговъ вашихъ, умѣющихъ чтить воинскія доблести. Все приготовлено къ вашему отъѣзду. Вы можете ѣхать въ свое отечество когда угодно.»

Изумленный Кемскій, взявъ въ безмолвіи шпагу, не зналъ что отвѣчать. Офицеръ поклонился и вышелъ.

«Вѣрите ли теперь, что есть Провидѣніе, которое, посреди жестокихъ испытаній, указываетъ намъ путь долга и чести?» сказалъ Алимари.

«Вѣрю!» воскликнулъ Кемскій, и бросился въ объятія друга.

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ANNALS OF THE

ROYAL SOCIETY

XXXVI.

С. ПЕТЕРБУРГЪ. 1816. Іюль.

Запыленная дорожная бричка остановилась у Московской Заставы. Съ козелъ соскочилъ безрукій денщикъ, и отправился въ караульню съ подорожною. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ, вскочилъ опять на козлы, и унтеръ-офицеръ закричалъ часовому: подвысь! Бричка влетѣла въ Петербургъ, и застучала по мостовой. У Обухова Моста поворотила она направо, по Фонтанкѣ, и, когда доѣхала до Аничкова Моста, сидѣвшій въ ней приказалъ остановиться. Денщикъ сошелъ съ козелъ, отперъ дверцы, и помогъ выйти изъ брички человѣку лѣтъ подъ пятьдесятъ, въ мундирномъ сюртукѣ и фуражкѣ. На лицѣ его начертаны были страданія многихъ лѣтъ; глаза свѣтились томнымъ огнемъ безотрадной старости; лѣвая, израненная рука была подвязана; на лѣвую же ногу онъ прихрамывалъ. Вышедъ изъ брички, онъ снялъ фуражку и перекрестился. Вѣтеръ поднималъ рѣдкіе черные съ просѣдью волосы на челѣ его.

«Ступай съ экипажемъ въ трактиръ Лондонъ,» сказалъ онъ денщику: «а я прибреду туда кое-какъ пѣшкомъ.» — «Да не устанете ли, ваше сіятельство?» спросилъ денщикъ, съ участіемъ поглядывая на его хромую ногу. — «Такъ возьму извозчика,» отвѣчалъ кротко Князь Кемскій. «Да здѣсь и не устанешь: посмотри, какую аллею насадили для меня, увѣчнаго, посреди проспекта.» — «Какъ изволите!» сказалъ Силантьевъ, взобрался на козлы, и закричалъ: «пошелъ прямо!»

Князь не послѣдовалъ за экипажемъ, а пошелъ по лѣвой сторонѣ проспекта, отъ моста къ Литейной Улицѣ, считая дома: первый — старый знакомецъ временъ Петра Великаго, второй, вотъ и третій. Но третій домъ былъ уже не тотъ, котораго искалъ нашъ странникъ. За двадцать лѣтъ предъ симъ стоялъ тутъ небольшой зеленый деревянный домикъ, принадлежавшій Русскому серебрянику; теперь, на мѣстѣ его, возвышались огромныя палаты. Князь вздохнулъ тяжело. «И слѣду не осталось тѣхъ мѣстъ, гдѣ я былъ такъ счастливъ!» сказалъ онъ про себя, и опять обратился къ мосту. Разнообразіе и новостъ предметовъ, казалось, развлекали и облегчали его тяжкія думы и горестныя воспоминанія. «Вотъ Аничковскій Дворецъ,» говорилъ онъ про себя: «какъ онъ теперь чистъ, красивъ, великолѣпенъ: за семнадцать лѣтъ оставилъ я его почти въ совершенномъ запустѣніи. А садъ! Какое это странное, широкое зданіе посреди двора? Это долженъ быть театръ. На полуразрушен-

ной стѣнѣ уцѣлѣла еще колоннада, написанная Гонзагою, а вотъ и маленькій храмикъ Правосудія, съ греческою надписью!» — Гостинный Дворъ — старый знакомецъ, но исчезли низенькія, безобразныя шляпныя лавки, — теперь на ихъ мѣстѣ великолѣпный портикъ. На мѣстѣ Казанскаго Собора, зданія простаго и ветхаго, возвышается новый храмъ съ величественнымъ куполомъ и колоннадою. Но какимъ образомъ странникъ нашъ очутился у Казанскаго Собора, не переходивъ чрезъ Казанскій Мостъ, крутой, тѣсный, грязный? Мостъ исчезъ или, лучше, превратился въ широкій проѣздъ надъ Екатерининскимъ Каналомъ, едва примѣтною выпуклостью измѣняющій своду надъ водою. Прекрасный старинный домъ Графа Строганова на томъ же мѣстѣ, но за Полицейскимъ Мостомъ, — который изъ зеленаго деревяннаго превратился въ чугунный съ прекрасною балюстрадою, — между Большою и Малою Морскими, гдѣ были деревянные заборы, возвышаются великолѣпныя дома въ пять этажей. А Адмиралтейство? Вотъ оно. Уцѣлѣлъ только прекрасный шпигъ его; главное же строеніе, низкое, небѣленое, похожее на фабрику, преобразилось въ зданіе величественное, оригинальное. Валы исчезли; рвы засыпаны, и на мѣстѣ ихъ красуются тѣнистыя аллеи.

Не однѣ улицы, не одни дома сдѣлались чужды бѣдному пришельцу! Ему казалось, что онъ перенесенъ на край свѣта: вездѣ раздаются звуки роднаго языка, но выраженіе встрѣчающихся ему лицъ иное, чуждое, незнакомое. Семнадцать лѣтъ — половина

поколѣнія! Бывало, не могъ онъ пройти двадцати шаговъ, не встрѣтивъ знакомаго, пріятеля, сослуживца. Теперь онъ прошелъ вдоль всего проспекта, не видавъ привѣтнаго лица. Въ раздумьѣ воротился онъ опять на аллею за Полицейскимъ Мостомъ, и сѣлъ на скамью. Мимо его мелькали пѣшеходы. По улицѣ мчались экипажи. Шумъ оглушалъ непривычнаго къ городскому волненію. Онъ всталъ и хотѣлъ отправиться домой; вдругъ окружила его ватага хорошо одѣтыхъ молодыхъ людей. «Забавень!» сказалъ одинъ изъ нихъ, смотря на него въ лорнетъ. — «Что за костюмъ!» вскричалъ другой: «позвольте спросить (оборотясь къ Кемскому), кто шьетъ на васъ? Буту, Люйлье, Фроммъ, Зеленковъ! Mais il est délicieux!» — «Оставьте меня въ покоѣ,» сказалъ Кемскій съ досадою. — «Сперва отвѣчайте на мой вопросъ!» закричалъ молодой человекъ. — «Отвѣты бываютъ различные,» сказалъ Кемскій равнодушно по-французски, поглядывая на свою трость съ костылькомъ. — Французская фраза, произнесенная чисто, правильно и рѣшительно, подействовала на негодьяевъ. Одинъ изъ нихъ, военный, какъ казалось, посоветовалъ прочимъ оставить угрюмаго старика въ покоѣ. Они засмѣялись, чтобъ скрыть свое замѣшательство, и пошли. Кемскій поплелся вслѣдъ за ними, и вскорѣ потерялъ ихъ изъ виду. «Я, по крайней мѣрѣ, этого не заслужилъ,» думалъ онъ про себя: «въ молодости моей я всегда уважалъ старшихъ, а смѣяться надъ изувѣченнымъ воиномъ — это ужъ никакъ не простительно!»

При всходѣ на Полицейскій Мостъ, онъ, заглядѣвши въ сторону, столкнулся было съ двумя молодыми генералами, шедшими къ нему навстрѣчу. Помня недавнее приключеніе, онъ спѣшилъ отойти въ сторону; но каково было его удивленіе, когда молодые люди, съ внимательнымъ и ласковымъ на него взглядомъ, посторонились сами, и, давъ ему пройти, на воинское его привѣтствіе отвѣчали учтиво, какъ будто старшему по службѣ. Кемскій замѣтилъ, что они пристально смотрѣли и на георгіевскій крестъ его, и на слѣды тяжелыхъ ранъ. Онъ остановился и глядѣлъ вслѣдъ за ними. Народъ предъ ними разступался; прохожіе останавливались и снимали шляпы. Кемскій догадался, съ кѣмъ встрѣтился случайно, и уладительное чувство проникло въ его осиротѣлую душу. — Волнуемый различными ощущеніями и помыслами, онъ добрелъ до трактира, гдѣ Силантьевъ, привычный къ дорожной жизни, уже нанялъ для него квартиру, и сдѣлалъ всѣ приготовленія къ его принятію.

XXXVII.

Послѣ обѣда Силантьевъ отправился развѣдать, гдѣ живетъ Алевтина Михайловна, и узнать, когда можно ее видѣть. Онъ воротился съ отвѣтомъ, что ея превосходительство, госпожа дѣйствительная статская совѣтница Баронесса фонъ-Дракъ изволить кварти-

ровать въ Большой Садовой Улицѣ, но нынѣ, по лѣтнему времени, имѣеть пребываніе на дачѣ, на Аптекарскомъ Острову. Его же превосходительство, Баронъ Иванъ Егоровичъ, ежедневно по утрамъ, съ десяти до двѣнадцати часовъ, изволить пріѣзжать въ городской домъ, для пріема просителей. «Баронесса? баронъ?» думалъ про себя Кемскій: «откуда эти титулы? Фонъ-Дракъ — непомнящій родства Нѣмецъ, и *фонъ* приклеенъ къ его прозвищу по ошибкѣ пьянаго полковаго писаря при опредѣленіи его въ службу. А теперь онъ и баронъ! Вѣроятно, какая нибудь ошибка. Славятся же нѣкоторыя книги однѣми опечатками: такъ почему же и словесной твари не почерпнуть славы изъ того же источника?»

— На другой день Кемскій поплелся пѣшкомъ, въ сюртукъ, къ новому барону. На вопросъ его, пріѣхалъ ли его превосходительство, швейцаръ отвѣчалъ грубо: «Ступайте вверхъ.» — Первый признакъ худаго пріема! Привратникъ бываетъ обыкновенно представителемъ обхожденія и нрава господскаго: Кемскій замѣчалъ неоднократно, что швейцары вельможъ благородныхъ, кроткихъ и учтивыхъ отличаются вѣжливостью, предупредительностью; привратники надутыхъ, спѣсивыхъ и грубыхъ сатраповъ только барину своему уступаютъ въ дерзости и нахальствѣ. Онъ поднялся по великолѣпному крыльцу, и вошелъ въ большую пріемную залу. Человѣкъ пятьдесятъ просителей, въ томъ числѣ и нѣсколько женщинъ, ждали восхода яснаго солнышка. Одинъ сидѣлъ на стулѣ,

устремивъ неподвижные глаза въ паркетъ; другой смотрѣлъ на потолокъ; третій разглядывалъ картинки на стѣнахъ, заимствованныя изъ басенъ Езоповыхъ: здѣсь волкъ душитъ овцу; тутъ лисица лакомится осиротѣвшими птенцами; тамъ осель лягаетъ больнаго льва. Иные зѣвали, расхаживая по залѣ, и переминая въ рукахъ прошенія и записки. Кемскій обратился было къ слугѣ съ просьбою доложить барину. — «Извольте подождать, сударь!» — отвѣчалъ холопъ съ сердцемъ: «у насъ и генералы въ звѣздахъ по часамъ дожидаются.» — «Что дѣлать!» подумалъ Кемскій: «подожду и я.» Онъ сѣлъ въ углу комнаты на порожній стулъ, и сдѣлался невольнымъ слушателемъ разговора двухъ просителей.

«Вотъ уже четыре недѣли,» сказалъ одинъ, вздыхая: «что я дежурю здѣсь по два раза въ недѣлю, а не могу добиться толку. Генераль принимаетъ просьбы, обѣщается исполнить, и только передаетъ бумаги своему правителю дѣлъ, а у этого все пропадаетъ.» — Другой: «Нельзя понять, какъ господинъ баронъ могъ ввѣриться такому негодяю, какъ этотъ гнусный Тряпицынъ. Невѣжда, безграмотный, взяточникъ, обманщикъ, а начальникъ этого не видитъ.» — Первый: «Эхъ, батюшка! видно, вы не знаете въ подробности здѣшнихъ обрядовъ. Тряпицынъ держится милостью генеральши. Грѣшно сказать, чтобъ Иванъ Егоровичъ самъ взялъ съ кого либо копѣйку, а между тѣмъ домъ его какъ полная чаша. Барыня его даетъ обѣды; одинъ сынокъ мѣтитъ въ камеръ-юнкеры, другой

офицеромъ въ гвардіи; дочкѣ приданое, сказываютъ, припасли изрядненькое. Тряпицынъ деретъ съ живаго и съ мертваго, и платитъ ея превосходительству кварту съ аренды. Съ нѣкотораго времени казалось было, что онъ пріугомонился. Слава Богу! заговорили всѣ: видно вдоволь насосался. Да не прошло полугода, какъ онъ опять началъ давить челобитчиковъ безъ милосердія. Причина тому, говорятъ, вотъ какая. У генеральши братъ, человѣкъ богатый, уже нѣсколько лѣтъ обрѣтается въ походахъ. Съ годъ мѣста тому назадъ, пришла вѣсть, что онъ взятъ въ плѣнъ и убитъ Черкесами на Кавказской Линіи. Сестрица и бухъ просьбу въ суды о введеніи ея во владѣніе. Съ кредитомъ Ивана Егоровича и умомъ Якова Лукича не трудно уладить и не такое дѣльцо. Справили и отказали за нею. Вдругъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, получили извѣстіе, что братецъ ея былъ въ плѣну, да освобожденъ. А между тѣмъ она, въ надеждѣ будущихъ благъ, начала было жить и кутить не въ свою голову, позадолжалась. Что дѣлать! Вотъ и предписали Тряпицыну усугубить усердіе къ службѣ, а для поощренія представили къ наградѣ. Я было сладилъ съ нимъ одно дѣло и довольно сходно, а на другой день онъ заломилъ такую сумму, что мнѣ не въ моготу пришло, и я рѣшился прожить здѣсь долѣе, чтобъ обождать время; авось либо спустить. А вы, сударь, также за дѣломъ изволите сюда ходить?» — Другой: «За дѣломъ, но не за тяжѣбнымъ. Я служилъ подъ начальствомъ барона, въ Вятской Губерніи, вызванъ былъ

сюда для перемѣщенія въ другую должность, и вдругъ нечаянно лишился мѣста.» — Первый: «Какъ же это, батюшка?» — Второй: «А вотъ какъ. Однажды прихожу я къ Тряпицыну въ канцелярію, и, не заставъ его, дожидаюсь. Въ это время собрался у барона какой-то комитетъ, въ которомъ онъ предсѣдателемъ. Прибѣгаетъ отъ него въ канцелярію дежурный за правителемъ дѣлъ. Отвѣчаютъ: нѣтъ его! — Прибѣгаетъ вторично, и спрашиваетъ, нѣтъ ли въ канцеляріи кого изъ чиновниковъ. Нѣтъ, кромѣ писцовъ и такого-то пріѣзжаго, то есть меня. Прибѣгаетъ въ третій разъ: пожалуйста, хоть вы; генераль просить! Я пошелъ. Баронъ вертѣлся на предсѣдательскомъ мѣстѣ въ отчаяніи. «Сдѣлайте одолженіе,» сказалъ онъ мнѣ жалобнымъ голосомъ: «помогите намъ въ бѣдѣ. Мы сегодня же должны представить начальству донесеніе о важномъ дѣлѣ. Донесеніе и написано, но оно у правителя дѣлъ, а его отыскать не могутъ. Потрудитесь написать. Вотъ всѣ матеріалы.» Онъ вручилъ мнѣ кипу бумагъ. Члены посторонились за столомъ. Я посмотрѣлъ въ дѣло; оно было мнѣ знакомо. Я сѣлъ и набѣло написалъ требуемое донесеніе. Прочиталъ, и всѣ были довольны. Въ это время явился Тряпицынъ, держа въ рукъ своей проектъ донесенія. «Ужъ не нужно,» сказалъ одинъ изъ членовъ. «Какъ не нужно?» спросилъ Тряпицынъ, грозно взглянувъ на барона. — «Въ самомъ дѣлѣ, господа,» сказалъ фонъ-Дракъ: «я думаю, лучше будетъ подписать донесеніе, сочиненное Яковомъ Лукичемъ: онъ и дѣло

это знает основательнѣе, и притомъ онъ отличный стилистъ.» — «Какъ изволите,» сказалъ членъ: «послушаемъ.» — Тряпицынъ началъ чтеніе. «Не то! не то!» закричали члены. «Выслушайте же до конца,» возразилъ баронъ. Выслушали, и громче прежняго возопили: «Не то! не то! это сущій вздоръ и безсмыслица. Подпишемъ прежнее: оно коротко и дѣльно.» — «Очень хорошо!» сказалъ фонъ-Дракъ, и наклоненіемъ головы далъ мнѣ знать, что я могу выйти. — Не знаю что за этимъ происходило; только на третій день я получилъ увѣдомленіе, что уволенъ изъ подѣ начальства барона съ самымъ сухимъ аттестатомъ. Я рѣшился искать правосудія, и во что бы то ни стало....»

Стъ! стъ! раздалось въ залѣ. Всѣ сидѣвшіе просители привстали, ходившіе остановились. Растворились двери изъ передней, и появился Тряпицынъ. Онъ прошелъ важно, пыхтя и кряхтя, въ кабинетъ барона, и не отвѣчалъ на поклоны и умильные взгляды челобитчиковъ. Кемскій едва узналъ его: онъ растолстѣлъ до неимовѣрности; широкій подбородокъ покоился на узенькомъ галстухѣ; красный носъ свисъ на губы, безвласое чело лоснилось; ноги едва передвигались. Жадность, безсовѣстность, шампанское и подагра наложили на него тяжелую печать свою. Шествіе его по залѣ, подобно теченію грозной планеты, разстроило прежній порядокъ. Толпы разступились, разговаривавшіе умолкли: взоры всѣхъ устремились на таинственные двери кабинета.

Ожиданіе было не слишкомъ продолжительно: вскорѣ двери распахнулись, и оттуда вышелъ размѣренными, важными шагами Баронъ Иванъ Егоровичъ фонъ—Дракъ, напудренный, во фракъ со звѣздою. Кемскій съ трудомъ узналъ его: казалось, что онъ, въ теченіе семнадцати лѣтъ, выросъ; лобъ его лоснился, подбородокъ и нижняя губа высунулись впередъ; одинъ зубъ, оставшійся въ нижней челюсти, какъ Лотова жена въ пустынь, подпиралъ верхнюю губу; неопредѣленные въ прежнее время черты лица преобразовались въ рѣшительныя морщины, видимо напечатлѣвавшія на лицѣ клеймо: дуракъ. Онъ важно поклонился собранію, и началъ принимать просьбы. Всякому безмолвному просителю онъ улыбался довольно привѣтливо, бралъ бумаги, развертывалъ; представлялся, будто читаетъ, хотя по большей части держалъ ихъ низомъ вверхъ, и потомъ отдавалъ провожавшему его дежурному. Не такъ милостиво поступалъ онъ съ тѣми челобитчиками, которые дерзали сопровождать поданіе бумаги словеснымъ объясненіемъ или являлись съ изустными просьбами. Подбородокъ его задрожитъ, уединенный зубъ забьетъ въ верхнюю губу, носъ покраснѣетъ, и нетерпѣніе изольется изъ устъ въ самыхъ неучтивыхъ выраженіяхъ. Проситель обыкновенно поклонится и замолчитъ; но не всѣ были такъ скромны: нѣкоторые непремѣнно домогались, чтобъ баронъ ихъ выслушалъ и понялъ. Въ такой крайней бѣдѣ фонъ—Дракъ останавливался, и обратясь къ дверямъ кабинета, жа-

лобно вопилъ: «Тряпицынъ!» — Тряпицынъ, стоявшій дотолѣ въ дверяхъ, и разговаривавшій съ раболѣпными чиновниками и важнѣйшими просителями, иногда явно насмѣхаясь надъ своимъ начальникомъ, — подходилъ къ нему медленно, и принималъ объясненіе на себя, а освобожденный баронъ подвигался далѣе.

Кемскій, боясь своимъ неожиданнымъ появленіемъ разстроить аудіенцію, и тѣмъ причинить неудовольствіе многимъ бѣднякамъ, дожидавшимся съ самаго ранняго утра, отступалъ далѣе и далѣе, и старался не слушать рѣчей своего зятя, но наконецъ невольно принужденъ былъ сдѣлаться зрителемъ и слушателемъ. Одна женщина, подавъ бумагу, присовокупила изустно, что она и семейство ея разорены пожаромъ, что мужъ ея боленъ, и пр. — «Пожарный случай?» сказалъ фонъ-Дракъ: «Что жъ я могу для васъ сдѣлать? Все это произошло на основаніи законовъ и по распоряженію мѣстнаго начальства.» — «Да у насъ нѣтъ насущнаго хлѣба!» продолжала она жалобно. — «Я вамъ повторяю,» сказалъ онъ съ досадою: «что я не вижу въ семъ обстоятельствѣ ни какого нарушенія существующихъ постановленій, и помочь вамъ не могу. А вы что опять?» вскричалъ онъ, обратясь къ молодому человѣку: «чего вы еще хотите?» — «Прошу ваше превосходительство, возвратить мнѣ мое мѣсто, которое я съ честію занималъ пять лѣтъ.» — «Какое мѣсто?» — «Я былъ контролеромъ при департаментѣ, могу еще служить, и вдругъ меня перечислили въ ар-

хивъ. За что это?» — «За неповиновеніе начальству,» сказалъ Фонъ-Дракъ важнымъ голосомъ: «вы явно противорѣчили коллежскому совѣтнику Тряпицыну. Я не терплю своевольства: повинуйтесь начальникамъ, или ступайте куда угодно.» — «Генералъ правъ,» пробормоталъ второй изъ прежнихъ собесѣдниковъ. — «Да знаете ли, въ чемъ состояло неповиновеніе этого чиновника?» спросилъ шепотомъ первый: «онъ не хотѣлъ жениться на падчерицѣ Тряпицына, бывшей за три года предъ симъ у отца его прачкою.»

Фонъ-Дракъ мало по малу дошелъ до Кемскаго, и, взглянувъ на его подвязанную руку, на георгіевскій крестъ, закричалъ съ гнѣвомъ: «Оставьте меня въ покоѣ! У меня нѣтъ для васъ мѣста. На то учрежденъ Комитетъ 18-го августа.» — Кемскій, не ожидавшій такого родственнаго привѣтствія, нѣсколько времени не могъ опомниться, и когда зять его, подошелъ уже къ другому просителю, сказалъ ему тихо: «Иванъ Егоровичъ! вы меня не узнаете?» Фонъ-Дракъ, слышавъ знакомый голосъ, остановился, какъ громомъ пораженный, пристально поглядѣлъ на князя, и, поблѣднѣвъ, закричалъ: «Тряпицынъ! Тряпицынъ! это онъ!» Тряпицынъ, услышавъ трепещущій голосъ своего покровителя и питомца, подбѣжалъ, и взглянувъ на Кемскаго, остолбенѣлъ.

«Я не къ Тряпицыну пришелъ,» возразилъ Кемскій: «Иванъ Егоровичъ! извольте кончить пріемъ, а потомъ, прошу васъ, свезите меня къ сестрѣ!» Тря-

пицынъ отретировался въ кабинетъ, а Иванъ Егоровичъ, ни живой, ни мертвый, продолжалъ начатое дѣло.

XXXVIII.

Ни какая кисть не изобразить того смѣшенія изумленія, испуга, злобы и лицемѣрія, которое мгновенно овладѣло Алевтиною, когда князь, въ сопровожденіи Фонъ-Драка, вступилъ въ гостиную ея загороднаго дома. Чтобы скрыть душевное волненіе, яркими чертами изразившееся на лицѣ ея, она кинулась обнимать и цѣловать его. «Братецъ, голубчикъ, ангелъ мой! Наконецъ услышалъ Богъ мои молитвы: ты живъ и невредимъ, послѣ такихъ трудовъ и страданій!» кричала она, рыдая; потомъ, воскликнувъ: «умираю!» бросилась навзничь въ кресла, и въ самомъ дѣлѣ поблѣднѣла, какъ мертвая. Явились прислужницы, стали спрыскивать, оттирать ее, и она чрезъ нѣсколько минутъ очнулась. Кемскій хотѣлъ быть равнодушнымъ, хладнокровнымъ, но искусные маневры Алевтины сбили его съ толку: онъ невольно принялъ участіе въ ея положеніи, и старался помочь ей, утишить ея волненіе. И она, замѣтивъ успѣхъ своей роли, мало по малу пришла въ обыкновенное положеніе, усадила брата на софу, стала спрашивать о его житьѣ-бытьѣ, рассказывать ему о своихъ дѣтяхъ, о кон-

чинѣ незабвенной матери, и т. п. Слабый и чувствительный Кемскій разжалобился ея повѣстью, слушалъ ее внимательно и съ участіемъ, и почти забылъ, что сидитъ подлѣ злодѣйки всего своего рода и племени. — Иванъ Егоровичъ сидѣлъ въ той же комнатѣ, молчалъ, и удивлялся уму, ловкости и присутствію духа жены своей: «И Яковъ Лукичъ струсилъ,» думалъ онъ про себя: «а она — какъ ни въ чемъ не бывало — дока! дока!»

Алевтина не умолкала въ похвалахъ своимъ дѣтямъ, и только жалѣла, что не можетъ тотчасъ представить ихъ дражайшему дядюшкѣ: Гриша въ канцеляріи министра; Платоша на разводѣ. — «Позовите же Китти!» сказала она вошедшему въ комнату человеку. «Я думаю, уроки уже кончились.» — «Что это за Китти!» подумалъ Кемскій. — «Не повѣрите, милый братецъ,» продолжала Алевтина: «какъ меня радуетъ моя Китти! Скромная, благородная, страстная къ занятіямъ науками, ненавидитъ шумныя общества....» — Растворились двери, и вошла Китти, то есть Катерина Сергѣевна Элимова, въ загородномъ неглиже, на англійскій манеръ: талья низкая и плотная, юпки короткія; на ногахъ ботинки, на головѣ пуховая шляпа, въ правой рукѣ хлыстикъ. Вмѣстѣ съ нею вбѣжала съ ужаснымъ лаемъ англійская охотничья собака. — Алевтина встала и съ замѣшательствомъ пошла къ ней навстрѣчу: «Наконецъ дождались мы, милая Китти, дорогаго нашего друга, твоего дядюшки. Вотъ онъ! вотъ любимецъ моего

сердца! И если ты любишь мать, то будешь любить и того, кто ей дороже всего въ жизни!» — Кемскій подошелъ къ племянницѣ, и дружески ее привѣтствовалъ. Она поморщилась и пробормотала что-то сквозь зубы по-англійски. — «Извини, милая Катерина Сергѣевна,» сказалъ онъ: «я не говорю и не понимаю по-англійски.» Она улыбнулась насмѣшливо, и сказала: «Я говорю, что имѣю большое удовольствіе видѣть почтеннѣйшаго дядюшку!» и небрежно кинулась на диванъ. Алевтина и Кемскій сѣли на прежнія мѣста, и тщетно искали предметовъ для разговора. Онъ между тѣмъ разсматривалъ племянницу: стройная, ловкая, слишкомъ ловкая, рѣзкая въ движеніяхъ, безъ всякой граціи; лице правильное, блѣдное, съ выраженіемъ гордости, суровости и насмѣшки. Она повертывала хлыстикомъ, хлестала имъ слегка собаку, приговаривая по-англійски: «Oh, you pretty creature!»

Алевтина была въ крайнемъ смущеніи, и старалась какъ нибудь завести разговоръ. — «Гдѣ сиръ Горсъ?» — спросила она наконецъ. — «Вы меня выводите изъ терпѣнія,» закричала дочь съ гнѣвомъ: «тысячу разъ я говорила вамъ, что *у насъ* такъ не говорятъ: слово серъ, а не сиръ, присоединяется къ имени, а не къ фамиліи — серъ Уилліамъ, а не сиръ Горсъ.» — «На старости трудно привыкать къ новымъ языкамъ и манерамъ,» отвѣчала Алевтина, краснѣя отъ стыда и досады. Кемскому стало жаль сестры, но онъ вспомнилъ, какъ дерзко она сама, въ молодые лѣта, на-

смѣхалась надъ своею матерью, которая не умѣла говорить по-французски. — «Правосудіе небесное!» думалъ онъ: «свѣтъ перемѣняетъ мундиръ, а въ существѣ остается тотъ же. Въ молодости мы чванились предъ стариками французскимъ болтовствомъ; теперь наши дѣти вымещаютъ это языкомъ англійскимъ, а ихъ чѣмъ накажутъ внуки? Пожалуй, еще персидскимъ или арабскимъ!» — Разговоръ томился. Всѣ глядѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ и робостью. «Надѣюсь, вы будете сегодня у насъ обѣдать?» сказала Алевтина: «мнѣ хотѣлось бы представить вамъ сыновей моихъ.» — «Съ удовольствіемъ,» отвѣчалъ Кемскій: «а теперь позвольте мнѣ погулять у васъ за городомъ. Я лѣтъ двадцать не видалъ здѣшнихъ мѣстъ.»

Хозяева его не удерживали. Онъ вышелъ изъ дому, тѣснымъ тяжелымъ чувствомъ, и въ раздумьѣ шелъ, самъ не зная куда. «И вотъ тѣ люди, которымъ я долженъ оставить отцовское свое наслѣдіе!» думалъ онъ: «Алевтина не стоила моей дружбы. Она... (тутъ мелькнула въ умѣ его черная полоса). Но я надѣялся найти что нибудь въ ея дѣтяхъ; надѣялся, хоть на старости, увидѣть людей близкихъ мнѣ по родству, близкими и по сердцу. Посмотримъ что будетъ далѣе. Но я не предвижу ничего хорошаго....» — Стукъ каретный прервалъ его размысленія. Онъ поднялъ глаза, и увидѣлъ, что находится на большомъ Каменноостровскомъ Проспектѣ. Широкая, мощеная дорога пролегаетъ между великолѣп-

ными дачами и милыми сельскими домиками. Этого не было здѣсь въ его время. Но гдѣ та роща, березовая и сосновая, въ которой онъ иногда прогуливался съ пріятелями? Исчезла. Мѣсто ея, большая равнина, на которой изрѣдка поднимаются отдѣльные деревья, обнесено красивымъ заборомъ. «И то было хорошо — въ свое время!» подумалъ онъ. Вышедъ на берегъ Невы, онъ очутился на прекраснѣйшемъ мосту, какой только случилось ему видѣть. Легкая филиграновая арка перегибается линіею красоты чрезъ быструю Неву. Онъ взошелъ на мостъ — предъ нимъ открылась очаровательная картина: съ одной стороны дачи по обоимъ берегамъ Невы, и въ числѣ ихъ, старый знакомецъ, алый домъ Барона Колокольцова, съ рѣзнымъ бельведеромъ; вдали Крестовскій Островъ. Съ другой стороны влѣво, прекрасный Каменноостровскій Дворецъ, предъ нимъ двѣ яхты и фрегатъ; направо чья-то прелестная дача на островку — бѣлый домъ, опушенный густою зеленью; прямо садъ Строганова и знакомыя желтыя каменные ворота. Наглядѣвшись на эту очаровательную панораму, Кемскій сошелъ съ мосту, и повернулъ направо, мимо дворца. — Вокругъ дома Государева господствовала тишина. Все дышало порядкомъ, чистотою, спокойствіемъ. Простота жилища усугубляла уваженіе къ хозяину. За воротами сада, идущими къ Невѣ, Кемскій увидѣлъ мостъ, перешелъ и очутился въ Строгановомъ Саду, гдѣ бывалъ съ нею. Поднялся вѣтерокъ. Листья деревъ зашумѣли: въ густомъ кустар-

никъ что-то зашевелилось, и опять умолкло. Въ саду было тихо и уединенно. Домъ графскій запертъ, но все въ прежнемъ видѣ: Геркулесъ и Флора по сторонамъ крыльца, Нептунъ посреди пруда, ветхій мостикъ съ березовыми перилами, моховая пещера, Гомерова гробница. Вотъ и Черная Рѣчка. На другомъ берегу ея жизнь и движеніе. Рядомъ красуются чистенькіе домики. Группы гуляютъ по берегу. Дѣти рѣзвятся....

XXXIX.

Въ часъ обѣда Кемскій воротился на дачу Фонъ-Драка. Въ гостиной были Алевтина, мужъ ея, дочь, Тряпицынъ и нѣсколько человѣкъ ему неизвѣстныхъ. Алевтина между тѣмъ успѣла собраться съ духомъ, и приняла брата еще съ бѣльшею твердостью нежели утромъ. «Grégoire! Platon!» громко сказала она сыновьямъ своимъ: «présentez donc vos respects à votre oncle!» Два молодые человѣка, одинъ статскій, другой военный, отдѣлились отъ толпы, и подошли къ Кемскому. Онъ хотѣлъ пойти къ нимъ навстрѣчу, и вдругъ остановился, узнавъ въ нихъ тѣхъ самыхъ молодыхъ людей, которые вчера атаковали его на бульварѣ. И они его узнали. Старшій, Григорій, болѣе другаго виноватый, поблѣднѣлъ было, но скоро оправился, улыбнулся насмѣшливо, закусилъ губу, и

небрежно поклонился. Младшій, Платонъ, тотъ самый, который удерживалъ своихъ товарищей отъ шалости, бросился на шею Кемскому и съ жаромъ обнялъ его. «Наконецъ дождались мы счастья васъ видѣть!» вскричалъ онъ и залился слезами. «Добрая душа!» подумалъ Кемскій: «онъ одинъ мнѣ обрадовался.» Минута смущенія пролетѣла. Никто того не замѣтилъ.

Пошли къ столу. Алевтина подала руку Кемскому, и посадила его подлѣ себя. Подлѣ него сѣла Китти, а къ ней подсѣлъ рябой, блѣдный, рыжій Англичанинъ, ньюмаркетская конская физіономія. Съ лѣвой стороны сидѣли сыновья Алевтины и другіе молодые люди. Иванъ Егоровичъ, съ своимъ причтомъ, расположился на противоположномъ концѣ стола. По правую руку отъ него сидѣлъ Тряпицынъ, по лѣвую домашній докторъ, родъ коновала. Всего сидѣло за столомъ человѣкъ четырнадцать. Кушанье и вина были отборныя — сервированы со вкусомъ и великолѣпіемъ. Разговоръ сначала тянулся медленно, но послѣ третьяго блюда пошелъ быстрее. — «Что новаго въ свѣтѣ?» спросила Алевтина чрезъ столъ у Тряпицына. — «Важнаго нѣтъ ничего, ваше превосходительство,» отвѣчалъ Тряпицынъ: «только получено извѣстіе о кончинѣ бывшаго министра юстиціи, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гаврила Романовича Державина.» — «И Державинъ умеръ!» съ уныніемъ сказалъ Кемскій. — «Такъ точно, ваше сіятельство! Его высокопревосходительство изволилъ скончаться въ помѣстьѣ своемъ, въ Новгородской Губер-

ніи.» — «Великая, невозвратная потеря!» прибавилъ Кемскій. — «Такъ вы знали его, князь?» спросилъ фонъ-Дракъ, выпучивъ глаза. — «Я Русскій, и мнѣ не знать Державина!» отвѣчалъ Кемскій. «Кто изъ насъ (обратясь къ Григорію Сергѣевичу) не знаетъ наизусть его стихотвореній? Не правда ли?» — «Меня изъ того числа исключите,» отвѣчалъ Григорій съ презрительною насмѣшкою: «стихи Державина могли нравиться за тридцать, за сорокъ лѣтъ предъ симъ, но теперь!» — «Помилуй, Григорій Сергѣевичъ! побойся Бога! Много ли такихъ поэтовъ въ мірѣ, не скажу въ Россіи!» примолвилъ Кемскій. — «Точно, точно!» подхватилъ Платонъ: «и нашъ штабсъ-капитанъ....» — «Такъ вотъ изъ чего биться изволите,» сказалъ съ презрительною усмѣшкою Тряпицынъ: «дѣло идетъ о стихахъ! А главное вы забыли — онъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, александровскій кавалеръ. Покойная Императрица пожаловала ему нѣсколько сотъ душъ, и ужъ вѣрно не за стихи.» — «Онъ соединялъ въ себѣ свойство двухъ лицъ, и государственнаго чловѣка и писателя. Награждали за одно, чтили за то и за другое.» — «Ой ужъ мнѣ эти господа сочинители!» сказалъ Тряпицынъ: «вотъ, напримѣръ, есть у насъ въ канцеляріи....» Кемскій прервалъ его съ нетерпѣніемъ: «Если вы не понимаете что значитъ великій писатель, такъ извольте молчать.» — Всѣ смутились: Алевтина покраснѣла, фонъ-Дракъ поблѣднѣлъ, Тряпицынъ посинѣлъ — такого позора не было ему

давно — и еще въ домѣ его покровителя! Молодые люди не могли удержать смѣха, и безчувственный Григорій улыбнулся. «Впрочемъ,» сказалъ фонъ-Дракъ: «Яковъ Лукичъ правъ: господъ писателей балуютъ непомѣрно. Не знаю, извѣстно ли вамъ, князь, что одного изъ нихъ недавно, вопреки указу 6-го августа 1809 года, произвели безъ экзамена въ статскіе совѣтники, и дали ему аннинскую ленту. Ленту новопроизведенному статскому совѣтнику, къ которому еще наканунѣ того дня надписывали: его высокоблагородію!» — Тряпицынъ что-то подсказалъ ему на ухо: «Да, и еще шестьдесятъ тысячъ чистагану. А что онъ сдѣлалъ? Вотъ нашъ братъ (поглядывая на Тряпицына) трудится весь вѣкъ съ крайнимъ опасеніемъ, а на старости того и смотри, что съ голоду по міру пойдетъ!» — Кемскій удивлялся краснорѣчію фонъ-Драка: видно было, что его задѣли за живое. «Да кто этотъ писатель?» спросилъ онъ. — «Право, запомнилъ имя,» сказалъ фонъ-Дракъ. Тряпицынъ что-то пробормоталъ про себя. — «Да, да, да! Это тотъ самый, который написалъ сказку о Бѣдной Лизѣ.» — «Карамзинъ!» воскликнулъ Кемскій съ восторгомъ: «Карамзинъ, который уже нѣсколько лѣтъ занимается сочиненіемъ Русской Исторіи. Такъ видно онъ ее кончилъ?» — «Написалъ и представилъ Государю восемь томовъ,» отвѣчалъ Платонъ. — «Такъ это онъ награжденъ Государемъ съ истинно царскою щедростью! Въ этомъ я узнаю нашего Императора! Дай Богъ ему многія лѣта!» — «Противъ Высочайшаго

повелѣнія,» продолжалъ фонъ-Дракъ, которому Тряпцынъ служилъ суфлеромъ: «ни толковать, ни спорить не смѣю-съ; но удивительно, какъ можно было дать такую награду за восемь томовъ! Да нашъ годовой отчетъ будетъ и толще и дѣльнѣе!» — Кемскій не отвѣчалъ. — «Однако согласитесь, дядюшка,» возразилъ Платонъ учтиво: «что Карамзинъ испортилъ русскій языкъ. Нашъ штабсъ-капитанъ....» — «Можетъ быть очень хорошій человѣкъ, но если онъ утверждаетъ эту нелѣпицу, то достоинъ — сожалѣнія!» отвѣчалъ Кемскій. «Знаете ли вы, въ какомъ дѣтскомъ состояніи былъ русскій языкъ, какъ безцвѣтна была русская литература до Карамзина? Онъ первый заговорилъ чистымъ русскимъ народнымъ языкомъ, и всѣ сердца русскія отозвались на его голосъ. Слогъ временъ предшествовавшихъ былъ какою-то безобразною смѣсью условныхъ, чуждыхъ намъ оборотовъ. Нелѣпая мысль, будто латинскій языкъ есть корень, основаніе и образецъ всѣхъ прочихъ, убивала духъ языка русскаго. Правда, что нѣкоторые писатели и прежде Карамзина пытались писать по-русски, но рѣшительно началъ онъ первый.» — Платонъ возразилъ: «Но штабсъ-капитанъ Залетаевъ утверждаетъ, что Ломоносовъ....» — «Былъ геній, ораторъ и поэтъ, но не прозаикъ. Впрочемъ это не служитъ къ его униженію: и Лейбницъ въ свое время не зналъ, что существуетъ планета Уранъ. Если бъ вы были свидѣтелями того радостнаго изумленія, въ которое мы, тогдашніе молодые люди, слѣдственно готовые къ

принятію всѣхъ впечатлѣній, приведены были первыми книжками Московскаго Журнала! Это волненіе душевное можно сравнить только съ ощущеніемъ человека, которому вдругъ возвратили зрѣніе или развязали языкъ!» Кемскій, воспламененный предметомъ разговора, долго не замѣчалъ, что проповѣдуетъ въ пустынѣ. Всѣ занимались своимъ дѣломъ: кто ѣлъ, кто разговаривалъ съ сосѣдомъ — никто не слушалъ. Платонъ устремилъ глаза въ тарелку, какъ будто отрекаясь отъ того, что слышитъ. Кемскій обратилъ вопросительный взглядъ на Григорья: тотъ посмотрѣлъ на него равнодушно, выпилъ залпомъ бокаль шампанскаго, и, отворотясь, спросилъ кого-то громко чрезъ столъ: «Pourquoi avez-vous quitté hier de si bonne heure la comtesse Basile?» — Кемскій увидѣлъ, что у его сестры обѣдаютъ какъ въ стойлахъ: ѣдятъ, пьютъ, иногда ржутъ, но не бесѣдуютъ, не разсуждаютъ, не думаютъ, — и рѣшился слѣдовать домашнему обычаю. Онъ молчалъ во все продолженіе стола, размышляя о томъ, какъ человекъ общественный и образованный возвышаетъ и облагораживаетъ душею вседневныя, тѣлесныя, можно сказать *животныя* свои дѣйствія. Чувственное сближеніе половъ становится благородною любовью, союзомъ священнымъ и угоднымъ Небу; темное чувство самки животныхъ, побуждающее ее жертвовать своею жизнію для сохраненія жизни дѣтенышей, превращается въ нѣжную, попечительную, благотворную любовь родительскую, а ежедневное утоленіе голода стано-

вится трапезою дружбы, семейной и общественной. За обѣдомъ и ужиномъ собирается семейство, раздѣленное въ теченіе дня трудами общественными и домашними: отецъ, въ дружеской бесѣдѣ, сообщаетъ семейству свои наблюденія, мнѣнія, уроки; дѣти даютъ ему отчетъ въ своихъ занятіяхъ и намѣреніяхъ; онъ слушаетъ ихъ рассказы, направляетъ ихъ мнѣнія и толки, указываетъ на хорошую и слабую сторону ихъ дѣлъ, помысловъ и чувствованій; веселость, возбуждаемая досугомъ, отдохновеніемъ и взаимными шутками, услаждаетъ и сокращаетъ время стола, и душа питается за благоустроенною трапезою не менѣе тѣла. Древніе язычники только ѣли и пили. Трапезы любви и дружбы установлены Религіею Христіанскою, и величайшее изъ таинствъ ея получило начало свое за вечерею....

Разговоръ за столомъ продолжался прежній, безсвязный, отрывистый. Только Китти безъ умолку толковала по-англійски съ своимъ сосѣдомъ, и частенько чокалась съ нимъ рюмкою. Григорій иногда вмѣшивался въ ихъ бесѣду, и нѣсколько разъ у нихъ поднимался споръ, въ которомъ большая часть бывшихъ за столомъ по незнанію англійскаго языка, не могла принять участія. Наконецъ встали изъ-за стола. Кемскому подали трубку; онъ совѣстился приняться за нее, но увидѣлъ, что почти всѣ молодые люди, въ томъ числѣ безбородые недоросли, взялись курить; между тѣмъ онъ никакъ не рѣшался нарушить правила учтивости своего времени, и, по указанію Пла-

тона, отправился на балконъ свѣтелки его, во второмъ этажѣ. Тамъ, смотря на прекрасную Неву, опущенную густою зеленью, онъ съ горестью размышлялъ о видѣнномъ и слышанномъ....

Когда онъ, часа черезъ два, сошелъ внизъ, гостиная была наполнена множествомъ разнокалибернаго народу. Шестъ карточныхъ столовъ заняты были ревностными игроками, между которыми отличалась Алевтина жаромъ и бранчивостью. Въ числѣ игроковъ было человѣкъ шесть пожилыхъ людей, — всѣ прочіе люди молодые, но эти послѣдніе были самыми усердными и страстными игроками. Молодые дамы и дѣвицы сидѣли въ отдѣльной диванной, и перешептывались между собою. Изъ мужчинъ были при нихъ рыжій сиръ Уилліамъ Горсъ, какой-то Французикъ лѣтъ въ семьдесятъ и два юнкера. Кемскому стало и жалко и смѣшно: онъ не думалъ найти такую переменъ въ нравахъ и обычаяхъ столицы. Въ его время молодые люди искали общества дамъ, старались быть любезными, иногда и чрезчуръ; въ карты играли только старики и пожилые люди, а табакъ курили одни Нѣмцы ремесленники. — «Не составить ли вамъ партіи, братецъ?» умильно спросила Алевтина. — «Покорнѣйше благодарю. Вы знаете, я никогда не игралъ въ карты, и со времени разлуки нашей не успѣлъ выучиться.» — «Что жъ прикажете дѣлать со скуки?» — спросила она. — «Что дѣлать — лѣтомъ, на дачѣ?» — возразилъ онъ съ изумленіемъ. — «Именно,» отвѣчала она: «вѣдь не все же гулять, да гулять. Надобно и поот-

дохнуть.» — «Но что за отдыхъ за картами!» спросилъ онъ: «особенно молодымъ людямъ? По мнѣ, я бы отучилъ ихъ корпѣть за карточными столами.» — «И, братецъ! какъ вы строги. Они играютъ въ коммерческую. Эта игра не разоритъ имѣнья.» — «Да иссушитъ умъ и сердце! Ужъ по мнѣ, если играть, то лучше въ банкъ: направо, налево! Тамъ, будто подобіе войны: сердце приходитъ въ движеніе, кровь кипитъ, а тутъ сдѣлаешься карточною машиною, безъ ума, безъ толку, безъ чувства!» — Одинъ старикъ со звѣздою поглядѣлъ на него грозно. — «Я говорю о молодыхъ людяхъ,» продолжалъ Кемскій: «люди пожилые пусть отдыхаютъ за вистомъ.» — «Брюзга несносный!» проворчала Алевтина: «вѣчно умничалъ не въ свою голову, а теперь сдѣлался еще нестерпимѣе, нежели когда нибудь.»

Кемскій не долго оставался въ этомъ обществѣ. Ему тамъ было чуждо, неловко, можно сказать, страшно. И хозяева и гости казались ему, если не врагами другъ друга, то, по крайней мѣрѣ, чужими, незнакомыми, непріязненными между собою. Свѣтъ и въ его время былъ не слишкомъ откровененъ, довѣрчивъ и дружелюбенъ въ своихъ связяхъ, но тогда это взаимное недовѣріе прикрывалось лоскомъ вѣжливости и предупредительности. Теперь же, казалось, люди умышленно выказывали презрѣніе ко всѣмъ и ко всему. При входѣ каждаго новаго лица, князь вставалъ и кланялся, но на его привѣтствіе не отвѣчали: обыкновенно представлялись, что не видятъ по-

клона, иногда пристально смотрѣли ему въ глаза съ улыбкою жалости и презрѣнія. Старомодная учтивость его возбуждала въ гостяхъ насмѣшливый шепотъ, а на лицѣ хозяйки досаду и смущеніе. Сначала казалось ему, что его простой, неловкій нарядъ возбуждаетъ это изъявленіе высокомерія и грубости, но въ послѣдствіи замѣтилъ онъ, что и съ людьми свѣтскими знакомые ихъ обходятся точно такъ, что въ этомъ высшемъ, по чинамъ и богатству, обществѣ учтивость не только не нужна, но и не терпима!

Гдѣ я? что я здѣсь? повторялъ онъ нѣсколько разъ въ умѣ, и съ стѣсненнымъ сердцемъ прокрался до своей фуражки, а тамъ и до дверей. — На дворѣ стояли тѣсными рядами экипажи. Новопріѣзжіе кучера здоровались съ товарищами своими, снимая шляпы, кланяясь и называя другъ друга по имени и отчеству.

XL.

Кемскій, на другой день, сидѣлъ у раствореннаго окна своей квартиры, и, пуская голубыя кольца табачнаго дыму, наслаждался тихою картиною лѣтняго утра. Солнце поднималось на горизонтѣ, легкіе пары рѣдѣли. На Невѣ свѣжій вѣтерокъ развѣвалъ вымпелы судовъ, коихъ мачты поднимались изъ-за Адмиралтейства. На улицахъ еще было тихо; изрѣдка слышались клики раннихъ разнощиковъ; большой

свѣтъ еще дремалъ отъ вчерашней усталости. Вдругъ раздались громкіе звуки военной музыки. Кемскій выглянулъ въ окно, и увидѣлъ баталіонъ Измайловскаго Полка, идущій къ Дворцовой Площади. При взглядѣ на этотъ баталіонъ, при звукахъ знакомаго марша, воспоминанія прошедшаго затѣснились въ головѣ его съ той самой минуты, въ которую онъ, за семнадцать лѣтъ предъ симъ, оставилъ гвардейскую службу.

Онъ воспоминалъ, какъ, въ такое же прекрасное утро, онъ пустился въ Гатчину, чтобъ уже не возвращаться подъ родимый кровъ. Италія, война, раны тѣла и души, все это попеременно воскресало въ его памяти.

Онъ принужденъ былъ оставаться за раною въ Ниццѣ, до самаго лѣта. По возвращеніи въ Россію, Кемскій, по просьбѣ своей, былъ переведенъ въ армейскій полкъ, расположенный на Кавказской Линіи: онъ не имѣлъ духу возвратиться въ Петербургъ. Тамъ рѣшился онъ совершенно посвятить себя службѣ тяжелой, непрерывной, опасной. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ поручено было ему командованіе полкомъ, и онъ въ исполненіи обязанностей своего званія началъ находить себѣ отраду и облегченіе. Онъ познакомился въ точности съ образомъ войны кавказской, съ характеромъ тамошнихъ нашихъ непріятелей, съ свойствами русскаго солдата, переселеннаго въ тѣ воинственныя и грозныя страны. Изученіе это происходило на самомъ дѣлѣ. Полкъ его всегда находился

впередѣ, всегда тамъ, гдѣ грозила ему бѣольшая опасность. Кемскій не страшился смерти; напротивъ, видѣлъ въ ней конецъ своимъ страданіямъ. При первомъ выстрѣлѣ, перекрестится, помолится, вздохнетъ — и готовъ умереть. Но мѣткія пули непріятельскія въ него не попадали, а если которая бывало съ-дуру и задѣнетъ, то не смертельно, не опасно. Офицеры и солдаты съ благоговѣніемъ глядѣли на своего мужественнаго предводителя, и всѣ наперерывъ старались не отставать отъ него. Вскорѣ полкъ Кемскаго снискалъ общую славу въ войскахъ Кавказской Линіи, и гдѣ грозила опасность, гдѣ свирѣпствовала смерть, туда начальники посылали отряды княжаго полку — такъ его называли. Отряды не всегда возвращались изъ своихъ экспедицій, но если возвращались, то всегда съ побѣдою. Кемскій отказывался лично для себя отъ всѣхъ наградъ, но ревностно ходатайствовалъ за подчиненныхъ. Достаточное состояніе, при ограниченности собственныхъ его нуждъ, давало ему средства помогать своимъ сослуживцамъ. Увѣренныя во вниманіи и правосудіи своего начальника, обезпеченныя въ жизни, они усердно ему содѣйствовали. И онъ не ограничивался однимъ денежнымъ и вещественнымъ пособіемъ: онъ былъ ихъ другомъ и отцемъ. Каждаго новопоступившаго въ полкъ офицера принималъ онъ къ себѣ, старался узнать его характеръ, воспитаніе, наклонности; укрѣплялъ въ добрѣ, предостерегалъ отъ ошибокъ, съ отеческою нѣжностью упрекалъ въ слабостяхъ, строго наказывалъ.

валъ за умышленные нравственные проступки; — строжайшимъ у него наказаніемъ считался переводъ въ другой полкъ. Не довольствуясь образованіемъ и наставленіемъ молодыхъ офицеровъ, поступавшихъ въ полкъ его прямо изъ кадетъ и юнкеровъ, онъ возложилъ на себя обязанность несравненно труднѣйшую — перевоспитывать молодыхъ и немолодыхъ людей, переводимыхъ къ нему въ полкъ за проступки: сколько душъ онъ спасъ такимъ образомъ отъ гибели! сколько возвратилъ отечеству полезныхъ слугъ, которые, при жестокомъ съ ними обхожденіи, сдѣлались бы, можетъ быть, преступниками и злодѣями! Примѣръ благороднаго начальника и достойныхъ товарищей, обращеніе учтивое и кроткое, совершенное забвеніе прошедшаго, вниманіе ко всякому доброму дѣлу, ко всякому честному помыслу и человѣколюбивому движенію — снимало кору съ глазъ и сердца заблудшаго; онъ становился инымъ человѣкомъ, начиналъ новую жизнь, иногда и самъ не догадываясь, кому этимъ обязанъ. Въ дикой и пустынной странѣ, среди племенъ иновѣрческихъ и враждебныхъ, полкъ Князя Кемскаго былъ кочующею колоніею людей просвѣщенныхъ и благородныхъ: онъ непремѣнно требовалъ, чтобъ всѣ наличные офицеры всегда обѣдали у него; за столомъ усаживалъ подлѣ себя самыхъ неистовыхъ: поддерживалъ общую бесѣду, и, давая всякому полную свободу говорить что угодно, возражалъ на мнѣнія ошибочныя, изобличалъ софисмы — иногда шуткою, иногда и нешуточными замѣча-

ніями. Собственнымъ примѣромъ, а не запрещеніемъ, изгналъ онъ изъ полку карты, невоздержаніе, развратъ. Онъ завелъ при полку бібліотеку отборныхъ русскихъ книгъ; заставлялъ молодыхъ офицеровъ переводить лучшія мѣста изъ иностранныхъ историковъ и военныхъ писателей. Эти переводы, читаемые въ кругу офицеровъ, распространяли ихъ познанія, изощряли разсудокъ, короче знакомили съ военнымъ дѣломъ. Плоды сихъ благородныхъ трудовъ вскорѣ оказались: офицеры княжаго полка служили примѣромъ всѣмъ своимъ сослуживцамъ — и храбростію, и образованіемъ, и поведеніемъ. Добрыя дѣла Кемскаго и слава его полка не ограничились предѣломъ русскихъ владѣній: нерѣдко являлись къ нему независимые владѣльцы ближайшихъ горскихъ племенъ, и представляли на разрѣшеніе свои споры. Приговоры его честно исполнялись и правымъ, и виноватымъ.

Такимъ образомъ протекли двѣнадцать лѣтъ. Новый 1813 годъ отпраздновалъ онъ на штурмѣ Ленкорана, и былъ тяжело раненъ въ лѣвую руку. Едва оправившись отъ продолжительной болѣзни, бывшей послѣдствіемъ этой раны, онъ впалъ въ другое несчастіе — еще чувствительнѣйшее для благороднаго воина. Въ числѣ офицеровъ, переведенныхъ въ его полкъ за проступки, паходился одинъ молодой Италіянецъ, Вестри, прекрасный собою, умный, образованный, ловкій и вкрадчивый. Причиною перевода его въ войска закавказскія была, какъ онъ утверждалъ, несправедливость полковаго командира. Кемскій съ

перваго взгляда, привязался къ этому офицеру: въ произношеніи его было нѣчто италіянское, напоминавшее ему друга, Алимари. Осторожный и проницательный въ обращеніи съ новичками, Кемскій, казалось, въ этотъ разъ хотѣлъ сдѣлать исключеніе изъ своихъ правилъ. Вестри сдѣлался постояльцемъ, повѣреннымъ, другомъ полковаго командира, и, должно сказать, нѣсколько времени дѣйствительно заслуживалъ довѣренность князя, хотя безпрестанное его пребываніе у начальника видимо удаляло прежнихъ ежедневныхъ гостей: Вестри не имѣлъ дара нравиться всѣмъ одинаково, и очень искусно умѣлъ устранять тѣхъ, которые не нравились ему самому. Князь былъ добръ, ласковъ, снисходителенъ, гостепріименъ ко всѣмъ, по прежнему, но это казалось только наружнымъ продолженіемъ старой жизни: духъ ея перемѣнился по водвореніи у него Италіянца, который нечувствительно прибралъ въ свои руки всю власть въ домѣ. Но заблужденіе Кемскаго не могло быть продолжительно. Слабодушіе поручика Вестри впервые обнаружилось на полѣ сраженія. Долгое время онъ очень искусно уклонялся отъ военныхъ дѣйствій: умѣлъ всегда уладить такъ, что его наканунѣ, за часъ и менѣе предъ дѣломъ, ушлютъ куда нибудь съ порученіемъ. Однажды былъ онъ такъ несчастливъ, что не нашелъ ни какого средства освободиться отъ дѣла. Непріятель нечаянно напалъ на отрядъ, въ которомъ находился Вестри подъ начальствомъ баталіоннаго командира. «Застрѣлышки впередъ!» закричалъ под-

полковникъ: «Поручикъ! ведите ихъ!» Поручикъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, сдѣлалъ было съ солдатами нѣсколько шаговъ впередъ, но, лишь только завидѣлъ предъ собою горскихъ наѣздниковъ, повернулъ налѣво кругомъ, и ударился бѣжать за фронтъ, при громкомъ смѣхѣ солдатъ. Между тѣмъ благопріятный моментъ былъ потерянъ: подполковникъ принужденъ былъ самъ итти впередъ, съ трудомъ поправилъ дѣло, и воротился раненый. Не желая огорчить Кемскаго, онъ смолчалъ предъ нимъ о трусости его любимца, и запретилъ прочимъ офицерамъ говорить о томъ. Вестри не умѣлъ цѣнить великодушія благородныхъ товарищей. Чтобъ лучше скрыть свое малодушіе, онъ сталъ обходиться съ ними гордо и дерзко, началъ обижать и чернить ихъ предъ начальникомъ. Дерзость его дошла до такой степени, что и довѣрчивый Кемскій сталъ замѣчать перемѣну въ его обращеніи и тонѣ. Товарищи долго сносили его грубость, но наконецъ терпѣніе ихъ лопнуло, и однажды, за столомъ у князя, подполковникъ, выведенный изъ себя одною дерзкою насмѣшкою наглеца, открылъ начальнику, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, и храбрый подвигъ Вестри, и благородныя средства, которыми онъ старается прикрыть свою трусость. — «Что вы на это скажете?» спросилъ Кемскій у Вестри. «Это гнусный заговоръ,» вскричалъ Вестри, поблѣднѣвъ отъ злости. «Ваши офицеры согласились погубить меня!» — «Докажите!» сказалъ князь съ кротостью. Доказывать было нечего. Послѣ

нѣсколькихъ увертокъ, оправданій и тщетнаго отнѣ-
живанія, Вестри долженъ былъ признаться, что бѣ-
жалъ съ поля сраженія, — но прибавилъ, что можно
быть весьма благороднымъ человѣкомъ, и — бояться
пуля. — «Хотя это и не доказано,» сказалъ Кемскій
строгимъ голосомъ: «однако положимъ, что такъ.
Но можно ли быть трусомъ, и въ то же время вои-
номъ? Можно ли носить почетнѣйшее въ государствѣ
титло защитника его, и не исполнять своей обязан-
ности? Господинъ Вестри! знайте, что въ русской
арміи трусовъ нѣтъ и быть не можетъ. Совѣтую,
предлагаю, приказываю вамъ выйти изъ военной
службы. Я предложилъ бы вамъ мѣсто у себя по
гражданской части, но средства, которыми вы ста-
рались оправдаться, и туда заграждаютъ вамъ путь.
Совѣтую вамъ оставить нашъ кругъ какъ можно
скорѣе.»

Вестри не ожидалъ этого отъ своего начальника,
кроткаго и терпѣливаго. Вставъ изъ-за стола, онъ
ударился бѣжать, и чрезъ нѣсколько часовъ прислалъ
просьбу объ увольненіи отъ службы за болѣзнію, а
между тѣмъ сказался больнымъ. Кемскій исполнилъ
все, чего требовали отъ него долгъ службы и обязан-
ности справедливаго начальника; но жестокій урокъ,
который должно было дать при всѣхъ офицерахъ
прежнему товарищу и другу, сильно взволновалъ и
огорчилъ его. Нѣсколько разъ порывался онъ послать
за Вестри, и просить его, чтобъ онъ оправдался; къ
счастью, голосъ строгаго разсудка на этотъ разъ

заглушилъ вопль слабаго сердца. Но Вестри, Вестри не могъ забыть и простить оскорбленія, и поклялся отомстить бывшему своему благодетелю. Отъ товарищей своихъ не ожидалъ онъ лучшаго обращенія, и потому не злобствовалъ на нихъ; но скорая и рѣшительная къ нему переменѣна Кемскаго заронила въ пылкой душѣ его искру смертельной мести. Чрезъ нѣсколько недѣль онъ отпросился въ отпускъ, и его уволили охотно. Съ удаленіемъ интриганта очистился воздухъ: всѣ начали дышать свободнѣе; прежняя дружественная довѣрчивость возродилась между начальникомъ и товарищами. Кемскій, по удаленіи духа злобы, увидѣлъ всѣ его козни, увидѣлъ терпѣніе, любовь и покорность своихъ добрыхъ сослуживцевъ, и собственную свою слабость. Онъ усугубилъ вниманіе, ласку, откровенность свою, и въ скоромъ времени все вошло въ прежній порядокъ. Но мщеніе злодѣя не дремало.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ происшествія съ Вестри, полкъ Кемскаго былъ посланъ въ экспедицію, въ горы, гдѣ возмутился одинъ князекъ, бывшій дотолѣ приверженцемъ Россіи, и недавно приставшій къ сторонѣ враговъ ея. Приблизясь къ логовищу непріятелей, русскій отрядъ расположился съ обыкновенною въ такихъ случаяхъ осторожностью. Всѣ позиціи были осмотрѣны и заняты; въ надлежащихъ мѣстахъ разставлены пикеты. Ждали нападенія. Вдругъ, вовсе неожиданно, появился Вестри, и объявилъ командиру, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, что желаетъ загла-

дять прежнюю вину свою, и просилъ дать ему какое либо порученіе. Офицеры не радовались этому быстрому переходу къ храбрости. Кемскій былъ приведенъ въ смущеніе: внезапное прибытіе Вестри казалось ему какъ бы появленіемъ зловѣщей птицы. Но дѣлать было нечего: Вестри все еще считался въ полку, и нельзя было не принять его; особой команды ему не дали, а велѣли стать во фронтъ.

Въ ту самую ночь сдѣлалась тревога. Горцы высыпали со всѣхъ сторонъ, нашли офицера на передовомъ посту спящаго глубокимъ сномъ, вырѣзали его отрядъ, и кинулись на главные силы. Воины наши вострепнулись, бросились къ оружію, и, послѣ упорнаго сопротивленія, отразили нападающихъ, но съ чувствительною потерей. Нѣсколько человѣкъ изъ самыхъ храбрыхъ было убито и ранено, нѣсколько пропало безъ вести, и въ томъ числѣ Князь Кемскій и Вестри. Чрезъ два дня узнали, что князь былъ схваченъ горцами, которые, какъ бы ведомые чутьемъ, пробрались до самой его палатки. Куда дѣвался Вестри, не могли доискаться.

Князь дѣйствительно былъ взятъ горскими наѣзниками въ ту самую минуту, какъ онъ, выбѣжавъ, при звукѣ ружейныхъ выстрѣловъ, изъ палатки, готовился сѣсть на коня, чтобъ встрѣтить нападающихъ. Въ темнотѣ, въ суматохѣ, при громкихъ кликахъ и выстрѣлахъ, ничего нельзя было ни видѣть, ни слышать. Лихой всадникъ съ добычей своею пустился, какъ изъ лука стрѣла, и на разсвѣтѣ прискакалъ

въ ауль своего князя. Чеченецъ встрѣтилъ своего плѣнника съ восторгомъ, и Кемскій узналъ въ немъ одного изъ узденей, прїѣзжавшихъ къ нему для разбора тяжбы: этотъ оказался виноватымъ и долженъ былъ подвергнуться рѣшенію посредника. «Теперь я твой судья, Князь Алексѣй!» закричалъ уздень: «ты въ моихъ рукахъ.» — «Неужели станешь мстить безоружному?» спросилъ Кемскій. — «Да сохранить меня отъ того Аллахъ!» возразилъ уздень: «я доволенъ, что поймалъ тебя. Теперь твой полкъ безъ начальника; теперь намъ легче съ нимъ управиться, а то отъ тебя житья не было. Да и въ томъ признайся: ты напрасно оправдалъ моего соперника; онъ былъ кругомъ виноватъ.» — «Мой полкъ,» отвѣчалъ Кемскій: «и безъ меня будетъ храбръ и страшенъ непріятелю. У нашего Государя много офицеровъ и лучше меня. Но оправдать тебя я не могъ: ты не представилъ ни какихъ доводовъ въ своемъ дѣлѣ.» — «Хорошо, это дѣло прошлое; но теперь я докажу тебѣ, что я человѣкъ честный и справедливый. Приведите измѣнника!» — Чрезъ нѣсколько минутъ привели связаннаго Вестри. — «Князь Алексѣй! знаешь ли ты этого человѣка?» — «Знаю. Это офицеръ моего полка, теперь въ плѣну у тебя.» — «Нѣтъ, Князь Алексѣй! Онъ здѣсь не въ плѣну, а по доброй волѣ. За недѣлю предъ симъ онъ прокрался въ мой ауль, и сказалъ мнѣ: «Ханъ! полковникъ Князь Алексѣй тебя обидѣлъ?» — «Крѣпко обидѣлъ!» — «Хочешь ли, я предамъ его въ твои руки?» — «Какъ не хотѣть!» — Вотъ

онъ вчера напоилъ соннымъ зелиемъ караульнаго офицера, и проводилъ моихъ удалцовъ до твоей палатки. Въ награду требуетъ онъ, чтобъ я отправилъ его къ князю Аббасъ—Мирзѣ, обѣщаясь служить ему вѣрою и правдою. Но какъ можно вѣрить словамъ предателя? Онъ жилъ съ тобою подъ однимъ кровомъ, ѣлъ съ одного съ тобою блюда, пилъ изъ одной чаши — и предалъ тебя. Чего намъ ждать отъ него? Злое зелье вырываютъ съ корнемъ. Вотъ тебѣ награда, изменникъ!» воскликнулъ онъ, и острымъ кинжаломъ поразилъ предателя. Вестри палъ мертвъ на землю. — Наказаніе постигло злодѣя, но не спасло невиннаго. Кемскій былъ увлеченъ въ горы, и содержанъ въ тяжелой неволѣ.

Тщетны были всѣ старанія, всѣ покушенія начальника, товарищей и подчиненныхъ освободить его изъ плѣна. Упрямый уздень отвѣчалъ, что мститъ князю за личную обиду, и, пока живъ, не выпуститъ его изъ когтей своихъ. По истеченіи двухъ слишкомъ лѣтъ, совмѣстникъ узденя, обязанный князю благодарностью, напалъ на врага своего, разбилъ, умертвилъ его, освободилъ всѣхъ бывшихъ у него русскихъ плѣнниковъ, и нашего страдальца привезъ въ его полкъ.

Кемскій былъ освобожденъ на Страстной Недѣлѣ, и прибылъ къ своимъ товарищамъ въ самую заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенья. Кто можетъ изобразить, кто можетъ хотя мысленно представить себѣ, что онъ почувствовалъ, когда звуки православной

службы Божіей, восхитительное пѣніе: Христосъ воскресъ! коснулись его слуха! Въ нѣмотствующей благодарности, излившейся потокомъ жаркихъ слезъ, палъ онъ предъ алтаремъ Бога Хранителя и Спасителя.

Товарищи приняли его съ искреннимъ, нелицемѣрнымъ участіемъ. Полкомъ командовалъ бывшій помощникъ его, храбрый подполковникъ. — Кемскій, долгое время не подававшій о себѣ вѣсти и, по слухамъ, считавшійся умершимъ, былъ уже исключенъ изъ списковъ; но всѣ обходились съ нимъ, какъ съ начальникомъ. Подполковникъ подалъ ему рапортъ на разводъ, и общество офицеровъ пригласило его къ обѣду, гдѣ онъ долженъ былъ занять первое мѣсто. Снявъ съ тарелки салфетку, нашель онъ георгіевскій крестъ за двадцатипятилѣтнюю службу, съ грамотою, подписанною Государемъ. Крестъ былъ присланъ за мѣсяць до того; подполковникъ готовился, за смертью князя, отправить его обратно въ думу; но въ то самое время пришло извѣстіе, что онъ живъ и вскорѣ будетъ свободенъ. Князь не гонялся за почестями и отличіями, не разъ отказывался отъ нихъ въ пользу своихъ подчиненныхъ; но этотъ крестъ принялъ съ чувствомъ искренняго умиленія, и съ восторгомъ поцѣловалъ подпись на грамотѣ. День сей заключенъ былъ веселымъ пиршествомъ.

Между тѣмъ Кемскій объявилъ, что не въ состояніи продолжать службу. Долговременный плѣнъ довершилъ разстройство его здоровья. Уздень обходился

съ нимъ не жестоко, но отъ непривычной пищи, отъ худыхъ жилищъ, отъ недостатка движенія и помощи врачебной, раны его не могли закрыться совершенно, и приняли характеръ болѣзни хронической. Просьба его была уважена: его уволили отъ службы. Онъ собирался ѣхать въ свои помѣстья, которыми управлялъ, въ отсутствіе его, другъ и корпусный товарищъ, Хвалынскій, теперь женатый, степенный и разсудительный. Но одно обстоятельство разстроило его планы: молодой офицеръ, стоявшій въ караулѣ въ тотъ день, когда Вестри повелѣ горцевъ на отрядъ Кемскаго, обвиненный въ оплошности и даже въ томъ, что, послѣ дѣла, нашли его въ совершенномъ опьянѣніи, былъ преданъ суду и, при тяжкихъ обвинительныхъ обстоятельствахъ, приговоренъ къ строгому наказанію. Дѣло его находилось на ревизіи въ Петербургѣ, а самъ онъ, въ ожиданіи окончательнаго приговора, содержался въ одной изъ кавказскихъ крѣпостей. Кемскій не поколебался ни минуты: поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобъ лично объяснить дѣло начальству, и, если можно, спасти невиннаго, сдѣлавшагося жертвою своей оплошности и довѣрчивости. Притомъ же Кемскій не могъ простить самому себѣ легковѣрія, съ какимъ предался хитрому Вестри, и хотя, по мягкосердію своему, могъ опять сдѣлаться жертвою перваго лицемѣра, но твердо рѣшился загладить прежнюю вину свою.

XLІ.

Воспоминанія и размышленія Кемскаго были прерваны приходомъ обоихъ его племянниковъ. Они явились съ почтеніемъ, но каждый выражалъ это почтеніе по-своему. Григорій далъ знать, что онъ случайно ѣхалъ мимо, и, вспомнивъ невзначай, что дядя остановился въ Лондонѣ, зашелъ къ нему. При этихъ словахъ, онъ безъ всякихъ околичностей взялъ со стола сигарку, добылъ огня, и закурилъ, глядя на улицу. Платонъ, напротивъ того, увѣрялъ, что онъ во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ, ожидая минуты свиданія съ почтеннымъ своимъ дядюшкою. Лице его принимало на себя выраженіе усердія, и даже слезенки выдавливались изъ глазъ. Кемскій старался найти тонъ, которымъ могъ бы говорить съ племянниками, но тщетно: оба они были эгоисты и бездушники, но старшій примѣшивалъ къ этому самую отвратительную спѣсь, безусловное презрѣніе ко всему роду человѣческому и безстыдную грубость. Второй приправлялъ душевныя свои качества низостью. Онъ старался угадывать мнѣнія Кемскаго, боялся отвѣчать ему, и если говорилъ что свое, то всегда подкрѣплялъ ссылкой на штабсъ-капитана Залетаева. — Кемскій нѣсколько разъ перемѣнялъ предметъ разговора, и, между прочимъ спросилъ, почему не видать крестнаго ихъ брата, Сергѣя Ветлина. — Платонъ смѣшался и не зналъ, что отвѣчать; но Григорій, съ выраженіемъ

злости и ненависти, сказалъ: «Помилуйте, князь! освободите насъ отъ отчета объ этомъ негодяѣ. Кажется, матушка довольно подробно описывала вамъ его поведеніе, его гнусные поступки въ ребяческихъ лѣтахъ. Вы утверждали, что это шалости дѣтства, что отъ нихъ можно отвыкнуть въ общественномъ заведеніи. Его отдали въ Морской Корпусъ: тамъ держали на привязи, но лишь только выпустили, онъ впалъ въ совершенное распутство. Хотѣли было разжаловать его въ матросы, но, по ходатайству матушки, сослали въ дальній вояжъ, съ приказаніемъ, по возвращеніи въ Россію, откомандировать какъ можно дальше.» — «Точно по ходатайству матушки,» прибавилъ Платонъ: «она упала въ обморокъ въ пріемной залѣ морскаго министра.» — «Да что онъ именно сдѣлалъ?» спросилъ Кемскій. — «Увольте меня, повторяю вамъ,» продолжалъ Григорій: «отъ исчисленія его гнусныхъ поступковъ. Онъ пьяница, картежникъ, забіяка.» — «Грубіянъ и нахаль,» подхватилъ Платонъ: «вообразите: я хотѣлъ свести его съ порядочными людьми, а онъ разругалъ ихъ при первомъ знакомствѣ. Штабсъ-капитану Залетаеву сказалъ въ лице, что онъ враль, хвастунъ и негодный стихотворецъ. А штабсъ-капитанъ...» — «Довольно!» сказалъ въ свою очередь Кемскій. «Жестокая судьба!» прибавилъ онъ про себя: «души живой для меня на свѣтѣ не осталось!» Григорій, выкуривъ третью сигарку, бросилъ огарокъ въ чайное блюдечко князя, взялъ шляпу, едва поклонился ему, затянулъ въ полголоса

арію изъ Жоконда, и вышелъ. Платонъ истощалъ всѣ силы, чтобъ обратить на себя вниманіе дяди, старался вовлечь его въ какой нибудь разговоръ, но тщетно: растерзанный новыми своими открытіями, Кемскій молчалъ или отвѣчалъ отрывисто съ выраженіемъ неудовольствія. И Платонъ оставилъ его, но съ учтивыми поклонами и съ увѣреніями въ почтеніи, преданности и любви.

И одни ли эти открытія должны были стѣснить, истомить душу бѣднаго пришельца съ того свѣта! Онъ принужденъ былъ, по дѣлу несчастнаго офицера, ѣздить къ знатымъ и незнатымъ, къ сильнымъ и слабымъ, долженъ былъ каждый день повторять уроки наблюдательной психологіи. Къ этимъ заботамъ присоединились еще другія. Имѣніе его было въ совершенномъ разстройствѣ. Въ то время, когда пронесся слухъ о его смерти въ Италиі, требованія, прихоти и нужды Алевтины и дѣтей ея были не такъ велики, какъ въ послѣдствіи: она довольствовалась только доходами, и князь, возвратясь въ Россію, нашелъ почти все въ цѣлости. Но при взятіи его въ плѣнъ горцами, Алевтина, наученная опытомъ, и опасавшаяся возвращенія брата, приняла всѣ возможные средства къ переведенію недвижимаго имѣнія въ движимость: нѣкоторые участки продала, а все прочее заложила въ банкъ, и, для довершенія начатаго, поручила управленіе деревнями родственнику и пріятелю Тряпицына. Хвалынскій, жившій по сосѣдству, зналъ и видѣлъ все это, и, получивъ извѣстіе о томъ,

что Кемскій живъ и освобожденъ, поспѣшилъ его о томъ увѣдомить. По просьбѣ князя, взялъ онъ помѣстья его въ свое управленіе, но пришелъ въ отчаяніе, осмотрѣвъ ихъ, и увидѣвъ, въ какомъ они состояніи: все было разорено, распродано, раскрадено. Только искренняя дружба къ Кемскому и увѣренность, что самъ князь не умѣетъ заняться управленіемъ, побудили Хвалынскаго обременить себя этимъ дѣломъ.

Что говорила при этомъ Алевтина? Ничего. Она обходилась съ братомъ учтиво, предупредительно, иногда и слишкомъ раболѣпно, но ни словомъ не упоминала о дѣлахъ, которыми его обременила, не думала давать ни малѣйшаго въ томъ отчета. Князь не имѣлъ духу потребовать у ней объясненія. Хвалынскій терпѣлъ, терпѣлъ, наконецъ обратился письмомъ прямо къ Фонъ-Драку, и грозилъ ему взысканіемъ и уголовнымъ судомъ, если другъ его не получитъ удовлетворенія — по крайней мѣрѣ для поправленія состоянія въ конецъ разоренныхъ крестьянъ. Фонъ-Дракъ отвѣчалъ, что занимается составленіемъ подробнаго расчета, и въ непродолжительномъ времени уплатить все, причитающееся князю. Заботы не ограничились денежными дѣлами: Тряпицынъ, въ короткое время своего управленія, притѣснилъ и разорилъ нѣсколько бѣдныхъ сосѣдей: пошли тяжбы, иски — и все это легло на Кемскаго. Онъ сдѣлался стряпчимъ противъ собственнаго своего имѣнія, и узналъ на дѣлѣ всѣ неудовольствія, затрудненія и терзанія,

обременяющія несчастныхъ челобитчиковъ. Дни его проходили въ визитахъ по переднимъ, гостинымъ и присутственнымъ мѣстамъ.

XLII.

Многіе изъ должностныхъ людей, съ которыми онъ принужденъ былъ вступить въ сношенія, были ему знакомы по прежней службѣ; нѣкоторые были его товарищами въ корпусѣ. — Первый, къ которому надлежало съѣздить, былъ генераль-маіоръ Лютинъ. Кемскій знавалъ его прапорщикомъ. Онъ былъ въ девяностыхъ годахъ модникомъ, ходилъ въ темно-коричневомъ фракѣ, въ шитомъ розами, бѣломъ атласномъ жилетѣ, въ претолстомъ галстухѣ, въ востроносыхъ сапогахъ съ желтыми отворотами, читалъ Новую Элоизу, Геснера, Флоріана и Бѣдную Лизу, глядѣлъ на небо, и плакалъ. Чувствительный прапорщикъ влюбился въ то время въ какую-то Полину, которая слыла чудомъ красоты, ума и воспитанія. Она уѣхала съ родителями изъ Петербурга въ провинцію; онъ вышелъ въ отставку, и, какъ Донъ-Кихоть, полетѣлъ за нею. Наконецъ услышали въ Петербургѣ, что вѣрная любовь его увѣнчалась бракомъ, въ сенгилѣевскомъ селѣ его тестя. Съ того времени протекло двадцать лѣтъ.

Лютнинъ занималъ нынѣ важное мѣсто въ томъ управленіи, отъ котораго зависѣло рѣшеніе судьбы подсудимаго офицера. Кемскій, не довѣряя прочности прежнихъ связей, явился къ нему не на домъ, а въ департаментъ, тотчасъ былъ допущенъ и принять съ изъясненіемъ искренней пріязни. «Что привело тебя, любезнѣйшій князь, въ нашъ департаментъ?» — Князь назвалъ дѣло, по которому хлопочетъ. — «Мнѣ со-вѣстно,» сказалъ Лютнинъ: «что ты посѣтилъ меня въ департаментѣ. Позволь пригласить тебя ко мнѣ на домъ. Моя Пелагѣя Степановна будетъ рада старому моему товарищу.» — «Пелагѣя Степановна?» подумалъ Кемскій. «И онъ несчастный лишился жены! Полины нѣтъ.» Онъ не имѣлъ духу сообщить свое замѣчаніе Лютнину, далъ слово обѣдать у него на другой день, и уѣхалъ, полный надежды на помощь пріятеля. — Въ назначенный часъ явился онъ къ обѣду. Лютнинъ встрѣтилъ его съ радушіемъ, но притомъ съ какою-то робостью. — «Пойдемъ,» сказалъ онъ: «я отрекомендую тебя женѣ!» Взялъ его за руку, и повелъ чрезъ рядъ великолѣпныхъ комнатъ къ кабинету, отдѣлявшемуся отъ большой залы деревянною перегородкою. — «Pauline, ma chère!» сказалъ онъ смиреннымъ голосомъ, не входя въ кабинетъ: «позволь мнѣ рекомендовать тебѣ друга и товарища моего дѣтства, князя — — «Убирайся съ своими князьями!» закричали густымъ басомъ изъ кабинета: «твой экзекуторъ надѣлалъ мнѣ столько хлопотъ, что я дозавтра не справлюсь со счетами обѣ

однихъ канцелярскихъ расходахъ.» — Лютнинъ, смѣшавшись и покраснѣвъ до ушей, повелъ князя назадъ, и въ третьей комнатѣ, оглянувшись, не идетъ ли за нимъ кто нибудь, сказалъ въ полголоса: «Моя добрая Пелагѣя Степановна — мнѣ правая рука. Она служить мнѣ самымъ усерднымъ помощникомъ, и я, признаюсь, безъ ея пособія, не успѣлъ бы справиться съ моимъ хлопотливымъ мѣстомъ. Дѣтей у насъ нѣтъ; такъ она все время, остающееся у ней отъ домашнихъ занятій и сельскаго хозяйства, посвящаетъ службѣ. Не повѣришь, какъ я счастливъ!» — Въ это время что-то грохнуло въ кабинетъ, и Лютнинъ вздрогнулъ, какъ при громовомъ ударѣ, только что не перекрестился. Хозяинъ всячески старался занимать гостя, который и самъ предупреждалъ его въ этомъ, заводилъ разговоры о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о корпусныхъ товарищахъ, и пр. Наконецъ, чрезъ полтора часа послѣ времени, назначеннаго для обѣда, появилась въ гостиной Пелагѣя Степановна, или Полина, высокая, дородная, черноокая, краснолицая дама. На поклоны и рекомендаціи мужа не обращала она вниманія, а у Кемскаго, послѣ первыхъ привѣтствій, спросила: «А что, батюшка, конечно у васъ есть дѣльцо? Какое, смѣю спросить?» — «Есть,» отвѣчалъ Кемскій: «я объясню его Максиму Ѳомичу.» — «И, батюшка! онъ все забудетъ и перепутаетъ. Чиновники его плуты и взяточники; потрудитесь лучше объяснить со мною. И если дѣло ваше правое...» — «Кушанье поставлено!» возгласилъ дворецкій. Князь

повелъ Пелагѣю Степановну. Максимъ Ѳомичъ пошелъ за ними. Въ столовой ожидали ихъ экзекуторъ и дежурный; они, дрожа и блѣднѣя, также сѣли за столъ. — «Ну что вы, умные люди,» сказала Пелагѣя Степановна мужу своему: «изволили дѣлать сегодня? Чай, все засѣданіе толковали о вистѣ и о погодѣ! — Вы не повѣрите, князь, что за люди эти мужчины! Настольный реестръ для нихъ чума: въ дѣла и не заглянуть. Секретари мошенничаютъ, а они и ухомъ не ведутъ. — Сколько по нынѣшнее число входящихъ?» спросила она у дежурнаго. Тотъ вытащилъ изъ-за пазухи бумажку, и прочелъ: «Двѣ тысячи семьсотъ восемьдесятъ четыре.» — «А сенатскихъ указовъ сколько неисполнено?» — «Не могу знать, ваше превосходительство,» отвѣчалъ онъ, запинаясь. — «Вотъ порядокъ!» вскричала она: что это у тебя за уроды, Максимъ Ѳомичъ?» — «Канцелярскіе служители,» отвѣчалъ онъ, также заикаясь: «канцелярскіе служители не могутъ и не должны знать о теченіи дѣлъ.» — «Да вы и сами того не знаете: ай да, государственные люди! Того и смотри, что въ министры махнетъ, а теперь и съ дряннымъ департаментомъ не справится. — Что подрядъ на курьерскихъ лошадей?» спросила она у экзекутора. — «Никто не беретъ ниже цѣны, объявленной Лысовымъ.» — «Мошенники, плуты, злодѣи! берутъ деньги безбожныя, а ставятъ лошадей прескверныхъ. Вчера мой курьеръ проѣздилъ за шляпкою къ мадамъ Мегронъ два часа съ половиною. Слыхано ли это?» — Такимъ

образомъ продолжалось во весь обѣдъ. — Кемскій радъ, радъ былъ, что генеральша, при текущихъ дѣлахъ, забыла о его искѣ. Лишь только встали изъ за стола, князь улѣчилъ минуту, когда Полина толковала дежурному о неподскабливаніи бумагъ въ титулѣ, и поспѣшилъ выйти изъ этого канцелярскаго аду.

Другаго чиновника, не менѣе важнаго по этой части, князь также знавалъ въ молодости. Волочковъ былъ, что называется въ свѣтѣ, *добрый малый*; весельчакъ, забавникъ, любилъ попить, поиграть въ карты, волочился за всякою хорошенькою женщиною, представлялся, или былъ въ самомъ дѣлѣ, вольнодумцемъ и безбожникомъ, но, въ обхожденіи съ сверстниками и пріятелями, былъ учтивъ, услужливъ, снисходителенъ къ слабостямъ ближняго, и когда имѣлъ время отъ непрерывныхъ развлеченій, то дѣлалъ и добро, не разбирая впрочемъ, кому и за что. — Нынѣ, слышалъ онъ, Волочковъ *остепенился*. Кемскій отправился къ нему рано утромъ. Въ передней встрѣтилъ его блѣдный, сухощавый лакей въ разодранной ливреѣ и, на требованіе князя доложить о немъ, объявилъ, что Капитонъ Кузьмичъ теперь молится Богу. — «Хорошо!» сказалъ Кемскій: «я подожду его,» — и вошелъ въ залу, уставленную простыми мебелями. На стѣнахъ не было зеркалъ, а висѣли раскрашенныя картинки съ странными изображеніями пронзеннаго стрѣлами сердца, и т. п. На столѣ лежали сочиненія Эккартсгаузена. Черезъ пол-

часа Волочковъ вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ. — Князь едва узналъ его: статный, ловкій гвардейскій офицеръ превратился въ длинную, блѣдную мумію. Глаза его, въ молодости сверкавшіе огнемъ жизни и ума, потускли и выкатились; лицо высохло и обложилось морщинами. На устахъ видно было выраженіе принужденности и лицемѣрія. Кемскій хотѣлъ было поспѣшно подойти къ нему, и поздороваться съ нимъ, какъ съ старымъ пріятелемъ, но грозный и въ то же время печальный видъ Волоčkова остановилъ его. Волочковъ подошелъ къ нему шага на три, низко поклонился и, не перемѣняя выраженія лица своего, произнесъ глухимъ, торжественнымъ тономъ: «Все ли вы въ добромъ здоровьѣ, Князь Алексѣй Ѳедоровичъ?» — «Здоровъ слава Богу,» сказалъ Кемскій, запинаясь: «а вы, Капитонъ Кузьмичъ?» — «Грѣшное мое тѣло,» отвѣчалъ тѣмъ же тономъ Волочковъ: «преисполнилось новою силою съ тѣхъ поръ, какъ прозрѣла душа моя, съ тѣхъ поръ, какъ лучъ свѣта озарилъ темную храмину ветхаго человѣка.» Вслѣдъ за тѣмъ понесъ онъ такой великолѣпный и непостижимый вздоръ, что Кемскій сталъ сомнѣваться въ цѣлости его мозга. Не прерывая нити разговора, Волочковъ ввелъ князя въ гостиную, и посадилъ на жесткую софу. При первой точкѣ, князь объяснилъ ему причину своего посѣщенія и предметъ своей просьбы. Услышавъ, что дѣло идетъ о спасеніи человѣка, провинившагося по службѣ, Волочковъ поблѣднѣлъ, задрожалъ, и слезы навернулись у него

на глазахъ. «И вы ходатайствуете за изверга, за измѣнника, за подлеца, поправшаго ногами присягу и заповѣдь Божію!»—«Нѣтъ!» сказалъ Кемскій твердо и спокойно: «за неопытнаго, неосторожнаго чело-вѣка, вовлеченнаго въ преступленіе злодѣемъ; ищу правосудія и снисхожденія въ судьяхъ; не найду у нихъ, обращаюсь къ верховному судѣ нашему, Госу-дарю, и увѣренъ, что онъ вникнетъ въ это дѣло.»— «Но во всякомъ дѣлѣ непременно кто нибудь дол-женъ же быть виноватымъ?» возразилъ Волоч-ковъ. — «Такъ пусть же буду виноватъ я, что пору-чилъ важный постъ молодому, ненадежному офицеру. Я самъ себѣ этого вѣкъ не прощу.»— «Это въ вашей волѣ,» сказалъ Волочковъ: «но во всякомъ уголов-номъ дѣлѣ, по точному, буквальному смыслу зако-новъ, кто нибудь долженъ быть наказанъ. И въ этомъ состоитъ обязанность всякаго судьи. Къ несчастію,» прибавилъ онъ со вздохомъ: «по внушенію ложной филантропіи XVIII вѣка, нынѣ слишкомъ часто про-щаютъ виновныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они впали въ преступленіе неумышленно. Съ умысломъ или безъ умысла, не наше дѣло, а преступленіе со-вершено, слѣдственно и наказаніе должно послѣдо-вать. Если бъ и случилось, что накажутъ невиннаго, то пострадавшій отнюдь не потеряетъ: Богъ вознагра-дитъ его.» Такимъ образомъ продолжалъ онъ толко-вать о необходимости наказаній; потомъ перешель къ толкамъ о наказаніяхъ на томъ свѣтѣ, о внутрен-немъ чело-вѣкѣ, и тому подобныхъ предметахъ. Пер-

вая фраза каждаго изъ его разсужденій была ясная, правильная, иногда блистательная и краснорѣчиво сказанная; но слѣдствія, выводимыя изъ этого начала, отнюдь изъ него не проистекали, иногда прямо ему противорѣчили, и часто заключали въ себѣ совершенную бессмыслицу. Волочковъ говорилъ, какъ попугай, затвердившій нѣсколько человѣческихъ фразъ, и сопровождавшій ихъ своими скотскими вариациями. Кемскій высидѣлъ у Волочкова два часа, выслушалъ тома четыре нелѣпостей съ великолѣпными заголовками, и отправился отъ него безъ надежды на спасеніе своего кліента этимъ путемъ, безъ надежды на выздоровленіе Волочкова. Послѣднимъ, рѣшительнымъ отвѣтомъ Волочкова было: «Не хочу знать и имени изверга, за котораго вы просите: я долженъ сохранить въ семъ дѣлѣ величайшее безпристрастіе.» — Когда князь вышелъ изъ гостиной, куча грязныхъ ребятишекъ окружила его въ залѣ и въ передней, съ кривляньемъ и криками. «Что это за дѣти!» спросилъ онъ у слуги, подававшаго ему шинель. — «Это, сударь, *наши* дѣти!» отвѣчалъ слуга улыбаясь: «а вотъ и маменьки ихъ!» прибавилъ онъ, указывая въ окно на дворъ, гдѣ нѣсколько прачекъ работали за лоханью. Потомъ Кемскій узналъ, что Волочковъ славится въ свѣтѣ милосердіемъ своимъ къ сиротамъ, беретъ ихъ неизвѣстно откуда, пристроиваетъ въ учебныя заведенія, а потомъ, подъ самодѣльными прозвищами, при пособіи друзей своихъ, опредѣляетъ въ службу.

Въ послѣдствіи задача о преобразованіи Волочкова рѣшилась очень легко. Рожденный безъ характера, не пріучившійся разсуждать самъ съ собою, Волочковъ всю жизнь свою провелъ, такъ сказать, *на бугирь*. Въ молодости своей подражалъ онъ модному въ то время вольнодумству, и составилъ себѣ невыгодную въ послѣдствіи репутацію. Неудачи всякаго рода заставили его перемѣнить не образъ мыслей, ибо онъ ихъ не имѣлъ никогда, но образъ рѣчей и разсужденій. Онъ втерся въ знакомство къ одному человѣку, извѣстному своею набожностью и строгостью правилъ, умѣлъ къ нему поддѣлаться, и перенялъ у него нѣсколько фразъ, которыя передавалъ и разукрашалъ по-своему. Нравственность его осталась прежняя; но нашлись люди, которые, не понимая разглагольствій Волочкова, провозглашали его человѣкомъ глубокомысленнымъ и благочестивымъ. Хоръ этихъ статистовъ громогласно вознесъ достоинства плохаго актера; сокровищница мѣсть, почестей и наградъ отверзлась пустому человѣку, который не умѣлъ даже быть и порядочнымъ лицемѣромъ.

Кемскій, посѣщая дѣльцовъ и значительныхъ людей, слушалъ, скрѣпивъ сердце, нелѣпыя толки, странныя правила, кривыя сужденія, но не пріобрѣлъ новыхъ понятій о людяхъ: они были все тѣ же. Въ свѣтѣ господствовали, по-прежнему, четыре темперамента, о которыхъ за тридцать лѣтъ толковалъ ему профессоръ философіи въ корпусѣ, — сангвиниковъ, холериковъ, флегматиковъ и меланхоликовъ. По-

прежнему, три любія раздѣляли людей на классы *сребролюбія, честолюбія, сластолюбія*. Вѣра его въ челоуѣчество не поколебалась: онъ видѣлъ, что въ толпѣ людей вседневныхъ, дюжинныхъ, сотенныхъ, проскакиваютъ ревнители добра, чести и правды; увѣрялся болѣе и болѣе, что въ рѣдкомъ челоуѣкѣ нѣтъ какихъ нибудь хорошихъ качествъ, и что всякой платитъ дань слабой и испорченной натурѣ. Такъ, на примѣръ, онъ слышался о Досканцовѣ, какъ о безсовѣстномъ взяточникѣ: познакомился съ нимъ по неволѣ, и нашелъ, что Досканцовъ конечно не отказывается отъ гостинца, но поступаетъ съ просителями вѣжливо, не позволяетъ себѣ несправедливости, обходится ласково и почтительно съ своими подчиненными, и въ семействѣ своемъ любимъ и уважаемъ. Послѣ того обратился онъ къ Сушину, который слылъ въ мірѣ другомъ правды и чести, Катонъ и Сократъ. Но каковъ былъ этотъ Сократъ вблизи? Жестокосердый счетчикъ, неумолимый обвинитель и гонитель всѣхъ и каждаго, неумѣвшій и нехотѣвшій отличить слабости отъ порока, ошибки отъ преступленія. «Возьми пятьсотъ рублей,» думалъ Кемскій, слушая его толки о честности, безкорыстїи и правосудїи: «да будь челоуѣкомъ!»

Прискорбнѣе всего было слышать Кемскому толки о Вышатиѣ. Онъ служилъ съ отличїемъ, занималъ важное мѣсто, славился своимъ умомъ, дѣятельностью и благородствомъ, но слылъ несноснымъ гордецомъ. Кемскій нѣсколько разъ порывался посѣтить стараго

друга, но не могъ на то рѣшиться, не хотѣлъ разстроить въ воображеніи своемъ того милаго лика, въ которомъ, съ самой нѣжной юности, являлся ему Вышатынъ, добрый, любезный, благородный. Воротясь однажды домой, измученный странствіями по переднимъ и пріемнымъ комнатамъ, онъ нашелъ на столѣ своемъ записку слѣдующаго содержанія: «Ты, безсовѣстный человѣкъ, забываешь своихъ товарищей. Вотъ я четвертый разъ пріѣзжаю къ тебѣ, и не застаю. Приходи, душа моя, къ твоему вѣрному другу, *Вышатыну.*»

Кемскій обрадовался этому приглашенію, какъ голосу съ того свѣта, и, на другой день утромъ, отправился къ прежнему товарищу. Вышатынъ жилъ бариномъ, въ просторномъ, великолѣпномъ домѣ. Прислуга опрятная, учтивая; комнаты убранныя со вкусомъ. Швейцаръ вѣжливо спросилъ у Кемскаго, не онъ ли Князь Алексѣй Ѳедоровичъ; получивъ отвѣтъ, позвонилъ, и отправилъ слугу вверхъ. Кемскій едва успѣлъ взойти на лѣстницу, какъ очутился въ объятіяхъ Вышатины. Дружелюбный пріемъ тронулъ князя до глубины души: никто ему, въ Петербургѣ, такъ искренно не радовался. Вышатынъ съ безпрестанными отрывистыми вопросами, упреками и восклицаніями, привелъ Кемскаго въ свой кабинетъ, гдѣ царствовали порядокъ, чистота, роскошь и удобство. На одной софѣ лежалъ какой-то человѣкъ въ синемъ сюртукѣ, поднявъ ноги вверхъ, и разглядывая живопись на потолкѣ кабинета. Послышавъ стукъ отво-

ряющихся дверей, онъ обернулся, и, завидѣвъ Кемскаго, вскочилъ, выпялилъ глаза, закричалъ: «Князь!» и бросился къ нему на шею. Кемскій узналъ Берилова. — — — Слезы ихъ смѣшались. — Они не говорили о быломъ, глядѣли другъ на друга, и утирали глаза. Вышатиный былъ нелишнимъ и нечуждымъ въ этой сценѣ. — Кемскій провелъ у стараго друга своего нѣсколько часовъ, и уходя, далъ ему слово видѣться съ нимъ какъ можно чаще. Бериловъ ни мало не перемѣнился: на немъ, казалось, былъ прежній его сюртукъ; онъ постарѣлъ немного, но не остепенился; говорилъ что на умъ взбредетъ; приходилъ въ восторгъ отъ каждой картинки, и теперь не могъ налюбоваться новорасписаннымъ плафономъ въ кабинетѣ: ложился то на софу, то на полъ, разглядывалъ живопись, и въ художническомъ изступленіи размахивалъ руками и ногами. — Не прежде, какъ въ каретѣ, Кемскій вспомнилъ о репутаціи Вышатины въ свѣтѣ. «Какъ несправедливы люди въ своихъ толкахъ и сужденіяхъ!» подумалъ онъ: «этого благороднаго, прямого, простодушнаго человѣка прославили гордецомъ и высокомернымъ. Положимъ, что въ обхожденіи со мною ему нельзя было важничать, а какъ онъ принимаетъ Берилова!»

Кемскій сталъ посѣщать Вышатины очень часто; всегда находилъ удовольствіе въ его бесѣдѣ, всегда услаждалъ свою душу его искреннею дружбой, и только у него отдыхалъ отъ мучительныхъ сценъ, которыя на каждомъ шагу поражали его въ свѣтѣ.

Вскорѣ однако замѣтилъ онъ, что дурная слава о Вышатиныхъ не вовсе была незаслуженная. Однажды, когда друзья сидѣли съ Бериловымъ въ кабинетѣ, доложили Вышатиному, что пришелъ какой-то чиновникъ. — «Зови!» сказалъ онъ слугѣ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ комнату человекъ немолодыхъ лѣтъ, въ орденахъ, съ портфейлемъ подъ мышкою, и, низко поклонившись, подошелъ къ письменному столу, за которымъ сидѣлъ Вышатиныхъ. Не отвѣчая на поклонъ, Вышатиныхъ сталъ принимать бумаги изъ рукъ чиновника: разсматривалъ ихъ и подписывалъ, или, отмѣтивъ карандашемъ, отдавалъ докладчику съ словами: «Не то; толку нѣтъ; передѣлать; гадко, скверно — чтобъ было передѣлано къ завтрашнему утру.» Чиновникъ, стоя подлѣ стула Вышатиныхъ, послѣ каждой подписи засыпалъ ее пескомъ, и откладывалъ бумагу въ сторону, а подвергшуюся критикѣ бралъ обратно въ портфейль, примолвивъ: «Слушаю, ваше превосходительство!» Окончивъ разсмотрѣніе всѣхъ бумагъ, Вышатиныхъ отворотился, закурилъ трубку, и началъ разговаривать съ Кемскимъ, а чиновникъ собралъ между тѣмъ бумаги, поклонился своему начальнику *заочно*, и вышелъ изъ кабинета на цыпочкахъ. Черезъ нѣсколько времени явился другой чиновникъ, былъ принятъ и вышровожденъ такъ же грубо. Кемскій не могъ скрыть своего изумленія. «Помилуй, Вышатиныхъ!» сказалъ онъ тихо: «можно ли такъ обращаться съ людьми? Этакъ я и слуги своего трактовать не стану. Теперь меня не удивляетъ

что я слышалъ о твоей гордости.» — Вышати́нь улыбу́лся. «Знаю,» сказа́лъ онъ: «ка́къ обо мнѣ толкуютъ въ свѣтѣ. Но люди съ которыми я долженъ имѣть дѣло, лучшаго обхожденія не стоятъ. Это пресмыкающіяся гадины; терпятъ все и подлечаютъ предъ сильными и знатными. Я не могу уважать ихъ, не могу скрывать моего къ нимъ презрѣнія.» — «Можетъ быть, ты ошибаешься,» сказа́лъ Кемскій: «подчиненность, уваженіе, чувство разстоянія, въ которомъ они отъ тебя находятся, одно это виною мнимаго ихъ униженія.» — «То-то мнѣ и противно!» вскричалъ Вышати́нь: «Года за два предъ симъ былъ я въ размолвкѣ съ министромъ; всѣ полагали, что я выйду въ отставку; многіе воображали, что я дорого заплачусь за свое упрямство. Что жъ ты думаешь!? Всѣ эти низкопоклонники, старавшіеся до того по глазамъ угадать мои мысли и желанія — вдругъ оборотились ко мнѣ спиною, перестали меня слушаться; встрѣчаясь со мною на улицахъ, отворачивались; иные и не отворачивались, а глядѣли мнѣ насмѣшливо въ глаза, какъ будто желая сказать: теперь лихъ не боюсь тебя! — Признаюсь, что это обстоятельство отчасти заставило меня покориться волѣ министра. Мы съ нимъ помирились; онъ отобѣдалъ у меня, и на другой день вся эта мелкая канцелярская сволочь явилась у меня въ передней съ поклонами, поздравленіями и доносами. Суди, могу ли я уважать такихъ людей!» — «Но прежде этой исторіи,» кротко сказа́лъ Кемскій: «ка́къ ты обращался

съ ними? Какъ и теперь: недружелюбно, гордо, жестоко! Удивительно ли, что они тебя не любили, повиновались тебѣ изъ одной необходимости, и при первомъ случаѣ изъявили радость, что отъ тебя освободились? — Извини мою откровенность, Вышатынъ! Люди не такъ худы, какъ ты воображаешь, и въ толпѣ этихъ приказныхъ конечно найдутся люди истинно благородные — можетъ быть и герои добродѣтели. Мы обвиняемъ ихъ, судимъ о нихъ по себѣ; но какія правила внушены намъ, и какъ воспитаны они? Мнѣ кажется, долгъ нашъ есть ободрять, облагораживать, возвышать этихъ людей.» — «Ты вѣчно носишься въ своемъ мечтательномъ мірѣ!» улыбаясь отвѣчалъ Вышатынъ: «поживи съ этими праведниками на землѣ, такъ запоешь иную пѣсню. — Ну скажи правду, Андрей Федоровичъ,» примолвилъ онъ, обращаясь къ Бериллову: «гордъ ли я? спѣсивъ ли я?» — «Помилуйте, Владиміръ Павловичъ!» сказалъ Берилловъ: «да я простѣе васъ человѣка не видалъ. Вашъ камердинеръ Оадька гораздо васъ спѣсивѣе!» — Оба друга разсмѣялись, но Вышатынъ не отъ чистаго сердца: онъ почувствовалъ невинную и неумышленную эпиграмму простодушнаго артиста.

XLIII.

Старанія и труды князя не имѣли успѣха: дѣло бѣднаго его офицера длилось и тянулось. Затрудненія и хлопоты по имѣнію возрастали ежедневно, и онъ отказался бы отъ всего своего имущества, если бѣ оно состояло въ движимости или въ вещахъ бездушныхъ; но обязанность добраго помѣщика, наслѣдовавшаго своихъ крестьянъ отъ предковъ, не позволяла ему легкомысленно передавать ихъ въ другія руки, играть судьбою себѣ подобныхъ, ввѣренныхъ ему Провидѣніемъ. Къ тому же въ главномъ изъ имѣній его, Селѣ Воскресенскомъ, погребены были его отецъ и мать. Хвалынской писалъ ему, что отчаивается раздѣлаться со всѣми требованіями, которыми обременено имѣніе, совѣтовалъ продать, и наконецъ, послѣ долговременной переписки, объявилъ, что есть еще надежда спасти недвижимость, если князь лѣтъ на пять откажется отъ доходовъ. Князь согласился и на это, рѣшился жить однимъ своимъ пенсіономъ, лишь бы не измѣнить тому, что почиталъ своимъ долгомъ. Пришлось отпустить экипажъ, оставить пріятную и удобную квартиру въ Большой Морской, и переселиться въ какое нибудь предмѣстье.

Въ одно ясное зимнее утро князь пошелъ отыскивать себѣ квартиру: останавливался вездѣ, гдѣ видѣлъ прибитые къ воротамъ билеты, осматривалъ, приторговывался, но все, что онъ видѣлъ, казалось

ему слишкомъ дорого. Между тѣмъ цѣна, по мѣрѣ удаленія его отъ центра города, уменьшалась. Онъ прошелъ уже далеко въ Коломну, и, можетъ быть, въ двадцатый разъ съ утра, взобрался на лѣстницу дома, гдѣ былъ прибитъ билетъ съ надписью: *«Здесь отдаютца въ наемъ накой съ кухнію.»* Дворникъ показалъ ему въ четвертомъ ярусѣ, въ концѣ темнаго коридора, три комнаты, низкія, грязныя, въ которыхъ пахло чѣмъ-то очень непріятнымъ послѣ прежнихъ жильцевъ. «Нѣтъ, другъ мой,» сказалъ князь: «эта квартира для меня не годится.» — «Такъ извольте повременить денекъ,» отвѣчалъ дворникъ, сходя съ крыльца: «у насъ опростается другая въ третьемъ этажѣ; та и просторнѣе и чище. Тамъ живетъ теперь маляръ, да онъ вишь худо платитъ, такъ хозяинъ его сегодня выгоняетъ. И квартальнаго позвали. Слышите ль, какъ спорять?» Въ самомъ дѣлѣ раздавался громкій крикъ разныхъ голосовъ изъ-за дверей, съ которыми князь поравнялся. Вдругъ дверь распахнулась; кто-то выскочилъ, и чуть не сбилъ его съ ногъ. «Тише, тише!» сказалъ князь, останавливая бѣснующагося, и узналъ въ немъ Берилова. — «Помилуйте, это вы, Андрей Ѳедоровичъ!» — «Князь! князь!» закричалъ Бериловъ: «это вы! Самъ Богъ послалъ васъ ко мнѣ. Помогите мнѣ, ради Создателя! Меня губятъ, рѣжутъ!» Съ сими словами схватилъ онъ его за руку, и втащилъ въ комнату. Столы, стулья, шкафы, посуда, картины, вазы, бюсты, модели, были складены въ одну кучу посреди комнаты. На ветхой

софѣ сидѣлъ какой-то красноносый толстякъ, съ нависшими на глаза бровями, съ отвисшею нижнею губою. Подлѣ него стояли полицейскій офицеръ и нѣсколько человѣкъ въ русскихъ кафтанахъ. «Что, бѣшенный, воротился?» спросилъ толстякъ съ улыбкою, въ которой соединялись спѣсъ, презрѣніе къ человѣчеству, жестокосердіе и глупость: — «полно противиться правительству!» — «Спасите меня, князь, отъ этихъ душегубцевъ!» кричалъ изступленный Бершловъ: «они давятъ, рѣжутъ меня.» — «Скажите мнѣ, въ чемъ дѣло?» спросилъ Кемскій. — «Дѣло, сударь, очень простое,» отвѣчалъ толстякъ холодно: «Андрей Федоровичъ не хочетъ платить за квартиру, и я принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи правительства.» — «Не хочетъ платить? Ахъ, ты, разбойникъ, барышникъ, то есть лавочникъ, гнусное, продажное созданіе! Я не хочу платить! Врешь, жидъ проклятый! — Вотъ, въ чемъ дѣло, ваше сіятельство! Я нанимаю квартиру у этого варвара, по пятнадцати рублей въ мѣсяць. Срокъ прошелъ тому назадъ недѣли три. Я забылъ, что наступило первое число, и живу себѣ да живу. Онъ что бы напомнить, такъ нѣтъ. Вдругъ сегодня шастъ ко мнѣ Гаврила Григорьевичъ, то есть нашъ надзиратель, да и съ оцѣнщикомъ. Ба, ба, ба, Гаврила Григорьевичъ! откуда? — Со съѣзжаго двора, отвѣчалъ онъ: пришелъ описать ваше имѣніе. — Мое имѣніе — за что? — Вотъ предписаніе: вы не платите за квартиру, не смотря ни на какія понужденія. — Да развѣ уже наступило

1-е число ноября? — Сегодня 29-е ноября. — Помилуйте, Гаврила Григорьевичъ! Дайте день сроку. — Не смѣю, Андрей Ѳедоровичъ! Частный приставъ съѣсть. — Такъ дайте, я схожу самъ къ частному приставу. — Извольте, повременю. — Я къ приставу, а того нѣтъ дома. Я опять домой, а хозяинъ ужъ нагрянулъ со всею своею сволочью, то есть съ прикащиками, сидѣльцами, мальчиками. Дураки, невѣжды, злодѣи вздумали оцѣнивать произведенія художествъ. Вообразите — этотъ ландшафтъ, помните тотъ, что я написалъ наобумъ, и который такъ любила — то есть, вы такъ любили — оцѣненъ въ два рубля съ полтиною! А сестрица ваша, Алевтина Михайловна, продала его, то есть велѣла продать, на толкучемъ рынкѣ, и взяла четыре рубля. Я купилъ его за шесть, а Владиміръ Павловичъ давалъ мнѣ шестьсотъ рублей — онъ съ ума сошелъ, то есть, его превосходительство. — Да одна ли только эта картина! Хозяинъ мой не дуракъ: началъ торговать битыми бутылками, да наторговалъ, то есть наплutowалъ четыре каменные дома. Хотѣлъ взять за безцѣнокъ мои картины, а меня выгнать.» Слезы и рыданія прервали рѣчь Берилова. — «Ахъ ты, маляръ поганый!» закричалъ хозяинъ: «какъ ты смѣешь обижать первостатейнаго....» — «Плута!» прервалъ Бериловъ. — «Да знаешь ли, что меня чуть въ головы не выбрали? Я было ужъ и комнаты расписалъ — не тебѣ чета у меня работали.» — «Потише, сударь!» сказалъ Кемскій: «вы въ правѣ требовать своихъ денегъ, въ правѣ нало-

жить запрещеніе на подвижность жильца, но это сущій разбой забирать и оцѣнивать имѣніе безъ самого хозяина. И вы, сударь, господинъ полицейскій офицеръ, допускаете такое самоуправство?» — «Помилуйте, ваше сіятельство!» возопилъ квартальный: «мы люди маленькіе; намъ ли итти противъ начальства, когда и самъ частный приставъ не сладитъ съ этими господами обывателями? Мнѣ велѣно было, и я явился. Плачешь, сударь, иногда, а волю начальства исполняешь.» — «Нѣтъ, князь,» вскричалъ Бериловъ: «не обижайте Гаврилы Григорьевича: это Рафаэль между полицейскими, честная и добрая душа, а отъ того и ѣсть нечего, а какъ ѣсть нечего, такъ и повинешься тому, кто кормитъ.» — «Передъ Богомъ такъ, Андрей Ѳедоровичъ!» сказалъ квартальный, утирая слезу синимъ клѣтчатымъ платкомъ. — «А сколько вамъ долженъ господинъ Бериловъ?» спросилъ Кемскій у хозяина. — «Да теперь, съ завтрашнимъ числомъ, за два мѣсяца,» отвѣчалъ хозяинъ, усмиренный титуломъ князя: «всего тридцать рублей. Истинно скажу вашему сіятельству, что самъ крайне нуждаюсь.» — Князь вынулъ деньги изъ бумажника, и отдалъ квартальному. «Вонъ отсюда!» закричалъ Бериловъ хозяину: «убирайся, пока не бить! До завтрашняго вечера я здѣсь хозяинъ; все заплачено.» Купецъ убрался, худо скрывая досаду, что ему не удалось поживиться скарбомъ живописца. За нимъ поплелись его клеветы, и шествіе заключилъ добрый Гаврила Григорьевичъ.

«Ура! то есть, наша взяла!» закричалъ Бериловъ, и не думая благодарить князя. Въ это время появилась изъ кухни высокая, худощавая старуха. — «Вотъ что вы нажили своею безпечною и чванствомъ!» закричала она: «чуть было не пришлось ночевать мнѣ на улицѣ, а я благородная, чиновница — не то, что покойница, хваленая ваша Настасья Родионовна. Да чего и ожидать отъ безпутнаго человѣка? Когда не пожалѣлъ роднаго дѣтища....» — «Тише, тише, матушка Акулина Никитична!» сказалъ смущенный Бериловъ: «ради Бога, перестань! Вотъ князь, то есть другъ мой, помогъ мнѣ, и когда кончу большую мою картину....» — «Да когда кончите,» продолжала Акулина Никитична, измѣняя грозный тонъ на жалобный: «а до того чѣмъ проживемъ? Завтра вы именинникъ, а мнѣ и пирога не изъ чего испечь; о кофе и не думай. Житѣе мое вдовье, сиротское!» Бериловъ, храбрый предъ хозяиномъ милліонщикомъ и предъ полиціею, не зналъ что отвѣчать старухѣ. Князь вступился за артиста, успокоилъ старуху увѣреніемъ, что будетъ и на пирогъ и на кофе, и выпроводивъ ее обратно въ кухню, сталъ спрашивать Берилова о его средствахъ, о его надеждахъ, о планѣ будущей жизни. Живописецъ смотрѣлъ на него, вытаращивъ глаза: онъ никогда не думалъ о завтрашнемъ днѣ, никогда не помнилъ вчерашняго, и жилъ, какъ Богъ пошлетъ. Князь предложилъ ему нанять квартиру вмѣстѣ. Бериловъ долго не могъ этого понять; потомъ понялъ, и не соглашался. Князь позвалъ

на помощь Акулину Никитичну, и она вразумила артиста.

При помощи Акулины Никитичны, коротко знакомой со всѣми петербургскими предмѣстями, отыскали удобную квартиру, на Выборгской Сторонѣ, на мѣстѣ стариннаго самсоньевскаго кладбища, въ домѣ, построенномъ посреди сада, разведеннаго на древнихъ могилахъ. Домъ этотъ имѣлъ два выхода, и въ верхнемъ ярусѣ большую свѣтлую комнату, какъ будто нарочно построенную для помѣщенія въ ней мастерской живописца. Князь уступилъ большую часть нижняго жилья Бериллову, а себѣ предоставилъ двѣ комнатки, съ каморкою для Силантьева. Берилловъ, постигнувъ наконецъ всѣ удобства и пособія, ожидающія его при этомъ новомъ образѣ жизни, пришелъ въ изступленіе отъ радости, и просилъ позволенія князя украсить его кабинетъ лучшими произведеніями своей кисти.

XLIV.

Перемѣна образа жизни Кемскаго, и причины, побудившія его ограничиться въ своихъ расходахъ, вскорѣ сдѣлались извѣстными его родственникамъ, виновникамъ всѣхъ его бѣдствій и потерь. Нельзя было и ожидать, чтобъ это гласное объявленіе князя о разстройствѣ его имѣнія могло возбудить въ нихъ малѣйшія чувства сожалѣнія, самый легкій упрекъ совѣсти: вся эта семья принадлежала къ числу людей,

которымъ чувствительны одни физическія страданія, для которыхъ сожалѣніе, состраданіе, голосъ совѣсти суть вымыслы и предразсудки театральные. Алевтина, побаиваясь иногда, что, можетъ быть, братъ вздумаетъ потребовать у ней отчета въ разореніи имѣнія, скрывала свои чувства, и представлялась, будто не замѣчаетъ, что братъ пересталъ ѣздить четверткою, что онъ переселяется въ предмѣстье. Иванъ Егоровичъ трусилъ еще болѣе, и надѣялся на одного Якова Лукича, а между тѣмъ не перемѣнялъ, по наружности, обращенія своего съ шуриномъ; но пасынки его не хотѣли и не думали скрывать своихъ чувствованій и мыслей. Григорій пересталъ говорить съ дядею; впрочемъ, эта перемѣна не слишкомъ была замѣтна, потому, что онъ и прежде не соблюдалъ большой учтивости; но Платонъ сдѣлался въ такой же степени грубъ и дерзокъ, какъ прежде былъ угодливъ и раболѣпенъ. Онъ старался при всякомъ случаѣ намѣкать на безразсудство и безсовѣстность родственниковъ, которые, плохимъ хозяйствомъ, нерасчетливымъ усердіемъ къ службѣ и довѣрчивостью къ чужимъ, разстраиваютъ имѣніе, и уничтожаютъ справедливыя и законныя надежды своихъ наслѣдниковъ; онъ противорѣчилъ всѣмъ мнѣніямъ и словамъ князя, насмѣхался надъ сужденіями умниковъ XVIII вѣка, и въ этомъ пересталъ даже ссылаться на штабсъ-капитана Залетаева. Китти вовсе не говорила съ дядею, вовсе на него не глядѣла, обративъ все свое вниманіе, всю нѣжность на собаку и на Англичанина.

Кемскій ходилъ къ нимъ рѣдко, но въ день переѣзда на новую квартиру счелъ за нужное увѣдомить ихъ, чтобъ они знали, гдѣ найти его въ случаѣ надобности. Отобѣдавъ въ послѣдній разъ въ Лондонѣ, онъ пошелъ пѣшкомъ къ сестрѣ своей. У ней было нѣсколько человѣкъ гостей: всѣ занимались, какъ обыкновенно — вистомъ. Его приняли холодно, сухо, почти грубо. Алевтина, игравшая съ какими-то толстыми матадорами, едва приподнялась съ дивана, и прошептала нѣчто похожее на *bon soir*. Григорій кивнулъ головою, не оставляя небрежно-живописнаго положенія своего въ креслахъ, а Платонъ отворотился отъ дяди, лишь только вошедшаго въ двери, отыгралъ карту, и сказалъ что-то забавное своимъ товарищамъ; — они засмѣялись и обратили глаза на Кемскаго. Бываютъ дни, въ которые человѣкъ настроенъ не такъ, какъ обыкновенно, въ которые онъ все видитъ, все замѣчаетъ, все принимаетъ къ сердцу. Дерзкое и непристойное обращеніе племянниковъ давно оскорбляло чувствительнаго Кемскаго, но никогда не поражало его такъ сильно, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ не просидѣлъ и получаса въ этомъ обществѣ: ему казалось, что онъ окруженъ какими-то духами злобы, что стоитъ въ преддверіи ада, гдѣ ожидаютъ его муки и терзанія; казалось, что сатанинскія лица, въ дымѣ свѣчъ, кружатся вокругъ несчастной, обреченной имъ жертвы, и, съ свирѣпою улыбкою фурій, готовы терзать ее. — Кемскій всталъ со стула, отыскалъ глазами Фонъ-Драка, подошелъ

къ нему и, отдавая записку, сказалъ: «Если вамъ случится во мнѣ надобность, вотъ мой адресъ. Помните обѣщаніе ваше — объ отчетѣ.» Видно, въ глазахъ его выражалось что-то страшное. Фонъ-Дракъ испугался, смутился и едва проговорилъ: «Въ самомъ непродолжительномъ времени!» Кемскій поклонился ему, повернулся и вышелъ. Захлопнувъ дверь за собою, онъ услышалъ, что въ гостиной раздался громкій хохотъ.

XLV.

Онъ вышелъ на улицу, и отправился въ новое свое жилище. Освободившись отъ ненавистныхъ лицъ, не терзаясь болѣе шепотомъ, крикомъ и хохотомъ бездушныхъ тварей, онъ погрузился въ крѣпкую думу, шель куда должно, но самъ того не зная.

Раны сердца его раскрылись. Чаша страданій его исполнилась — послѣднею малою каплею. Наташа! Наташа! лепеталъ онъ, вызывая облегчительныя слезы на потускнѣвшіе глаза, но и слезы отказывались ему повиноваться. Стѣсненный настоящимъ страданіемъ, духъ его перенесся въ даль темную, минувшую, невозвратную. Ему почудилось, что онъ находится еще на кораблѣ, перенесшемъ его изъ Ниццы въ Триестъ. Его провожалъ вѣрный другъ, Алимари, дважды спасшій ему жизнь: въ первый разъ сообщивъ условное восклицаніе, по которому всякой масонъ

(а ихъ было очень много во Французской арміи) должны были непременно подать ему помощь; въ другой разъ, исторгнувъ его изъ бездны отчаянія.... Море волновалось. Солнце скрывалось за горизонтомъ, золотя послѣдними лучами верхи волнъ морскихъ, и исчезая съ ними въ безднѣ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ, прислонясь къ мачтѣ. Алимари стоялъ подлѣ него, и, держась рукою за канатъ, глядѣлъ молча въ даль, терявшуюся на западѣ. Вдругъ слышались вопли изъ каюты. Изъ нея выбѣжалъ спутникъ ихъ, старичекъ, ливорнскій купецъ, и бросился къ Алимари. — «Спасите, избавьте ее,» сказалъ онъ ему, задыхаясь. «Кого? какъ?» спросилъ изумленный Алимари. «Вы медикъ и человѣкъ сострадательный — не откажите въ пособіи моей бѣдной Джульеттѣ. Умоляю васъ всѣмъ, что свято!» — «Онъ ошибается, принявъ меня за медика,» сказалъ Алимари Кемскому по-русски: «но безсовѣстно было бы отказать въ пособіи. Пойдемте со мною, князь!» — Они пошли вслѣдъ за трепещущимъ старикомъ въ женское отдѣленіе каюты. Тамъ, на койкѣ, спущенной къ самому полу, лежала въ безпамятствѣ молодая женщина: смертная блѣдность покрывала лице ея, глаза были закрыты; губы шевелились и произносили невнятные звуки; руки сложены были на груди, сильно волновавшейся. Иногда вся она приходила въ движеніе, поднимала руки, какъ будто прося помощи, и испускала жалобные вопли. — Алимари подошелъ къ ней, вперилъ свои взоры въ закрытые глаза ея; она вздрогнула, и вскорѣ потомъ

улыбка пролетѣла по ея устамъ. «Паоло!» сказала она тихимъ голосомъ. — «Паоло!» произнесъ съ горестью старикъ отецъ ея: «это имя жениха ея, убитаго Французами.» — «Паоло!» повторила она: «наконецъ ты воротился. И какъ ты здоровъ, какъ веселъ, а я!» — — На лицѣ ея изобразилось внутреннее движеніе тоски. Алимари наклонился къ ней, разогнулъ ея руки, опустилъ ихъ вдоль тѣла, и началъ водить своими руками по лицу ея; потомъ расширяя мало по малу круги, дѣлаемые руками, опускалъ ихъ къ предсердію. Страдалица поутихла. На лицѣ ея водворилось спокойствіе, и она чрезъ нѣсколько секундъ спросила: «Кто ты, свѣтлый утѣшитель? Лице твое мнѣ знакомо. Благодарю тебя, но ты не Паоло. Онъ скрылся опять. Его увели — увели на смерть!» На лицѣ опять появились признаки страданія и тоски. — Алимари повторилъ прежнія движенія руками, и она вновь затихла. — «Это чудесныя дѣйствія ясновидѣнія!» сказалъ онъ тихо Кемскому, по-русски. «Подойдите сюда.» — Не отнимая лѣвой руки отъ предсердія больной, онъ правую взялъ за руку князя. — «И это не онъ!» сказала больная: «но этотъ печалень, грустенъ; утѣшься, другъ мой! Видишь ли — тамъ, тамъ, откуда восходитъ солнце, откуда вѣетъ прохладный вѣтеръ — тамъ она — видишь — вотъ она — въ черной мантии, на колѣняхъ. Не плачь, сестра моя! Онъ живъ, а мой Паоло! Видишь ли, другъ мой — вотъ она! Она молится Богу — счастливая! Предъ нею — не Распятіе — нѣтъ! — ликъ Пречистой Дѣвы, одѣтый золотомъ и блестящими

камнями. Вижу, вижу: утѣшительница небесная лучемъ отрады проникаетъ въ грустное, томное сердце. Она увидѣла ее — увидѣла своего ангела небеснаго — вотъ летитъ на крыльяхъ серафима. Не плачь, маменька! — Но нѣтъ! нѣтъ!» вскричала она вдругъ дикимъ голосомъ: «нѣтъ Паоло! Они его ведутъ, они убьютъ его!» Жестокія судороги исказили прекрасное лицо. Алимари, опустивъ руку Кемскаго, началъ опять водить по лицу и по груди несчастной. Она умолкла, успокоилась и, какъ казалось, крѣпко заснула. Ее оставили. Явленіе это произвело сильное впечатлѣніе въ Кемскомъ. Незнакомка угадала сонъ, который преслѣдовалъ его нѣсколько ночей сряду, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сѣлъ на корабль. Ему грѣзилась и черная женщина, и въ то же время Наташа. И прежде того казалось ему, что онъ въ чертахъ Наташи находитъ какое-то сходство съ чертами лица видѣнія, и это сходство влекло его къ ней съ непонятною силою. Но теперь, по утратѣ любезной, лишь только онъ сталъ приходить въ себя, послѣ долговременнаго оцѣпенѣнія, эти два лика слились въ одинъ. Съ тѣхъ поръ, и во снѣ и на яву чудилась ему всегдашняя мечта его, прінявшая лице и выраженіе Наташи — выраженіе тоски, унынія, изрѣдка смѣняемыхъ мимолетною улыбкою, проблескомъ поднятыхъ къ небу глазъ, въ которыхъ выражалось: люби, вѣрь и надѣйся! Прежде того, въ лѣта молодости и выпренихъ порывовъ, эта мечта его тревожила, наводила на него уныніе; но потомъ, по

утратѣ всего, что ему было дорого и мило въ этомъ свѣтѣ, сдѣлалась неотлучною любезною его спутницею, всегдашнею подругою и утѣшительницею. Закрывалъ ли онъ глаза для отдохновенія послѣ тягостныхъ трудовъ — первымъ видѣніемъ его была — Наташа, въ черномъ платьѣ, съ печальною на устахъ улыбкою. Просыпался ли — мечта сновидѣнія та же, все та же, улетала, и въ просонѣ казалось ему, будто дѣйствительная Наташа подходитъ къ его постелѣ, нѣжною рукою приподнимаетъ его голову, другою отгоняетъ мрачныя думы отъ его чела. Наташа! проговорить онъ тихо, и симъ словомъ, какъ воззваніемъ къ заступницѣ своей у небеснаго престола, начнетъ утреннюю молитву. — Но эта свѣтлая тѣнь, эта посланница съ того свѣта чуждалась душевной атмосферы людскихъ пороковъ, улетала отъ ядовитаго дыханія злобы, коварства и нечестія. Такъ, во время пребыванія его на Кавказѣ, неразлучная подруга стала являться къ нему рѣже съ тѣхъ поръ, какъ Вестри познакомился съ княземъ, и перестала посѣщать его вовсе, когда коварный предатель поселился въ домѣ. Она явилась къ нему, лишь только онъ, измученный, растерзанный, отчаянный, смежилъ глаза въ аулѣ чеченскомъ, и съ тѣхъ поръ его не оставляла. По мѣрѣ приближенія къ Петербургу, она показывалась ему рѣже и рѣже, а по прибытіи въ столицу, вовсе его покинула.

«Наташа!» призывалъ онъ ее слабымъ голосомъ, идя домой изъ мрачнаго вертепа, гнѣздилища его зло-

дѣвъ. «Наташа! и ты меня оставила! Или уже мнѣ пора переселиться къ тебѣ — туда!» — —

Онъ не помнилъ самъ, какъ пришелъ въ новое свое жилище. Вѣрный Силантьевъ ожидалъ его въ залѣ. Кемскій, погруженный въ глубокую, тяжелую думу, не замѣчалъ, что зала была убрана чисто, опрятно, что на стѣнахъ висѣли картины и эстампы, въ симметрическомъ порядкѣ. Силантьевъ, привыкшій въ теченіе многихъ лѣтъ къ странностямъ своего господина, не тревожилъ его ни докладами, ни вопросами: ему были извѣстны тѣ дни, тѣ часы, въ которые князь ходилъ, какъ мертвый между живыми; встревожить, испугать его въ это время значило положить на нѣсколько дней въ постель.

Кемскій вошелъ въ спальню и, обративъ глаза къ образу, предъ которымъ теплилась тусклая лампада, мысленно прочелъ молитву, перекрестился и легъ въ постелю. Не сонъ, а какое-то болѣзненное забвеніе смежило его вѣжди: онъ чувствовалъ, что не спитъ, а между тѣмъ видѣлъ предъ собою мечты небывалыя и несбыточные. Черезъ нѣсколько времени и эти легкія сновидѣнія отлетѣли; онъ открылъ глаза. Лампада предъ образомъ пылала ярче обыкновеннаго. Въ одномъ углу комнаты сидѣла Наташа, во всегдашнемъ своемъ черномъ платьѣ, облокотясь на столъ, и томными глазами, въ которыхъ выражались и нѣжность и грусть, и воспоминаніе и надежда, смотрѣла въ другой уголъ, темный, недосягаемый свѣту лампады. Вдругъ и эта сторона стала проясняться: мало

но малу явился тамъ ликъ младенца, въ бѣлой сорочкѣ, опоясанной голубою лентою. Младенецъ, прекрасный, миловидный, сидѣлъ на подушкѣ, и съ дѣтскою улыбкою нетерпѣнія протягивалъ руки къ Наташѣ, какъ бы говоря ей: возьми меня! Кемскій обратилъ глаза къ ней: ея ужъ не было; посмотрѣлъ опять на младенца — ликъ его тонулъ во мракѣ. Лампада тухла, тухла — и вдругъ погасла. Колоколь прогудѣлъ три часа.

Это видѣніе долго носилось въ воображеніи Кемскаго: онъ не зналъ, наяву ли это было, или во снѣ; только послѣднее явленіе — явленіе младенца, померкновеніе лампады и звонъ колокола, казалось ему, были не сонными мечтаніями. Милые образы кружились во мракѣ вокругъ страдальца, и подъ утро навѣяли на него сонъ тихій и крѣпительный.

Онъ проснулся поздно. Зимніе лучи солнца проникали сквозь алыя занавѣски, и обливали нѣжнымъ цвѣтомъ бѣлыя стѣны комнаты. Припоминая мечты протекшей ночи, стараясь оживить ихъ въ своемъ воображеніи, Кемскій открылъ глаза — и что жъ? На бѣлой стѣнѣ, игравшей розовыми отливами, представился ему ликъ младенца, видѣнный имъ ночью. Онъ протираетъ глаза; — нѣтъ, это не мечта, это представляется наяву. Разсмотрѣвъ внимательно, онъ увидѣлъ, что это было живописное изображеніе прекраснаго дитяти, въ естественную величину, безъ рамы, висѣвшее на стѣнѣ надъ письменнымъ его столикомъ, растолковалъ себѣ причину ночнаго видѣнія, и дога-

дался, что эта прекрасная картина повѣшена Берилловымъ. Другую противоположную сторону стѣны занималъ ландшафтъ его родины. — Такое нѣжное вниманіе простодушнаго Берилова глубоко врѣзалось въ душу князя. Артистъ былъ тотъ же, что и за двадцать лѣтъ предъ симъ: безпечный, равнодушный, даже безтолковый въ дѣлахъ жизни обыкновенной, прозаической, онъ чуюлъ самые тихіе звуки струнъ сердца человѣческаго, и находилъ имъ отзывъ въ своемъ сердцѣ — и этотъ путь шелъ въ сердце его прямо, а не головою. Подъ сельскимъ видомъ повѣсилъ онъ собственный свой портретъ, съ подписью, своего же сочиненія: *«Князю изъ людей, человѣку изъ князей, благодарный до гроба Андрей Берилловъ.»*

Кемскій со слезами умиленія бросился на шею Бериллову, вошедшему въ его комнату. Артистъ былъ внѣ себя отъ восхищенія, что угодилъ своему другу. «Но что это за прелестное лицо, это не смертная — это ангелъ!» сказалъ Кемскій, указывая на изображеніе младенца. «Скажите, гдѣ подлинникъ этой картины! Или она родилась въ вашемъ воображеніи?» — «Нѣтъ-съ, ваше сіятельство,» пробормоталъ Берилловъ въ смущеніи: «это такъ, ничего-съ, то есть, это не выдумка, это дочь моя.» — «Дочь ваша!» спросилъ Кемскій: «дочь ваша!» — Берилловъ покраснѣлъ, замялся, потупилъ глаза и не отвѣчалъ. Кемскій, догадываясь, что въ этомъ скрывается какая нибудь тайна, заставляющая краснѣть Берилова, пересталъ

спрашивать, но не могъ растолковать себѣ этой странности. Сколько было ему извѣстно, Бериловъ никогда не былъ женатъ. Но по этому-то и долженъ онъ былъ щадить его вопросами о дочери. — Минута недоумѣнія быстро пролетѣла.

Кемскій жилъ тихо и спокойно; ходилъ утромъ по дѣламъ, и пришедши домой, послѣ скромнаго обѣда, занимался книгами, приведеніемъ въ порядокъ своихъ записокъ, и мечтами. Берилова видалъ онъ рѣдко. Въ началѣ обѣдывали они вмѣстѣ, но это продолжалось не болѣе недѣли. Бериловъ никогда не приходилъ къ обѣду во-время: иногда являлся часу въ одиннадцатомъ утра, и спрашивалъ: вы еще не кушали, князь? Но чаще всего пропускалъ надлежащее время, и приходилъ обѣдать, когда другіе собирались ужинать или спать. Кемскій сносилъ это терпѣливо: онъ не былъ педантски привязанъ къ маятнику и циферблату; но Бериловъ самъ догадался, что такое разстройство должно быть непріятно человѣку немолдому и нездоровому; да и онъ, опаздывая приходомъ домой, безпокая князя, крайне совѣстился, сердился на себя, божился, что съ завтрашняго числа сдѣлается порядочнымъ, и завтра отлагалъ исправленіе до послѣ-завтра. Однажды онъ со слезами просилъ князя уволить его отъ своего стола, просилъ дать ему прежнюю свободу, дозволить ему ѣсть и спать, гдѣ, какъ и когда захочется. Князь безъ всякаго противорѣчія согласился на это, и Бериловъ началъ бродить, куда глаза глядятъ; началъ *пропадать*

на нѣсколько недѣль. И какъ это ему сдѣлалось легко! Домъ его стерегутъ, комнату чистятъ и метутъ. Воротится къ своимъ пенатамъ, и все пойдетъ по прежнему. Первымъ вѣстникомъ его возвращенія былъ обыкновенно крикъ Акулины Никитичны, сначала бранный, а потомъ ласковый, пробивавшійся сквозь заколоченную дверь. Затѣмъ Бериловъ являлся къ князю. «Здравствуй, Андрей Ѳедоровичъ! гдѣ побывалъ?» — «Въ Нарвѣ, въ Гатчинѣ, въ Кронштадтѣ, въ Выборгѣ, въ Новѣгородѣ,» отвѣчалъ артистъ, и вынималъ изъ портфейля свои этюды. Князь разглядывалъ, критиковалъ, спорилъ. Бериловъ привнимался исполнять эскизы — и чрезъ нѣсколько дней исчезалъ опять. Потомъ опять являлся, и начиналъ городскую жизнь бранью съ Акулиною Никитичною; но эти побранки, въ которыхъ Кемскій невольно участвовалъ слухомъ, были майскимъ днемъ въ сравненіи съ сентябрьскими бурями свѣта, отъ которыхъ князь укрылся. Онъ былъ привязанъ къ живописцу какою-то непостижимою силой. Увидѣвъ его у Вышатины въ первый разъ послѣ разлуки, онъ почувствовалъ неизъяснимую въ сердцѣ отраду: ему казалось, что встрѣтился съ давнопотеряннымъ другомъ, съ пришельцемъ съ того свѣта. «И это не удивительно,» думалъ онъ, перебирая въ мысляхъ свои впечатлѣнія: «никто не зналъ *ея* такъ коротко, какъ Бериловъ; никто изъ тѣхъ, кого вижу нынѣ, не помнитъ *ея* ангельскаго взгляда, *ея* божественной души! И съ какою пощадою онъ упоминаетъ о ней

въ бесѣдахъ со мною! Если бѣ мнѣ должно было изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей избрать въ друзья одного, я избралъ бы этого простодушнаго сына природы, въ которомъ чувство изящнаго, истиннаго, великаго и безсмертнаго таится, какъ неоцѣненный алмазь, искра луча солнечнаго, въ дикой оболочкѣ!

XLVI.

Великолѣпный балъ разгорался. Тысячи свѣтъ озаряли огромныя залы, убранныя зеркалами, завѣсами, фестонами. Легкія нимфы, какъ весенніе мотыльки, летали, едва касаясь зеркальнаго пола; вокругъ ихъ толпились искатели наслажденій, съ готовыми похвалами на устахъ, съ насмѣшкою на лицѣ, съ эпиграммами въ умѣ. Громкая музыка едва покрывала шепотъ волнующейся толпы. Любители танцевъ еще не утомились, и считали предстоящіе имъ часы удовольствій. Прелестныя наряды красавицъ еще не увяли отъ жару, пыли и копоти. Еще было просторно въ комнатахъ, и новоприбывающіе находили мѣсто по выбору.

Кемскій вошелъ въ залу. Лѣтъ осьмнадцать не бывалъ онъ въ большихъ свѣтскихъ собраніяхъ. Безпрерывное движеніе, шумъ, блескъ — произвели въ немъ странное дѣйствіе. Напоминая о давноминувшихъ дняхъ молодости и счастья — эта картина удо-

вольствія и великолѣпія возбудила въ сердцѣ его чувство грустное, томительное: въ умѣ его, при громкихъ звукахъ веселія, возникла мысль о непрочности всего земнаго, о смерти, о тлѣнности. Онъ вспомнилъ о прежнихъ дняхъ, о бывалыхъ увеселеніяхъ, объ отшедшихъ собесѣдникахъ. Дни тѣ улетѣли, звуки того веселія умолкли, тѣ собесѣдники истлѣли подъ гробовымъ покровомъ. Тѣснимый, волнуемый грустными мыслями, онъ, остановился, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ залѣ, и хотѣлъ бѣжать въ свое уединеніе; но, вспомнивъ о причинѣ, заставившей его втѣсниться въ эту шумную толпу, заглушилъ въ душѣ своей волненіе воспоминаній и сравненій, и пошелъ отыскивать хозяина или, лучше сказать, хозяйку.

Балъ этотъ давалъ Лютнинъ, въ день рожденія Пелагѣи Степановны. Увидѣвшись съ Кемскимъ наканунѣ, онъ пригласилъ стараго товарища къ себѣ на вечеръ. Князь съ перваго слова отказался; но Лютнинъ не принималъ извиненій, увѣрялъ, что онъ посѣщеніемъ своимъ обрадуетъ добрую Полину, которая его истинно уважаетъ; далъ знать, что онъ отказомъ огорчитъ друзей своихъ, что повредитъ тѣмъ дѣлу своего кліента. Одна эта мысль могла заставить Кемскаго отважиться на все. Онъ далъ слово — и явился, какъ на дежурство, какъ на искупленіе — въ твердомъ намѣреніи оставить общество какъ можно скорѣе. Грустное впечатлѣніе, произведенное въ немъ шумнымъ веселіемъ и ослѣпительнымъ блескомъ, еще болѣе укрѣпило его въ этомъ. Онъ нашелъ хозяевъ,

поздоровался съ Лютнинымъ, который, въ суетахъ праздничныхъ, разсѣянно отвѣчалъ ему пожатіемъ руки; поздравилъ Пелагью Степановну, а она едва удостоила его взглядомъ. — «Можетъ быть однако,» подумалъ онъ: «хватаются меня — пройдуся раза два по комнатамъ.»

Миновавъ рядъ освѣщенныхъ залъ, онъ вошелъ въ билліардную. Два офицера, одинъ гвардеецъ, другой флотскій, играли на билліардѣ. Человѣка три неважныхъ гостей сидѣли на скамьяхъ, и безмолвно смотрѣли на игру. Здѣсь было не такъ шумно, не такъ душно, какъ въ парадныхъ апартаментахъ; по отдаленіи этой комнаты отъ другихъ, слышенъ былъ въ ней и запахъ табаку. Кемскій взмогся на высокую скамью. Слуга, въ богатой ливреѣ, поднесъ ему сигарку. Онъ съ удовольствіемъ взялъ ее, закурилъ и обратилъ вниманіе на игру офицеровъ. Флотскій сдѣлалъ блистательный ударъ, и гвардеецъ сказалъ: «Лихо! хотъ бы Ветлину такъ сыграть!» — «Не сыграть ему такъ!» отвѣчалъ морякъ, и сдѣлалъ еще одну мастерскую билію. «Но согласитесь, что онъ играетъ прекрасно!» — «Игралъ — *tempi passati!*» возразилъ морякъ: «теперь онъ у насъ въ ластовыхъ — лодки мажетъ, да деготь крадетъ.» — «Быть не можетъ! Ветлинъ вышелъ изъ флоту?» — «Нѣтъ! мундиръ на немъ тотъ же, да душа зачерствѣла. Промахъ! — Ветлинъ — этотъ образецъ удальца на берегу, отрада въ каютъ-компаніи, герой въ битвѣ, неустрашимый въ жесточайшей бурѣ, сталъ теперь

слабѣе, хилѣе, глупѣе — Богъ знаетъ чего! И всего страннѣе, что эта перемѣна сдѣлалась съ нимъ въ продолженіе кампаніи: безбородые гардемариныворотились молодцами, а онъ какимъ-то монахомъ. Всѣхъ бѣгаетъ, всего боится — какъ мокрая курица. Не повѣрите, какъ я удивился, увидѣвъ его сегодня здѣсь, на балѣ. Сергѣй Ветлинъ на балѣ! Въ былыя времена онъ бѣгалъ парадныхъ компаній, боясь принужденія. Теперь чуждается прежнихъ товарищей — а на балѣ явился. Подите, растолкуйте человѣческія причуды! — Партія. — Не угодно ли *quite à double?*» — Кемскій не проронилъ ни слова изъ этого разговора. Ветлинъ! думалъ онъ: Сергѣй Ветлинъ! крестникъ Элимова — этотъ негодяй — здѣсь на балѣ. Ему совѣстно было обратиться съ вопросомъ къ незнакомымъ, да сверхъ того нѣжное и почтительное обхожденіе племянниковъ такъ его напугало, что онъ страшился вступать въ разговоры съ молодыми людьми. Онъ рѣшился кое-какъ самъ отыскать Ветлина, и, выкуривъ сигарку, отправился въ другія комнаты. Онѣ были наполнены безчисленною пестрою толпою, которая едва давала мѣсто танцующимъ. Кемскій по-сматривалъ на всѣ *якорные* воротники. Вотъ флотскій офицеръ танцуетъ въ кадрили. Нѣтъ, это не Ветлинъ: у того волосы темнорусые, а этотъ блондинъ да и глядитъ какимъ-то теленкомъ. — Вотъ другой — нѣтъ, этотъ ужъ слишкомъ старъ: осьмнадцати кампаній Ветлинъ не сдѣлалъ. Еще нѣсколько; по примѣтамъ — все не Ветлинъ. Но вотъ играютъ въ

экарте. За стуломъ одного пожилаго, опытнаго корифея англійскаго клуба, стоитъ молодой флотскій офицеръ, темноволосый, статный. Можетъ быть, это Ветлинъ. Онъ пристально слѣдитъ игру. На лицѣ его можно видѣть, какъ въ зеркалѣ, весь ходъ карточного поединка. Лице его правильное, благообразное, глаза выразительные, но на устахъ играетъ улыбка не улыбка, гримаса не гримаса — смѣшанное выраженіе и ласки и презрѣнія, и удовольствія и досады. Отъ нижней губы идетъ какая-то странная полоса, какъ борозда, проведенная страстями. И эта полоса, по временамъ, когда душу подернетъ какое нибудь чувство досады или нетерпѣнія, становится глубже, явственнѣе; начинается безобразить лице, но чрезъ нѣсколько минутъ сверкнетъ въ черныхъ, пламенныхъ глазахъ какой-то яркій лучъ, и эта полоса исчезнетъ мгновенно, и на устахъ пролетитъ другая улыбка, не прежняя, а отрадная и милая. — Если бъ это былъ Ветлинъ! подумалъ Кемскій, подсѣлъ къ игрокамъ, и, подъ видомъ наблюденія игры, слѣдилъ незнакомца. Интересъ игры увеличивался ежеминутно. Съ нимъ наравнѣ возрастало вниманіе офицера. Въ антрактахъ между танцами, дамы и дѣвицы, по обыкновенію, взявшись за руки, прохаживались по заламъ. Офицеръ не глядѣлъ на нихъ: дамы карточные занимали его болѣе. Вдругъ, въ перелетномъ шепотѣ, раздались слова: «Escoutez, Наденька! Надежда Андреевна! Escoutez donc!» — Офицеръ при сихъ словахъ вздрогнулъ; пламенная краска пронес-

лась по лицу его; онъ быстро обратился къ мимоидущимъ дамамъ: отыскалъ глазами ту, которую звали, посмотрѣлъ на нее внимательно, потомъ испустилъ глубокій вздохъ, какъ бы обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, и опять обратился къ картамъ, но спокойствіе и вниманіе его исчезли. Видно было, что Наденька, или Надежда Андреевна, бродила у него въ умѣ. Онъ постоялъ еще нѣсколько минутъ, потомъ отошелъ отъ стола, удалился въ другую комнату, опять воротился и сталъ на прежнее мѣсто. Хозяинъ подошелъ къ играющимъ. «Ты не играешь, Кемскій?» спросилъ онъ. — «Нѣтъ, любезный!» отвѣчалъ Кемскій: «только смотрю и учусь.» — При произнесеніи имени Кемскаго, молодой человѣкъ измѣнился въ лицѣ, и уставилъ глаза въ Кемскаго. Видно было, что въ его душѣ происходило сильное волненіе. — «Это Ветлинъ!» подумалъ Кемскій, но не зналъ, какъ вступить съ нимъ въ разговоръ. И Ветлинъ былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ. — Въ это время прежній офицеръ, проходя изъ билліардной, потрепалъ его по плечу, и сказавъ: «Что братъ, Ветлинъ, не разбираетъ ли тебя опять охотка отвѣдать счастья на зеленомъ полѣ? Берегись, помни ревельскія штуки!» — скрылся въ толпѣ. Ветлинъ смѣшался еще болѣе. Тогда Кемскій всталъ, подошелъ къ нему и спросилъ ласково: «Вы Ветлинъ? Сергѣй Ивановичъ? Конечно помните Кемскаго?» — «Помню ли!» съ жаромъ сказалъ офицеръ, удерживая порывъ, неприличный въ большомъ обществѣ. «И вы здѣсь, въ Петербур-

гѣ, почтенный благодѣтель и хранитель моего дѣтства!» — «Уже нѣсколько мѣсяцевъ,» отвѣчалъ Кемскій: «а вы?» — «За недѣлю воротился изъ вояжа, и третьяго дня пріѣхалъ въ Петербургъ.» — «Радъ, что вижу васъ,» сказалъ Кемскій, истинно обрадованный тономъ молодаго человека: «но здѣсь намъ не мѣсто толковать. Посѣтите меня! Вотъ мой адресъ!» прибавилъ онъ, отдавая ему обертку письма, случайно бывшую у него въ карманѣ. «До свиданія!» — Офицеръ взялъ адресъ, и съ чувствомъ пожалъ ему руку. — Кемскій вышелъ изъ комнаты, и уѣхалъ домой.

XLVII.

На другой день вечеромъ Сергѣй Ветлинъ явился къ Кемскому. Онъ вошелъ въ домъ съ какимъ-то страхомъ, раза три спрашивалъ у Силантьева, точно ли тутъ живетъ Князь Алексѣй Ѳедоровичъ, и вступивъ въ комнату, поздоровавшись съ княземъ, въ недоумѣніи осматривался во всѣ стороны. Кемскій замѣтилъ его любопытство, и догадался о причинѣ. — «Вамъ странно, Сергѣй Ивановичъ,» сказалъ Кемскій чрезъ нѣсколько времени: «что я живу такъ уединенно, такъ просто?» — «Признаюсь,» отвѣчалъ Ветлинъ, запинаясь: «что я думалъ найти васъ, если не въ великолѣпномъ, то по крайней мѣрѣ въ удобномъ по-

мѣщеніи.» — «Почему жъ это неудобно?» спросилъ Кемскій съ улыбкою: «кто нѣсколько лѣтъ провелъ въ землянкахъ да на бивакахъ, тому это помѣщеніе должно казаться царскимъ дворцомъ. Квартира сухая, теплая, для меня довольно просторная. Гостей у меня не бываетъ.» — «Никого?» спросилъ Ветлинъ съ испытующимъ взглядомъ. — «Почти никого,» отвѣчалъ Кемскій: «иногда зайдетъ сосѣдъ и другъ мой, живописецъ.» — «А родственники? а сестрица? а племянники ваши?» — «Видно, имъ нѣкогда,» сказалъ Кемскій, и взглянулъ на картину, какъ будто желая прекратить или переменить разговоръ. — «Но я знаю,» продолжалъ Ветлинъ: «что Платонъ Сергѣевичъ радовался вашему возвращенію; онъ писалъ къ одному своему пріятелю, моему товарищу, что осчастливленъ вашимъ пріѣздомъ, что надѣется отъ васъ....» — «Надежды обманчивы!» сказалъ Кемскій вздохнувъ: «Богъ съ ними. Дѣло въ томъ, любезный Сергѣй Ивановичъ (прибавилъ онъ поспѣшно, какъ будто желая скорѣе высказать), что во время моихъ походовъ имѣніе мое разстроилось; изъ четырехъ тысячъ душъ отцовскаго имѣнія врядъ ли мнѣ что останется по окончаніи дѣлъ; я долженъ жить скромно, чтобъ на старости не быть въ тягость другимъ; и вотъ почему не могу принимать родни, привыкшей къ богатству и роскоши.» — Слова эти произвели глубокое впечатлѣніе въ молодомъ офицерѣ: на лицѣ его выразилось чувство уваженія къ кротости и великодушію, съ какими Кемскій отзывался о гнусныхъ сво-

ихъ родственникахъ. Это выраженіе не ускользнуло отъ Кемскаго. «Вотъ,» думалъ онъ: «тотъ шалунъ, негодяй, извергъ, о которомъ Алевтина мнѣ писала! У него есть умъ, чувство, совѣсть....» — Разговоръ согрѣлся мало по малу. Кемскій спрашивалъ Ветлина о его походахъ и вояжахъ. Молодой человѣкъ отвѣчалъ умно, живо, выказывалъ отличныя свѣдѣнія. Вечеръ пролетѣлъ непримѣтно.

Такихъ вечеровъ было еще нѣсколько. Ветлинъ былъ всегда тотъ же. Иногда только проскакивало въ его обращеніи, въ его рѣчахъ какое-то нетерпѣніе; иногда срывались съ устъ выраженія жесткія, неупотребительныя въ кругу хорошаго общества; но лишь только случится ему сдѣлать или сказать что нибудь неловкое, неприличное, онъ спохватится, съ досады покраснѣетъ, и потомъ всячески старается загладить свою ошибку. — Кемскій не понималъ его совершенно. Онъ нашелъ случай поговорить о немъ съ бывшими его начальниками въ Морскомъ Корпусѣ. Всѣ единогласно утверждали, что Ветлинъ одаренъ отъ природы отличными способностями, но скрытенъ, коваренъ, золъ, мстителенъ, радъ всякой бѣдѣ ближняго, и чуждъ всякаго чувства любви и дружбы. Надѣлѣ казалось Кемскому иное: бывали случаи, въ коихъ Ветлинъ показывалъ ребяческую слабость и чувствительность, въ которыхъ, казалось, онъ готовъ былъ отдать душу за страждущаго. — «Загадка!» думалъ Кемскій.

Между тѣмъ проблески благородныхъ побужденій

и возвышенныхъ мыслей въ душѣ Ветлина, его безкорыстное уваженіе къ благодѣтелю своего младенчества, его скромность въ отзывахъ о недостойныхъ дѣтяхъ Элимова, мало по малу зараждали въ сердцѣ Кемскаго сначала вниманіе, потомъ участіе, а тамъ и любовь. Онъ засталъ себя однажды готовымъ броситься въ объятія молодаго человѣка, предложить ему свою дружбу, и просить взаимности; но мысль о томъ, что все обращеніе, вся наружность жизни Ветлина могутъ быть притворствомъ, лицемѣріемъ, обманомъ, — воспоминаніе о тѣхъ обманахъ и заблужденіяхъ, въ которые впадалъ онъ въ теченіе всей бурной жизни своей, удерживали его. И Ветлинъ, казалось, замѣчалъ эту недовѣрчивость; казалось, иногда оскорблялся ею, но послѣ мгновеннаго размышленія, опять становился прежнимъ.

Когда бывало они, въ бесѣдахъ своихъ, столкнулись на чувствѣ, на какомъ либо душевномъ признаніи, Кемскій всегда умѣлъ обратить разговоръ на другое, обыкновенно на искусства, словесность, науки. И здѣсь Ветлинъ былъ дѣйствительно пріятнымъ собеседникомъ. Онъ много читалъ, размышлялъ; видѣлъ много хорошаго и любопытнаго въ своихъ путешествіяхъ, понималъ музыку, зналъ толкъ и въ другихъ изящныхъ искусствахъ, страстно любилъ словесность. Эти разговоры между имъ и Кемскимъ были для нихъ обоихъ самые пріятные и занимательные: они высказывали другъ другу свои впечатлѣнія, чувствованія, мнѣнія, безъ запинки, безъ умолчанія. — Лишь толь-

ко же бывало рѣчь коснется состоянія ихъ души, взаимныхъ отношеній, князь задумывался, а Ветлинъ приходилъ въ замѣшательство. Казалось, у каждого была тайная мысль, которую одинъ боялся открыть другому. Въ Кемскомъ, это, какъ сказано, была боязнь разочарованія. Въ Ветлинѣ замѣшательство проистекало изъ другаго источника.

Однажды, подѣ вечеръ, толковали они о преимуществѣ изящныхъ искусствъ. Ветлинъ говорилъ, что для него дороже, пріятнѣе, восхитительнѣе всего музыка и поэзія; что поэзія есть цѣлый міръ, повтореніе существеннаго въ высшемъ, идеальномъ характерѣ, а музыка переводъ поэзіи на языкъ небесный. — «А пластическія искусства?» спросилъ Кемскій. «Неужели живопись не можетъ также быть поэзіею, быть музыкою?» — «Нѣтъ, не думаю!» сказалъ Ветлинъ: «Живопись искусство слишкомъ матеріальное: она представляетъ намъ природу украшенную, не высшую; силится постигнуть и изобразить существующее, а до идеала не можетъ возвыситься.» — Кемскій на это не соглашался. Ветлинъ оставался при своемъ мнѣніи. «Нѣтъ,» говорилъ онъ: «Живопись, изображеніе изящной, но мертвой природы, никогда не тронетъ, не поразитъ меня такъ, какъ стихотвореніе Жуковского, какъ музыка Донъ-Жуана; она оставляетъ въ душѣ формы чувственныя, постигаемыя зрѣніемъ, и толкуемыя разсудкомъ.» — Въ это время внесли въ комнату свѣчи. Кемскій прервалъ рѣчь Ветлина: «А это, напримѣръ,» сказалъ онъ, и снялъ покры-

вало съ изображенія небеснаго своего младенца. Ветлинъ остановился, поблѣднѣлъ; потомъ пламенная краска пробѣжала по лицу его, и слезы выступили на глазахъ. «Это — это что?» спросилъ онъ, запинаясь, и поднялъ руки, какъ бы желая поддержать подавшагося впередъ младенца. — «Это живопись!» отвѣчалъ Кемскій, улыбаясь, и хотѣлъ закрыть картину. — «Постойте!» воскликнулъ Ветлинъ: «дайте мнѣ еще посмотрѣть на этого ангела!» И онъ вперилъ взоры въ картину; глаза его горѣли огнемъ необыкновеннымъ и наполнялись слезами. «Чей это портретъ? откуда вы его взяли?» спрашивалъ онъ, не сводя глазъ съ картины. — «Право не знаю, чей,» отвѣчалъ Кемскій, щадя тайну Берилова: «мнѣ подарилъ его пріятель.» Ветлинъ наконецъ замѣтилъ, что его жадное вниманіе можетъ наскучить, со вздохомъ отвернулся отъ картины, сѣлъ въ кресла, и задумался. — Кемскій, довольный силою своего довода, опустилъ покрывало, сѣлъ подлѣ Ветлина, и старался возобновить разговоръ. Мало по малу бесѣда вошла въ прежнюю колею. Ветлинъ разговаривалъ о дикихъ красотахъ Норвегіи. Кемскій, слушая его внимательно, замѣтилъ, что Сѣверъ обиженъ путешественниками, что дикія и грозныя красоты Скандинавіи еще не находили достойнаго живописца; что Норвегія, Швеція, Финляндія ждутъ наблюдателей. При сихъ словахъ ему показалось, что въ умѣ Ветлина блеснула какая-то счастливая мысль. — «Если бъ я зналъ, что искреннее желаніе и тщательный трудъ могутъ замѣнить та-

лантъ творческій и живописный,» сказалъ онъ: «то попросилъ бы васъ прочитатъ нѣсколько очерковъ, набросанныхъ мною въ путешествіяхъ.» Онъ произнесъ эти слова съ усиленіемъ, и покраснѣлъ. Кемскій просилъ его не слишкомъ скромничать, и доставить ему это удовольствіе. — Они разстались въ этотъ день гораздо знакомѣе прежняго. Ветлинь, уходя, взялъ князя за руку, и посмотрѣлъ ему въ глаза съ неизъяснимымъ выраженіемъ, въ которомъ смѣшивались боязнь и любовь, недоумѣніе и надежда.

Нѣсколько дней Ветлинь не являлся. Въ одно утро Кемскій получилъ тяжелый пакетъ съ почты со штемпелемъ: Кронштадтъ. Это были литературные опыты Ветлина: описаніе нѣкоторыхъ морскихъ путешествій; картина шторма у Шетландскихъ Острововъ; наблюденія въ Норвегіи, Швеціи, Голландіи и сѣверной Франціи. Но всего любопытнѣе была для Кемскаго одна тетрадка, въ которой заключалась какая-то повѣсть: эта тетрадка была переписана тщательно, на почтовой бумагѣ, переплетена, какъ казалось, самоучкою, но опрятно и красиво. Первыя строки повѣсти возбудили вниманіе Кемскаго въ высочайшей степени. Онъ прежде всего принялся за эту тетрадку, и прочиталъ ее, не вставая съ мѣста. Вотъ ея содержаніе.

XLVIII.

ЖИЗНЬ СИРОТЫ.

Не судите, не осуждайте людей съ перваго взгляда! Храните первое о нихъ *впечатлѣніе*: оно иногда бываетъ рѣшительно и справедливо; но *судъ* произносите по внимательномъ изслѣдованіи чувствованій, мыслей, дѣлъ человѣка — а болѣе всего по разсмотрѣніи обстоятельствъ его жизни, воспитанія и положенія въ свѣтѣ. Люди! люди! какъ часто вы бываете неосторожны, несправедливы, жестоки въ своихъ приговорахъ! Какъ часто осуждаете на казнь общаго мнѣнія того человѣка, котораго сами, своею холодною, строгостью, недружелюбіемъ, столкнули съ пути добродѣтели и правды! Счастливъ онъ, когда надъ нимъ сжалятся Небо, когда пошлетъ ему помощь, отраду, надежду и утѣшеніе!

Натуралисты говорятъ, что человѣкъ рождается на свѣтѣ слабѣе, безпомощнѣе всѣхъ животныхъ, и самыхъ ничтожныхъ. Они говорятъ это въ отношеніи физическомъ, а во сколько кратъ эта истина истиннѣе въ мірѣ нравственномъ! Пусть всякъ изъ насъ вспомнитъ, чѣмъ онъ обязанъ первымъ ласкамъ, первымъ урокамъ, первымъ предостереженіемъ матери! Какъ глубоко врѣзалось въ его сердце каждое слово отца, и невзначай имъ произнесенное! Пусть вспомнитъ онъ наставленія, замѣчанія, поправки своего воспитателя,

своего брата, друга, старшаго изъ своихъ товарищей — и потомъ исчислить, чѣмъ обязанъ онъ руководителямъ своего дѣтства, и что останется на долю собственной его дѣятельности и любви къ добру! Теперь, отнимите эти пособія, эти уроки, эти поощренія у возрастающаго человѣка: на привѣтъ любви младенческой отвѣчайте холодностью; порывъ добродѣтели наказывайте какъ шалость; благородную откровенность называйте дерзостью, любовь къ правдѣ нескромностью, благотворительность мотовствомъ; — давите, истребляйте всѣ зародыши добра, превращайте ближнихъ его въ совмѣстниковъ и враговъ — что выйдетъ изъ такого человѣка? — Нелюдимъ или злодѣй, смотря по его темпераменту. И потомъ, вооружитесь всею силою *печатной* морали, и жестокимъ приговоромъ карайте произведеніе собственнаго вашего бездушія, несправедливости и ненависти къ добру! Вотъ ваша людская справедливость! Къ счастью, она и въ этомъ мірѣ не верховное судилище. Но кто дерзнетъ искать и, мнѣе того, кто дерзнетъ требовать правосудія противъ большинства голосовъ? — Къ тебѣ, небесное Провидѣніе, пославшее человѣка въ міръ на испытаніе, обращается вся его надежда и вѣра! Ниспошли ему твоего ангела, спаси его на пути жизни, и приведи въ тихое пристанище — достойнымъ твоего безсмертія!

Я не помню самыхъ первыхъ лѣтъ своей жизни. Знаю только, что въ самый часъ моего рожденія отецъ мой палъ на штурмѣ Измаила, а мать умерла

на девятый день. Я былъ взятъ на воспитаніе крестнымъ отцемъ, добрымъ человѣкомъ, который когда-то служилъ подъ начальствомъ моего отца. Мнѣ было лѣтъ пять отъ роду, когда не стало моего воспріемника, но онъ сдалъ меня на руки одному своему родственнику. Воспоминаніе объ этомъ родственникѣ его есть одно изъ самыхъ раннихъ и пріятныхъ въ моей жизни. Онъ былъ человѣкъ молодой, добрый, ласковый, привѣтливый. Я жилъ въ домѣ его сестры, съ племянниками его, и онъ навѣщалъ насъ очень часто. Прихода его ждалъ я съ нетерпѣніемъ; по уходѣ его тосковалъ и грустилъ нѣсколько часовъ. Еще одна особа услаждала годы моего младенчества — дѣвица, воспитательница дѣтей моего воспріемника. Я помню лице ея, прекрасное, одушевленное, божественное. Когда я, лишась ея, въ тоскѣ и отчаяніи призывалъ моего ангела хранителя, онъ являлся моему воображенію въ чертахъ лика незабвенной хранительницы моего дѣтства. Счастіе мое достигло крайней точки, когда мой благодѣтель на ней женился. Я перешелъ въ ихъ домъ, сталъ называть ихъ отцемъ и матерью. Эти дни, немногіе, представляются въ моей памяти бѣлою свѣтящеюся чертою на темномъ поприщѣ моей жизни. Но счастіе мое было непродолжительно. Благодѣтель мой уѣхалъ на войну, и не возвращался. Жена его умерла съ горя. Меня опять взяли въ домъ сестры его — и какъ? — не дали даже проститься съ прахомъ моей доброй маменьки! Это было первое горестное ощущеніе въ моей жизни —

ужасное, жестокое. Мнѣ казалось, что я переселенъ въ другой міръ, что надо мною осуществилось священное сказаніе, которое читалъ я подъ руководствомъ моей воспитательницы—объ изгнаніи человѣка изъ земнаго рая. И это произошло въ то самое время, въ ту самую минуту, могу сказать, когда душа моя прозрѣла, когда началось умственно мое бытіе: дотолѣ я невѣдомо носился въ жизни, какъ мотылекъ въ ароматѣ цвѣтовъ весеннихъ, чувствовалъ, а не мыслилъ, видѣлъ, а не зналъ.

Пробужденіе моего ума, помню я, послѣдовало, когда мы сидѣли за столомъ—сестра моего благодѣтеля, второй мужъ ея, два сына, дочь, учитель, гувернантка и я. Поводомъ къ тому было дѣтское дѣло, но оно оставило впечатлѣніе на всю мою судьбу. Въ то время былъ обычай ставить на столъ всѣ блюда вдругъ, а не вносить одно за другимъ, какъ нынѣ. Въ числѣ этихъ блюдъ замѣтилъ я одно, которое часто бывало на столѣ у моихъ воспитателей; имъ моя благодѣтельница обыкновенно подчивала своего отца, старичка добраго и почтеннаго. Это были малороссійскіе вареники. Я обрадовался имъ, какъ старымъ знакомымъ. Но причиною этой радости было отнюдь не лакомство: мнѣ почудилось при взглядѣ на это блюдо, что я сижу въ прежнемъ кругу, между папенькою и маменькою, что подлѣ нея съ другой стороны сидитъ ея отецъ; что она меня ласкаетъ, что папенька глядитъ на меня привѣтливо. Я забылъ о ѣдѣ, проснулся только, когда гувернантка подала мнѣ

варениковъ. Я схватился за тарелку съ жадностью; но въ то же время почувствовалъ сильный ударъ по щекѣ, и надо мною разразились слова хозяйки: «Обжора ненасытный! мерзкій лакомка! ничего не ѣлъ; все глаза пялилъ на вареники! И ты еще смѣешь выбирать? Ёшь что дадутъ, нищій! И такъ чуть было не заѣлъ всего добра моихъ бѣдныхъ дѣтей!»—Я не могъ опомниться, не зналъ что дѣлается со мною. Меня ударили по щекѣ еще разъ, и раздались слова: «Вонъ, побродяга! Прочь отъ моего стола! Тебѣ ли обѣдать съ благородными людьми, съ князьями! — Кормить его впередъ съ дѣвками! Вонъ отсюда, ненасытная тварь!» Меня столкнули со стула, и увели въ дѣвичью. Я не плакалъ. Не понималъ что бы это было. Мнѣ почудилось, что свѣтъ въ глазахъ моихъ подернулся какою-то темною завѣсою. Но съ этого часа я сталъ все помнить, сталъ разсуждать, сравнивать, и первымъ моимъ дѣтскимъ заключеніемъ было, что сестра моего благодѣтеля злая волшебница, что она извела моихъ родителей и воспитателей, что она изъ міра людей праведныхъ и добродѣтельныхъ перенесла меня въ какой-то адъ, гдѣ я окруженъ одними злодѣями и врагами. Мучительница моя выгнала меня изъ—за своего стола не на одинъ только этотъ обѣдъ. Я остался навсегда съ служанками и слугами. Меня одѣли, какъ крѣпостнаго мальчика; на ночь отвели мнѣ мѣсто въ темномъ чуланѣ, на грязной, жесткой постели. Слуги въ этомъ домѣ были развратные, дерзкіе и порочные наглецы. Ихъ держали очень дурно

не давали имъ наѣдаться досыта, бранили и били виноватаго и невиннаго, а слуги за то поносили, обманывали, обкрадывали господъ. И я все это видѣлъ! Меня приняли въ эту гнусную компанію съ досадою и бранью: должно было кормить меня изъ общаго людскаго харча; порціи для меня не отпускалось. Я никогда не могъ читать безъ слезъ исторіи младенца, Дофина французскаго, котораго изъ великолѣпныхъ палатъ версальскихъ бросили въ смрадный вертепъ, изъ рукъ попечительныхъ наставниковъ отдали во власть пьянаго сапожника: я былъ преданъ на жертву цѣлой ватагѣ. — Наконецъ одно существо сжалилось надо мною — это была старая ключница, которая за что-то помнила моего благодѣтеля. Она защищала меня отъ нападеній другихъ слугъ, кормила остатками съ барскаго стола, мыла, чесала, одѣвала меня. Но, мнѣ кажется, лучше бъ было для моей нравственности, если бъ я испилъ всю чашу горя, безъ всякой помощи. Старуха употребляла, для облегченія моего положенія, не самыя позволительныя средства: крада у господъ хлѣбъ, которымъ меня кормила, надѣвала на меня бѣлье своихъ баричей, и каждое благодѣяніе свое сопровождала проклятiями и бранью на злодѣйку, какъ она величала свою барыню, на глупаго ея мужа и на все ненавистное ихъ племя. Однажды, когда она истощила всѣ возможныя проклятiя на своихъ господъ, я спросилъ у нея: «Что ты, Егоровна, такъ сердишься на барыню? Мнѣ кажется, она все таки лучше обходится съ тобою, чѣмъ съ другими своими людьми.

Тебя не тревожатъ, не мучать работою, не бьютъ.» — «Ахъ, родимый!» отвѣчала на это старуха, залившись слезами: «она душу мою сгубила! Нѣтъ мнѣ спасенія ни здѣсь, ни тамъ, на томъ свѣтѣ!» — Я сталъ допытываться что значитъ *душу сгубить*. Егоровна растолковала мнѣ, что госпожа принудила ее взять на душу тяжкій грѣхъ, которому нѣтъ прощенія ни у людей, ни у Бога. — «Зачѣмъ же ты послушалась?» спросилъ я простодушно. — «Будь я одна, ни какая сила не заставила бы меня сдѣлать то, что она велѣла. Да у меня дѣти: Оедьку грозила она отдать въ солдаты, а Дуняшку продать въ Шлюшинъ на фабрику!» — Рыданія и слезы прервали рѣчь несчастной. Эти признанія смутили меня до крайности: я не допытывался далѣе, но въ душѣ моей поселилась глубочайшая ненависть къ волшебницѣ, и я старался мстить ей всевозможными средствами. Не было шалости или дерзости, на которую бы я не отваживался. Меня жестоко наказывали. Я терпѣлъ. Старуха поощряла меня къ новымъ подвигамъ противъ моихъ злодѣевъ, увѣряя, что дѣлая зло дурнымъ людямъ, угождаешь Господу Богу. Вдругъ положеніе мое неожиданно перемѣнилось. Меня одѣли попрежнему, *начали* сажать за столъ съ господами; люди стали мнѣ служить. Злость и ненависть волшебницы выражались только грозными взглядами и отрывистыми словами. Впрочемъ должно признаться, что теперь я лучшаго обращенія и не заслуживалъ. Въ переднихъ, лакейскихъ и людскихъ забылъ я скромность, учти-

вость и послушаніе, и замѣтивъ, что меня приняли въ прежнее общество по какой-то необходимости, не старался заслуживать вниманія и похвалы. Старуха моя открыла мнѣ причину возвращенія моего въ господскіе покои: получено было извѣстіе, что мой благодѣтель живъ, что онъ воротится въ Петербургъ. — «Пріѣдетъ онъ, родимый!» говорила она въ отчаяніи: «я сниму съ себя грѣхъ! Онъ меня поми-луется!» А я думалъ: «Пріѣдетъ онъ, такъ я расскажу ему всѣ злодѣянія волшебницы, и мы заодно съ нимъ станемъ отъ ней обороняться.» — Но онъ не пріѣзжалъ. Однажды поутру толстый управитель, одинъ изъ самыхъ жестокихъ мучителей въ домѣ, велѣлъ мнѣ одѣться, посадилъ меня въ сани, и повезъ на Васильевской Островъ. Я обрадовался катанью, которымъ давно не наслаждался. Меня привезли въ какой-то большой домъ: ввели въ комнату, гдѣ были незнакомые офицеры, и за письменными столами сидѣло еще нѣсколько человѣкъ. Меня раздѣли. Я закричалъ, думая, что будутъ сѣчь, по-домашнему. Но нѣтъ! Какой-то толстый господинъ, въ мундирѣ, ощупалъ меня всего, заставилъ показать языкъ и зубы, и сказалъ одному офицеру: «Можно принять.» Меня опять одѣли; явился какой-то сторожъ и снялъ съ меня мѣрку. Управитель поклонился офицеру, а этотъ взялъ меня за руку, и сказавъ: «ну, душенька! ты теперь кадетъ Морскаго Корпуса,» повелъ изъ комнаты. Разными корридорами вошли мы въ предлинную залу, гдѣ сидѣло за столомъ множество дѣтей въ мун-

дирахъ. Я обрадовался. «И мнѣ сошьете такой же мундиръ?» спросилъ я у офицера. — «Точно такой!» отвѣчалъ онъ и посадилъ на порожнее мѣсто. Кадеты осматривали меня съ головы до ногъ. Я съ жадностью сталъ ѣсть: за столомъ волшебницы мнѣ никогда не давали наѣдаться досыта—такъ, что я не разъ сожалѣлъ о лакейскомъ обѣдѣ. — По окончаніи обѣда, возвѣщенномъ, къ великому моему удовольствію, барабаннымъ боемъ, новые товарищи повели меня съ собою въ другую залу. Тамъ начали подтрунивать надо мною, начали вызывать меня на споръ и на драку. Воспитанный въ обществѣ жокеевъ и форрейтеровъ, я принялъ вызовъ, и началъ бить всякаго, кто ко мнѣ подступалъ. Раздались крики; въ залу вошелъ офицеръ, и спросилъ о причинѣ шума. «Новенькій дерется,» отвѣчали ему кадеты, показывая растрепанные свои волосы, оторванные пуговицы, подбитые глаза. «А, другъ!» сказалъ онъ: «тебя на новосельѣ надо проучить. Розогъ!» Я не успѣлъ опаматоваться, какъ уже лежалъ на скамейкѣ подъ жестокими ударами. Взбѣшенный, озлобленный, я рѣшился мстить всѣмъ и каждому. Вечеромъ подрался я еще съ нѣсколькими товарищами; они хотѣли на меня жаловаться, но вдругъ явился мнѣ покровитель. Одинъ двадцатилѣтній кадетъ, Хлыстовъ, за меня вступился. «Не трогать его! онъ лихой малый!» сказалъ онъ громкимъ голосомъ, и всѣ отъ меня отлетѣли. Хлыстовъ былъ, что называлось тогда въ Морскомъ Корпусѣ, *сбика*: первый негодяй, тщеславившійся своею лѣ-

ностью въ классахъ, грубостью въ обращеніи съ учителями и офицерами, забіячествомъ съ товарищами. Онъ былъ одиннадцать лѣтъ кадетомъ, и все это время сидѣлъ на лѣнливой скамьѣ одного изъ низшихъ классовъ, окруженный своими подражателями. И наружность такого одичалаго кадета была необыкновенная: онъ насаливалъ вгладь свои волосы, носилъ крутой пучекъ; голенищи на сапогахъ были у него не гладкія, а состояли изъ множества мелкихъ складокъ; ходилъ онъ разваливаясь и посвистывая, задѣвалъ и билъ всѣхъ, кто только очутится у него подъ руками. Одно спасеніе было — признать его власть и подражать ему во всемъ: я этимъ воспользовался, и бывъ нѣсколько разъ наказанъ за лѣность, получилъ мѣсто подлѣ своего наставника и образца. Вся жизнь наша проходила въ выдумкѣ и исполненіи новыхъ шалостей. Воспитатели и учителя наши перестали заниматься нами, какъ самыми безнадежными. Между тѣмъ я подросъ, и дикія, грубая шалости Хлыстова начали мнѣ надоѣдать: я искалъ благороднѣйшихъ средствъ къ тому, чтобъ досаждать моимъ товарищамъ, и вскорѣ нашелъ. Это были такъ называемыя математическія *пъшки*: выдумать несбыточную теорему, доказать ее фальшивыми формулами, и тѣмъ одурачить товарищей, иногда и учителя. Хлыстовъ сначала косился, видя, что я берусь за книгу и грифель; но когда я растолковалъ ему, для чего я занимаюсь наукою, когда онъ самъ увидѣлъ, что я пристыдилъ нѣсколькихъ изъ первыхъ нашихъ *выскачекъ* (такъ

называли мы умныхъ и прилежныхъ кадетъ: это то же, что у взрослыхъ негодяевъ, въ свѣтѣ, называется *безпокойнымъ человекомъ*), то позволилъ мнѣ продолжать начатое. Я началъ шалостью, а кончилъ дѣломъ. Изыскивая и придумывая пѣшки, я постигъ силу математики, и пристрастился къ ней. Учители замѣтили эту переменъ, и стали одобрять меня. Хлыстовъ началъ догадываться. «Э! братъ, Ветлинъ,» сказалъ онъ однажды: «да это не по уговору: тебя все зовутъ къ доскѣ. Такъ-то ты держишься друзей?» — «Помилуй, Хлыстовъ!» отвѣчалъ я: «это все *пѣшки*. Развѣ ты не видѣлъ вчера, какъ я спорилъ съ учителемъ? Наконецъ я поставилъ на своемъ, а онъ замолчалъ; между тѣмъ все, что я ни говорилъ, сущій вздоръ.» — «Коли такъ, то изволь тѣшиться!» отвѣчалъ Хлыстовъ: «только чуръ не измѣнять. Лишь только съѣдешь съ лѣнивой скамьи, мѣста тебѣ въ корпусѣ не будетъ.» — Надобно было приискивать новыя средства къ шалостямъ, чтобъ не лишиться покровительства грознаго Хлыстова: онъ иногда оставлялъ въ покоѣ товарищей, которые всегда вели себя благоправно, но отступникамъ, ренегатамъ, не было пощады. Я вздумалъ писать стихи на товарищей и офицеровъ. Первые опыты мои были такъ плохи и безтолковы, что безграмотный Хлыстовъ не одобрилъ ихъ. Какъ быть! Надобно поучиться. Мой меценатъ позволилъ мнѣ заняться русскою словесностью съ тѣмъ условіемъ, чтобъ я написалъ длинную сатиру на весь корпусъ, отъ директора до

привратника. Языкоученіе имѣло на меня то же вліяніе, что и математика: занявшись прилежно въ классѣ словесности русской, я забылъ свое обѣщаніе. — «Что жъ сатира?» спрашивалъ Хлыстовъ угрюмо. — «Дай еще поучиться; очень трудно.» — «Вѣстимо дѣло!» отвѣчалъ онъ: «и въ чехарду не съ разу выучишься. Только смотри: напишешь сатиру, и баста. Полно заниматься пустяками.» — Хлыстовъ не дождался моей сатиры. За одну громкую шалость былъ онъ отосланъ изъ Корпуса въ Адмиралтействъ-Коллегію, и разжалованъ въ матросы. Его не стало вдругъ. Рѣшеніе корпуснаго начальства и исполненіе послѣдовали во время обѣда. Въ двѣнадцать часовъ я съ нимъ разстался при выходѣ изъ класса: его потребовали къ директору. Въ два часа мы воротились въ классы. Мѣсто Хлыстова было не занято, и чрезъ нѣсколько минутъ разнесся слухъ, что его уже увезли. Потеря товарища сильно меня поразила: не то, чтобъ меня испугалъ примѣръ его; мы, негодяи, считали такія наказанія дѣломъ случайнымъ, несчастіемъ, бѣдою, а не справедливымъ возмездіемъ за дурные поступки! Но я лишился въ Хлыстовѣ единственнаго человѣка, съ которымъ дѣлился мыслями и чувствованіями, который любилъ и защищалъ меня. Я плакалъ, горько плакалъ. И за этими горькими слезами послѣдовало не умиленіе, не раскаяніе, а чувство злобы, ненависти и презрѣнія къ людямъ, которые отняли у меня друга. По удаленіи Хлыстова, я сдѣлался старшимъ изъ удалцовъ, но мнѣ уже никто не

мѣшалъ учиться. И я кинулся въ занятія, чтобъ заглушить свое безотрадное одиночество. Во многомъ я не могъ догнать товарищей моихъ; только въ математикѣ и въ русскомъ языкѣ былъ изъ числа первыхъ. Меня пересадили съ лѣнивой скамейки, но я не попалъ въ число благованныхъ. Успѣхи мои въ классахъ, превосходство мое надъ нѣкоторыми товарищами, униженіе предъ другими — все это болѣе и болѣе ожесточало мое сердце, заставляло ненавидѣть и гнать людей: въ каждомъ изъ нихъ видѣлъ я своего смертельнаго врага и непримиримаго совмѣстника. По экзамену мнѣ досталось въ гардемарины. Мы отправились въ кампанію на учебномъ фрегатѣ. Товарищи меня не любили. Я мстилъ за эту нелюбовь, и въ то же время возненавидѣлъ жизнь. Сколько разъ, стоя у трапа, смотрѣлъ я на пѣнящіяся волны морскія, и думалъ: не прекратить ли ненавистнаго моего бытія? Капитанъ будетъ за это наказанъ, но нѣтъ! Товарищи будутъ радоваться, что отъ меня освободились. Не дамъ имъ этого удовольствія — буду жить, буду ихъ дразнить и мучить. Три кампаніи кончились. Мнѣ досталось въ офицеры. По наукамъ математическимъ я былъ изъ числа первыхъ, но по нравственности и поведенію отмѣченъ минусомъ. Директоръ грозилъ выпустить меня въ армію, можетъ быть, и унтеръ-офицеромъ. Но вдругъ отдали въ приказѣ, что я, наравнѣ съ другими, флотскій мичманъ. Какъ это сдѣлалось, точно не знаю. Я слышалъ въ послѣдствіи, что моя гонительница, узнавъ о предстоящей мнѣ участи,

испугалась того, что скажутъ въ свѣтѣ, и убѣдила начальство не лишать меня чина. Я вышелъ на свободу. Въ Кронштадтѣ свелъ я знакомство и дружбу съ первыми шалунами, выучился играть, пить. Главною страстью моею была игра — въ карты, въ кости, на билліардѣ, только бы играть; главнымъ предметомъ ненависти и презрѣнія всякая порядочная, благородная женщина, всякая честная дѣвица. Я не вѣрилъ ни чести, ни добродѣтели; всякую женщину неразвратнаго поведенія почиталъ лицемѣркою и обманщицею, и полагалъ не только позволительнымъ, но даже и должнымъ преслѣдовать и обижать ее всѣми возможными средствами. — Меня отправили въ Ревель, тогдашнее мѣсто ссылки флотскихъ удалцовъ. Я очутился въ своей сферѣ: сдѣлался грозою и ужасомъ мирныхъ биргеровъ, ихъ женъ и дочерей, прославился даже между дерптскими реномистами, пріѣзжавшими въ Ревель на праздники. «Ein gräulicher Kerl!» говорили обо мнѣ кандидаты философіи.

Не знаю, чѣмъ кончилась бы эта жизнь, — разжалованіемъ, поединкомъ или самоубійствомъ, если бъ не послѣдовало перемѣны во всемъ существѣ моемъ. — Первымъ къ тому побужденіемъ было морское сраженіе. Я былъ на кораблѣ Рогволодѣ, составлявшемъ часть Балтійской Эскадры. Намъ пришлось выдержать жестокой и неравный бой съ Англичанами и со Шведами. Какъ удивился я тутъ поведенію моихъ задушевныхъ друзей и товарищей! Храбрѣйшіе сопостаты ревельской полиціи, грубые въ обращеніи съ поря-

дочными женщинами, дерзкіе предъ начальниками — поблѣднѣли при первомъ выстрѣлѣ. Откуда взялось челоуѣколюбіе: всѣ они спѣшили внизъ на кубрикъ, къ раненымъ, для поданія помощи. Но тѣ офицеры, которые на берегу вели себя благородно, не проигрывали въ карты послѣдней копѣйки, не утопляли въ пуншѣ послѣдней искры разсудка, были спокойны, неустрашимы, храбры. Артиллерійскій лейтенантъ, надъ которымъ всѣ мы, молодые шалуны, трунили, который смѣшилъ насъ своею медлительною исправностью на службѣ, строгою подчиненностью начальникамъ вдесятеро его глупѣйшимъ, явился въ сраженіи истиннымъ героемъ. Англичане отрѣзали насъ отъ эскадры; одинъ ихъ корабль билъ насъ съ боку, другой зашелъ впередъ, и очищалъ палубы продольными выстрѣлами. Почти всѣ наши люди были убиты или ранены. Капитанъ былъ въ правѣ, по морскому уставу, спустить флагъ. Онъ подошелъ къ флагштоку, но тутъ стоялъ артиллерійскій лейтенантъ, съ обнаженною въ рукахъ саблею, и грозился изрубить всякаго, кто только слово вымолвитъ о сдачѣ. Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Лице его пылало, глаза сверкали огнемъ неестественнымъ, но во всемъ его положеніи, во всѣхъ пріемахъ было какое-то величественное спокойствіе — такими воображалъ я себѣ потомъ христіанскихъ мучениковъ, шедшихъ съ улыбкою и пѣніемъ на вѣрную смерть. Вдругъ одно непріятельское ядро разорвало пополамъ лейтенанта, и переломило флагштокъ. Флагъ упалъ самъ

собою, и пальба непріятелей въ ту же секунду прекратилась. Рогволодъ сдался. Насъ, офицеровъ, свезли на непріятельскій флагманскій корабль. Имѣя о правѣ войны самыя дикія понятія, я воображалъ, что съ нами будетъ ни въсь что. Англійскій адмиралъ принялъ насъ съ величайшею вѣжливостью, посадилъ, угостилъ завтракомъ, увѣрялъ, что никогда не имѣлъ дѣла съ такими храбрыми людьми, возвратилъ намъ шпаги, и отправилъ насъ къ нашему главнокомандующему съ учтивымъ письмомъ, въ которомъ засвидѣтельствовалъ ему, что мы исполнили долгъ свой, какъ честные моряки. Все это сбило, перемѣшало мои темныя дотолѣ понятія. Мы жестоко дрались съ Англичанами, нанесли имъ много вреда, и они насъ за это уважаютъ. Мы пользуемся славою и честію, а тотъ, которому мы болѣе всего обязаны, расторгнутый на части, тонетъ въ пучинѣ морской. Съ одной стороны великодушіе людей, съ другой непостижимость Провидѣнія. Я началъ сравнивать, размышлять, и наконецъ добился до того, что есть въ мірѣ что-то выше обыкновеннаго, человѣческаго; что я самъ стою гораздо ниже этого обыкновеннаго; что, по всѣмъ законамъ, падшій въ исполненіи долга своего лейтенантъ не умеръ совершенно. И такъ далѣе — до первой шумной бесѣды на берегу. Тутъ прежнія буйныя потѣхи, карты, насмѣшки, кощунства развѣяли эти начатки размышленія, но не совершенно: сѣмя было брошено, и силилось прозябнуть.

Прошло еще нѣсколько времени. Человѣкъ пять

флотскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, были откомандированы въ Гапсаль. Война съ Шведами и съ Англичанами кончилась. Было тихо и спокойно. Наши больные опять отваживались купаться въ морѣ. Для этого съѣхалось въ Гапсаль нѣсколько семействъ. Однажды, въ шумной офицерской бесѣдѣ, стали смѣяться надъ дамами, которыя купаются въ открытомъ морѣ, и положено было когда нибудь испугать такую лебединую компанію. Я взялся за исполненіе этой низкой шалости, и въ одно утро, когда отъ берега отвалило нѣсколько шлюпокъ, наполненныхъ купальщицами, изъ-за одного мыска пустился съ своимъ денщикомъ въ лодкѣ вслѣдъ за ними. Я самъ не зналъ какъ и что сдѣлаю, но твердо положилъ перепугать ихъ на смерть. Переднія шлюпки далеко ушли въ море; я гребъ всею силою, чтобъ догнать ихъ. Одна изъ отставшихъ шлюпокъ поравнялась со мною. Ко мнѣ неслись французскія слова. — «Вотъ я васъ посажу на бонжурѣ!» бормоталъ я про себя. Вдругъ раздался со шлюпки звонкій женскій голосъ: «Куда вы ѣдете, господинъ офицеръ?» Я хотѣлъ было отвѣчать: «а вамъ какое дѣло?» поднялъ глаза, и не могъ разинуть рта. На краю шлюпки стояла дѣвица лѣтъ четырнадцати, въ бѣломъ платьѣ, въ соломянной шляпкѣ. Лице, глаза, голосъ ея — все смутило меня. — «Куда изволите ѣхать?» спросила она твердымъ голосомъ. — «Рыбу удить!» отвѣчалъ я, едва переводя духъ. — «Такъ сдѣлайте милость, выберите другое мѣсто!» Я не отвѣчалъ ни слова, загребъ весломъ,

поворотилъ назадъ, и не смѣлъ поднять глазъ. Невѣдомый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. Сердце мое стѣснилось. Дыханіе сперлось въ горлѣ. Я работалъ весломъ, какъ будто бы за нами гнались корсеры. Чрезъ нѣсколько минутъ злой духъ во мнѣ очнулся. «Что ты это, Ветлинъ?» шепталъ мнѣ тайный голосъ: «подлецъ! испугался женщины, дѣвчонки! Назадъ! будь молодцемъ! Ай, Ветлинъ! струсилъ.» Ветлинъ дѣйствительно струсилъ. Во мглѣ черной души моей зажглась какая-то звѣздочка, къ которой невольно обращались мои внутренніе взоры. Я не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что ощущалъ въ это время. Въ глазахъ у меня что-то мелькало; въ ушахъ звенѣло; сердце сильно билось; дыханіе останавливалось; руки дрожали; весло едва мнѣ повиновалось. И все это произошло въ теченіе нѣсколькихъ секундъ; мнѣ же казалось, что съ того времени, какъ въ ушахъ моихъ раздался ея голосъ, какъ взглядъ ея сверкнулъ предо мною, прошло долгое, долгое время. Вдругъ пронзительный женскій крикъ вывелъ меня изъ забвенія. Я оглянулся въ ту сторону, откуда онъ слышался, и увидѣлъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, простую крестьянскую лодку, въ которой сидѣло нѣсколько человѣкъ. Одна молодая Эстонка рвалась броситься изъ лодки въ воду; другія ее удерживали. Я поглядѣлъ на воду, и увидѣлъ тонувшаго ребенка. Тутъ было не глубже аршина. Не зная самъ что дѣлаю, я выскочилъ изъ челнока, схватилъ ребенка, и подалъ его матери. На меня посыпались

эстонскія благословенія. Я не понималъ ихъ, но мысль о добромъ дѣлѣ, о благодѣяніи, оказанномъ мною ближнему, привела меня въ умиленіе. Въ сердцѣ ощутилъ я какую-то пріятную теплоту. Душа моя проснулась. Звѣздочка, зажженная въ ней незнакомою дѣвицею, окружилась какимъ-то радужнымъ вѣнцемъ. — «Что жъ, Ветлинъ! ужъ воротился!» закричали мнѣ съ берегу товарищи. — «Мнѣ дурно!» сказалъ я, съ трудомъ выбравшись изъ лодки, и бросившись на траву. Они мнѣ повѣрили: съ меня лилъ холодный потъ, лицо горѣло, лихорадка била меня жестоко. Платье мое было мокро. Я рассказалъ имъ приключеніе съ крестьянскимъ ребенкомъ. — «Такъ этихъ лебедекъ спасъ ихъ ангелъ-хранитель!» сказалъ одинъ изъ моихъ товарищей. — «Точно ангелъ!» подумалъ я. Я переодѣлся, напился теплаго; наружная болѣзнь моя тѣмъ и кончилась. Но внутренній жаръ не простывалъ.

Дѣло наше въ Гапсалѣ было кончено. На другой день, рано утромъ, отправились мы обратно въ Ревель. Невѣдомый дотолъ, небесный образъ юной красавицы занималъ меня такимъ сверхчувственнымъ образомъ, что я не думалъ спросить, кто она такова. Но она должна быть Русская, думалъ я: Эстляндки не говорятъ по-русски — и такъ чисто, такъ рѣшительно. — По возвращеніи въ Ревель, я почувствовалъ во всемъ своемъ составѣ непостижимую для меня перемѣну. Шумныя бесѣды, пиршества, все это мнѣ надоѣдало, и я не могъ понять, какимъ образомъ

когда нибудь находилъ въ нихъ удовольствіе. Всѣ предметы являлись мнѣ въ новомъ свѣтѣ, какъ будто покрытые лоскомъ, котораго я дотолѣ не замѣчалъ. Всего страннѣе для меня было то, что я началъ смотрѣть на женщинъ со вниманіемъ, участіемъ, уваженіемъ. Что бы это было такое? думалъ я, припоминая съ досадою и стыдомъ исторію всей своей жизни: гдѣ я былъ донынѣ? что чувствовалъ, что мыслилъ, что дѣлалъ? — При этой перемѣнѣ моего существа, я еще болѣе отдѣлился отъ людей. Порядочные, степенные люди бѣгали меня, какъ шалуна и негодая; прежніе товарищи бросили, какъ труса и предателя. Въ одномъ, признаюсь, я не могъ перемѣнить прежнихъ своихъ привычекъ — въ картахъ. Прежде я игралъ изъ шалости, такъ, по примѣру другихъ: теперь пристрастился къ игрѣ съ какимъ-то ребяческимъ суевѣріемъ, замѣтивъ, что дама рѣдко мнѣ измѣняла, и почти никогда, если поставлена была червонная. Когда же, случалось, убьютъ и эту, я приискивалъ въ умѣ своемъ какую нибудь вину, и увѣрялъ себя, что за это именно наказанъ дамою. Между тѣмъ я не зналъ самъ что со мною происходитъ. Но однажды какъ-то вздумалъ я читать: это было въ караулѣ. Смѣненный мною офицеръ оставилъ на гауптвахтѣ какой-то засаленный употребленіемъ романъ. Не помню ни содержанія его, ни титула; знаю только, что въ немъ молодой человѣкъ описывалъ рожденіе и усиленіе своей любви. Да это я! это любовь! воскликнулъ я невольно, и продолжалъ чтеніе съ жад-

ностью. Романъ этотъ скоро былъ прочтенъ. Я за другой, и тамъ то же; за третій — еще то же. Такъ вотъ любовь? думалъ я про себя: а я, несчастный, называлъ любовью.... Вскорѣ прочиталъ я всѣ романы, какіе только были на эскадрѣ и въ портѣ; но жажда къ чтенію возрастала во мнѣ по мѣрѣ мнимаго утоленія. Однажды жаловался я одному изъ моихъ товарищей, человѣку образованному и знающему, на недостатокъ книгъ. — «Русскихъ конечно мало;» возразилъ онъ: «но кто мѣшаетъ вамъ читать французскія, нѣмецкія?» — Кто? подумалъ я. Ненавистный Хлыстовъ! Онъ пустилъ меня на весь вѣкъ глупцемъ и невѣждою. Но мнѣ двадцать третій годъ отъ роду. Неужели прошло время учиться? А какъ приступить къ этому? Гдѣ найти учителя? Кому признаться въ моемъ постыдномъ невѣжествѣ, и еще въ постыднѣйшемъ (въ глазахъ нѣкоторыхъ людей) желаніи учиться. Наконецъ я рѣшился пойти къ директору гимназіи, и просилъ его рекомендовать мнѣ хорошаго учителя нѣмецкаго и французскаго языка, для племянника моего, гардемарина. Онъ обѣщалъ исполнить мое требованіе. На другой день явился ко мнѣ почтенный старичекъ въ напудренномъ парикѣ, въ кафтанѣ стариннаго покроя, и учтиво объявилъ, что онъ по фамиліи Дюмонъ, націей Алзатецъ, и рекомендованъ мнѣ директоромъ гимназіи для моего племянника. Я не зналъ, какъ объяснить ему, что не племянникъ, а самъ дядя имѣетъ надобность въ его урокахъ: языка французскаго или нѣмецкаго у меня бы стало, но

признаніе было тяжело. И въ эту минуту вдругъ явились ко мнѣ два прежніе пріятеля, выгнанные изъ службы уланы: пришли поквитаться. Я былъ въ чрезвычайномъ смущеніи. Предъ ученымъ стыдился общества игроковъ; предъ игроками краснѣлъ за ученаго. Старичекъ догадался, и сказавъ: «вамъ теперь недосугъ: вотъ мой адресъ!» вышелъ изъ комнаты. У меня отлегло на сердцѣ, когда одинъ изъ него-деевъ сказалъ мнѣ: «Такъ вотъ у кого ты занимаешь деньги! О, Французы молодцы на аферы! Нельзя ли и насъ порекомендовать ему на случай нужды? Такія знакомства въ свѣтѣ не лишнія!» — Я отвѣчалъ шуткою, и мы сѣли за зеленый столъ. — Я чувствовалъ все ничтожество, всю низость прежнихъ моихъ связей; видѣлъ, что онѣ не поведутъ меня къ добру; но не имѣлъ духу вовсе отъ нихъ отказаться. Безпрерывное, продолжительное обращеніе съ развратными и порочными людьми раждаетъ вокругъ человека какую-то душную, тяжелую атмосферу. Задышаешься въ ней, а выйти на свободу нѣтъ силъ. На другой день отправился я къ Дюмону. Онъ жилъ на Домѣ, или въ такъ называемомъ Вышгородѣ, въ одномъ изъ домовъ, которые, какъ птичьи гнѣзда, прилѣплены къ горѣ. Я позвонилъ у дверей: вышла чистенькая старушка, Эстонка, объявила мнѣ, ломанымъ русскимъ языкомъ, что хозяинъ ея скоро воротится, и просила подождать. Я вошелъ въ его комнату, не большую, въ два окна, но чистую и уютную. Надъ софою висѣли портреты Лудовика XVI и Маріи

Антоніи. На окнѣ стояли горшки съ пышными розами, висѣла канарейка. Въ углу серебряное распятіе. Въ шкапу около ста книгъ латинскихъ и французскихъ, въ старинномъ переплетѣ. Я подошелъ къ открытому окну. Видъ простирался подъ гору, на море, тихое и гладкое какъ зеркало. Черезъ четверть часа старичекъ воротился домой, и ласково меня привѣтствовалъ. Я далъ ему знать, что я самъ тотъ молодой человекъ, котораго онъ долженъ образовать. Это его отнюдь не изумило. Мы тотчасъ принялись за дѣло. Сначала было мнѣ неловко и трудновато слушаться его наставленій, нѣсколько разъ повторять за нимъ слова и фразы, писать подъ диктовкою, и т. д.; но мало по малу я къ тому привыкъ, и сталъ находить въ этихъ урокахъ неизвѣстное мнѣ дотолѣ удовольствіе. Не однимъ языкамъ учился я у почтеннаго старца: его жизнь, его образъ мыслей, его правила, все дѣйствовало на меня благотворно. Я никогда не видалъ его угрюмымъ, нетерпѣливымъ. Приходя поутру часовъ въ шесть, заставлялъ я его занимающагося своими книгами, цвѣтами, птичкою. Завтракъ, обѣдъ его были умѣренные. Учтивость въ обращеніи, даже съ служанкою, удивительная. Онъ называлъ ее не иначе, какъ вы и *madame Marguerite*. Иногда случалось, что я приходилъ къ нему изъ бесѣды моихъ прежнихъ товарищей — какая разница! Мнѣ чудилось, что я изъ смрадной пещеры, сѣрыми парами напитанной, выступалъ на свѣжій воздухъ. Мы съ нимъ знакомились короче и короче. Я осте-

регался выказывать предъ нимъ мои прежнія мысли и правила; удерживался отъ порывовъ неукротимаго дотолѣ права, но не всегда успѣвалъ въ этомъ. Умный старикъ вскорѣ проникъ меня насквозь, узналъ мои склонности, мой образъ мыслей, мою ненависть къ людямъ, злорадство и мстительность. Другой сталъ бы меня чуждаться, презирать, ненавидѣть. Дюмонъ этого не сдѣлалъ! Кроткою бесѣдою, родительскими наставленіями онъ смягчалъ нравъ мой, исторгалъ плевелы, насажденные дурнымъ примѣромъ и сообществомъ, и посѣвалъ въ сердцѣ сѣмена добра, благородства, человеколюбія, великодушія. Я узналъ жизнь его. Въ пылу революціи, въ царствованіе ужаса, все его семейство истреблено было страсбургскимъ Робеспьеромъ, разстригою Эвлогіемъ Шнейдеромъ; самъ онъ насильно исторгнутъ былъ изъ челюстей смерти—другомъ юности своей. И этотъ другъ былъ Русскій, сотоварищъ его въ Страсбургскомъ Университетѣ. Дюмонъ пріѣхалъ съ нимъ въ Россію, занялъ мѣсто учителя въ домѣ одного эстляндскаго помѣщика, воспиталъ тамъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, все семейство, и получивъ въ награду небольшой капиталъ, поселился навсегда въ Ревелѣ. Онъ продолжалъ заниматься преподаваніемъ французскаго языка, но жилъ совершенно какъ отшельникъ. Только двѣ мысли наполняли его душу, могли привести его въ восторгъ и въ изступленіе: первая—что во Франціи кончится владычество революціи и Бонапарта, и законная династія взойдетъ на престолъ. И этими на-

деждами питался онъ въ то время, когда Наполеонъ былъ на верхней точкѣ своей славы и могущества. Тогда начиналась война его съ Россіею. «Видите ли?» говорилъ Дюмонъ: «это первый шагъ къ его паденію!»—Вторая мысль была о другѣ-спасителѣ. Этотъ другъ жилъ въ Петербургѣ, и изрѣдка навѣщалъ товарища своей юности.—Дюмонъ ждалъ его пріѣзда, какъ дѣти свѣтлаго праздника. «Вы увидите его,» говорилъ онъ мнѣ со слезами умиленія: «увидите моего Michel Iwan Petroff! Вотъ человѣкъ! Можетъ быть, есть въ свѣтѣ другіе такіе же люди, но я ихъ не знаю.»

Въ одно утро, являсь къ моему наставнику для занятій, я нашелъ его въ необыкновенномъ движеніи. Въ глазахъ его блисталъ восторгъ. «Тише! тише!» сказалъ онъ мнѣ, когда я вошелъ въ комнату: «онъ спитъ; онъ усталъ съ дороги; не разбудить бы его.»—«Кто спитъ?» спросилъ я. — «Кто!» возразилъ онъ съ нетерпѣніемъ: «мой другъ, Michel Iwan! Онъ пріѣхалъ вчера, и теперь еще отдыхаетъ.»—Мы тихохонько сѣли за работу. Куда дѣвались стараніе, внимательность, педантство моего учителя! Онъ все дѣлалъ наобумъ; послушится ли малѣйшій шорохъ, вскакивалъ и прислушивался, не всталъ ли другъ его. Я не хотѣлъ мѣшать имъ моимъ присутствіемъ, и лишь только прошелъ часъ урока, поспѣшилъ его оставить, обѣщая навѣстить въ тотъ же день. Я сдержалъ слово: пришелъ къ нему послѣ обѣда, и наслаждался зрѣлищемъ, о какомъ дотолѣ не имѣлъ поня-

тія. Оба старика сидѣли за столикомъ одинъ насупротивъ другаго, смотрѣли въ лице другъ другу, и плакали. Михайло Ивановичъ Петровъ былъ чело-вѣкъ стариннаго покроя, но умный, образованный, вѣжливый. Между тѣмъ бесѣда этихъ умныхъ людей была вовсе не поучительна для третьяго: они вели себя какъ влюбленные, которые никогда умны не бываютъ. — «Что это такое?» думалъ я, уходя отъ Дюмона: «какая тайная, непостижимая связь соединяетъ эти души? Благодарность — она со стороны Дюмона. А Петровъ что въ немъ нашелъ?» Это дружба! прошепталъ мнѣ неизвѣстный голосъ: дружба, любовь старцевъ, любовь, искушенная временемъ и пространствомъ. Слава, знатность, богатство, наслажденія міра, все исчезаетъ передъ нею. — Петровъ провелъ въ Ревелѣ недѣлю, въ продолженіе которой я не могъ ни разу заняться уроками. Онъ уѣхалъ, и еще недѣля прошла у Дюмона въ тоскѣ по единственному другѣ. — Эти явленія добродѣтели, безкорыстія, истинной дружбы, дѣйствовали на черствую, дикую душу мою, но не проникали ея насквозь. Для этого нужна была сила сверхъестественная. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ гнусность порочной жизни, и рачительно занялся дѣломъ, я началъ еще болѣе чуждаться прежнихъ своихъ забавъ, и избѣгать прежнихъ обществъ. Кто узналъ бы меня нынѣ, тотъ почелъ бы чело-вѣкомъ порядочнымъ, благороднымъ, но гнусная репутація была сдѣлана, и въ душѣ все еще таилась искра зла, готовая вспыхнуть при пер-

вомъ случаѣ. — Наступили 1812 и 1813 годы. Многіе товарищи мои были откомандированы, кто въ Ригу, кто далѣе, въ Пиллаву, Данцигъ. Я оставался неупотребленнымъ; мнѣ давали тягостныя, скучныя, сопряженныя съ большою отвѣтственностію коммисіи на берегу. Я не смѣлъ жаловаться, не смѣлъ просить и ждать лучшаго.

— — Наступила рѣшительная минута моей жизни. Это было зимою, въ какой-то большой праздникъ. Назначенъ былъ большой балъ у тогдашняго военнаго губернатора, Принца Ольденбургскаго. Мы, офицеры, явились туда по наряду. — Какъ пріятно мнѣ было понимать все, что вокругъ меня говорили! Мнѣ казалось, что я переродился, что перенесенъ въ другой міръ; но люди, въ отношеніи ко мнѣ, не перемѣнялись. Мужчины отъ привѣтствій моихъ отдѣлялись сухими поклонами. Молодые дамы и дѣвицы убѣгали моего взгляда. Матушки и тетуски ихъ слѣдили меня, какъ дикаго звѣря. Многія, не догадываясь, что я теперь ихъ понимаю, называли меня въ полголоса шалуномъ, повѣсою, негодяемъ. Удовольствіе, которое я ощутилъ въ началѣ, вскорѣ исчезло: ненависть къ людямъ, жажда мщенія вспыхнули въ моемъ сердцѣ, и я искалъ только случая придраться къ кому нибудь изъ гостей, чтобъ надѣлать непріятностей моимъ вѣчнымъ злодѣямъ. Случай этотъ не замедлилъ представиться. Одинъ бѣлобрысый деревенскій недоросль вздумалъ смѣяться надо мною, разговаривая съ своими затынутыми кузинами. Онѣ,

вѣроятно, спросили, не знаетъ ли онъ меня, а онъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, выпучивъ свои сѣрые, стеклянные глаза мнѣ въ лицо, отвѣчалъ имъ: «Es ist ein gemeiner Matrose; ein wahrer Zwiebel-Russe.» — Я закипѣлъ, двинулся было къ нему, но въ это самое время кто-то сильно схватилъ меня за руку выше локтя. Это былъ мой капитанъ Магермановъ, дѣтина сильный и рѣшительный. Онъ слышалъ сужденія обо мнѣ, замѣтилъ мое движеніе, и удержалъ меня отъ глупости. — «Кто изъ нашихъ сегодня въ караулѣ?» спросилъ онъ, будто невзначай. Я сталъ припоминать, вспомнилъ, отвѣчалъ. «А, тотъ!» сказалъ онъ: «я было вовсе забылъ.» Съ этими словами онъ выпустилъ мою руку. Я глядь въ прежнюю сторону, а мой недоросль уже исчезъ. Отъ капитана не скрылось и это движеніе. Онъ взялъ меня за руку, и пошелъ прогуливаться по залѣ, разговаривая чрезвычайно ласково и дружелюбно о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. — Я видѣлъ моего враженка, порхающаго между разноцвѣтными танцовщицами, и не могъ до него добратся. Адское мученіе! Часа чрезъ полтора Магермановъ меня выпустилъ, видно, надѣясь, что жаръ мой простылъ. Я кинулся искать моего сопостата, и нашелъ его въ одномъ кадрилѣ. Забывъ, гдѣ я и что дѣлаю, я занесъ уже руку, чтобъ схватить его за воротникъ, какъ мимо меня мелькнуло что-то знакомое — и страшное и пріятное, и ужасное и восхитительное. Я остановился въ недоумѣніи. Вотъ опять летитъ! Это она! Это гапсальская незнакомка! Она

танцуетъ въ томъ же кадрилѣ съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ. — — — Дерзкій недоросль, Магермановъ, балъ, люди, свѣчи, говоръ гостей, звукъ музыки — предметы и слуха и зрѣнія — все это смѣшалось въ головѣ моей, все завертѣлось въ хаосѣ, точно такъ, какъ въ то мгновеніе, когда я, упавъ въ дѣтскихъ лѣтахъ съ фрегата въ воду, почувствовалъ общее сотрясеніе во всемъ моемъ составѣ. Не знаю, какъ я очутился въ холодныхъ сѣняхъ; съ меня лилъ потъ; мнѣ было то жарко, то холодно. Подлѣ меня стоялъ одинъ товарищъ, и теръ мнѣ льдомъ виски. Я узналъ отъ него, что со мною сдѣлался обморокъ въ танцевальной залѣ. Онъ стоялъ въ толпѣ зрителей недалеко отъ меня; увидѣвъ, что я поблѣднѣлъ и зашатался, онъ подбѣжалъ ко мнѣ и вывелъ меня въ сѣни. «Ступай домой и лягъ!» говорилъ онъ. — «Нѣтъ!» отвѣчалъ я: «Это — такъ — ничего — это пройдетъ! Пусти меня назадъ въ залу — ради Бога, пусти!» — «Какъ хочешь!» отвѣчалъ товарищъ: «но если не побережешься, съ тобою худо будетъ.» — Я воротился въ залу. Прежній танецъ прекратился. Новый еще не начинался. Въ толпѣ, въ шумѣ, никто и не примѣтилъ моего припадка. Мой недоросль порхалъ предо мною, но мнѣ было уже не до него. Я пошелъ искать ея. — Вотъ она! вотъ! Въ розовомъ платьѣ, съ бѣлыми на головѣ цвѣтами; на шеѣ нитка жемчугу, сомкнутая богатымъ брилліантовымъ фермуаромъ. Она разговариваетъ съ другою дѣвицею. Разглядѣвъ, повоенному, позицію, я отыскалъ себѣ

мѣстечко позади собесѣдницъ, между колоннами и стѣною, принесъ стулъ, сѣлъ къ нимъ какъ можно ближе, и притаилъ дыханіе. Онѣ говорили по-французски — я мысленно благословилъ Дюмона. Собесѣдница ея говорила эстляндскимъ нарѣчіемъ; она же выражалась по-французски твердо, чисто, съ небольшою примѣсью русскаго акцента. Могъ ли я вообразить что́ будетъ предметомъ ихъ разговора! — «Какъ вы могли рѣшиться пойти танцовать съ офицеромъ?» спросила Эстляндка. — «А почему же нѣтъ?» возразила она: «И вы танцовали съ военнымъ же.» — «Это дѣло другое,» говоритъ прежняя: «это кирасиръ, кузень и женихъ моей подруги, Мальхенъ Биркезъ. А вашъ танцоръ Русскій, флотскій офицеръ! Это ужасные люди. Можетъ быть, они хороши, когда должно драться со Шведами и съ Французами, но въ обществѣ съ ними быть нельзя.» — «Извините,» отвѣчала она рѣшительно: «во-первыхъ они Русскіе, слѣдственно мои земляки, и ужъ по этому ближе всѣхъ другихъ къ моему сердцу. Во-вторыхъ, вы, не зная ни нравовъ русскихъ, ни языка, крайне ошибаетесь въ своихъ сужденіяхъ о нашихъ офицерахъ. Они привыкли въ Петербургѣ къ обращенію, которое здѣсь кажется вольнымъ. Притомъ же вы окружены одними родственниками, и приближеніе всякаго чужаго человѣка кажется вамъ дерзостью.» — «Какъ же вы горячо вступаетесь за своихъ земляковъ!» сказала, смѣясь, Эстляндка. — «Это долгъ мой,» отвѣчала она: «вы не знаете Русскихъ, судите о нихъ

по предубѣжденію.» — «Ни мало!» продолжала первая: «я только повторяю то, что каждому извѣстно, и долгомъ почитаю предупредить васъ. Здѣсь особенно одинъ молодой офицеръ отличается всѣми возможными шалостями и самымъ дерзкимъ поведеніемъ. Отъ него никому житья нѣтъ; онъ ни своимъ, ни чужимъ проходу не даетъ. Ограбить въ картахъ товарища, наглубить почтенному старику, приколотить мирнаго гражданина, обмануть купца, оскорбить женщину — для него забава и невинное препровожденіе времени. Онъ нѣсколько мѣсяцевъ сидѣлъ подъ арестомъ на флотѣ, и Ревель былъ спокоенъ, а сегодня, къ общему ужасу, появился здѣсь. Только, говорятъ, его ужъ вывели; видно успѣлъ напроказничать. Вотъ, каковы эти господа Русскіе!» — «Вы хотѣли сказать,» прервала она: «вотъ каковъ этотъ офицеръ. Одинъ человѣкъ въ сотняхъ составляетъ исключеніе, а не правило. И вы сами говорите, что въ его отсутствіи Ревель былъ спокоенъ: слѣдственно всѣ прочіе ведутъ себя тихо и благородно. Если бъ я слѣдовала вашимъ правиламъ, то могла бы такъ же справедливо сказать: всѣ русскіе флотскіе офицеры герои благородства и великодушія, потому, что я была свидѣтельницею подвига самоотверженія одного изъ нихъ. Въ Гапсалѣ одинъ морской офицеръ, въ моихъ глазахъ, кинулся въ море для спасенія крестьянскаго ребенка.» — Что я почувствовалъ въ эту минуту! Она, она меня помнитъ, уважаетъ, хвалитъ! Слезы, дотолѣ неизвѣстная отрада, полились по моему лицу. Нашлась

въ свѣтѣ одна душа, въ которой данъ пріютъ мысли, чувству обо мнѣ! Я не одинъ въ мірѣ! Я жилъ не даромъ! — Образумившись чрезъ нѣсколько времени, я устремилъ глаза на то мѣсто, гдѣ онѣ сидѣли; но ихъ ужъ тамъ не было. Я всталъ и рѣшился отыскать ее. Долго ходилъ я безъ успѣха между густыми толпами. Вдругъ стѣснили меня въ одной двери; я не могъ ни отступить, ни податься впередъ, и въ двухъ шагахъ отъ меня очутились собесѣдницы: «Вотъ онъ!» сказали онѣ другъ другу въ одно мгновеніе, взглянувъ на меня. — Она посмотрѣла меня, покраснѣла, потомъ вдругъ поблѣднѣла — и обѣ онѣ исчезли въ толпѣ. — — Я уже не видалъ ея во весь вечеръ.

Этотъ балъ составилъ въ жизни моей рѣзкую черту, которою прежняя жизнь моя рѣшительно отдѣлилась отъ настоящей. Не знаю, сталъ ли я лучше или хуже, но только я сталъ не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. И свѣтъ дневной, и сумракъ ночи, и пылъ огня, и волненіе моря, и ревъ бури, и пѣніе раннихъ птицъ — все перемѣнилось въ моихъ чувствахъ. Я началъ во всемъ находить радость, утѣшеніе, предметъ къ размышленію, поводъ къ умиленію душевному и къ тоскѣ сердца. Дюмонъ не узнавалъ меня. Теперь я на лету схватывалъ то, что прежде вбивалъ въ зачерствѣлую память свою насильно. — —

Кто же была она? Трудно было узнать это, но невозможнаго нѣтъ для влюбленныхъ: это состояніе лунатика, который въ глубокомъ снѣ порхаетъ какъ ласточка, тамъ, гдѣ бодрствующій на каждомъ шагу

можетъ сто разъ сломить себѣ шею. Я узналъ, что она круглая сирота, воспитанница одной графини, которая любитъ ее, какъ дочь родную: узналъ, что ее зовутъ Надеждою Андреевною; что она умна, образована, имѣетъ доброе сердце и твердый характеръ — зналъ я и прежде. Разумѣется, что я искалъ ея вездѣ, и раза два успѣлъ видѣть ее мелькомъ. Однажды завидѣлъ я ее въ театрѣ. Она сидѣла въ ложѣ нижняго яруса, съ двумя молоденькими дамами и однимъ пожилымъ бариномъ. Я былъ въ креслахъ, и, забывъ что происходитъ на сценѣ и вокругъ меня, не сводилъ глазъ съ прелестнаго существа: она и для невлюбленнаго истинная красавица. Она, казалось, меня не примѣчала. Спектакль кончился; я вышелъ въ сѣни, и глядѣлъ на нее издали, пока она, съ подругами своими, дожидалась кареты. Только здѣсь она меня замѣтила, и на лицѣ ея проглянуло выраженіе тоски и досады, насильно подавляемое принужденною улыбкою равнодушія. — Я увидѣлъ, что взглядъ на меня возбуждаетъ въ ней чувство непріятное — я, въ глазахъ ея, злодѣй и извергъ человѣчества! Она скрылась у меня изъ виду, какъ въ глазахъ утопающаго исчезаетъ рука, простертая для поданія ему помощи и спасенія.

Я впалъ въ безотрадное уныніе. Дюмонъ замѣтилъ мои страданія, и съ отеческою заботливостью сталъ допытываться о причинѣ. Я не рѣшался ему открыться, и говорилъ, что мысль о судьбѣ моей, о горькомъ одиночествѣ, причина моей печали. Старикъ предста-

вился, что повѣрилъ мнѣ, или, можетъ быть, повѣрилъ и въ самомъ дѣлѣ. Только въ одно утро я засталъ и его задумчивымъ, печальнымъ, угрюмымъ. На вопросъ мой, что съ нимъ сдѣлалось, онъ отвѣчалъ, что одна изъ прежнихъ его ученицъ, любимица его, утромъ уѣхала изъ Ревеля. «У меня было ихъ много,» говорилъ онъ: «и нѣкоторыхъ я никогда не забуду, но эта мнѣ дороже всѣхъ.» — «А кто она?» спросилъ я разсѣянно. — «Воспитанница Графини Лезгиновой, *mademoiselle Nadèje*, сущій ангелъ!» отвѣчалъ онъ съ чувствомъ, какое только могло вырваться изъ семидесятилѣтней груди. — «Вы знаете Надежду?» спросилъ я, какъ громомъ пораженный. — «Знаю ли? восемь лѣтъ сряду, по четыре раза въ недѣлю, училъ ее, и только за годъ предъ симъ пересталъ, когда онѣ поѣхали въ Гапсаль. Воротясь сюда, она хотѣла вновь приняться за уроки, въ которыхъ, признаюсь, болѣе не имѣла надобности, но не могла за недосугами; только сообщила мнѣ два, три свои сочиненія.» — Онъ продолжалъ говорить о ней: рассказывалъ о ея умѣ, образованности, о ея добродушіи, кротости, любви къ добру.... Я слушалъ въ оцѣпенѣніи: мнѣ казалось, что голосъ старика доходитъ до меня изъ-за тридевяти земель. Онъ зналъ ее, и мнѣ это не было извѣстно! — — Дюмонъ умолкъ отъ усталости, а не отъ истощенія предмета. — «А кто она такова? Какъ зовутъ ее по прозвищу!» спросилъ я, задыхаясь. — «Я сказалъ вамъ: она пріемышъ графини. Зовутъ ее *Nadèje*; по-русски приба-

вляють André. А о фамиліи ея, *ma foi*, я не заботился. Je sais seulement qu'il y a du Berry là-dedans (знаю только, что она похожа на Берри), и по этому, я думаю, она еще болѣе мнѣ нравилась.» — Я проклиналъ французское легкомысліе, которое заткало и прекрасную душу Дюмона, какъ паутина драгоценную картину.

Съ тѣхъ поръ этотъ добрый старикъ сталъ мнѣ еще дороже, еще милѣе. Мнѣ казалось, что я въ него влюбился. Я воображалъ, что онъ разъ сто говорилъ съ нею, что она его слушала, глядѣла ему въ лице, здоровалась съ нимъ, прощалась, благодарила его.... Когда только представлялась возможность, я обращалъ разговоръ на Надежду. Старикъ думалъ, что я хочу угодить ему, заводя рѣчь о его любимицѣ, и не умолкалъ. Однажды, превознося похвалами ея слогъ, онъ вспомнилъ, что у него осталась тетрадка ея упражненій во французскомъ языкѣ, и отыскалъ ее въ своемъ коммодѣ среди тысячи истертыхъ, измятыхъ, полинявшихъ бумагъ. Я смотрѣлъ на эту тетрадку какъ на святыню: она была сшита изъ простой бумаги, но съ какимъ-то изяществомъ. На оберткѣ надпись: *Compositions 1811 — 1814. Nadèje Beriloff*. Почеркъ ровный, пріятный и не педантскій. Дюмонъ началъ съ восторгомъ читать изліянія души своей питомицы, прибавляя послѣ cadaго періода: «Какія чувствованія! какія мысли! какой слогъ! Это Севиніе!»

Вотъ первое изъ этихъ сочиненій.

СИРОТА.

«Знаете ли вы, что есть сирота? Это цвѣтокъ, сорванный порывомъ бурнаго вѣтра съ роднаго стебля, и рукою состраданія погруженный въ воду, для продолженія его жизни нѣсколькими часами. Онъ питается чистою водою, красуется въ драгоцѣнномъ сосудѣ, защищенъ отъ пчелъ и бабочекъ, слышитъ похвалы и изліянія восторга, возбуждаемая его цвѣтомъ и запахомъ. Но голова его томится, унываетъ, гнется на сторону, склоняется къ сырой землѣ, гдѣ скрыты родныя его вѣтви. И онъ стремится мыслию изъ позлащенныхъ палатъ, изъ драгоцѣннаго сосуда, изъ кристальной воды — на ту укромную грядку, гдѣ возникъ и развернулся на черной землѣ въ дыханіи весенняго вѣтра, гдѣ кропили его и утренняя роса и дождь небесный, гдѣ спокойно и радостно цвѣли подлѣ него младшіе братья; гдѣ родныя ему, другія дѣти природы, трудолюбивыя пчелы и беззаботные мотыльки, съ веселымъ жужжаніемъ порхали вокругъ него на солнцѣ полуденномъ!

«Чувствую всю цѣну милостей моей благодѣтельницы. Я готова отдать ей и за нее жизнь мою; только въ ея присутствіи бываю спокойна и весела; только о ея жизни и здоровіи и денно и ночью молю моего Создателя; но невольно, изъ блистательнаго, великолѣпнаго круга, стремлюсь въ бѣдную хижину, гдѣ жили мои родители. Маменька! ты жила, ты слышала

мой младенческій лепетъ, ты любила меня! Ты звала меня: Наденька! Умирая, ты думала обо мнѣ и меня благословляла!... А я не знаю и того, какъ тебя звали! — Отецъ мой, обремененный заботами житейскими и грустію душевною, отдалъ меня на руки великодушной моей благодѣтельницѣ, и самъ чрезъ нѣсколько времени слегъ въ могилу. Я одна, одна въ этомъ пространномъ мірѣ — иду, стремлюсь, не зная, куда. Но я къ нему не привязана; не боюсь ни страданій, ни смерти. Страданія мои не могутъ сравниться съ страданіями матери, покидавшей меня въ этомъ мірѣ, а смерть соединитъ меня съ тѣми, кто дорогъ моему сердцу! Маменька! я тебя узнаю изъ тысячи блаженныхъ тѣней!»

Старикъ плакалъ, читая эти строки. Я былъ въ какомъ-то изступленіи. — «Это была чувствительность!» сказалъ онъ наконецъ: «теперь послушайте философіи. Вотъ другая статья.»

КАКЪ ЛЕГКО МОЖНО ОШИБИТЬСЯ.

ДВА СЛУЧАЯ.

22-го августа. Мы жили въ Гапсалѣ беззаботно и весело; ѣздили ежедневно гулять по окрестностямъ города, купались въ морѣ. Матанъ была спокойна и довольна, и чувствовала облегченіе въ

своей жестокой болѣзни. Подъ конецъ курса случилось съ нами странное происшествіе. Мы ѣздили въ море большою компаніею. Вмѣсто гребцовъ, сидѣли въ веслахъ дюжія Эстляндки. Однажды, на такомъ странствіи, вмѣшался въ наше общество незванный гость. Посреди мирной нашей флотиліи появилась лодочка и въ ней морской офицеръ. Всѣ мы перепугались, и не знали что дѣлать. Матап была въ крайней досадѣ, и хотѣла вернуться къ берегу. У меня, не знаю откуда, взялась смѣлость. Я встала въ лодкѣ, и когда офицеръ поравнялся съ нами, громко спросила у него, куда онъ ѣдетъ. Рѣшительность моего вопроса изумила молодого человѣка. Онъ смотрѣлъ на меня, не зная что отвѣчать. Я повторила вопросъ. Онъ смѣшался, и отвѣчалъ, что ѣдетъ удить рыбу. А мы думали, что онъ ѣхалъ съ умысломъ мѣшать намъ! Я объяснила ему, что его присутствіе намъ непріятно, и онъ, не говоря ни слова, повернулъ лодку, и отправился назадъ къ берегу. — Это понравилось моей матап. «Видишь, Наденька,» сказала она: «какъ можно ошибиться! Этотъ молодой человѣкъ вѣрно обидѣлся нашимъ безразсуднымъ подозрѣніемъ.» И въ самомъ дѣлѣ, онъ удвоилъ съ своимъ гребцомъ силы, чтобъ скорѣе выйти у насъ изъ виду. Я смотрѣла вслѣдъ за нимъ. Вдругъ вижу: онъ бросается изъ лодки въ море. Я вскрикнула, но не успѣла опомниться, какъ увидѣла, что онъ вытащилъ изъ воды ребенка, упавшаго съ плывшей за нами лодки, и подалъ его матери. — Великодушный

молодой человек! думала я: прости, прости меня, что я тебя было обвинила. Могъ ли *ты* имѣть намереніе пугать и обижать слабыхъ женщинъ, когда жизни не пожалѣлъ, чтобъ спасти бѣдное дитя! Какъ легко можно ошибиться! — Меня и то еще было пріятно, что такимъ великодушнымъ подвигомъ отличился мой землякъ, Русскій. Здѣшнія дѣвицы премилыя и прелюбезныя; только на счетъ Русскихъ и Россіи имѣютъ самыя странныя и превратныя понятія. Онѣ не вѣрятъ, чтобъ въ Россіи знали благородство, великодушіе, нѣжность чувствованій. Видите ли, говорила я имъ съ гордостью, каковы Русскіе! — Для чего я сирота? думала я: для чего у меня нѣтъ хоть брата. Если бъ у меня былъ такой братъ, какъ бы я была счастлива! какъ бы любила его! Я любила бы его такъ нѣжно, такъ горячо, что онъ и не вздумалъ бы жениться!

«15-го декабря. Зачѣмъ поѣхала я вчера на балъ! Зачѣмъ не послушалась маман, когда она, рассказавъ мнѣ страшный сонъ, совѣтовала остаться дома! Ей снилось, что я ласкаю собачку; вдругъ эта собачка превратилась въ змѣю, и кинулась на меня, высунувъ ядовитое жало. Маман въ ужасѣ проснулась, и утверждала, что меня ожидаетъ бѣдствіе, что мнѣ должно оставаться дома. Я шутила надъ ея сномъ, надъ ея предчувствіемъ; увѣряла, что если быть со мною бѣдѣ неминуемой, то она постигнетъ меня дома, точно такъ, какъ и на балѣ. Она развеселилась, стала смѣяться надъ грѣзами своими, и отпустила меня. —

Сначала было мнѣ очень весело: на балѣ было много хорошихъ, учтивыхъ танцоровъ. Я не пропускала ни одного танца, и охотнѣе всегда шла танцевать съ флотскими офицерами. Послѣ одного продолжительнаго кадрили, сѣла я отдохнуть съ болтливою Баронессою Юліею. Она стала выговаривать мнѣ за предпочтеніе моихъ земляковъ, а болѣе флотскихъ, и на возраженія мои описала ихъ самыми черными красками; особенно же на одного изъ нихъ излила она всю свою злость: называла его извергомъ, чудовищемъ, злодѣемъ. Желая остеречься отъ этого ужаснаго человѣка, я просила показать мнѣ его. Мы пошли съ нею по заламъ. Вдругъ встрѣтился мнѣ онъ, тотъ офицеръ, который спасъ ребенка, и въ ту же минуту баронесса объявила мнѣ, что это тотъ самый злодѣй, котораго она мнѣ описала. Я была поражена этою вѣстью, какъ молніею. Офицеръ исчезъ изъ глазъ моихъ, а баронесса, въ пылу своего усерднаго злословія, не замѣтила моего замѣшательства, не слыхала даже, что и я, въ одно время съ нею, воскликнула: это онъ! — У меня страшно разболѣлась голова. Съ трудомъ осталась я до окончанія бала. Этотъ волшебный дворецъ удовольствій превратился въ глазахъ моихъ въ адскій вертепъ: мнѣ казалось, что вокругъ меня кружатся фуріи и сатанинскимъ хохотомъ смѣются надъ моимъ легковѣріемъ. Я лишилась брата. Исчезла прекрасная мечта, делѣвшая мою душу! И подвигъ челолюбія былъ минутнымъ порывомъ, а не слѣдствіемъ благородныхъ чув-

ствованій и помысловъ; можетъ быть, и тщеславіе заставило его броситься на явную опасность: мы могли видѣть его доброе дѣло. Но онъ на насъ и не оглянулся. Нѣтъ! не тщеславіе! Что жъ такое? — Ахъ, какъ счастлива я была вчера! — Теперь я вновь осиротѣла. — Я лишилась друга, потеряла и сладостнѣйшее чувство — вѣры въ добродѣтель человѣка. — Осталось холодное замѣчаніе эгоисма: *какъ легко можно ошибиться!*»

— «Это, конечно, вымыселъ!» сказалъ Дюмонъ, кончивъ чтеніе: «но — какія чувства, мысли, изложеніе! *Nadèje! Nadèje!* У меня не было и не будетъ такой ученицы!»

Что я въ это время чувствовалъ, не помню, не знаю, не постигаю. Я вышелъ отъ Дюмона, приобрелъ домой, и съ горькимъ плачемъ бросился на диванъ. Слезы облегчили тягость, лежавшую на моемъ сердцѣ, но не умилили его. Злые духи, отравившіе мое младенчество, юность мою, представились моему воображенію во всей своей гнусности. Волшебница и Хлыстовъ, въ этихъ страшныхъ мечтаніяхъ, зіяли на меня гнусными своими личинами. «Исчадія ада и грѣха!» вопилъ я въ отчаяніи: «чѣмъ вы заплатите за погубленіе моей души, моего счастья!»

Я былъ уже не тотъ, что прежде. Не говорю о дѣлахъ мрака: и самыя помысленія о нихъ, и самыя легкія искушенія меня оставили. — Но — въ то время,

когда я ни дѣломъ, ни словомъ, ни мыслию не заслуживалъ вниманія, пощады, даже забвенія людей — я жилъ баззаботно, что говорится, счастливо: теперь я чувствовалъ, что желаніемъ, усердіемъ, волею достоинъ быть менѣе несчастливымъ, и всѣ бѣдствія разразились надъ моею головою. Таковъ порокъ: онъ подобенъ бурной кометѣ, влекущей за собою длинный хвостъ, вину гибели и разрушенія въ мірахъ свѣтлыхъ и покойныхъ....

Отчаяніе грозило овладѣть моею душою, и я дѣйствительно не знаю, что случилось бы со мною, если бы внѣшнія, независящія отъ меня обстоятельства не развлекли моего унынія дѣятельностью. Меня отправили, еще по зимнему пути, въ Свеаборгъ. Тамъ наряженъ я былъ въ члены военносудной коммиссіи. Сначала я очень на это досадовалъ, считая недостойнымъ война и моряка заниматься письменными и судебными дѣлами. Между тѣмъ я принялся за дѣло, и вскорѣ увидѣлъ, что имѣю случай, сдѣлавъ добро несчастнымъ, искупить у грозной судьбы хотя улыбку сожалѣнія. Нѣсколько нижнихъ чиновъ и крестьянъ обвинены были въ провозѣ контрабанды и въ продажѣ казеннаго имущества въ частныя руки. Подсудимые цѣлый годъ томились въ заключеніи; семейства ихъ терпѣли крайность, съ трепетомъ ожидая рѣшенія своей участи. Дѣло было запутанное: улики казались ясными; напротивъ, безпорочная жизнь подсудимыхъ, рѣшительные отвѣты предъ обвинителями, слѣдователями и судьями, спокойныя ихъ лица и прямые

взгляды говорили въ ихъ пользу. Презусомъ комиссіи былъ старый капитанъ, считавшійся въ этихъ дѣлахъ опытнымъ, потому, что рѣшалъ ихъ скоро, и усердно населялъ нерчинскіе рудники. И въ этомъ дѣлѣ хотѣлъ онъ поступить по своей методѣ. Я ему воспротивился, и грозилъ, въ случаѣ малѣйшаго упущенія, донести высшему начальству. Онъ принужденъ былъ согласиться. Я переслѣдовалъ дѣло, и нашелъ, что подсудимые были совершенно невинны; открылъ, что они были жертвами гнуснаго замысла личныхъ враговъ своихъ, надѣявшихся получить награду за открытіе злоупотребленій, которыхъ сами были главнѣйшими виновниками. Я представилъ мое мнѣніе суду. Всѣ члены со мною согласились; только презусъ противился. Наконецъ успѣлъ я побѣдить и его упрямство. Невинныхъ оправдали, освободили; виновныхъ предали заслуженному наказанію. — Я случайно былъ въ караулѣ въ тюремномъ замкѣ, когда подсудимымъ объявили приговоръ и исполнили. Жены, дѣти, отцы, матери — дожидались ихъ у воротъ. Вдругъ закрипѣли ржавыя петли; человѣкъ шесть блѣдныхъ, изможденныхъ, но съ блистающими радостью и благоговѣніемъ къ Богу глазами — вышли оттуда колеблющимися стопами, и очутились въ объятіяхъ родныхъ и друзей своихъ! Слезы ихъ смѣшались. Благословенія, русскія и финскія, въ невнятномъ сліяніи звуковъ, поднимались къ небесамъ. Я самъ былъ погруженъ въ неизъяснимо усладительное чувство, вырывавшееся изъ груди звуками: Надежда!

Весною воротился я въ Ревель. Издали примѣтилъ я большое движеніе въ портѣ и на берегу. Получено было извѣстіе о взятіи Парижа и о паденіи Наполеона. Корабли разцвѣчены были флагами. Веселый народъ толпился на улицахъ. Въ церквахъ пѣли благодарственные молебны. Я посиѣшилъ къ Дюмону, чтобъ поздравить его съ этою радостною вѣстью; но какъ я огорчился, узнавъ отъ его прислужницы, что онъ опасно боленъ, уже шесть недѣль не встаетъ съ постели, и ежечасно ждетъ своей кончины! Я вошелъ въ его спальню. Онъ лежалъ въ постели, исхудалый, блѣдный, закрывъ глаза; улыбка играла на его устахъ. Послышавъ шорохъ, онъ открылъ глаза, узналъ меня, съ радостнымъ выраженіемъ подаль мнѣ руку, и сказалъ: «Другъ мой! Я умираю, но умираю счастливъ и покоенъ. Франція возвращена Европѣ и Христовой Церкви. Потомокъ святаго Людовика на прародительскомъ престолѣ. Я дожилъ до этой сладостной минуты, которой ждалъ двадцать лѣтъ. Радость возвратила бы мнѣ жизнь, если бъ въ лампадѣ была еще капля елея. — Кланяйтесь Михайлу Ивановичу: вы его увидите; онъ мой наслѣдникъ. Можетъ быть, увидите вы и Надежду. Скажите ей, какъ сладостно я умиралъ. За четверть часа я было заснулъ. Мнѣ почудилось, что я ужъ умеръ, что Надежда ввела меня въ садъ, похожій на версальскій, что тамъ я нашелъ Короля, Королеву; вдругъ что-то зашумѣло; я проснулся и увидѣлъ васъ.» — Старикъ умолкъ отъ усталости: онъ проговорилъ все это съ

большимъ напряженіемъ, съ необыкновенною скоростью, какъ бы боясь, что не успѣетъ высказать. Я обѣщаль ему исполнить его требованіе, и просилъ его успокоиться. Въ это мгновеніе раздались пушечные выстрѣлы. Старикъ вздрогнулъ, но догадавшись, что это пальба радостная, сказалъ: «Съ торжествомъ оставляю этотъ міръ! Простите, Мишель, Надежда!» — Глаза его закрылись; по лицу пробѣжалъ трепеть; улыбка на устахъ появилась и уже не исчезала. Правая рука поднялась, видно, чтобъ перекреститься, но опять упала на одѣяло. Дюмонъ умеръ. — Я послалъ за полиціймейстеромъ. Кабинетъ его запечатали. Подлѣ смертнаго одра его, подъ молитвенникомъ, лежала какая-то бумага. Я взялъ ее. Это была тетрадка Надежды. Съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ прижалъ я къ устамъ драгоцѣнныя строки, и унесъ съ собою, какъ завѣщаніе почтеннаго старца, какъ вещественную память объ ангелѣ, который блеснулъ въ глазахъ моихъ, и скрылся навѣки.

Михайло Ивановичъ пріѣхалъ въ тотъ же вечеръ: онъ спѣшилъ застать въ живыхъ друга, и не успѣлъ. Мы предали землѣ тѣло Дюмона, съ чувствомъ благоговѣнія къ Промыслу, который немногими сладостными минутами на краю гроба заплатилъ въ сей жизни добродѣтельному человѣку за годы страданій.

Такимъ образомъ явленія вѣры, добра, правды и чести мало по малу очищали мою душу — вселяли въ меня теплую вѣру въ Провидѣніе, любовь къ ближнимъ, уваженіе къ добродѣтели, а началомъ всему

была *она!* — — — Чрезъ мѣсяцъ отправился я на фрегатъ въ походъ, въ Англію. Дѣятельная жизнь освѣжала и укрѣпляла меня. Кончивъ данное намъ порученіе въ Лондонѣ, мы спустились въ Гревсендъ, чтобы, при первомъ попутномъ вѣтрѣ, плыть въ Голландію. Нѣсколько русскихъ семействъ воспользовались симъ случаемъ, чтобъ воротиться на твердую землю. Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, нахлынуло къ намъ на катеръ челоѣкъ десять сіятельствъ и превосходительствъ, съ женами, дѣтьми, гувернантками, чемоданами и картонами. Я стоялъ у трапа, и помогалъ дамамъ всходить на бортъ. Вдругъ смертельная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу: при блескѣ фонаря, узналъ я въ числѣ пассажировъ — Надежду. Она взошла на корабль вслѣдъ за одною пожилою дамою, и онѣ обѣ прямо отправились къ капитанской каютѣ. Она не примѣтила меня; но я ее видѣлъ! Мы очутились на одномъ кораблѣ! Я принужденъ ее видѣть; самъ не могу избѣжать ея взоровъ — и какъ смѣю явиться ей на глаза! Она считаетъ меня злодѣемъ, извергомъ челоѣчества. Я не зналъ что дѣлать. Случай помогъ мнѣ отъ нея укрыться. За ужиномъ, между молодежью, зашла рѣчь о прекрасныхъ пассажиркахъ. Всѣ радовались любезнымъ спутницамъ, и убѣждали другъ друга вести себя предъ ними какъ можно скромнѣе, и особенно удерживаться отъ нескромныхъ восклицаній, вырывааемыхъ у моряка нетерпѣніемъ и досадою. Подшучивали надъ товарищами, припоминали прежнія приклю-

ченія. «Теперь раздолье Ветлину!» сказалъ лихой лейтенантъ Плащевъ, истинный морякъ, который въ теченіе шести лѣтъ не былъ на берегу и шести дней: «есть около кого увиваться. Я чаю, ты, братъ, въ цѣлыя сутки со шканцевъ не сойдешь. Тара-бара, бонжуръ мадамъ, команъ ву порте ву — это веселѣе, чѣмъ кричать въ рупоръ на рулевыхъ да марсовыхъ.» — «Почему такъ, Петръ Ивановичъ?» спросилъ я, будто обидѣвшись: «ты и самъ не можешь забыть какой-то кронштадтской констапельши, а службу несешь своимъ чередомъ, какъ храброму и неторопливому офицеру надлежитъ.» — «Это совсѣмъ иное, Сергѣй Ивановичъ! Констапельша дѣлу не помѣха, а ваши французскія перепелки душу, какъ старый канатъ, разщипываютъ.» — «Такъ я же докажу и тебѣ и всѣмъ, что женщины меня вовсе не привлекаютъ. Выпрошусь у капитана на всѣ ночныя вахты, а день весь буду проводить на кубрикѣ, то есть, во все время ни свѣту божьяго, ни лица женскаго не увижу.» — «Изволь, побьемся! двѣ бутылки шампанскаго въ первомъ трактирѣ на берегу,» сказалъ Плащевъ, протянувъ руку, и мы ударились. Всѣ офицеры утверждали, что я не выдержу испытанія. — На разсвѣтъ мы снялись съ якоря. Лишь только склянка пробила восемь часовъ, я, смѣнясь съ вахты, отправился на кубрикъ. Что я чувствовалъ, того описать не умѣю: мнѣ было и пріятно, и досадно, и радостно, и страшно. — «Вижу братъ, Сергѣй,» сказалъ Плащевъ, принимая рупоръ: «что тебѣ трудно расста-

ваться съ божьимъ свѣтомъ и съ бабьими глазами. Закладъ въ сторону. Оставайся съ нами.» — «Нѣтъ! нѣтъ!» вскричалъ я: «дѣло не въ томъ: я хочу доказать, что умѣю держать слово!» — и поспѣшилъ по трапу въ царство мрака.

Я хотѣлъ читать — невозможно; думать о чемънибудь постороннемъ — и того менѣе. Наконецъ легъ въ койку, и устремилъ глаза свои въ потолокъ, воображая, что гляжу на сводъ небесный, надъ которымъ витають духи безсмертные, наши ангелы-хранители. День прошелъ въ мечтаніяхъ, въ порывахъ нарушить обѣтъ, и въ раскаяніи о моемъ малодушіи. Пробила полночь. Мнѣ объявили, что моя вахта наступила; я вышелъ наверхъ. «Ну, братъ, Ветлинъ!» сказалъ мнѣ Плащевъ, подавая рупоръ. «Если бъ ты зналъ, какія хорошенькія у насъ гости, то конечно ни за милліоны не сталъ бы биться объ закладъ. А пуще всѣхъ одна. Злодѣйка! Родятся же на берегу такія женщины! Прости! желаю пріятной ночи.» Я остался одинъ на фрегатѣ. Ночь была тихая, безлунная. Синее небо, испещренное яркими звѣздами, отражалось на поверхности гладкаго моря. Фрегатъ несея тихо, какъ лебедь по спокойному озеру. Командовать было нечего. Я присѣлъ къ дверямъ капитанской каюты, и, въ ночной тиши, изрѣдка прерываемой откликомъ рулевыхъ, прислушивался къ тому, что дѣлается въ этомъ святилищѣ. Женскій голосъ читалъ книгу — голосъ пріятный, нѣжный, мелодическій. Сначала не могъ я разслушать, потомъ различилъ звуки француз-

скіе, умѣренныя русскими устами — это Надежда; — наконецъ сталъ понимать и слова. Она читала исторію о какомъ-то падшемъ духѣ, умоляющемъ свѣтлаго ангела, брата своего, принять его вновь въ райскую обитель. Голосъ читающей становился тише, тише, и наконецъ умолкъ совершенно. Водворилось безмолвіе. Я носился мыслями, не помню гдѣ. Тѣлеснаго моего состава вовсе я не ощущалъ, а чувствовалъ, видѣлъ, мыслилъ какими-то иными, дотолѣ неизвѣстными мнѣ орудіями: это были струны безъ скрипки, тоны безъ воздуха. И время, и пространство, казалось, утратили надо мною свои вѣчныя права: фрегатъ исчезъ въ глазахъ моихъ. Я носился среди безбрежнаго моря, подъ огромнымъ наметомъ вселенной; тишина ночи превратилась въ какой-то непрерывный единообразный гулъ; время текло, и я его не чувствовалъ. — Что-то грохнуло подлѣ меня. Я открылъ глаза, которыхъ, кажется, не закрывалъ дотолѣ. Восходящее солнце обливало пламеннымъ пурпуромъ и фрегатъ, и море, и края неба. Свѣжій вѣтерокъ дулъ мнѣ въ лице. Предо мною стоялъ одинъ изъ моихъ товарищей: забывъ о моемъ закладѣ, онъ пришелъ смѣнить меня, по истеченіи первой ночной вахты. Я напомнилъ ему объ условіи нашемъ, и онъ съ удовольствіемъ отретировался въ койку. Мечты мои исчезли. Я стоялъ на шканцахъ, въ десяти шагахъ отъ того, что мнѣ дороже и священнѣе всего въ мірѣ, но насъ раздѣляли стѣны непроницаемыя. Капитанъ вышелъ изъ каюты, и объявилъ, что барометръ бы-

стро понижается. Должно ждать шквала. Я обрадовался тревогѣ. Вся команда вышла наверхъ. При крѣпкомъ нордвестѣ мы закрѣпили паруса, и быстро неслись къ голландскимъ берегамъ. Въ восемь часовъ закричали съ салинга: берегъ! Склянка пробила, и я вновь спустился въ свою подпольную темницу, радуясь, что Надеждѣ, при непогодѣ, не вздумалось выйти изъ каюты ранѣе этого срока. Не долго пробылъ я въ своемъ заточеніи. Въ десять часовъ прибыли мы къ Текселю; якорь рухнулъ въ море; гребныя суда повалили къ берегу. Я вышелъ на нижнюю палубу, и смотрѣлъ въ порты. Вотъ спускаются по трапу наши спутницы. Старушку сносятъ на рукахъ. За нею идетъ спутница ея. Завистливая мантия скрываетъ станъ; только ножка, маленькая, прекрасно образованная, въ черныхъ башмачкахъ, надъ которыми бѣлѣтся узенькая полоска нѣжнаго чулка, переступаетъ по ступенямъ трапа. Вы знаете, что съ траповъ сходятъ лицомъ къ кораблю. Вдругъ милый ликъ ея мелькнулъ на полсекунды предъ моими глазами. — «Ай да Ветлинь!» раздался голосъ моихъ товарищей, спустившихся въ палубу. «Лихо выигралъ закладъ! Плащевъ именно для того поѣхалъ на берегъ, чтобъ купить проигранное шампанское.» Не говоря ни слова, вышелъ я наверхъ. Шестерка наша, качаемая игривыми волнами, неслась на парусахъ къ берегу. Вѣтеръ развѣвалъ зеленый вуаль на бѣлой шляпкѣ; но *она* на насъ не смотрѣла; всѣ старанія ея обращены были на старушку, которая, видно,

боялась качки. Счастливцевъ Плащевъ правилъ рулемъ. Онѣ пристали къ берегу, раскланялись съ Плащевымъ, сѣли въ заготовленную карету, и поѣхали. Я едва не закричалъ.....

Фрегатъ остался на зимовку въ Голландіи. Намъ, офицерамъ, позволено было жить на берегу. Меня употребляли на разныя посылки: я ѣздилъ въ Амстердамъ, въ Кобленцъ, въ Парижъ. Я былъ въ этомъ послѣднемъ городѣ, когда пришла туда вѣсть о появленіи Бонапарта съ острова Эльбы. Наше посольство предписало мнѣ немедленно отправиться къ фрегату съ секретными предписаніями. Все бѣжало изъ Парижа. Я никакъ не могъ получить почтовыхъ; купилъ верховую лошадь, и поскакалъ по дорогѣ въ Брюссель. Я проѣхалъ съ утра верстъ пятьдесятъ благополучно. Вдругъ лошадь моя стала. Вѣроятно, я, непривычный къ сухопутной ѣздѣ, надсадилъ ее. Нейдетъ, да и только. Я кое-какъ довелъ ее до деревни, и бросилъ. Тщетно старался я въ деревнѣ купить другую лошадь. Всѣ были забраны проѣзжими. На меня косо посматривали французскіе мужики, принимая за шпиона непріятельскаго или за члена разбойничьихъ шаяекъ, составившихся на границѣ изъ мародеровъ всѣхъ націй. Нечего было дѣлать. При проливномъ дождѣ, по вязкой дорогѣ, пошелъ я пѣшкомъ, и къ ночи пришелъ на станцію ла-Капелль. Уставъ до полусмерти, я вошелъ въ постоялый домъ, и кинулся на полъ предъ пылавшимъ очагомъ. Какая-то добрая старушка поподчивала меня теплымъ су-

помъ. Я ненавижу французскій буліонъ, сгущенный размоченнымъ въ немъ хлѣбомъ, но въ эту минуту онъ показался мнѣ амброзіею. Лишь только я кончилъ скромный свой ужинъ, слышался стукъ остановившейся у воротъ кареты, и чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ комнату, съ бранью и ругательствами, мокрый кондукторъ дилижанса. «Толкуй, поди, съ женщинами!» закричалъ онъ: «боятся разбойниковъ. Нѣтъ, сударыни, я васъ поставлю въ Монсъ, живыхъ или мертвыхъ. Если бы съ нами былъ хоть одинъ мужчина. А я-то что? Старый сержантъ-мажоръ Самбръ-Мёзской Арміи, mille tonnerres! — Такъ нѣтъ! давай другаго!» — Я спросилъ его, откуда и куда онъ ѣдетъ. — «Изъ Парижа, сударь, везу цѣлую стаю маркизъ и виконтесъ, которыя перепугались маленькаго капрала. А чего его бояться? Онъ малый добрый, правда, не жалуетъ этихъ волтижеровъ Лудовика XV-го, да и любить-то ихъ не за что.» Давъ ему наговориться, я спросилъ, нѣтъ ли у него мѣста въ дилижансѣ. — «Есть одно,» сказалъ онъ: «внутри кареты: изъ Парижа ѣхалъ съ нами аббатъ, да вышелъ на станціи, и заболтался видно. Я не могъ ждать его. Не угодно ли вамъ сѣсть вмѣсто его? Вы не забудете стараго солдата, да и красавицы мои перестанутъ трусить.» — Я съ благодарностью согласился. — Мы вышли къ воротамъ. Лошади уже были впряжены. «Mesdames!» сказалъ кондукторъ, отворяя дверцы: извольте постѣсниться: къ вамъ сядетъ защитникъ и хранитель.» Въ каретѣ что-то пробормо-

тали съ просонья, и потомъ раздалось: *Entrez, s'il vous plaît*. Я съ трудомъ вскарабкался, и сѣлъ на передней скамьѣ, подлѣ чего-то мягкаго и теплаго. — Дверцы захлопнулись, и дилижансъ двинулся съ мѣста. Путешественницы дремали, и я скоро заснулъ. Сильный толчекъ экипажа разбудилъ меня. Свѣтало. Дождь пересталъ. Солнце вставало безъ тучъ. Насъ въ каретѣ было пятеро. Подлѣ меня, на передней скамьѣ, сидѣла дородная женщина, по видимому, служанка; подлѣ нея сухошавая старушка, въ старомодномъ чепчикѣ. На задней скамьѣ, справа, въ первомъ мѣстѣ дилижанса, покоилась немолодая, почтеннаго вида женщина; въ чертахъ лица ея выражалось страданіе; она часто пугалась во снѣ и стонала. Подлѣ нея, прямо противъ меня, сидѣла четвертая женщина, судя по ея стану, нѣжному и тонкому, по прекрасной рукѣ ея, выкатившейся изъ-подъ шали, молодая и прелестная. На головѣ у ней повязанъ былъ, сверхъ легкаго чепчика, клѣтчатый платокъ; изъ-подъ платка спускался зеленый креповый вуаль, и скрывалъ черты лица ея. Она спала крѣпкимъ сномъ юности и здоровья. Вскорѣ послѣ меня проснулись мои сосѣдки на скамьѣ, и стали меня разглядывать. Онѣ не могли догадаться кто я таковъ. На мнѣ былъ обыкновенный синій сюртукъ, опоясанный кожанымъ кушакомъ, на головѣ черный картузь. Я молчалъ, боясь разбудить спящихъ, но онѣ начали о чемъ-то перешептываться. Солнце вставало выше и выше. Вотъ и сидящая насупротивъ меня просыпается:

протянулась, зѣвнула, и — вообразите мое удивленіе, — перекрестилась по-русски. Что-то заvertѣлось у меня въ головѣ, что-то застучало въ сердцѣ. Я не успѣлъ еще дать себѣ отчета въ этомъ волненіи, какъ она подняла вуаль — и Надежда, Надежда Берилова представилась моимъ глазамъ. Не могу описать что случилось со мною: мнѣ было страшно, тяжело, мучительно. Я старался всѣми силами удерживать движенія своего лица, заглушать вздохи, которые тѣснились въ груди и занимали мое дыханіе. Трудъ этотъ былъ напрасенъ. Она меня не замѣчала. Первые ея взгляды обратились съ любовью и состраданіемъ на спящую подлѣ нея старушку; она смотрѣла на нее съ дѣтскимъ участіемъ, поправила на ней косынку, покрыла ее салопомъ, который скатился было съ колѣнъ. Я имѣлъ время прійти въ себя. Потомъ поглядѣла она на прочихъ женщинъ, поздоровалась съ ними взглядами, и обратила глаза на меня. Она вглядывалась въ меня; казалось, хотѣла что-то припомнить себѣ, но видно, что я успѣлъ собраться съ духомъ, и твердо игралъ роль равнодушнаго, посторонняго, чужаго человѣка: она меня не узнавала. Сначала это меня огорчило, но, раздумавъ порядочно, я утѣшился въ ея забывчивости: что сказала, что сдѣлала бы она, увидѣвъ себя подлѣ человѣка, котораго почитала извергомъ человѣчества? — Я привѣтствовалъ ее легкимъ наклоненіемъ головы, приподнявъ картузь; она отвѣчала учтивымъ, но безмолвнымъ привѣтствіемъ. Я имѣлъ время рассмотреть

лице ея. Мнѣ казалось, что прелестнѣе, очаровательнѣе ея нѣтъ женщины въ свѣтѣ: поэзія любви разцвѣчала прекрасный отъ природы ликъ небесными красками. Наконецъ зашевелилась и старушка — это была Графиня Лезгинова. Надежда обратилась къ ней съ дѣтскою нѣжностью, поцѣловала ей руку, поправила подъ нею подушку, спросила ее — и по-русски — какъ она спала, не хочется ли ей чего нибудь. — Графиня, давъ отвѣтъ на ея вопросы, посмотрѣла на меня угрюмо, и сказала ей съ досадою, по-русски же: «Вотъ удовольствіе путешествовать въ дилижансѣ: посадятъ къ тебѣ въ карету какого нибудь сорванца. Проклятый Бонапарте!» — Я не смигнулъ при этихъ комплиментахъ, но также, ужимкою, похожею на поклонъ, пожелалъ и старушкѣ добраго утра. Она сердито кивнула головою, какъ бы хотѣла сказать: не нужно мнѣ твоего поклона. — Женщины мало по малу разговорились между собою. Я узналъ изъ ихъ бесѣды, что сидѣвшая подлѣ меня Француженка служить камеръ-юнгферою у графини, а другая незнакомая имъ спутница, какая-то бѣдная маркиза. Графиня пустилась бѣжать изъ Парижа по приближеніи Наполеона, и не доставъ другаго экипажа, при помощи какого-то аббата успѣла взять четыре мѣста въ дилижансѣ; остальные два заняты были маркизою и самимъ аббатомъ, котораго неумолимый кондукторъ бросилъ, за неявку, на второй станціи. Я не развѣвалъ рта, и притворялся спящимъ. — «Станный Французъ,» сказала графиня, «молчить какъ стѣна. Ужъ

не шпионъ ли онъ какой, помилуй Господи!» — «Ахъ, нѣтъ, тапан!» сказала Надежда: «онъ очень учтивъ и скромнень. Мнѣ помнится даже, что я его гдѣ-то видала. Только не въ Парижѣ. Лице такое знакомое.» — «Забыла!» думалъ я: «забыла! Слава Богу. Теперь лице мое останется у ней въ памяти съ отмѣткою: тихій, учтивый человекъ.» — Мы пріѣхали на станцію. Дамы вышли освѣжиться и позавтракать. Я отправился въ трактиръ, и позавтракалъ такъ, чтобъ не нужно было обѣдать. Я боялся проговориться за столомъ. Паспорта у меня не спрашивали: кондукторъ взялъ съ меня деньги себѣ, а въ списокъ показанъ былъ предмѣстникъ мой, аббатъ. Препредимъ порядкомъ проѣхали мы еще двѣ станціи. Я молчалъ какъ статуя. Графиня раза два спрашивала меня кое о чемъ. Я отвѣчалъ: *Oui, madame; non, madame*, стараясь всячески поддѣлаться подъ французское произношеніе. — «Сущій медвѣдь этотъ Французъ!» сказала графиня: «толку не добьешься.» — «Не троньте его, тапан!» возразила Надежда: «у него что-то на сердцѣ. Онъ часто вздыхаетъ, и какъ будто боится смотрѣть намъ въ лице. Онъ конечно несчастливъ. Богъ знаетъ что онъ оставилъ въ Парижѣ, и зачѣмъ ѣдетъ.» — «Ошибаешься,» думалъ я: «онъ теперь счастливѣйшій изъ людей; въ Парижѣ ничего не оставлялъ, но съ трепетомъ ожидаетъ и страшится минуты, въ которую разстанется съ тобою.» — Приваль. Дамы вышли, и я также. Онѣ отправились въ постоялый домъ; я пошелъ прогули-

ваться по аллеѣ. По окончаніи ихъ обѣда, опять безмолвно сѣли въ дилижансъ, и потянулись прежнимъ порядкомъ. Стало смеркаться. Мы въѣхали въ лѣсъ. Небо затянулось. Сталъ накрапывать дождикъ. По временамъ раздавался по лѣсу свистъ — будто разбойничій сигналъ. Женщины вздрагивали и крестились. Я, признаться, самъ былъ не очень спокоенъ. Послѣ войны дороги едѣлались крайне опасными. Въ лѣсахъ, на голландской границѣ, бродили мародеры, и не разъ останавливали ѣхавшіе изъ Франціи экипажи, въ надеждѣ поживиться богатствомъ, вывозимымъ бѣгущими за границу эмигрантами. У меня за поясомъ были два маленькіе пистолета, незаряженные; кондукторъ храбрился только словами; въ каретѣ сидѣли четыре женщины; на имперіалѣ и въ кабріолетахъ какіе-то ободренные мужики и бабы. — Мракъ сгустился; дилижансъ ѣхалъ тихо. Вдругъ раздались громкіе голоса, и онъ остановился. Дамы перепугались. Въ темнотѣ засверкали огни фонарей, и при ихъ свѣтѣ мы увидѣли, что окружены толпою самаго подозрительнаго народа. Въ ужасѣ, который овладѣлъ мною, я забылъ всѣ предосторожности, и сказавъ по-французски: «Успокойтесь, сударыни; это, вѣроятно ничего не значитъ!» готовился отворить дверцы кареты; но меня предупредили снаружи. Какой-то высокій, широкоплечій мужикъ, въ синемъ балахонѣ, отворилъ ихъ и закричалъ: «Вылѣзайте, мошенники! Подавайте все, что у васъ есть.» — «Что вы за люди?» спросилъ я. — «Вотъ еще выискался

какой таможенный! Не въ томъ дѣло! Выходите!» — «Не выйдемъ!» отвѣчалъ я твердымъ голосомъ, надѣясь испугать ихъ: «въ двухъ стахъ шагахъ за нами ѣдетъ разѣздъ; онъ освободитъ меня изъ вашихъ рукъ.» — «Не выходите?» сказалъ мужикъ: «такъ стойте; я васъ отдамъ на руки капитану. *Руски-муски!*» закричалъ онъ: «не хотятъ выходить! Грозятъ разѣздомъ! Что тутъ дѣлать?» — Къ каретѣ подскочилъ человѣкъ ужаснаго вида съ рыжею бородою, и закричалъ дурнымъ французскимъ языкомъ: «Выходите, каналы! Не то я васъ всѣхъ перебью!» Онъ навелъ пистолетъ въ карету; раздался крикъ; фонарь блеснулъ ему въ лицо — и я узналъ въ немъ Хлыстова! — «Помилуй!» закричалъ я по-русски: «Хлыстовъ? это ты? что это значитъ?» — Онъ опустилъ пистолетъ и спросилъ: «А ты кто?» — «Всмотрись!» отвѣчалъ я. Онъ поднялъ фонарь, посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, закричалъ: «Ветлинъ!» пошатнулся и зарыдалъ. — Всѣ были въ оцѣпенѣніи. Разбойники остановились, и съ изумленіемъ глядѣли на плачущаго атамана. Женщины съ нетерпѣніемъ ждали развязки. — «Въ какую пропасть ты низвергся!» — сказалъ я ему. — «Молчи!» вскричалъ онъ, опомнившись: «не растравляй ранъ моихъ. Я злодѣй, я извергъ, бѣжалъ изъ полку, былъ схваченъ, приговоренъ къ смерти, успѣлъ опять уйти, и — ты видишь! Ступай съ Богомъ! И если услышишь, что повѣсили русскаго мародера, вздохни и помолись за него. — Кондукторъ, почтильонъ!» прибавилъ онъ разбой-

вичьимъ французскимъ нарѣчіемъ: «садитесь и погоняйте, а вы, ребята, назадъ за мною. — Прости, Ветлинъ! Вотъ до чего доводитъ развратъ молодыхъ лѣтъ!» Онъ захлопнулъ дверцы. Дилижансъ покатился. Чрезъ часъ мы пріѣхали въ Монсъ.

Далѣе не могу описывать. На землѣ есть краски для изображенія мрака, для подражанія всѣмъ постепенностямъ отраженія солнца, но самые лучи небесные неуловимы, неизобразимы. Я узналъ Надежду; она узнала меня, узнала мою страсть, пламенную, чистую, безотрадную; узнала мое сиротство, страданія моего дѣтства, заблужденія юныхъ лѣтъ, и возвращеніе на стезю добра — ея рукою, ея мыслию. — Графиня поселилась въ Схевенингенъ для употребленія тамошнихъ морскихъ бань; я былъ у нихъ ежедневно. — При наступленіи осени, намъ сказано было похотѣть. Я простился съ Надеждою. Взаимная клятва, не принадлежать никому другому, была нашимъ послѣднимъ словомъ. Мы переписываемся очень рѣдко, только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, и то языкомъ холодности, равнодушія и свѣтскихъ приличій. Повтореніе, подтвержденіе моей любви заключается въ условленномъ *парафѣ*, которымъ я оканчиваю подпись своего имени. Думаютъ, что *якорь* означаетъ мое званіе — нѣтъ! онъ значитъ Надежду. — Вотъ уже полтора года, что мы разстались. Графиня собиралась пріѣхать въ Петербургъ, по своему процесу. Она жила врозь съ мужемъ, и пользовалась своимъ участкомъ въ общемъ имѣніи, не заботясь о формахъ.

Теперь мужъ ея умеръ, и его родственники отнимають у нея родовое ея имуществъ. — Я жду ея, жду Надежды, какъ отсрочки смертнаго часа. Увѣренъ, что она дастъ мнѣ знать о своемъ пріѣздѣ, однако вездѣ ищу ея: когда бываю въ Петербургѣ, ѣзжу въ театры, на балы — авось-либо! Гадаю на картахъ, но моя дама никакъ не хочетъ пасть на мою сторону. Я проигралъ на нее въ умѣ цѣлые милліоны. — Съ нелѣпою мыслию отыскать Надежду, отправился я и на балъ къ Лютнину, и нашелъ — васъ! Я слыхалъ о предстоящемъ вашемъ возвращеніи; думалъ, что вы уже въ Петербургѣ; но не смѣлъ отыскивать. Превъзменная жизнь набросила темную тѣнь на все мое существованіе. Меня чуждаются, бѣгаютъ; смѣшавъ исторію Хлыстова съ моею, говорятъ, что я разбойничалъ въ Голландіи на большихъ дорогахъ, и ограбилъ одну русскую графиню. Дайте злословію малую точку: люди распространять ее на цѣлый кругъ солнечный. — Одна Надежда меня знаетъ: теперь, вѣроятно, знаете и вы. Благодаритель моего дѣтства! не отриньте меня. Постараюсь быть васъ достойнымъ.

Случай надѣлилъ васъ сокровищемъ, за которое я отдалъ бы жизнь свою, если бъ она еще мнѣ принадлежала. Это изображеніе младенца-ангела. Повѣрите ли, что это портретъ моей Надежды? Такова она была, конечно, въ своемъ младенчествѣ; такою преобразится, когда прійдетъ ей время улетѣть въ свою небесную отчизну. — — Простите хитрость, употребленную мною для того, чтобъ высказать вамъ,

что у меня лежало на сердцѣ. Изустно я не могъ бы передать вамъ всего этого: при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ моей жизни, я не могъ бы взглянуть на васъ; при другихъ, не нашелъ бы словъ, чтобъ ихъ выразить.

Сергій Ветлинъ.»

XLIX.

Чтеніе этой искренней исповѣди произвело въ Кемскомъ глубокое впечатлѣніе. Онъ долго глядѣлъ на подпись, желая удостовѣриться, точно ли это тотъ Ветлинъ, о которомъ гремитъ въ свѣтѣ такая дурная слава, подошелъ къ портрету дочери Берилова, поднялъ покрывало, и долго всматривался въ черты лица ея, повторяя въ умѣ прочитанное. Ему теперь этотъ ликъ казался знакомымъ, своимъ, роднымъ: въ улыбкѣ ангельской чудился ему привѣтъ давнишняго друга. — Онъ опустилъ покрывало въ раздумьѣ. — «Но отецъ Надежды умеръ — это точныя слова Ветлина, а этотъ Бериловъ.... можетъ быть, иной! — Нѣтъ! не можетъ статья: ее зовутъ Надеждою Андреевною.» — Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ разгадать эту непостижимую тайну. Берилова не было дома уже недѣли четыре. Кемскій велѣлъ позвать Акулину Никитичну, и сталъ спрашивать ее о семейственныхъ отношеніяхъ живописца. Никитична разлилась широ-

кимъ и быстрымъ потокомъ словъ, но въ нихъ нельзя было ни до чего добраться. Она поселилась у Берилова за десять лѣтъ предъ тѣмъ, чрезъ полгода по кончинѣ Настасьи Родіоновны, и только отъ сосѣдокъ слышала, что у Берилова была дочь, сирота безъ матери; что Родіоновна оставляла ее безъ всякаго призору; что Бериловъ, наконецъ, отдалъ ее въ чужія руки, и потомъ получилъ извѣстіе о ея смерти. Никитична не разъ допытывалась у самого хозяина своего о семейныхъ его дѣлахъ, но, какъ и во всемъ иномъ, не могла добиться толку; знала только, что онъ бросилъ свое дитя, и никогда о немъ не вспоминалъ. Кемскій отпустилъ Акулину Никитичну: ея слова еще болѣе смѣшали всѣ его понятія. Бериловъ неразсудителенъ, неостороженъ, забывчивъ, безтолковъ, но сердце у него доброе: могъ ли онъ бросить, забыть свое дитя? Всякой человѣкъ есть загадка! думалъ Кемскій: мало ли людей, достойныхъ уваженія во всѣхъ отношеніяхъ, платятъ дань слабости своей природы въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ!

Душевное участіе въ горестной судьбѣ Ветлина, недоумѣніе и безотрадное чувство невозможности удовлетворить влеченію своего сердца — все это подернуло душу Кемскаго мрачнымъ покровомъ. Грудь его стѣснилась, дыханіе сжалось.... Весеннее солнце, играя въ окнахъ, манило его на чистый воздухъ. Онъ вышелъ на крыльцо. Это было въ одинъ изъ тѣхъ неизъяснимо пріятныхъ дней петербургскаго апрѣля, когда солнце, какъ будто невзначай, лучами благо-

датными согрѣваетъ атмосферу, и даетъ предчувствовать наслажденія лѣта. Воздухъ былъ тихъ, свѣжъ, но тепелъ. Птицы шѣли. Деревья стояли еще обнаженные, но травка на лугахъ уже пробивалась. Кемскій прошелъ въ садъ. Подлѣ оранжерей и парниковъ выставлены были цвѣточные горшки. Заключенныя дотолѣ въ душной, искусственной атмосферѣ, нѣжныя растенія пили въ себя живительное дыханіе весны. — Онъ шелъ далѣе и далѣе, къ одному завѣтному мѣсту, котораго не смѣли касаться ни топоръ, ни заступъ садовника. Одинъ этотъ уголокъ изъ всего обширнаго сада, посреди котораго построены былъ домъ, занимаемый Кемскимъ, оставался въ первобытномъ своемъ состояніи: два вросшіе въ землю надгробные камня уцѣлѣли на бывшемъ кладбищѣ. Вокругъ нихъ росли густыя рябины, посаженные съ незапамятныхъ временъ. Ветхая деревянная скамья прислонялась къ дереву. При уничтоженіи бывшаго тутъ кладбища, новый владѣлецъ этого мѣста получилъ отъ неизвѣстнаго лица записку, въ которой просили его не тревожить покойниковъ, лежащихъ въ этихъ двухъ могилахъ. Онъ свято исполнилъ требованіе родственной любви: огородилъ это мѣсто, расчищалъ, окладывалъ дерномъ, осыпалъ пескомъ, и продавая домъ другому, включилъ въ купчую условіе о храненіи двухъ могилъ въ прежнемъ ихъ видѣ. Между тѣмъ, никто не приходилъ на эти могилы; никто о нихъ не осведомлялся. Кемскій услышалъ эту исторію зимою, когда переѣхалъ въ новую квартиру: съ

горестнымъ чувствомъ смотрѣлъ онъ въ окно, на опушенные инеемъ деревья, осѣнявшія этотъ укромный уголокъ. Не прошло полувѣка съ тѣхъ поръ, какъ оставлено это кладбище — а уже всѣ слѣды его изгладились. Вздохи и стоны сѣтовавшихъ надъ свѣжими могилами исчезли въ воздухѣ, слезы плакавшихъ изсякли на сырой землѣ, пріавшей въ себя останки друзей и родныхъ. Только двѣ могилы изъ тысячъ охраняются отъ общаго уравниенія, и онѣ исчезнуть съ памятію тѣхъ, которые нашли въ нихъ пріютъ и упокоеніе.

Земля еще не совершенно обсохла, и на тропинкѣ видны были свѣжіе слѣды. Кемскій машинально шелъ по этимъ слѣдамъ, и очутился подъ рябинами. Кто-то сидѣлъ на скамьѣ, опершись на трость, и вперивъ глаза въ надгробные камни. Кемскій, увидѣвъ человека, хотѣлъ воротиться, но шелестъ шаговъ измѣнилъ ему. Сидѣвшій на скамьѣ оборотился въ его сторону; сребристыя сѣдины сверкнули изъ-подъ шляпы. — «Извините,» сказалъ Кемскій: «я думалъ, что здѣсь нѣтъ никого.» — «Ничего-съ!» отвѣчалъ незнакомецъ, приподнялся съ трудомъ, и Кемскій увидѣлъ въ немъ Алимари.

«Алимари, другъ мой!» вскричалъ онъ въ изступленіи, и кинулся къ нему на шею: «вы здѣсь! Узнаете ли вы меня? узнаете ли Кемскаго?» — «Князь!» воскликнулъ Алимари, и они обнялись въ безмолвномъ восторгѣ.

Когда миновали первыя секунды радостнаго изступ-

ленія, Кемскій всмотрѣлся въ Алимари, котораго не видалъ слишкомъ семнадцать лѣтъ. Казалось, онъ не устарѣлъ съ того времени, только высохъ и сгорбился; глаза его сверкали прежнимъ пламенемъ; голосъ его раздавался въ слухъ и душѣ собесѣдника прежнею гармоніею. Князь не могъ не изъявить своей радости, что видитъ его бодраго и здороваго. «Да,» отвѣчалъ Алимари: «девяносто-трехлѣтняя хижина разрушается, но жительница ея не ветшаетъ. Скажу болѣе: теперь душѣ моей легче и свободнѣе; оковы тѣлѣнія не тяготятъ ея такъ, какъ въ бывалые годы. Куда не достигнетъ глазъ тѣлесный, туда проникаютъ взоры духа. А вы, князь?» — «Я не одинокъ съ нѣкотораго времени, и только теперь начинаю благодарить васъ за сохраненіе моей жизни: еще есть люди, которымъ мое существованіе въ мірѣ можетъ быть полезно и благодѣтельно.» — «Живите для дружбы и добра!» возразилъ Алимари: «они усладятъ ваше существованіе. Я же, по обѣту моему, пришелъ сюда, на Сѣверъ, сложить мои кости подлѣ драгоцѣннаго мнѣ праха. Зимою былъ я въ Лиссабонѣ; теперь я здѣсь — вотъ могилы отца моего и матери. Я не плачу. Слезы у меня изсякли; онѣ претворились во внутреннее ощущеніе тоски, надежды и умиленія.»

Друзья вошли въ домъ. Кемскій предложилъ новому своему гостю у него поселиться; Алимари охотно на то согласился. Съ ближняго постоялаго двора принесли его небольшой скарбъ — чемоданъ и сундучекъ, и онъ чрезъ часъ сидѣлъ уже дома, на диванѣ, съ

стариннымъ другомъ, и слушалъ повѣсть жизни его со времени разлуки въ Триестѣ.

«Вотъ, другъ мой!» сказалъ Кемскій наконецъ: «что ожидало меня въ этомъ свѣтѣ, гдѣ вы заставили меня скитаться. Если бъ я истекъ кровью въ Ниццѣ, то не испыталъ бы многого горя. Ужаснѣйшія изъ терзаній суть одиночество и разочарованіе въ людяхъ. Племянники мой, племянница — люди недостойные моей любви и уваженія, и имъ я никогда не оставляю своего имѣнія. Если бъ вы знали, какъ они терзали моихъ бѣдныхъ крестьянъ! О собственномъ имѣніи, о доходахъ, о деньгахъ, я не думаю. Понуждаюсь, потеряю нѣсколько времени, чтобъ выручить имѣніе изъ залога, а тамъ — что Богъ дастъ! Дѣти Элимова не заслуживаютъ моей любви; крестникъ его, Ветлинъ, одинъ мнѣ другъ, родственникъ.... Употреблю всѣ силы, чтобъ сдѣлать счастливымъ хоть его. Злодѣи не довольствовались тѣмъ, что лишили его всякой помощи: они развратили было его душу!»

Никогда еще Кемскій не отзывался о своихъ родственникахъ такъ рѣшительно, никогда не дерзалъ называть ихъ злодѣями. Но въ прежнее время они дѣйствовали противъ него одного: теперь онъ вооружался за другаго. Онъ разсказалъ другу своему о судьбѣ Ветлина, и сообщилъ недоумѣнія свои о дочери живописца Берилова. — «Вотъ она! вотъ этотъ ангельскій ликъ, который улаживаетъ меня въ минуты страданій и тоски душевной!» сказалъ онъ, отдернувъ покрывало. Алимари смотрѣлъ на нее со вниманіемъ.

«Портретъ долженъ быть похожъ,» сказалъ онъ наконецъ: «такая выразительность не можетъ быть вымысломъ. А это вы?» спросилъ онъ, оборотясь къ портрету Берилова. — «Видно, зрѣніе ваше притупляется,» сказалъ Кемскій, улыбаясь: «это портретъ моего жильца и друга, добрѣйшаго человѣка въ мірѣ, Андрея Ѳедоровича Берилова, съ которымъ я познакомился въ Токсовѣ, въ тотъ самый вечеръ, какъ въ первый разъ увидѣлся съ вами. Помните ли? Это было на другой день послѣ страннаго видѣнія на петербургскомъ небѣ.» Алимари, вооружась увеличительнымъ стекломъ, посматривалъ на изображеніе дитяти, на портретъ Берилова, на князя — и размышлялъ о чемъ-то въ недоумѣніи....

Свиданіе съ почтеннымъ Алимари преисполнило душу Кемскаго благоговѣйною признательностью къ Провидѣнію: оно позволило ему увидѣть въ здѣшней жизни человѣка, къ которому онъ былъ привязанъ всею душою. Теперь онъ еще съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Берилова, чтобъ раздѣлить съ нимъ радость этой неожиданной встрѣчи: воображалъ, какъ уладительно втроемъ будутъ жить во временахъ прошедшихъ.... Алимари душою дѣйствительно былъ прежній, но тѣломъ склонялся къ землѣ. Можно было сказать, что онъ жилъ съ солнцемъ: доколѣ благотворные лучи дневнаго свѣтила озаряли горизонтъ, онъ ходилъ, говорилъ, дѣйствовалъ, какъ всегда или еще съ бѣльшею ясностью, твердостью и силою, но при наступленіи сумерекъ впадалъ въ тихую дремоту,

и пробуждался не ранѣе восхода солнечнаго: тогда мало по малу просыналась душа его, и когда солнце появлялось все на горизонтѣ, исчезала и дремота его совершенно. Душа обновлялась. Всѣ воспоминанія въ немъ воскресали: онъ жилъ поснѣшно, быстро, жадно — до новаго наступленія ночи.

Бесѣда друзей дня чрезъ два склонилась на предметъ, который задолго до того занималъ ихъ мысли. Кемскій повѣдалъ другу своему, что прежняя мечта его живетъ съ нимъ донынѣ; что она не оставляетъ его ни въ шумѣ свѣтской жизни, ни въ тиши уединенія. — «Я ужъ пересталъ называть ее черною женщиною,» сказалъ онъ: «это моя Наташа! И прежде, въ первые дни знакомства моего съ покойною женою моею, я находилъ въ ней поразительное сходство съ моею мечтою; теперь обѣ онѣ слились въ одно; теперь появленіе милаго призрака есть для меня награда, утѣшеніе, отрада. Въ зимніе вечера она сидитъ подлѣ меня, склоняясь на плечо мое; она закрываетъ нѣжною рукою усталыя мои вѣжды, когда я кончаю дневныя труды свои; она отходитъ отъ одра моего, когда я поутру открываю глаза. И въ эту самую минуту — Наташа! я вижу тебя!» — «Вы увидите ее!» сказалъ Алимари: «не въ мечтѣ! И я съ священнымъ трепетомъ помышляю каждый вечеръ объ ожидающемъ меня блаженствѣ; думаю: не наступилъ ли уже часъ свиданія съ Антигоною и дѣтьми моими? и погружаюсь въ забвеніе земнаго существа моего, но воображеніе мое совершенно истощилось: ни какое видѣ-

Ніе, ни какой призракъ не нарушаетъ, не услаждаетъ моего покоя. При восходѣ солнечномъ возникаю вновь изъ ничтожества, и думаю: еще день! Боже мой! чѣмъ долѣе ты меня испытываешь въ здѣшнемъ мірѣ, тѣмъ вѣрнѣе моей душѣ залогъ благодати твоей въ будущемъ!»

Кемскій спросилъ у него, занимается ли онъ, по-прежнему, изученіемъ природы. «Это мое всегдашнее занятіе,» отвѣчалъ Алимари: «хотя послѣдствіе всѣхъ моихъ наблюденій и умозрѣній одно и то же: знаю, что я ничего не знаю. Многія явленія и случаи въ жизни и въ свѣтѣ, кажуціяся намъ теперь непостижимыми и чудесными, сдѣлаются ясны и понятны со временемъ; но общіе законы, по которымъ міръ и все въ немъ сущее рождается, живетъ и преходитъ, останутся тайною. Успѣхи наши въ теченіе тысячелѣтій—это десять шаговъ человѣческихъ, пройденныхъ муравьемъ на странствіи вокругъ Земнаго Шара. Но если бранными глазами, слабыми орудіями чувствъ не могу проникнуть въ глубину земнаго и небеснаго творенія — мысль моя, не знающая веригъ пространства и времени, возлетаетъ къ невидимому, но познаваемому средоточію. Къ сознанію собственнаго нашего ничтожества необходимо присоединяется сознаніе Верховнаго Разума, въ которомъ теряется и мысль моя, и вся огромная видимая вселенная. Изученіе природы нынѣ облеклось для меня свѣтлымъ лучемъ духовнаго міра. Прежде сего удивлялся я съ одной стороны огромности небесныхъ свѣтилъ, неизмѣримости без-

воздушнаго пространства, съ другой мелкости животныхъ и растеній микроскопическихъ; старался истолковать себѣ восхожденіе существъ отъ грубаго, безжизненнаго камня къ совершеннѣйшему земнородному—человѣку. Теперь, наоборотъ, мыслію низвожу на землю могущество и благодать Бога, духомъ его проникаю все бывшее, сущее и будущее въ мірѣ, и дыханіемъ его оживляю, какъ гранитные утесы, такъ и мысли человѣческія. Я удостовѣрился теперь, болѣе нежели когда нибудь, что смерти нѣтъ въ природѣ; что видимые нами предметы, исчезая въ вещественномъ мірѣ, только принимаютъ другой видъ, и духъ нашъ, оставляя бренное тѣло, стремится невѣдомыми путями къ началу, недоступному въ здѣшнемъ мірѣ.»

— «Такъ вы принимаете общую жизнь во всей природѣ, вѣчное круговращеніе, непрерывное самоизмѣненіе формъ ея?» спросилъ Кемскій.

«Принимаю это,» отвѣчалъ Алимари: «но причину существованія и жизни природы нахожу внѣ ея, въ Существоѣ высочайшемъ, премудрѣйшемъ. Намъ невозможно вообразить себѣ въ мірѣ что либо сущее безъ причины и безъ послѣдствій. И самые злѣйшіе безбожники согласны въ томъ, что окружающій человека міръ разнородныхъ силъ, являющійся въ своихъ дѣйствіяхъ на него, долженъ имѣть свою начальную причину. Они говорятъ, что эта причина всѣхъ явленій въ мірѣ заключается въ таинственныхъ, согласныхъ между собою дѣйствіяхъ силъ природы, кото-

рыхъ существа мы познать не можемъ. Природа, толкуютъ они, существуетъ такъ отъ вѣка, дѣйствовала такъ всегда, производила явленія и перемѣны, сама того не зная. Слѣдственно, по этому ученію, самое совершенное существо въ мірѣ есть человѣкъ, ибо онъ сознаетъ свое существованіе? Слѣдственно, природа произвела существа, которыя совершеннѣе, выше, превосходнѣе ея самой? Слѣдственно вселенная есть мертвая машина, которая сама себя не знаетъ, а производитъ существа, достойныя, въ сравненіи съ нею, быть божествами? — Нелѣпость этой мысли очевидна. Если, по законамъ моего разума, должна быть всему общая, начальная причина, то она не можетъ быть несовершеннѣе меня. Эта чудесная гармонія въ мірозданіи, эти рассчитанные, измѣренныя, взвѣшенные законы тайныхъ силъ природы, движущихъ вселенною, суть мысль столь великая, какой ни я, ни другой смертный никогда изъ себя родить не можетъ. И изъ этой мысли вывожу я существованіе произведшей ее, соразмѣрной съ нею силы, самодѣятельной и познающей, какъ душа моя, — только въ высшей, недосягаемой, невообразимой степени. Во сколько кратъ дѣла рукъ и ума человѣческаго слабѣе, ничтожнѣе устройства вселенной, во столько кратъ мудрость и сила человѣка ниже мудрости и силы всевысочайшаго Существа. Не разрушая законовъ разума, не можемъ изгнать изъ міра сего — всеустрояющей, владычествующей, всеоживляющей Силы. Человѣкъ, по самопознанію души своей, по отлич-

нымъ своимъ качествамъ, стоитъ на высшей ступени въ земномъ порядкѣ вещей. И важнѣйшее доказательство превосходства его есть то, что онъ разумомъ своимъ принужденъ вѣрить въ Бога: онъ видитъ въ Богѣ источникъ своего существа, и въ душѣ своей созерцаетъ отблескъ вѣчнаго, святаго Виночника всего сущаго въ мірѣ. Пусть своекорыстный лжемудрецъ, не для убѣжденія другихъ, а для удовлетворенія своему тщеславію, сбиваетъ понятія, низжетъ сомнѣнія, и мечтаетъ быть великимъ, доказавъ, что нѣтъ Бога! Гласъ всей природы заглушаетъ его дерзкія слова! — И этотъ гласъ громче всего раздается въ глубинѣ нашей души, которая есть отблескъ, искра того духовнаго свѣтила, вокругъ котораго вращаются міриады міровъ видимыхъ. Есть Богъ всемогущій, всемилосердый — не мертвая природа, безъ воли, безъ самопознанія! Я созданіе этого высочайшаго, святѣйшаго Существа; я духомъ съ нимъ одинъ. Смерть меня не устрашаетъ: она есть не уничтоженіе существа моего, а разрѣшеніе духа отъ узъ, называемыхъ у насъ тѣломъ. Духъ, исходящій отъ Бога, знаетъ свою родину: онъ стремится туда, изъ конечнаго въ безконечное, изъ временнаго въ вѣчное. И въ здѣшней жизни человѣкъ начинаетъ воспитаніе свое для будущей, освобожденіемъ себя отъ чувственнаго, земнаго, растительнаго, животнаго, пробужденіемъ въ себѣ жизни духовной. Чистота тѣлесная есть охраненіе нашего тѣла отъ прикосновенія безжизненной природы; чистота духовная освобожденіе

души отъ наростовъ грубыхъ, животныхъ. Добрыя дѣла, заглушеніе самолюбія, своекорыстія, зависти, гнѣва — суть слабыя подражанія Благости Вышней, мерцающіе отблески солнечнаго луча, преломленнаго тучами и туманами земной атмосферы. — Изученіе окружающей насъ природы предшествуетъ изслѣдованію способностей и силъ нашей души, и познавъ свойство души своей, возносимся мы къ вѣчному ея источнику. И здѣсь Благость небесная не оставляетъ насъ, слабыхъ и близорукихъ. Тамъ, гдѣ земныя наблюденія, сбивчивыя умозаключенія человѣка теряютъ нить въ темномъ лабиринтѣ — возникаетъ искра Божественнаго Откровенія, и ведетъ насъ къ началу свѣта. Религія Христіанская есть окончаніе, довершеніе, освященіе нашихъ благоговѣйныхъ наблюденій, и въ ея ученіи разрѣшаются всѣ вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ умѣ человѣка о причинѣ и конечной цѣли существованія міра и души его!»

Л.

Слова Алимари были прерваны шумомъ и крикомъ въ сѣняхъ. Кемскій поспѣшилъ узнать о причинѣ этого нарушенія тишины въ укромномъ его пріютѣ, и увидѣлъ въ передней комнатѣ Берилова, но въ какомъ положеніи! Онъ былъ блѣденъ, разстроенъ, глаза его сомкнуты; два человѣка ввели его въ комнату

подъ руки, и посадили въ кресла. Онъ открылъ глаза, томные, мутные, и увидѣвъ князя, сказалъ прерывающимся голосомъ: «Слава Богу, что еще васъ вижу! Я думалъ, что живой не доѣду. Отпустите этихъ добрыхъ людей, и дайте мнѣ опомниться. Дайте пожить, чтобъ я могъ рассказать вамъ все — все!» — Онъ впалъ въ безпамятство отъ истощенія силъ этимъ продолжительнымъ разговоромъ. Его раздѣли, положили въ постель, привели въ чувство, напоили теплымъ чаемъ. Онъ заснулъ, но во снѣ вздрагивалъ, какъ будто отъ испуга, стоналъ и произносилъ невнятные слова.

Князь спросилъ у провожатыхъ, кто они, и откуда привезли Берилова. Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, что они служители живущаго на петергофской дорогѣ, коллежскаго ассесора Лемешова, у котораго Бериловъ провелъ нѣсколько дней, занимаясь работою; дня за четыре онъ занемогъ, но сегодня утромъ болѣзнь его усилилась; онъ началъ бредить, и требовалъ, чтобъ его немедленно отвезли домой. Желаніе его исполнили: дорогою онъ тосковалъ и жаловался, что живой до дому не доѣдетъ. Болѣе люди ничего сказать не могли. Ихъ отпустили.

Бериловъ проснулся чрезъ нѣсколько времени. Призвали врача: онъ нашелъ, что больной страдаетъ нервами; что болѣзнь его усилена, вѣроятно, испугомъ или какимъ либо другимъ потрясеніемъ; что она можетъ сдѣлаться опасною. Это было сказано не въ присутствіи Берилова, но онъ самъ догадывался,

что находится въ сомнительномъ положеніи, и лишь только собрался съ мыслями, потребовалъ, чтобъ князь непременно его выслушалъ. Какая-то сверхъестественная сила оживляла его душу; мысли его были связнѣе, выраженія короче и яснѣе обыкновеннаго.

Кемскій и Алимари съ нетерпѣніемъ и страхомъ сѣли подлѣ его постели, и узнали причину страданій и испуга добраго артиста.

Онъ жилъ около мѣсяца въ Нарвѣ, у одного тамошняго помѣщика, человѣка добраго и зажиточнаго, и перерисовывалъ старинный альбомъ, въ которомъ хозяинъ его, на странствіяхъ своихъ по разнымъ землямъ Европы и Азіи, изображалъ предметы, казавшіеся ему достойными вниманія. Работа кончилась. Помѣщикъ, привыкшій въ деревнѣ разсчитывать всякую наличную копѣйку, впрочемъ тороватый на хлѣбъ—соль, заплатилъ Берилу очень скудно. Художникъ принялъ плату безъ возраженія, но на прощанье замѣтилъ, что едва ли за эти деньги доѣдетъ до Петербурга. Тогда помѣщикъ взялся доставить ему случай проѣхать даромъ, и въ тотъ же день нашелъ попутчика, который согласился довезти Берилова безъ платы съ тѣмъ, чтобъ онъ, по пріѣздѣ, снялъ съ него портретъ. Что могло быть лучше этого? Простодушный Берилъ искренно поблагодарилъ своего хозяина за угощеніе и попеченіе, и пустился въ путь съ новымъ своимъ знакомцемъ въ покойномъ дормезѣ, со всѣми дорожными удобствами. Этотъ

новый знакомецъ былъ Лемешовъ, одинъ изъ самыхъ искусныхъ, безсовѣстныхъ и опасныхъ ябедниковъ во всей Россійской Имперіи. Онъ пріѣзжалъ въ Нарву на юридическое совѣщаніе къ сосланному туда на жительство взяточнику, имѣвшему надобность въ его пособіи для того, чтобъ низложить и уничтожить враговъ своихъ, и доказать правительству и свѣту свою честность, безкорыстіе и усердіе къ службѣ.

На первыхъ верстахъ пути Бериловъ, при всей недалновидности своей, догадался съ кѣмъ ѣдетъ. Коварный, звѣрскій нравъ Лемешова, гнусный образъ мыслей, самыя мошенническія правила, прикрываемыя ссылками на законы и набожными возгласами, устрашили боязливаго художника. Онъ прижался къ углу кареты, разсматривалъ лице Лемешова, на которомъ изображалась яркими чертами черная его душа, и старался затвердить въ памяти эту рѣдкую фizioномію, чтобы, въ случаѣ надобности, воспользоваться ею для изображенія нечистаго духа. Онъ не могъ дождаться пріѣзда въ Петербургъ, считалъ версты съ нетерпѣніемъ. Оставалось до города семь верстъ. Бериловъ разсчитывалъ, что чрезъ часъ времени будетъ онъ въ своемъ пріютѣ, увидитъ своего ненагляднаго князя; закаивался впредь отлучаться такъ далеко, и ѣздить съ чужими людьми. Вдругъ карета своретила съ большой дороги направо. «Что это значитъ?» спросилъ Бериловъ въ испугѣ: «развѣ нѣтъ прямой дороги?» — «Я живу на дачѣ,» холодно отвѣчалъ Лемешовъ. — «На дачѣ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ?»

подумалъ Берировъ: «странный вкусъ!» — Лемешовъ дѣйствительно жилъ на дачѣ, но не по вкусу: ему воспрещенъ былъ, за ябедничество, въѣздъ въ столицу, и онъ основалъ свой разбойничій вертепъ въ семи верстахъ отъ Петербурга. Туда являлись къ нему челобитчики за совѣтами и пособіемъ; помощники и повѣренныя его, практическіе ходатаи по судамъ — за наставленіями и приказаніями.

Карета остановилась въ верстѣ отъ большой дороги, у подѣзда огромной дачи, окруженной рошею. Берировъ, вышедши изъ экипажа, поблагодарилъ Лемешова за одолженіе, и объявилъ, что дойдетъ до города пѣшкомъ. «А условіе написать мой портретъ?» спросилъ Лемешовъ. — «Не премину исполнить, Степанъ Назарьевичъ,» отвѣчалъ Берировъ: «куплю новыхъ красокъ, да и кисточки мои поистерлись. Не позже недѣли явлюсь къ вамъ, и все исправлю.» — «Те, те, те!» захрюкалъ Лемешовъ: «обманешь, да въ лѣсъ уйдешь. Знаю я васъ, художниковъ: вы всѣ плуты, лѣнтяи и пьяницы. Нѣтъ, братецъ! уговоръ лучше денегъ: оставайся у меня, да исполни условіе. До окончанія портрета тебя не выпущу, а за красками и пензелями самъ пошлю въ городъ. Ты еще чортъ знаетъ какой счетъ подашь за эту дрянъ!» Берировъ ужаснулся, догадавшись, въ какія руки попалъ, но дѣлать было нечего: онъ обязанъ былъ оставаться. Въ самомъ домѣ ожидали его картины и сцены еще непріятнѣйшія. У Лемешова была хозяйка, матросская жена, развратная, грубая, пьяная тварь,

которой онъ во всемъ повиновался, и отъ этой четы произошли достойныя ея исчадія, человѣкъ шесть уродовъ физическихъ и нравственныхъ. Лемешовъ нянчился съ младшими какъ орангъ—утангъ, и съ наслажденіемъ слушалъ рассказы старшихъ о томъ, какъ они убиваютъ собакъ и кошекъ, разоряютъ птичьи гнѣзда, и крадутъ огурцы въ сосѣднихъ огородахъ. Бериловъ прилежно занялся работою, и она шла съ рукъ очень скоро, потому, что вообще, звѣрей писать легче, нежели людей, да и самъ художникъ горѣлъ нетерпѣніемъ вырваться изъ этой преисподней. Отвратительныя явленія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, разстроили его нервы: онъ чувствовалъ головокруженіе и дурноту; сидя за жирнымъ обѣдомъ и ужиномъ Лемешова, который къ прочимъ нравственнымъ качествамъ своимъ присовокуплялъ обжорство и пьянство, онъ не могъ ни ѣсть, ни пить: всякая пища казалась ему тамъ отравленною. Въ одинъ вечеръ пьяный Лемешовъ подрался съ нетрезвою своею Венерою, и чуть было не прибилъ гостя, который хотѣлъ укрыть дѣтей отъ его бѣшенства. На другой день Бериловъ проснулся съ зарею, и раздумавъ о своемъ положеніи, чувствуя непрерывно возрастающее изнеможеніе, рѣшился собрать всѣ силы, и въ этотъ же день кончить портретъ, чтобы еще до вечера выбраться домой. Онъ одѣлся, сошелъ изъ свѣтелки, въ которой была отведена ему квартира, въ нижній этажъ, пробрался въ залу, гдѣ обыкновенно работалъ, и тихохонько занялся своимъ дѣ-

ломъ. Въ ближней комнатѣ, отдѣлявшейся отъ залы досчатою стѣною, раздавались голоса, въ которыхъ онъ съ отвращеніемъ различилъ хриплый органъ своего хозяина. Онъ продолжалъ работу, стараясь не слушать, что тамъ говорится, но вдругъ былъ пораженъ слѣдующими словами, громко прочитанными Лемешовымъ: «А въ слѣдствіе сего и просятъ, дабы благоволено было помянутаго дядю ихъ, отставнаго полковника Князя Алексѣя, Княжъ Оедорова сына Кемскаго, яко находящагося въ сумасшествіи, въ силу высочайшаго указа іюля 8-го 1815 года, посадить въ домъ умалишенныхъ.» — «Браво! лихо!» закричалъ другой голосъ, и кто-то хлопалъ въ ладоши. — «Не бывалъ ли дядюшка вашъ въ Италіи?» спросилъ Лемешовъ. — «Былъ, во время Суворова,» отвѣчалъ другой голосъ: «раненъ, отдался въ плѣнъ и подъ разными предлогами шатался тамъ нѣсколько лѣтъ; отъ этого и началось разстройство нашего имѣнія.» — «Весьма хорошо и прилично,» возразилъ Лемешовъ. «Къ доказательствамъ его сумасшествія прибавимъ, что онъ находится безъ ума и памяти, въ какое безпамятное состояніе люди легко приводятся въ Италіи, какъ то извѣстно по статистикѣ.» — «Благодѣтель, спаситель мой!» закричалъ второй голосъ: «позвольте выпить еще за ваше здоровье!» Хлопнула пробка, зашипѣло шампанское, и бокалы чокнулись. — Бериловъ, ни живой, ни мертвый, подошелъ къ стѣнѣ, отдѣлявшей его отъ разговаривавшихъ, сѣлъ на стулъ, притаилъ дыханіе, и прилежно

вслушиваясь, узнать о гнуснѣйшемъ заговорѣ противъ его друга. — У Лемешова сидѣлъ Платонъ Сергѣевичъ Элимовъ, который, за нѣсколько времени до того, принужденъ былъ выйти изъ военной службы по поводу пощечины (данной имъ или полученной — объ этомъ показанія разногласятъ), и теперь занялся устроениемъ фамильныхъ дѣлъ. Онъ объявилъ матери, что намѣренъ спасти родовое свое имѣніе, доказавъ, что князь помѣшался въ умѣ, и даже, для общественной безопасности, долженъ быть посаженъ на цѣпь. Алевтина изумилась, испугалась, и умоляла сына бросить это намѣреніе. Даже Тряпицынъ совѣтовалъ оставить сіи экстренныя мѣры, обнадеживая Платона, что дядя его и безъ того скоро отправится на тотъ свѣтъ отъ своихъ *сумасбродныхъ* *воображеній*. Платонъ разбранилъ свою мать, едва не прибилъ вотчима и его наставника, и обратился съ своимъ искомъ къ Лемешову, котораго ему рекомендовали, какъ человека, весьма искуснаго въ веденіи тяжѣбныхъ дѣлъ. Платонъ производилъ это дѣло съ согласія брата и сестры, которые дали ему совершенное полномочіе, и пріѣзжая къ Лемешову по вечерамъ, просиживалъ ночи съ этимъ достойнымъ помощникомъ. Не было гнусности, которой бы они не вплели въ свое прошеніе: Ветлина объявили они побочнымъ сыномъ князя, а Хвалынскаго, управлявшаго его имѣніемъ, обвинили въ подлогахъ, кражѣ и грабежахъ, въ слѣдствіе которыхъ князь приведенъ въ совершенную нищету, отъ чего разстроенный его

разсудокъ еще болѣе повредился. — Бериловъ слышалъ все это, потому что нынѣшнее совѣщаніе было окончательное: бумаги были изготовлены, только переписать на гербовой и подать. Когда пробило шесть часовъ, Лемешовъ и Элимовъ разстались, съ неоднократными лобызаніями и увѣреніями съ одной стороны въ усердномъ стараніи и неминуемомъ успѣхѣ дѣла, съ другой въ чувствительнѣйшей благодарности.

Бериловъ видѣлъ изъ окна, какъ Платонъ Элимовъ, въ партикулярной шинели, но еще въ военной фуражкѣ, сѣлъ на парныя дрожки, и онѣ полетѣли со двора. Испуганный, встревоженный артистъ съ трудомъ взошелъ въ свою свѣтелку, и тамъ, въ ужасѣ и лихорадкѣ, бросился на постель. Его долго дожидались внизу, но видя, что онъ не сходитъ, послали за нимъ слугу. Живописецъ велѣлъ сказать, что онъ боленъ, что портретъ конченъ, и что онъ непременно хочетъ воротиться въ городъ. Лемешовъ не повѣрилъ слугѣ, отправился самъ къ своему гостю, и дѣйствительно нашелъ его въ величайшемъ разстройствѣ. Опасаясь слѣдствій и посѣщенія земскаго суда въ случаѣ скоропостижной смерти человѣка, забредшаго къ нему въ глушь, онъ отправилъ его въ Петербургъ, съ двумя слугами.....

Кончивъ рассказъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ, Бериловъ обнялъ князя, и вскричавъ: «Спасайтесь, спасайтесь отъ этихъ злодѣевъ!» опять лишился чувствъ.

«Вотъ вамъ,» сказалъ Кемскій другу своему: «свидѣтельство образа мыслей и дѣлъ моихъ племянниковъ!»

«Ради Бога,» возразилъ Алимари: «воспользуйтесь этимъ случайнымъ открытіемъ, и предупредите, если не несчастія, то большія непріятности. И одно свидѣтельствованіе васъ со стороны правительства будетъ для васъ тягостнѣе самаго тяжелаго процесса. Поѣзжайте куда должно. Я присмотрю за больнымъ.»

Кемскій обѣщалъ послѣдовать этому совѣту, но не прежде того, какъ удостовѣрится, что Бериловъ пришелъ въ себя и успокоился.

LI.

Но какимъ образомъ предупредить, отклонить исполненіе адскаго замысла? Кемскій рѣшился обратиться къ Алевтинѣ, образумить, усовѣстить ее. Онъ поѣхалъ къ ней.

«Генеральши нѣтъ дома,» сказалъ ему швейцаръ: «изволили уѣхать въ благотворительный комитетъ въ пользу разорившихся въ Россіи Французовъ, а генераль дома-съ.» — Кемскій пошелъ къ зятю. Въ передней не было никого; въ другихъ комнатахъ также. Князь дошелъ до кабинета, долго ждалъ кого нибудь, чтобъ о немъ сказали, но потерявъ терпѣніе, отворилъ двери кабинета, и вошелъ.

Фонъ Дракъ сидѣлъ за столомъ, подперши руками голову, въ глубокомъ размышленіи: онъ не слыхалъ и не видалъ вошедшаго.

«Иванъ Егоровичъ!» сказалъ ему князь тихимъ голосомъ: «скажите, ради Бога, что вы со мною сдѣлали!» Фонъ-Дракъ вздрогнулъ, послушавъ звуки его голоса, вскочилъ и бросился въ его объятія. «Такъ вы все знаете, князь! Простите ли вы меня?» вскричалъ онъ голосомъ отчаянія. — «Знаю многое,» отвѣчалъ князь: «но все ли, не могу сказать.» — «Такъ я вамъ открою!» возразилъ Фонъ-Дракъ. «Садитесь, выслушайте меня! Я несчастнѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Вся жизнь моя прошла въ трудахъ, заботахъ, горѣ и страхѣ. Долѣе не могу терпѣть мученій моей совѣсти и обхожденія со мною дѣтей Алевтины Михайловны. Если бъ вы не пожаловали ко мнѣ, я самъ отыскалъ бы васъ — избавьте меня отъ адскихъ мученій. Вѣдь и у меня есть совѣсть — да-съ, есть вѣра...съ.»

Онъ былъ дѣйствительно въ изступленіи. Глаза налились у него кровью; подбородокъ дрожалъ; всѣ мускулы лица были въ движеніи. Онъ задыхался и едва могъ говорить. Что съ нимъ сдѣлалось? Отъ чего это раскаяніе, эти порывы великодушія?

Фонъ-Дракъ не былъ золъ и коваренъ отъ природы. Лишась въ дѣтствѣ своемъ отца и матери, заѣзжихъ изъ Баваріи въ полуденную Россію, онъ былъ воспитанъ чужими людьми, строго и глупо; вступилъ четырнадцати лѣтъ унтеръ-офицеромъ въ

армейскій полкъ, выросъ посреди безграмотныхъ рапортичекъ, палокъ и горѣлки, никогда не видалъ ничего далѣе своей команды, никогда не разсуждалъ, не смѣлъ противорѣчить другимъ, считая себя набитымъ дуракомъ, и плылъ въ жизни по теченію обстоятельствъ. Въ немъ были начатки добра: трезвость, трудолюбіе, безкорыстіе, стараніе исполнять долгъ свой, вести себя честно и добропорядочно, угождать начальникамъ и повиноваться ихъ волѣ, но все это было заглушено чувствомъ своего ничтожества и боязнію, въ случаѣ умничанья, быть предоставленнымъ самому себѣ, и въ слѣдствіе этого умереть съ голоду. Иногда, измученный, растерзанный своими приближенными, онъ выходилъ изъ себя, но не надолго: послѣ бурнаго изліянія внутренняго негодованія, онъ впадалъ въ прежнюю безчувственность, и вновь переминалъ въ себѣ убійственную мысль: что я значу въ свѣтѣ? если меня бросятъ — я пропаду навѣки. — По мѣрѣ приближенія старости, эти мгновенныя вспышки становились рѣже и рѣже, но тѣмъ тягостнѣе, томительнѣе было для него влачить свою безотрадную жизнь. Онъ могъ еще повиноваться Алевтинѣ, считая ее своею благодѣтельницею; могъ слушаться Тряпицына, помня, что этотъ человѣкъ не разъ спасалъ его отъ бѣды, впрочемъ обыкновенно имъ самимъ накликаемой; но обращеніе пасынковъ и падчерицы преисполняло дни его горечью и страданіями. Григорій обращался съ нимъ холодно, гордо, грубо. Платонъ смѣялся ему въ глаза, дура-

чилъ его при всякомъ случаѣ, и не разъ при немъ спрашивалъ мать, какъ она могла выбрать себѣ въ мужа такого болвана. Китти вторила обоимъ братьямъ. Англичанинъ, конюхъ, взятый въ домъ для обученія ея верховой ѣздѣ, къ которой она имѣла страстную охоту, и сдѣлавшійся потомъ ея задушевымъ пріятелемъ, обходился съ нимъ, какъ съ старою негодною клячею, и, что всего болѣе оскорбляло бѣднаго старика, называлъ его при всѣхъ не иначе, какъ господинъ Дрекъ. — Главною виною безотрадности фонъ-Драка было въ немъ отсутствіе всякаго возвышеннаго, духовнаго, религіознаго чувства. Онъ рожденъ былъ въ католическомъ исповѣданіи, и находился въ дѣтствѣ своемъ нѣсколько времени на рукахъ одного ксендза, который, вмѣсто всякаго наставленія въ ученіи и правилахъ Церкви, заставилъ его вытвердить наизусть нѣсколько латинскихъ молитвъ безъ перевода и поясненія. Въ полку онъ не могъ усовершенствовать своего духовнаго воспитанія, говѣлъ ежегодно, если случалась въ мѣстѣ стоянки полка католическая церковь, но исполнялъ это, какъ служебную обязанность: ежедневно должно быть на разводѣ, а ежегодно говѣть. Вступивъ въ бракъ съ Алевтиной, онъ часто принужденъ бывалъ слушать насмѣшки надъ папою, надъ католическими обрядами, и болѣе и болѣе отчуждался своего исповѣданія, впрочемъ не приставаая и къ другому, ибо воспитатель успѣлъ внушить въ него мысль, что римская вѣра одна въ мірѣ истинная. — — Наканунъ того

дня, въ который явился къ нему князь, бѣдный старикъ былъ свидѣтелемъ и жертвою ужаснѣйшей сцены между Алевтиною и ея дѣтьми, требовавшими принятія крайнихъ мѣръ, для возвращенія имѣнія, отнятаго, какъ они говорили, у нихъ Княземъ Кемскимъ. Фонъ-Дракъ не могъ вытерпѣть неистовства своихъ пасынковъ, не имѣлъ и духу удержать ихъ: онъ выбрался по-тихоньку изъ комнаты, надѣлъ сюртукъ, нахлобучилъ шляпу, и вышелъ со двора. Сердце его было сжато, слезы столпились въ глазахъ, но не могли выступить; дыханіе занималось. Къ счастью, на дворѣ уже смеркалось; въ противномъ случаѣ, его могли бы почестъ за сумасшедшаго. Онъ шелъ по Невскому Проспекту, самъ не зная куда. Вдругъ удары звонкаго колокола возбудили его вниманіе; онъ посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда несся звонъ, и увидѣлъ себя подлѣ паперти католической церкви. Двери церковныя были отперты. Онъ машинально вошелъ въ церковь. Въ ней господствовалъ мракъ; вдали, въ одномъ придѣлѣ теплилась лампада, и при ея мерцающемъ свѣтѣ можно было видѣть, что посреди церкви, на катафалкѣ, стоитъ гробъ. Фонъ-Дракъ сѣлъ на скамью. Вдругъ раздались тихіе, унылые звуки органа, и проникли въ душу, непривычную къ этимъ впечатлѣніямъ, но жестокою горестью къ нимъ приготовленную. Слезы, невѣдомыя дотолѣ слезы потекли по изсохшему лицу старца: онъ самъ не зналъ что съ нимъ дѣлается, что онъ слышитъ, видитъ, чувствуетъ. Влѣво отъ него, на перилахъ

каѳедры, зажглась свѣчка, другая. Нѣсколько человекъ подошли къ каѳедрѣ; онъ за ними. На каѳедрѣ появился монахъ, человекъ не молодой, съ кроткимъ, страдальческимъ лицомъ, съ выраженіемъ чувства и ума въ томныхъ глазахъ. Онъ началъ говорить проповѣдь на нѣмецкомъ языкѣ. Фонъ-Дракъ слушалъ со вниманіемъ. Проповѣдникъ говорилъ о ничтожествѣ благъ земныхъ, о сокровищѣ, уготовляемомъ добрыми дѣлами на небесахъ, о томъ, что никогда не поздно приносить Богу покаяніе въ грѣхахъ своихъ, что всегда есть время человеку исправить свои проступки, но что надобно снѣшить, не страшась навѣтовъ и гоненій свѣта: лучше погубить тѣло, нежели душу свою. — «Кто изъ васъ, любезные слушатели,» сказалъ онъ наконецъ: «можетъ быть увѣренъ, что завтра, въ эту пору, онъ не будетъ мертвъ, подобно этому усопшему брату?» и указалъ на гробъ. Фонъ-Дракъ взглянулъ въ ту сторону, и вздрогнулъ. Мысль о смерти, о Страшномъ Судѣ возникла въ первый разъ въ его умѣ, и озарила пустыню его воображенія. Проповѣдь кончилась. Онъ пошелъ вслѣдъ за монахомъ, заговорилъ съ нимъ, проводилъ его въ келью, и просидѣлъ съ нимъ до глубокой ночи. Онъ открылъ свою душу достойному пастырю, просилъ у него совѣта и утѣшенія, и оставилъ его, перерожденный и обновленный. — Ума у него не было, но было сердце — и это сердце лежало шестьдесятъ лѣтъ подъ гнетомъ безвѣрія, людской злобы и ничтожныхъ земныхъ и свѣтскихъ привычекъ.

Проснувшись на другой день, онъ съ душевною отрадою припоминалъ вчерашній случай, повторялъ слова: лучше погубить тѣло, нежели душу свою, и собирался непременно отыскать князя, открыть ему все, испросить у него прощеніе. Но Алевтина, но дѣти ея, но Тряпицынъ? что скажутъ они? Эта мысль его остановила и повергла въ жестокую борьбу съ самимъ собою. Онъ велѣлъ сказать Алевтинѣ и всеѣмъ домашнимъ, что онъ боленъ, что имѣетъ надобность въ отдохновеніи, и остался весь день въ своемъ кабинетѣ. Никто о немъ не заботился. Между тѣмъ страданія его дошли до высшей степени; онъ собирался отправиться къ вчерашнему проповѣднику, и просить у него совѣта, помощи, подкрѣпленія: вдругъ вошелъ въ его комнату Кемскій. Фонъ-Дракъ обрадовался ему, какъ ангелу-избавителю, и увѣрился, что самъ Богъ послалъ къ нему шурина его, для разрѣшенія мучительныхъ сомнѣній.

Кемскій сообщилъ ему о намѣреніи Платона посадить дядю своего въ сумасшедшій домъ. «Знаю-съ, знаю-съ,» отвѣчалъ Фонъ-Дракъ. — «Знаете, и позволяете, Иванъ Егоровичъ! На что это похоже?» — «Да какъ бы я осмѣлился?» спросилъ Фонъ-Дракъ жалобно. — «Какъ бы вы осмѣлились быть честнымъ человѣкомъ! Подумайте что вы допускали; вы, глава семейства, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, одною ногою стоите въ гробу.» — «Знаю-съ, знаю-съ,» отвѣчалъ Фонъ-Дракъ: «да-съ, точно-съ, одною ногою.» — «Я никогда не имѣлъ намѣренія обижать вашу жену и

пасынковъ: воля отца для меня священна.» — «Какая воля-съ?» — «Вы знаете, Иванъ Егоровичъ, что покойный мой отецъ завѣщалъ все свое имѣніе, въ случаѣ моей смерти, своей падчерицѣ. Если бъ онъ зналъ, какимъ страданіямъ и бѣдствіямъ меня подвергаетъ!» — «Знаю-съ, знаю-съ,» отвѣчалъ фонъ-Дракъ: «знаю и болѣе-съ. Батюшка вашъ никогда не оставлялъ этого завѣщанія: оно подложное.» — «Подложное? Помилуйте....» — «Точно подложное-съ. Вы его никогда не видали — не такъ ли-съ?» — «Никогда!» — «Такъ извольте знать, что все это обманъ и фальшь-съ.»

Кемскій съ изумленіемъ выслушалъ покаяніе фонъ-Драка. Отецъ его, больной, преслѣдуемый настояніями, жалобами и слезами второй жены своей, написалъ было проектъ завѣщанія въ пользу падчерицы, на случай смерти сына, но не подписывалъ его, не могъ рѣшиться на совершеніе дѣйствительнаго акта. Онъ умеръ, и чрезъ нѣсколько времени появилось его завѣщаніе, составленное подложнымъ образомъ, утвержденное не извѣстно гдѣ и кѣмъ. Нѣкому было оспоривать актъ, нѣкому было изслѣдовать его подлинность. Княгиня Прасковья Андреевна и Алевтина Михайловна успокоивали свою совѣсть тѣмъ, что такова была воля покойника, написанная собственною его рукою, а форма-де—вещь посторонняя и излишняя. Элимовъ женился на Алевтинѣ, въ той увѣренности, что все имѣніе ея вотчима принадлежитъ ей по закону. Послѣ брака сталъ онъ требовать крѣпостныхъ

актовъ, но старуха княгиня не хотѣла ихъ выдать. Элимовъ, наскучивъ ея отговорками, воспользовался однажды ея отсутствіемъ, вошелъ въ ея спальню, какъ бывало въ Турчинѣ въ непріятельскій городъ, выломалъ замокъ въ коммодѣ, и вынулъ бумаги. Ничтожность этихъ актовъ узналъ онъ по первому взгляду, и въ изступленіи гнѣва хотѣлъ было все обнаружить предъ правительствомъ. Теща и жена съ трудомъ убѣдили его не губить ихъ; онъ обѣщалъ молчать, съ твердымъ намѣреніемъ объявить объ этомъ Кемскому, лишь только онъ выйдетъ въ офицеры. Между тѣмъ онъ попривыкъ къ роскошной жизни, и со дня на день отлагалъ очищеніе своей совѣсти. Однажды, раздраженный женою, онъ хотѣлъ было описать князю все дѣло, но въ ту самую минуту получилъ извѣщеніе, что пришли свѣжія устрицы. «Устрицы! Подождемъ отказываться отъ имѣнія!» пробормоталъ онъ, и поѣхалъ на биржу. — При всемъ томъ мысль объ этомъ гнусномъ обманѣ его не оставляла, и превратилась въ самое мучительное чувство, когда онъ, тяжело раненый, увидѣлъ необходимость освободить душу отъ грѣха на этомъ свѣтѣ. Онъ призвалъ къ себѣ адъютанта, и приказалъ ему, въ случаѣ его смерти, непременно отправиться въ Петербургъ, и объявить женѣ и тещѣ, чтобъ онѣ побоялись Бога, и уничтожили воровской актъ; въ случаѣ же отказа, принудить ихъ къ тому сначала угрозою, а потомъ и доносомъ правительству. Можно себѣ представить, каково было ихъ смятеніе, когда

Фонъ-Дракъ явился къ нимъ съ этимъ порученіемъ. Онъ ужаснулись, увидѣвъ, что чужой человѣкъ обладаетъ ихъ тайною; увѣрили Фонъ-Драка, что Элимовъ, вѣроятно, въ бреду, выдумалъ эту исторію; показали ему собственноручное завѣщаніе покойнаго князя. Но этого было мало. Фонъ-Дракъ могъ, по глупости своей, рассказать тайну другимъ: надлежало связать его неразрывными узами, и Алевтина рѣшилась выйти за него замужъ. Въ послѣдствіи принуждены были открыть исторію завѣщанія Тряпицыну, и отъ этого происходило, съ одной стороны, что Алевтина ужасалась порывовъ гнѣва въ своемъ мужѣ, а съ другой, что Тряпицынъ сдѣлался властелиномъ ихъ судьбы: онъ могъ однимъ словомъ осрамить, погубить ихъ. Какъ при этомъ не вспомнить изрѣченія одного писателя, нынѣ вышедшаго изъ моды: «Только добрый человѣкъ свободенъ. Злые томятся въ цѣпяхъ, которыя они сами на себя сковали!»

Дѣти Алевтины не знали этихъ обстоятельствъ, и полагали, что имѣніе Кемскаго принадлежитъ имъ по всѣмъ правамъ, тѣмъ болѣе, что онъ, вѣроятно, умретъ бездѣтнымъ. Они поддѣлывались къ нему, чтобъ выманить себѣ кое-что заживо; но когда эти маневры не удались, когда они увидѣли, по образу жизни князя, что дѣла его приходятъ въ разстройство, то рѣшились искать своего достоянія, какъ они говорили, путемъ законовъ.

Фонъ-Дракъ, кончивъ свою исповѣдь, прибавилъ:

«Теперь я все открылъ вамъ, Князь Алексѣй Ѳеодоровичъ! Душѣ моей стало легче, но что будетъ со мною, когда о моей откровенности узнаютъ Алевтина Михайловна, ея дѣти, Яковъ Лукичъ! Мнѣ и такъ житья въ домѣ нѣтъ-съ. Ради Бога, защитите несчастнаго отъ крайней гибели!» Кемскій старался увѣрить его, что приложить все усердіе къ огражденію его отъ преслѣдованій, и самъ, въ свою очередь, просилъ, чтобъ фонъ-Дракъ подалъ ему средства къ прекращенію этого непріятнаго дѣла. «Извольте, ваше сіятельство!» вскричалъ фонъ-Дракъ: «Я отдамъ вамъ всѣ ваши фамильныя бумаги, всѣ-съ! Покойный Сергѣй Борисовичъ наказывалъ мнѣ, въ случаѣ нужды, обратиться къ правительству, давалъ полную волю: теперь я этимъ воспользуюсь. Ради Бога, снимите съ меня грѣхъ предъ Богомъ, а тамъ (прибавилъ онъ съ трепетомъ, смотря на портретъ Алевтины, висѣвшій надъ его письменнымъ столикомъ) да будетъ воля Божья! Да-съ! Лучше погубить тѣло, нежели душу! — Вотъ-съ,» сказалъ онъ Кемскому, подавая кипу бумагъ: «отчеты по управленію вашимъ имѣніемъ. Я составлялъ ихъ самъ, по документамъ Якова Лукича. Увѣряю васъ честью, что въ нихъ все записано. Ей Богу-съ! И они давно готовы, да-съ, готовы-съ.» — «Такъ что жъ вы мнѣ ихъ не доставляли?» спросилъ князь. — «Не посмѣлъ-съ, ваше сіятельство! Я человѣкъ военный, не законникъ, не знаю всѣхъ счетныхъ формъ — такъ я просилъ Якова Лукича просмотрѣть, да поисправить-съ.

Онъ началъ было приводить ихъ въ порядокъ, и около половины поочистилъ; потомъ же, какъ вы изволили съѣхать на Выборгскую Сторону-съ, такъ съ тѣхъ поръ ему не досужно было-съ. Слѣдовало бы, по надлежащемъ исправленіи, переписать на основаніи узаконеній по счетной части, да, ей Богу-съ, не могли удосужиться. Извините великодушно-съ. Потрудитесь посмотрѣть, такъ увидите-съ, а я между тѣмъ пойду въ спальню-съ, и принесу все прочее-съ. Ей Богу, такъ-съ!»

Кемскій, оставшись одинъ, началъ перебирать счета, не думая впрочемъ повѣрять ихъ. Перевертывая листы, онъ въ самомъ началѣ остановился на расходахъ, причиненныхъ родами Наташи — смертью дочери, гибелью матери. Съ тяжелымъ вздохомъ прочиталъ онъ имена первѣйшихъ петербургскихъ врачей, которыхъ, какъ видно было изъ счетовъ, осыпали деньгами для облегченія страданій и сохраненія жизни княгини. Блѣдными чернилами Фонъ-Драка поставлены были суммы довольно значительныя; дегтемъ Тряпицына выправлено вдвое. Съ трепетомъ сердечнымъ князь слѣдилъ на безмолвныхъ листахъ различныя эпохи своего бѣдствія, и вовсе не думалъ огорчаться явнымъ плутовствомъ. Онъ хотѣлъ узнать, когда окрестили дочь его, когда схоронили. Первое онъ нашелъ: священнику, дьякону, дьячку и пр., въ день разрѣшенія отъ бремени, столько-то, столько-то, но далѣе слѣдъ исчезалъ совершенно. Только осталось черновое письмо Алевтины въ отвѣтъ Хвалын-

скому, на вопросъ о обстоятельствахъ гибели княгини. Она извѣщала его, что княгиня, испуганная по неосторожности своей собесѣдницы, разрѣшилась отъ бремени дочерью; что дочь эта скончалась чрезъ два часа послѣ рожденія, а княгиня впала въ сумасшествіе, и, по прошествіи двухъ недѣль, обманувъ окружающихъ ее людей, вышла изъ дому и утопилась въ Невѣ. На другой день полиція нашла на берегу, подлѣ Литейнаго Двора, бывшій на ней платокъ. Тѣла не могли отыскать. — Это письмо было извѣстно Кемскому: Хвалынскій сообщилъ ему подлинникъ; но ему и страшно и любопытно было видѣть черновое: оно было написано Алевтиною, нѣсколько разъ выправлено разными руками, и сохранилось въ бумагахъ потому, вѣроятно, что на немъ отмѣчены были нѣкоторыя выдачи. Кемскій не проронилъ ни буквы: вдругъ поразили его слѣдующія слова, руки Фонъ-Драка, написанныя карандашемъ: «Октября 23-го (это былъ день разрѣшенія Наташи) на отвезеніе младенца въ Воспитательный Домъ, 50 копѣекъ; за труды при семъ случаѣ Пелагѣ, 2 рубля.»

«Это что?» спросилъ онъ грознымъ голосомъ у Фонъ-Драка, вошедшаго въ ту минуту въ кабинетъ съ киною бумагъ подъ мышкою. — «Что такое-съ?» — «Какого младенца отсылали вы въ Воспитательный Домъ?» повторилъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва. — «Ей Богу, не помню-съ,» отвѣчалъ Фонъ-Дракъ съ трепетомъ. — «Какъ не помните? чья же это рука?» вскричалъ онъ въ изступленіи, взявъ его одною ру-

кою за сюртукъ, и другою показывая ему бумагу. — «Ахъ, Боже мой-съ! Откуда вы взяли эту бумагу-съ? Бѣдовое дѣло-съ!» — «Откуда взялъ? Вы сами мнѣ отдали. Скажите, что это значить, или я — за себя не отвѣчаю.» Фонъ-Дракъ просилъ князя поуспокоиться, и обѣщалъ все рассказать. Кемскій усмиривъ въ себѣ на время порывъ отчаянія, и выслушалъ его.

Фонъ-Дракъ признался ему, что дитя, свезенное въ Воспитательный Домъ, было — дочь его. — «Васъ считали убитымъ-съ,» говорилъ онъ: «княгиня лежала въ безпамятствѣ-съ, и мы ежеминутно ждали ея кончины. Такъ Алевтина Михайловна и Яковъ Лукичъ разсудили отдать младенца на воспитаніе-съ. Что-де онъ, то есть ребенокъ, знаетъ-съ? Какъ прожить ему въ свѣтѣ круглою сиротою-съ? Замѣнять ли чужіе люди отца и мать-съ! А опекуны и попечители — все плуты-съ. Къ тому же въ то время конфирмованы были новыя штаты для Воспитательнаго Дома-съ; заведены были покойныя кареты для кормилицъ — такъ и рѣшились, какъ ни жалко было-съ, новорожденного младенца, окрестивъ, отправить на попеченіе правительства-съ. А я впрочемъ ни въ чемъ не виноватъ-съ. Даже не могу сказать, какое было дано имя при крещеніи-съ. Ей Богу-съ!»

Кемскій сидѣлъ въ забытіи, переминая въ рукѣ бумагу. Онъ не отвѣчалъ своему зятю ни слова; вдругъ вскочилъ, схватилъ шляпу и бросился изъ дому; сѣлъ на дрожки, и велѣлъ гнать къ Воспита-

тельному Дому. Фонъ-Дракъ изумился: князь перенесъ равнодушно потерю своего имѣнія, спокойно выслушалъ исторію фальшиваго завѣщанія, а отъ такой бездѣлицы, отъ того, что новорожденного, бессмысленнаго ребенка отдали въ Воспитательный Домъ, пришелъ въ бѣшенство. «Чуть ли не правъ Платонъ Сергѣевичъ!» думалъ онъ, качая головою.

Кемскій пріѣхалъ къ начальнику Воспитательнаго Дома, и просилъ его справиться по книгамъ что стало съ младенцемъ женскаго пола, принесеннымъ въ домъ такого-то числа, мѣсяца и года. Желаніе его исполнили безъ замедленія; но, по справкѣ съ книгою, оказалось, что въ тотъ день не было принесено ни одной дѣвочки. На другой, на третій день принесено было нѣсколько. «Что значать нули противъ именъ въ другой графѣ?» спросилъ Кемскій. — «Сіи дѣти умерли,» отвѣчали ему. — Онъ мялъ безмолвный листъ книги, глядѣлъ пристально на имена принесенныхъ около того времени дѣтей, и не зналъ что дѣлать. Въ какомъ онъ былъ положеніи — сказать невозможно. Это было какое-то мертвенное оцѣпенѣніе: ему казалось, что весь міръ вокругъ него превратился въ ничто, что онъ носится въ безпредѣльномъ пустомъ пространствѣ, ищетъ чего-то глазами, слухомъ и осязаніемъ, и ничего найти не можетъ. Въ наружности это не было примѣтно; только необыкновенная блѣдность лица, неподвижность глазъ и рѣдкія вздрагиванія измѣняли внутреннему боре-нію. — Увѣрившись въ бесполезности своихъ розы-

сковъ, онъ вновь отправился къ зятю. Фонъ-Дракъ сидѣлъ въ кабинетѣ, и приводилъ въ порядокъ бумаги, раскиданныя неистовымъ княземъ. Кемскій объявилъ ему, что ребенка въ Воспитательный Домъ не приносили, и требовалъ подробнѣйшаго объясненія. — «Да не утратились ли книги-съ?» спросилъ Фонъ-Дракъ: «въ гражданской службѣ и въ канцелярскомъ порядкѣ это иногда случается-съ!» — «Нѣтъ! нѣтъ!» вскричалъ князь: «книги цѣлы, но въ нихъ нѣтъ того, чего я искалъ. Объясните мнѣ это дѣло, или я поступлю съ вами и со всѣми вашими, какъ съ злодѣями и смертоубійцами.» — «Успокойтесь, ваше сіятельство,» отвѣчалъ Фонъ-Дракъ: «мы въ скорѣйшемъ времени объяснимъ этотъ казусъ. Женщина, отвозившая новорожденную княжну въ благотворительное заведеніе, жива и находится у насъ въ домѣ-съ. Она покажетъ вамъ по всей справедливости-съ.» — «Гдѣ она? позовите ее, ради Бога!» — Фонъ-Дракъ отправился, и чрезъ нѣсколько минутъ воротился съ старухою Егоровною, покровительницею Ветлина. Узнавъ въ чемъ дѣло, она бросилась князю въ ноги, и молила простить ее. Князь умолялъ ее рассказать, когда и какъ она отдала ребенка въ Воспитательный Домъ. — «Виновата, батюшка, виновата! не отдавала.» — «Гдѣ жъ онъ?» — «А Богъ знаетъ!»

Старуха рассказала, что по разрѣшеніи княгини отъ бремени, Алевтина призвала ее въ свою комнату, и осыпавъ, противъ обыкновенія своего, лас-

ками, поручила ей снести новорожденную въ Воспитательный Домъ; обѣщала, въ случаѣ исполненія этого дѣла, отпустить на волю и ее и дѣтей ея, а если она не согласится или не сдѣлаетъ, грозила отдать сына ея въ солдаты, а дочь въ работу на фабрику. Егоровна слезно просила избавить ее отъ такого тяжкаго грѣха; но слово было вымолвлено, и Алевтина поклялась ей предъ образомъ, что непременно исполнить свои угрозы. Егоровна согласилась. Алевтина сама вынесла ей ребенка, закутаннаго въ одѣяло. — Яковъ Лукичъ досталъ, неизвѣстно откуда, мертвое тѣльце, и его свезли на кладбище. — Егоровна, заглушая въ себѣ вопль совѣсти и вѣры, отправилась съ ребенкомъ къ Красному Мосту, и искала въ обширномъ зданіи Воспитательнаго Дома того мѣста, гдѣ принимаютъ дѣтей. Нечаянно набрела она на толпу воспитанницъ, шедшихъ по-парно по двору. На блѣдныхъ лицахъ ихъ начертаны были тоска сиротства и одиночества, отсутствіе любви родительской и благодарности, которыхъ ничѣмъ замѣнить не можно. Онѣ шли медленно, безъ всякаго выраженія дѣтской веселости; одна дѣвочка прихрамывала, другая горько плакала. Егоровна взглянула на нихъ, и ужаснулась. Она въ эту минуту вообразила, что несчастный младенецъ, который теперь покоится на рукахъ ея, обреченъ этой же безотрадной судьбѣ, что дочь Князя Алексѣя Федоровича и Княгини Натальи Васильевны, добрыхъ, кроткихъ, великодушныхъ, вырастетъ среди сихъ несчастныхъ существъ,

отъ которыхъ родители отказались въ часъ ихъ рожденія. Она рѣшилась не отдавать ребенка, принести его обратно домой, и объявить барынѣ, что не принимаетъ на себя этого грѣха. Дѣйствительно она воротилась домой, но лишь только вошла во дворъ, услышала голосъ Алевтины Михайловны: «Өедька! Дуняшка! гдѣ это запропастилась Пелагѣя! Всѣхъ пересѣку, да этого еще мало!» — Несчастливая мать опрометью бросилась со двора назадъ, но въ страхѣ забѣжала не въ ту улицу; не знала, гдѣ очутилась, боялась спросить, куда итти: ей казалось, что съ одной стороны преслѣдуетъ ее полиція, съ другой Алевтина. Начало смеркаться: пора явиться домой. Въ этомъ недоумѣніи увидѣла она дрожки, отъ которыхъ отошелъ кучеръ. На дрожкахъ стояла большая корзина, прикрытая холстиною; глядь подъ холстину, тамъ лежатъ какіе-то свертки, но есть еще мѣсто. Егоровна положила туда спавшаго ребенка, а сама опрометью побѣжала въ сторону. Раздался стукъ дрожекъ; сердце у ней сжалось; она очутилась предъ церковью Спаса на Сѣнной; шла вечерня. Бѣдная въ отчаяніи кинулась въ церковь, пала ницъ предъ алтаремъ, и молила Бога сохранить и призрѣть несчастнаго младенца. — Дома ожидали ея Алевтина Михайловна съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и допытывалась о причинахъ замедленія. Егоровна отвѣчала, что долго не могла найти дороги, и тѣмъ дѣло кончилось. Ей дали два рубля. Сына ея отдали, по желанію его, въ ученіе къ парикмахеру, а дочь въ

модный магазинъ, и вообще съ тѣхъ поръ начали обходиться съ нею человѣколюбиво. Егоровна не могла утѣшиться, проклинала злодѣйку, виновницу своего грѣха, но, боясь гнѣва Князя Алексѣя Федоровича за потерю дитяти, не дерзала ему открыться, какъ прежде намѣревалась....

Кемскій былъ въ оцѣпенѣніи: онъ не слышалъ, не видѣлъ ничего что послѣ того вокругъ него происходило. «Этого еще не доставало!» произнесъ онъ наконецъ, поводя себя руками по лбу, и какъ-будто сомнѣваясь еще въ своемъ существованіи. Фонъ-Дракъ отдавалъ ему отчеты и бумаги. «На что это?» спросилъ князь. — «Не прикажете ли доставить ихъ вамъ послѣ?» молвилъ фонъ-Дракъ. — «Очень хорошо, какъ угодно!» отвѣчалъ князь, взялъ шляпу, и не простившись съ хозяиномъ, вышелъ изъ комнаты.

Фонъ-Дракъ, оставшись одинъ, почувствовалъ всю неосторожность своихъ поступковъ. Онъ самъ не зналъ, какъ случилось, что онъ открылъ князю всѣ злодѣянія жены своей. Старуха Егоровна стояла еще въ его кабинетѣ, и плакала. Вдругъ раздался подъ воротами стукъ Алевтининой кареты. «Барыня пріѣхала!» вскричала старуха съ ужасомъ, и бросилась изъ комнаты. — «Пріѣхала!» повторилъ фонъ-Дракъ съ трепетомъ: «что будетъ со мною!»

ЛII.

Князь воротился домой поздно. Всѣ спали. Онъ не спрашивалъ ни о больномъ, ни объ Алимари. Отдавъ Мишѣ фуражку и шинель, онъ вошелъ въ спальню, сѣлъ въ кресла и сказалъ: «Поди! я позову тебя, когда надобно будетъ.» Миша повиновался, вышелъ въ залу, и присѣлъ въ ожиданіи зову. Но князь не подавалъ ни какого знака. Нѣсколько разъ уstraшенный слуга подходилъ къ двери, и смотрѣлъ въ замочную скважину. Князь неподвижно сидѣлъ въ креслахъ, уставивъ глаза на портретъ дочери Берилова. Въ глазахъ его выражалось внутреннее бореніе; мускулы лица иногда приходили въ движеніе, но дыханіе его было свободно, и ни одинъ вздохъ не вырывался изъ груди. Видно было, что тѣло его здорово и спокойно, а страждетъ одна душа, и страждетъ жестоко. — Миша долгое время бодрствовалъ, но наконецъ долженъ былъ уступить природѣ — уснулъ. — Проснувшись отъ дѣйствія яркихъ лучей восходящаго солнца, онъ испугался при мысли, что баринъ, можетъ быть, его не докликался: подошелъ бережно къ дверямъ, и увидѣлъ, что князь, все еще сидя въ креслахъ, покоится тихимъ сномъ. На лицѣ спящаго изображалось спокойствіе, даже удовольствіе: казалось, сладостныя мечтанія утѣшали во снѣ его утомленную наяву душу. Въ самомъ дѣлѣ, изнеможенный сильными впечатлѣніями того дня, онъ долго сидѣлъ въ какомъ-то тя-

гостномъ забвеніи; но когда силы тѣлесныя отказались ему повиноваться, онъ впалъ въ дремоту, и сонъ на легкихъ крыльяхъ своихъ перенесъ его въ отрадный для страдальца міръ таинственныхъ мечтаній. И тамъ сначала носился онъ надъ бездонными, темными пропастями, во мглѣ и туманѣ, разрѣзываемыхъ молніями, посреди страшныхъ чудовищъ, зіявшихъ на него кровавыми глазами, но мало по малу это броженіе стихій и враждебныхъ духовъ улеглось и стихло; воздухъ очистился; солнечные лучи освѣтили его на лугу, подлѣ оврага, гдѣ онъ игралъ во младенчествѣ. Наташа, въ черномъ платьѣ, шла подлѣ него, взявъ его подъ руку, и вела за руку прекрасное дитя, лѣтъ трехъ. Вдали, за оврагомъ, стояли Алимари и Берилловъ, и, казалось, звали ихъ къ себѣ. Это усадительное сновидѣніе не прекратилось вдругъ испугомъ или внезапнымъ потрясеніемъ, а разлилось туманными видѣніями въ глазахъ мечтателя. Сначала исчезли отдаленныя лица друзей его, но тогда Наташа и дитя прижались къ нему ближе, ближе: онъ давно уже не спалъ, когда милые лики тѣснились еще къ его сердцу. Опамятовавшись, онъ всталъ, подошелъ къ окну, взглянулъ на землю, оживленную вѣчнымъ солнцемъ послѣ временнаго ночнаго сна, обратился къ портрету дитяти, приподнялъ покрывало. «Надежда!» сказалъ онъ протяжно: «не обмани меня!» — Искренняя молитва къ Богу совершила ожиданіе души и подкрѣпленіе силъ его.

Когда Алимари вошелъ къ нему въ кабинетъ, князь

былъ твердъ и спокоенъ. «Что нашъ больной?» спросилъ онъ съ участіемъ. — «Не очень хорошъ,» отвѣчалъ Алимари: «испугъ подѣйствовалъ на его тѣло и на душу сильнымъ образомъ, но — странное дѣло! — дѣйствіе этого потрясенія является въ душѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ тѣлѣ. Физическій составъ его ослабленъ, разстроенъ, раздраженъ до чрезвычайности; но душа его, нѣжная и прекрасная, теперь является во всей своей чистотѣ — и это заставляетъ меня опасаться дурныхъ послѣдствій для его здоровья и для самой жизни. — Вчера, послѣ обѣда, онъ заговорилъ со мною такъ довѣрчиво, откровенно и притомъ такъ ясно, такъ отчетисто, что я усомнился, тотъ ли это Бериловъ, о которомъ вы мнѣ рассказывали. — Онъ какъ будто спѣшитъ открыть свою душу, боится умереть, не кончивъ разсчета съ здѣшнимъ міромъ. Я спросилъ, нѣтъ ли у него родственниковъ. «Нѣтъ!» отвѣчалъ онъ: «я выросъ въ свѣтѣ круглымъ сиротою. Меня отдали въ академію на седьмомъ году — какъ это было, что происходило прежде того, не знаю. Помню только, что чувство сиротства терзало меня съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ. Наступало воскресенье, праздникъ; къ товарищамъ моимъ являлись родители, родственники, друзья, знакомые. Я былъ одинъ. Мнѣ дали по экзамену золотую медаль. Какъ охотно помянялся бы я этою медалью съ моимъ товарищемъ: онъ получилъ серебряную, но показалъ ее своей матери; она въ радости заплакала и обняла сына своего съ горячностью. Когда наступило время выпуска, и

мнѣ слѣдовало получить свидѣтельство, я справился въ спискахъ воспитанниковъ, и увидѣлъ отмѣтку подлѣ моего имени: «неизвѣстнаго происхожденія, принять по приказанію высшаго начальства.» Старикъ швейцаръ академіи сказывалъ мнѣ, что меня привезъ туда старичекъ священникъ — и только. Эта неизвѣстность моего рожденія, моего званія очень меня огорчала: не знаю почему, я стыдился своей безродности, и Богъ знаетъ что бы далъ, если бъ мнѣ можно было назвать своимъ отцемъ перваго раба или нищаго. Только въ тѣ минуты, которыя я посвящалъ занятію художествомъ, былъ я свободенъ отъ преслѣдованія этой тягостной мысли. Я не имѣлъ духу сообщить ее никому, даже благодѣтелю моему, князю, и бѣгалъ по свѣту, чтобъ уйти отъ нея.» — «Такъ у васъ нѣтъ и не было никого родни?» спросилъ я. — «Было одно существо,» отвѣчалъ онъ: «которое меня связывало къ себѣ, но его ужъ нѣтъ на свѣтѣ. — Дайте мнѣ взглянуть на нее!» примолвилъ онъ: «велите принести ко мнѣ портретъ ея.» — Я снялъ со стѣны портретъ дитяти, и подалъ ему. «Наденька!» сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: «Богъ далъ мнѣ, Богъ и взялъ тебя!» — «Такъ она умерла?» спросилъ я. — «Умерла — и не на моихъ рукахъ. Гдѣ мнѣ было усмотрѣть за ребенкомъ! Настасья Родіоновна, правду сказать, не очень хорошо и опрятно ее держала. Однажды пріѣхала ко мнѣ, для заказа работы, Графиня Елисавета Дмитріевна Лезгинова; увидѣла Наденьку, и влюбилась въ нее. Ребенокъ

въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный, умный, ласковый. «Что это,» говоритъ она: «держите вы дочку такъ неопратно?» — «Какъ мнѣ присмотрѣть за нею, ваше сіятельство? Работаю весь день, а иногда и по цѣлымъ днямъ дома не бываю.» — «У меня нѣтъ дѣтей; уступите мнѣ дочь вашу. Я буду воспитывать ее какъ родную. Давно искала я такого дитяти. Даю вамъ честное слово, что не упущу ничего для ея воспита-нія, для ея счастія.» — Что мнѣ было дѣлать? Я взглянулъ на Наденьку; подумалъ: ты не въ правѣ мѣшать ея счастію! и согласился. Мы ее обмыли, вычесали, принарядили, и на другой день я свезъ ее къ графинѣ. Тамъ ее мигомъ переодѣли въ тонкое бѣлье, въ новое, щегольское платье; надавали ей сластей, игрушекъ и всего, что только вообразить можно. Я отъ души радовался счастію бѣдной сироты. Графиня оставила меня у себя обѣдать. Въ гостяхъ у ней было множество знатныхъ людей. Трудно и неловко было мнѣ въ этой компаніи, но я надѣялся какъ нибудь высидѣть. Только на бѣду мою, одинъ какой-то баронъ, недавно пріѣхавшій изъ Италіи, вздумалъ толковать о художествахъ, и понесъ такой вздоръ, что у меня уши завяли. Однако я скрѣпился, молчу. «Что жъ вы ничего объ этомъ не скажете, Андрей Ѳедоровичъ?» спросила графиня. — Я почелъ долгомъ сказать правду, и отвѣчалъ, что баронъ судить, какъ сторожъ въ академіи. Баронъ разсердился, началъ спорить, грубить; я вдвое, и кончилось тѣмъ, что насъ съ трудомъ розняли. Графиня крайне

прогнѣвалась на меня за эту дерзость: баронъ былъ ей племянникъ. И если бъ она при всѣхъ не объявила, что беретъ къ себѣ дочь мою, то непременно отослала бы ее назадъ. Я пошелъ домой, проклиная глупую мою запальчивость. На другой день получилъ я увѣдомленіе, что графиня уѣхала въ Ревель, и увезла Наденьку съ собою. Признаюсь въ слабости: разставшись съ бѣднымъ ребенкомъ, я мало о немъ заботился. Чрезъ годъ мѣста, получилъ я отъ графини письмо, въ которомъ она просила меня, чтобъ я отказался отъ Наденьки, чтобъ никогда не предъявлялъ на нее своихъ отеческихъ правъ, и предоставилъ ее въ полную волю графини. Я, можетъ быть, и согласился бы, да къ этому предложенію она прибавила обѣщаніе дать мнѣ, въ случаѣ моего согласія, тысячу рублей. Что жъ это значитъ? Я долженъ былъ продать ее, продать этого ангела! Нѣтъ, нѣтъ, ваше сіятельство! Я написалъ къ ней письмо, то есть, написалъ его, по моимъ словамъ, одинъ мой другъ, человѣкъ умный, ученый. Письмо было написано, вложено въ конвертъ, но не запечатано; я ждалъ почтоваго дня; — вдругъ получаю отъ нея, то есть отъ графини, письмо съ черною печатью. Что бъ это было такое? Она увѣдомляла меня, что Наденька скончалась. Жаль мнѣ ея было, да дѣлать нѣчего. Письмо мое къ графинѣ осталось неотправленнымъ. — Такимъ образомъ лишился я и одного существа, которое Богъ даровалъ мнѣ въ этой жизни. Портретъ этотъ, написанный мною очень счастливо — вотъ все, что осталось у меня послѣ На-

деньки. Этотъ портретъ отдалъ я тому, кто мнѣ всѣхъ дороже, Князю Алексѣю Ѳедоровичу. Такъ! онъ дороже мнѣ всѣхъ людей въ свѣтѣ, и если мнѣ прійдется умирать, то съ нимъ однимъ мнѣ тяжело будетъ разставаться. Благодѣтель, утѣшитель мой!»

Вдругъ раздался крикъ Акулины Никитичны въ другой комнатѣ: «Помогите! помогите! кончается.»

Алимари и князь бросились къ Бериллову.

Онъ лежалъ въ постелѣ, на высокомъ изголовьѣ, почти сидя. Руки его были сложены крестомъ. На блѣдномъ лицѣ вспыхивала краска. Глаза выкатились и на что-то глядѣли пристально. — «Вижу,» говорилъ онъ протяжно: «вижу берегъ, конецъ. Вижу эту картину; не я писалъ ее, но я ее помню. Вотъ они — бѣгутъ за нами, злодѣи! Нянюшка спаси меня! Не бросай — ахъ! страшно, страшно! падаю, лечу!» Онъ умолкъ, зажмурилъ глаза. Черезъ минуту открылъ ихъ, увидѣлъ, узналъ князя, и сказалъ тихо: «Ахъ! это ты, другъ мой! Прійди ко мнѣ, въ послѣдній разъ!» Онъ протянулъ къ нему руки. Князь обнялъ его. «Какъ я радъ, что еще разъ тебя увидѣлъ!» слабымъ голосомъ произнесъ Берилловъ: «теперь — все — кончено! Прости!» Онъ покотился на изголовье. Послышалась хрипота предсмертная. Блѣдность покрыла его лице. Князь закрылъ ему глаза со слезами искренняго огорченія. Алимари вывелъ его въ другую комнату. Князь, выплакавъ первое горе, непременно хотѣлъ еще разъ взглянуть на лице добраго Берилова, пока перстъ тлѣнія еще его не коснулся. Онъ

вошелъ къ нему. Алимари провожалъ его. Покойникъ лежалъ еще въ постелѣ. На лицѣ его изображались спокойствіе и удовольствіе. Уста сжаты были съ улыбкою — казалось, онъ глядитъ на прекрасную картину. Князь смотрѣлъ на него съ умиленіемъ, и припоминалъ жизнь свою, проведенную со времени знакомства съ добрымъ артистомъ. Крупныя слезы катились по его щекамъ. — «Видите ли, узнаете ли вы его, князь?» спросилъ Алимари. — «Кого?» — «Вашего брата!» — «Брата? Вы полагаете....» — «Не полагаю, а точно знаю. И при жизни его замѣчалъ я необыкновенное сходство съ вами, возраставшее съ теченіемъ лѣтъ, а теперь, когда смерть совлекла съ лица его случайную кору обстоятельствъ, воспитанія, привычекъ — оно приняло свой истинный, первоначальный видъ. Если бъ вы могли сами это видѣть!» Князь бросился на мертвое тѣло, и облобызалъ охладѣвшія уста. — «И я любилъ его какъ брата!» сказалъ онъ. «Но для чего судьба не позволила намъ при жизни узнать истину?» —

«Вы знали, вы любили другъ друга!» сказалъ Алимари: «благодарите Провидѣніе.»

ЛИІІ.

Одно изъ этихъ сильныхъ потрясеній могло бы взволновать, поколебать, истерзать Кемскаго, но сте-

ченіе всѣхъ ихъ въ одно время, произвело въ немъ какую-то сверхъестественную твердость, усилило въ душѣ его вѣру во всеблагое, неисповѣдимое Провидѣніе, и дало ему силы перенести испытанія еще сильнѣйшія.

Мысль о дочери наполняла всю его душу, но въ душѣ его былъ просторъ и для любви братской, для дружбы и благодарности. Онъ положилъ похоронить брата своего на томъ мѣстѣ, гдѣ его лишился, и надъ прахомъ любезнымъ и драгоцѣннымъ построить храмъ, для принесенія Богу молитвъ благодарственныхъ.

По минованіи первыхъ минутъ оцѣпенѣнія, произведеннаго неожиданнымъ жестокимъ ударомъ, друзья отправились въ комнату Берилова, чтобъ привести въ порядокъ его имущество, принадлежащее отнынѣ дочери, которую онъ почиталъ умершею.

Это имущество состояло изъ множества рисунковъ, конченныхъ и неконченныхъ, которые во всѣхъ своихъ видахъ запечатлѣны были геніемъ творческимъ и пламеннымъ воображеніемъ. Душа Берилова жила именно въ этихъ твореніяхъ, произведенныхъ имъ не по заказу другихъ, не по влеченію нужды, но по свободному вдохновенію, въ часы видѣній божественныхъ.

«Какъ вы думаете, князь,» спросилъ Алимари, перебирая прекрасные рисунки съ наслажденіемъ знатока: «обрадовало ли бы артиста открытіе его поро-

ды? Въ молодая лѣта, не спорю. Но нынѣ, когда онъ свыкъ съ своимъ благороднымъ званіемъ, оно было бы ему въ тягость и преогорчило бы послѣдніе дни его жизни. Онъ былъ бы выдвинутъ изъ своей сферы, насильно перенесенъ въ другой, чуждый міръ, а вы говорите, что онъ боялся и новаго сюртука. Одно утѣшило бы его — открытіе, что вы братъ ему; но это открытіе сдѣлалъ онъ теперь и такъ!»

«Это что?» спросилъ князь, поднявъ изъ кучи рисунковъ, которыми былъ наполненъ ветхій сундукъ, два пакета: одинъ, большаго размѣра, запечатанный и надписанный на имя Берилова. Весь онъ покрытъ былъ глазками, головками, цвѣтками, арабесками руки покойника, набросанными карандашемъ, и, какъ видно было, въ разныя времена. Кемскій распечаталъ этотъ пакетъ, и нашелъ въ немъ похвальные листы воспитаннику академіи Берилу, свидѣтельство на золотую медаль, и еще нѣсколько другихъ бумагъ, при слѣдующемъ письмѣ:

«Любезный другъ, Андрей Ѳедоровичъ! При выпускѣ нашемъ изъ академіи, ты, взявъ свидѣтельство изъ рукъ президента, вышелъ въ открытыя двери, на свободу. По окончаніи акта начали тебя искать, чтобъ отдать тебѣ аттестаты и другія бумаги, можетъ быть, для тебя важныя, но не могли доискаться. Я взялся доставить тебѣ эти бумаги, но вотъ прошло пять лѣтъ, что я не могу найти тебя дома и залучить къ себѣ. Отправляясь завтра въ Италію, считаю обя-

занностью препроводить ихъ къ тебѣ. Остаюсь вѣрный товарищъ и другъ твой

Василій Рифеевъ.»

18-го Мая 1796 года.

«Узнаю моего друга!» воскликнулъ Кемскій: «онъ забылъ въ академіи свои аттестаты, получилъ ихъ чрезъ пять лѣтъ, и въ двадцать лѣтъ не могъ удосужиться, чтобъ распечатать пакетъ!» — Въ числѣ бумагъ была копія съ прошенія священника села Берилова, Вятской Губерніи, о принятіи сироты въ академію. Священникъ говорилъ, что въ 1772 году, спаясь на пути изъ Астраханской Губерніи въ Вятку отъ преслѣдованій разбойничьихъ шаяекъ Пугачева, онъ гдѣ-то, въ какой губерніи не помнитъ, услышалъ крикъ младенца, остановился и нашелъ на днѣ глубокаго оврага мальчика, какъ казалось, отъ роду менѣе году, поднялъ его, и въ ту минуту раздались вопли, крики, выстрѣлы. Онъ бросился на повозку, и поспѣшилъ далѣе. По прибытіи въ домъ свой, онъ рѣшился воспитать найденыша наравнѣ съ своими дѣтьми, и дѣйствительно содержалъ его пять лѣтъ, но нынѣ, не имѣя средствъ дать ему приличное воспитаніе, проситъ о принятіи его въ Академію Художествъ, потому особенно, что ребенокъ большой охотникъ рисовать, и исписалъ дома углемъ и мѣломъ всѣ стѣны. Ребенокъ этотъ долженъ быть не изъ простаго званія: на немъ было тонкое бѣлье, помѣ-

ченное словами *Андр. Фед.*, и на шеѣ золотой крестъ. Его называли, по-этому, Андреемъ Федоровичемъ, а прозвище дано ему отъ села, въ которомъ онъ воспитанъ. — На просьбѣ была и резолюція И. И. Бецкаго: *Принять.*

«Теперь нѣтъ ни какого сомнѣнія,» сказалъ Кемскій: «брата моего звали Андреемъ, и, странно, когда я называлъ Берилова по имени, мнѣ иногда чудилось, что братъ мнѣ откликается.»

Алимари развернулъ другой пакетъ, незапечатанный, и надписанный: «Ея Сіятельству Графинѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ Лезгиновой,» и началъ читать его вслухъ:

«Милостивая государыня! Я получилъ почтеннѣйшее письмо ваше, въ которомъ вы, описывая чувства любви и привязанности къ моей Надеждѣ, изъявляете желаніе взять ее на мѣсто родной своей дочери. Что могло бѣ быть для меня лестнѣе и пріятнѣе! Я не въ состояніи не только дать ей порядочное воспитаніе, но и присмотрѣть за нею. И я, конечно, безъ всякаго отлагательства, согласился бы на ваше милостивое предложеніе, если бѣ вы не присовокупили къ тому обѣщанія выдать мнѣ тысячу рублей, въ случаѣ моего согласія отречься отъ моей дочери, не называться отцемъ ея, уступить вамъ всѣ права, никогда не видаться съ нею. Милостивая государыня! Подумали ль вы что вы дѣлаете? Можно ли было предлагать сіе отцу? Можно ли было вообразить, что найдется человѣкъ, который въ состояніи взять деньги

за уступку своего дѣтища? И вы слѣлали это предложеніе художнику, человѣку, обрекшему себя на служеніе благороднѣйшее въ мірѣ? Если бѣ вы знали, какъ этимъ меня огорчили, то конечно почувствовали бы въ сердцѣ своемъ жесточайшія угрызенія совѣсти! — Оставьте при себѣ свои деньги! Ради Бога, забудьте, что вздумали предлагать ихъ мнѣ! — Послѣ этого вы конечно ожидаете, что я стану требовать у васъ возвращенія Надежды; что возьму назадъ слово, которымъ отдалъ ее вамъ на воспитаніе! Нѣтъ, ваше сіятельство! Пусть она останется у васъ, пусть пользуется вашими милостями, вашею любовью. Я не имѣю права лишать ее счастья, которое дано ей Провидѣніемъ, приведшимъ васъ въ домъ мой, и внушившимъ въ васъ съ перваго взгляда состраданіе и любовь къ несчастной сиротѣ. Я долженъ открыть вамъ тайну, которую хотѣлъ было сохранить до могилы. Надежда не дочь мнѣ. Важное обстоятельство принуждало меня скрывать это, и только крайность, только мысль о томъ, что дальнѣйшее умолчаніе можетъ быть вредно ей самой, заставляеть меня сказать истину. Вообразите мое положеніе. Когда ей минуло два года, я, въ одну изъ тѣхъ счастливыхъ минутъ вдохновенія, которыя и у великихъ артистовъ не часто случаются, вздумалъ написать ея портретъ — вышло одно изъ лучшихъ произведеній моей кисти, и я выставилъ это произведеніе при открытіи академіи. Президентъ нашъ, осматривая выставку предварительно, остановился предъ этимъ портретомъ, восхитился имъ, и

сказалъ: «Прелестно, несравненно! Это не можетъ быть вымысломъ. Конечно это портретъ вашей дочери?» — Я былъ осчастливленъ, восторженъ привѣтомъ этого почтеннаго любителя художествъ, и въ то же время сердился на одного изъ его спутниковъ, который, ставъ между картиною и окошкомъ, загородилъ свѣтъ, и тѣмъ лишилъ ее половины достоинства. «Это конечно дочь ваша?» повторилъ президентъ. — «Точно такъ-съ, ваше сіятельство!» отвѣчалъ я, запинаясь. — «Прекрасный ребенокъ,» сказалъ онъ: «но врядъ ли въ натурѣ онъ можетъ быть такъ милъ, какъ на картинѣ.» — Я хотѣлъ прибавить, что графъ ошибается, что именно въ этотъ разъ, въ первый разъ въ жизни моей, я не успѣлъ поравняться съ природою; но онъ пошелъ далѣе, и уже не могъ бы слышать словъ моихъ. Дня чрезъ два Государь изволилъ быть на выставкѣ, отличилъ мою работу, любовался ею, и чрезъ недѣлю я получилъ брилліантовый перстень при запискѣ, въ которой сказано было, что я награжденъ за написанный мною портретъ моей дочери. Я душевно обрадовался царской милости — такого вниманія я не надѣялся заслужить. Правда, перстень у меня украли изъ кармана тутъ же на выставкѣ, но бумага съ подписью начальника, за номеромъ, осталась у меня. Въ ней Надежда именно названа была моею дочерью, названа такъ отъ имени Государя. Что мнѣ было дѣлать: объявить, что я обманулъ, оболгалъ начальство, или молчать? Я рѣшился на послѣднее. Никто не зналъ въ семъ дѣлѣ

истины, кромѣ покойной моей хозяйки, Настасьи Родіоновны, и одного друга моего, который пишетъ это письмо по моимъ словамъ. — Теперь, когда нашлся случай дать Надеждѣ приличное воспитаніе, устроить ея судьбу въ будущемъ, я не смѣю долѣе скрывать истины, но прошу васъ убѣдительноше сохранить тайну мою между нами. Прошло нѣсколько лѣтъ съ того времени, какъ я получилъ хвалу и награду за портретъ моей дочери. Если узнаютъ правду, я погибъ навсегда въ мнѣніи моего почтеннаго начальника и благодѣтеля.

«Вы теперь захотите знать, чья дочь Надежда: я самъ этого не знаю. Года четыре тому назадъ, осенью, я закупалъ краски и другія для себя снадобья въ одной лавкѣ близъ Гостиного Двора, и всѣ свои закупки сложилъ въ большой корзинѣ. Пріѣхавши домой и отпустивъ извозчика, я внесъ корзину въ комнату, и лишь только хотѣлъ вынуть оттуда мои покупки, раздался крикъ младенца. Я перепугался до смерти. Глядь въ корзину, а тамъ, между свертками, лежитъ спеленатый ребенокъ. Я призвалъ на помощь Настасью Родіоновну; мы вынули его изъ корзинки: въ свивальникѣ торчала бумажка, на которой было написано: «Младенецъ незаконнорожденный, крещенъ, имя ему Надежда.» — Видно, ребенка положили въ корзинку, когда я былъ въ лавкѣ, и извозчикъ отошелъ отъ дрожекъ. Мы, съ Настасьею Родіоновною» —

Что-то грохнуло объ полъ. Алимари, прервавъ чтеніе, оглянулся. Кемскій лежалъ въ обморокѣ.

Алимари бросился къ своему другу. Въ это время вошелъ въ комнату Вышатынъ, и помогъ ему привести князя въ чувство.

«Гдѣ я? что со мною?» спросилъ Кемскій, открывъ глаза: «сонъ это или въ самомъ дѣлѣ? Скажите, ради Бога, Петръ Антоновичъ — и ты, Вышатынъ, точно ли?»

— «Что такое?» спросилъ испуганный Алимари: «я читалъ письмо Берилова о его дочери, а вы вдругъ» —

«Такъ это точно!» вскричалъ Кемскій: «такъ это не мечта? Бериловъ не отецъ Надежды? Онъ воспиталъ дитя, нечаянно найденное?»

«Да! онъ это писалъ къ графинѣ. Но дайте кончить.» — — «Нѣтъ! нѣтъ!» воскликнулъ Кемскій: «довольно! Надежда дочь Наташи — дочь моя!»

LIV.

Прошло три недѣли. Вышатынъ, пріѣхавшій по первому извѣстію о болѣзни Берилова, и не нашедшій его уже въ живыхъ, сдѣлался свидѣтелемъ открытія, которое возвратило Кемскому жизнь и любовь къ жизни. Въ то же время узналъ онъ и всѣ прочія обстоятельства жизни своего друга, боявшагося дотолѣ обременять его своимъ горемъ: увидѣлъ, что бѣольшая часть этихъ непріятностей произошла отъ излишней кротости, терпѣливости и нѣжности князя, и почелъ обязанностью вступить за него, быть его помощни-

комъ и руководителемъ. Онъ безъ труда растолковалъ и себѣ и другу своему дѣйствія и поступки Графини Лезгиновой: мужъ ея былъ Вышатину дальній родственникъ, и двоюродная сестра его, Марія Петровна Василькова, имѣла право на большую часть наслѣдства, оставшагося послѣ покойнаго графа. — Графиня была женщина добрая, умная, благородная, но въ то же время гордая, своенравная, повелительная: уважая внутреннее достоинство человѣка, она однако еще болѣе обращала вниманія на внѣшность. Съ мужемъ своимъ, человѣкомъ добрымъ и почтеннымъ, она разошлась за то, что онъ дурно говорилъ по-французски, и нюхалъ зеленый табакъ. Чтобъ не встрѣчаться съ нимъ никогда, хотѣла она удалиться въ чужіе края; но, не имѣя возможности исполнить это предположеніе, удовольствовалась тѣмъ, что жила въ Эстляндіи. Сердце ея искало пищи, искало существа, съ которымъ могло бы жить — и нашло его въ Надеждѣ. Дитя, прекрасное собою, привѣтливое, благодарное, вселило въ нее, можно сказать, страстную къ себѣ любовь. Неловкое обращеніе Берилова, грубая его откровенность раздражали строгую чительницу этикета, вѣжливости и приличій; она непременно хотѣла освободиться отъ посѣщеній артиста, порывалась было возвратить ему дитя, но не могла на то рѣшиться: Надежда овладѣла ея сердцемъ. Это обстоятельство усилило въ ней желаніе выѣхать изъ Петербурга, но и въ Ревелѣ она непрерывно страшилась, чтобъ артистъ не вздумалъ какъ нибудь на-

вѣстить дочь свою. Привыкнувъ судить о людяхъ и о вещахъ по наружности, она не могла вообразить, чтобъ человѣкъ, небрежно одѣтый, небритый и нечесаный, который не умѣетъ войти въ комнату, и управиться за столомъ съ серебряною вилкою, засовываетъ салфетку за галстухъ, и плюетъ на паркетъ и на ковры, — могъ быть благороденъ и нѣженъ въ душѣ своей. Она рѣшилась предложить ему, чтобъ онъ отрекся отъ своей дочери за хорошее вознагражденіе. Онъ долго не отвѣчалъ. Графиня приписала это молчаніе какому нибудь съ его стороны замыслу: боялась, что онъ явится самъ, и въ надеждѣ получить большую плату, станетъ требовать возвращенія ребенка. Что было дѣлать! Графиня употребила послѣднее средство — написала къ нему, что дочь его умерла. Бериловъ не отвѣчалъ и на это: тѣмъ дѣло кончилось.

Между тѣмъ графиня тревожилась мыслию, что отецъ Надежды какъ нибудь узнаетъ о существованіи своей дочери, но лѣтъ чрезъ пять нашла она въ петербургскихъ газетахъ извѣстіе о продажѣ имѣнія безъ вѣсти пропавшаго живописца Андрея Берилова, и успокоилась. Это случилось послѣ одной слишкомъ долговременной отлучки Берилова, въ продолженіе которой скончалась Настасья Родіоновна. Его имѣніе описали и назначили было въ продажу. Въ день аукціона онъ явился изъ-за тридевяти земель, и вступилъ въ свои права. — Надежда выросла въ той мысли, что она круглая сирота, а у Берилова остались пор-

треть ея и темное о ней воспоминаніе. Родственники Графа Лезгинова знали, что жена его воспитываетъ бѣдную сироту, но имя и порода ея были имъ неизвѣстны. Тщеславная барыня подавала видъ, что Надежда дочь дворянина, офицера, убитого на войнѣ.

Вышатиный взялся увѣдомить графиню объ открытіи Кемскаго, и просить ее о возвращеніи Надежды истинному ея отцу. Кемскій холѣлъ извѣстить объ этомъ Ветлина, но не могъ написать ничего связнаго: нѣсколько разъ начиналъ онъ письмо, и лишь только доходилъ до описанія счастливаго своего открытія, голова, глаза и рука ему измѣняли. Между тѣмъ получилъ онъ отъ Ветлина увѣдомленіе, что его отправляютъ на эскадрѣ, идущей во Францію. Бѣдный молодой человѣкъ, не получая отвѣта на свои признанія, былъ въ самомъ мучительномъ недоумѣніи. Кемскій наконецъ собрался съ силами, написалъ къ нему, но уже было поздно: эскадра снялась съ якоря наканунѣ прихода письма въ Кронштадтъ.

Въ это время кончилось, къ душевному удовольствію Кемскаго, дѣло офицера, за котораго онъ хлопоталъ слишкомъ годъ. Подсудимый получилъ прощеніе въ уваженіе прежней его службы и ходатайства начальства; ему зачли въ наказаніе долговременный арестъ. «И знаешь ли, князь,» спросилъ Вышатиный, привезшій Кемскому эту радостную вѣсть: «кому ты обязанъ счастливою развязкою? Никогда не отга-

даешь! Волочкову. Жалкій этотъ лицемѣръ запутался въ собственныхъ своихъ сѣтяхъ. Въ сумасбродномъ изступленіи безпристрастія онъ хотѣлъ сдержать данное тебѣ слово — судить виновнаго, не спрашивая о его имени. Что жъ вышло? Всѣ члены суда полагали простить офицера, тѣмъ болѣе, что послѣ его проступка объявленъ былъ милостивый манифестъ. Только Волочковъ и Лютнинъ стояли на томъ, что измѣна въ полѣ противъ непріятеля не подходитъ подъ всепрощеніе.» — «И Лютнинъ?» спросилъ Кемскій въ изумленіи. — «Да, Лютнинъ, то есть Целагѣя Степановна. Она, не знаю за что, сердится на тебя, и никакъ не позволяла мужу пристать къ большинству. Волочковъ далъ свое мнѣніе, но когда поднесли ему чистое опредѣленіе для подписанія, и онъ прочиталъ имя подсудимаго, съ нимъ сдѣлался ужаснѣйшій припадокъ. Вообрази: онъ сгубилъ было своего роднаго сына! Бѣдный офицеръ этотъ былъ плодъ древнихъ любовныхъ связей лицемѣра, воспитанъ въ провинціи подъ чужимъ именемъ, и отданъ въ военную службу. — Надобно было видѣть испугъ, ужасъ и отчаяніе Волочкова: онъ никакъ не хотѣлъ признаться въ близкомъ родствѣ съ подсудимымъ, и увѣрялъ, что только по прочтеніи опредѣленія вникъ въ точное существо дѣла. Прочіе члены обрадовались образумленію Волочкова, но Целагѣя Степановна стояла на своемъ, и онъ принужденъ былъ подарить ей прекрасную картину, которая висѣла у него въ кабинетѣ, но, по соблазнительности изображенныхъ на ней предметовъ,

всегда завѣшена была покрываломъ. Она сжалилась, и Максимъ Ѳомичъ подписалъ опредѣленіе вмѣстѣ съ другими.»

LV.

РѢВЕЛЬ.

Надежда сидѣла въ своей комнатѣ, и съ унылымъ чувствомъ смотрѣла на письмо Ветлина, прочитанное ею уже нѣсколько разъ. Онъ увѣдомлялъ ее, что нашелъ друга и благодѣтеля своего младенчества, описывалъ ей Князя Кемскаго самыми нѣжными, самыми пріятными красками: говорилъ о его умѣ и образованіи; о его сердцѣ и правилахъ; о безотрадной, одинокой его старости, услаждаемой утѣшеніями чистой совѣсти и пламенной вѣры. — «Князь Алексѣй Ѳедоровичъ,» писалъ онъ: «осуществилъ предо мною идеалъ благороднаго, великодушнаго, истиннаго человека. Основательность сужденій, поэтическая мечтательность, равнодушіе къ благамъ земнымъ, и уваженіе ко всему духовному, сверхчувственному, строгость къ самому себѣ, кротость къ другимъ, безропотное перенесеніе всѣхъ страданій и искренняя признательность къ Провидѣнію за малѣйшій даръ — все это составляетъ самое благородное существо, какое только я могъ бы себѣ вообразить. И наружность его являетъ уже человѣка необыкновеннаго: высокое

чело, покрытое рѣдкими сѣдыми волосами, глаза томные, но выразительные, остатокъ юнопеской свѣжести на щекахъ, свидѣтельствующій о свѣжести души его; уста, окруженные какимъ-то неизобразимымъ проявленіемъ добродушія, кротости и любви къ ближнему; осанка благородная, воинская, не измѣнившаяся отъ изнурительныхъ трудовъ и тяжкихъ ранъ; всегдашнее спокойствіе, пристойность, вѣжливость прошлаго вѣка. Ахъ, Надежда Андреевна! Есть еще въ свѣтѣ люди истинно благородные, и человѣчество не переродилось. Увидѣвъ моего благодѣтеля, вы со мною согласитесь.» — Далѣе Ветлинъ сообщалъ ей, что рѣшился открыть князю свое положеніе, свои надежды и ожиданія; что послалъ къ нему длинное письмо, но прошло уже десять дней, а нѣтъ еще отвѣта. Въ заключеніе онъ писалъ, что наряженъ въ походъ, что теперь отправляется неохотно, что будетъ считать дни и часы до свиданія съ своимъ благодѣтелемъ. — Въ этихъ учтивыхъ, равнодушныхъ, холодныхъ выраженіяхъ, Надежда видѣла совсѣмъ не то, что другіе: любовь по-своему читала эти шифры, въ которыхъ ни какой посторонній дипломатъ не могъ бы доискаться истиннаго смысла.

«Пожалуйте поскорѣе къ графинѣ,» сказала ей поспѣшно вошедшая въ кабинетъ горничная. — «Что это значитъ? не сдѣлалось ли съ нею чего?» спросила Надежда въ испугѣ: графиня нѣсколько дней была очень нездорова. «Ничего-съ,» отвѣчала дѣвушка: «только онѣ-съ получили какое-то письмо изъ Петер-

бурга, прочитали, и приказали просить васъ какъ можно скорѣе.» — Надежда полетѣла. Графиня, за-видѣвъ ее, хотѣла встать съ креселъ, но не могла, упала на спинку, и залилась слезами. Письмо выпало изъ рукъ ея. «Что это съ вами, татап!» вскричала Надежда: «вѣрно худыя вѣсти изъ Петербурга.» — «Нѣтъ, душа моя! нѣтъ, другъ мой! не худыя — отрадныя, утѣшительныя, — ты не сирота! — вотъ письмо — прочитай, что пишутъ мнѣ о твоей участи — прежней и будущей. Наденька! Богъ наградилъ тебя за любовь твою ко мнѣ.» — Надежда, не зная что это значить, что съ нею дѣлается, взяла письмо, и начала читать. Вышатынъ описывалъ въ немъ всю исторію своего друга, бракъ его, несчастную кончину жены, судьбу дитяти, обстоятельства, заставившія Берилова назвать Надежду своею дочерью, и не позволившія ему открыться графинѣ; наконецъ открытіе Кемскаго, что Надежда есть дочь его, дочь, оплакиваемая съ минуты рожденія. — Прочитавъ письмо въ первый разъ, Надежда не поняла его; стала читать вновь — и завѣса спала съ глазъ ея. Она поблѣднѣла, задрожала и съ громкимъ рыданіемъ пала ницъ предъ образомъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ пришла она въ себя: стала припоминать, размышлять, сравнивать; терла себѣ глаза, думая, что все это происходитъ во снѣ; спрашивала графиню, что съ нею дѣлается, потомъ бралась за письмо, и повторяла то, что уже знала. Свѣтъ въ глазахъ ея измѣнился; ей казалось, что

она сама переродилась. Исчезло томительное чувство сиротства, одиночества, зависимости отъ людей. Она принадлежить отнынѣ семейству; у ней есть свои, родные; у ней есть отецъ, и этотъ отецъ человѣкъ благородный во всѣхъ отношеніяхъ. «А маменька?» повторяла она съ чувствомъ тоски и умиленія: «Маменька! ты была жертвою любви къ моему отцу, ты не хотѣла пережить меня! Маменька! теперь я тебя знаю! я горжусь тобою! Маменька моя была такова, какою я ее себѣ воображала — нѣтъ! какою я не въ состояніи была вообразить ее себѣ. Если бъ я была на нее похожа! Если бъ мой отецъ» — — Всѣ эти разнообразныя чувствованія, помыслы, страсти волновали попеременно и умъ ея и сердце: она была въ неопisanномъ изступленіи.

Графиня понимала ея восторги, но не могла удержаться отъ легкой укоризны. «Теперь я не нужна тебѣ, Наденька! Теперь у тебя есть отецъ, есть имя, есть состояніе.» — «Маман!» закричала Надежда съ выраженіемъ отчаянія: «не говорите мнѣ этого! Вы, вы дали мнѣ жизнь, вы ее облагородили, усладили! Вамъ обязана я всѣмъ своимъ счастіемъ, и если теперь мой отецъ найдетъ меня не недостойною своего имени, своей любви — кому я этимъ обязана? Вы будете всегда первою, первою въ моемъ сердцѣ — вы моя мать!» Она бросилась на колѣни предъ графинею, взяла ея руки, осыпала ихъ поцѣлуями, обливала слезами.

Надежда въ тотъ же день написала къ отцу своему:

самыми нѣжными и благородными выраженіями описала она ему свое сиротство, котораго не могли усладить ни какія блага этого міра, изобразила сладостное чувство дѣтской любви, возникшее въ душѣ ея не постепенно, а вдругъ, во всемъ своемъ объемѣ, какъ прекрасный цвѣтокъ, долго таившійся въ своей оболочкѣ, разверзается въ мгновеніе отъ перваго луча живительнаго солнца. — Она горѣла нетерпѣніемъ увидѣть своего отца, котораго давно уважала и любила, по сказаніямъ Ветлина; считала минуты до того блаженнаго мгновенія, въ которое заплатитъ этому благородному человѣку за цѣлые годы страданій въ одиночествѣ, но не смѣла показать того своей благодѣтельницѣ, и отъ этого боренія священныхъ чувствъ природы съ гласомъ обязанности и благодарности, въ ней возникла дотолѣ неизвѣстная ей жизнь, восторженная, напряженная: она иногда воображала себѣ, что лишается разсудка отъ столкновенія разнородныхъ ощущеній. «Ахъ, если бѣ Ветлинъ былъ здѣсь!» думала она: «онъ помогъ бы мнѣ растолковать самой себѣ это бурное волненіе всѣхъ моихъ чувствованій и мыслей; онъ вывелъ бы меня на чистый, небесный воздухъ изъ этой удушливой атмосферы недоумѣнія и борьбы душевной!»

Графиня замѣтила безпокойство, тоску, принужденность Надежды, и сама освободила ее изъ затруднительнаго положенія. Не имѣя силъ ѣхать въ Петербургъ съ своею питомицею, она рѣшилась отправить ее безъ себя, и объявила ей о томъ. Надежда огвѣ-

чала слезами: и совѣстилась показать свою радость, и не умѣла скрыть ее. Напутствуемая благословеніемъ хранительницы своего дѣтства, она поѣхала въ сопровожденіи графининой домоправительницы.

Въ продолженіе дороги, она ничего не видала и не слыхала: не замѣтила даже, какъ переѣхала изъ Эстляндіи на русскую землю; только считала станціи и версты. На третій день въѣхала она въ Петербургъ, и остановилась въ Ревельской Гостиницѣ. Съ пятилѣтняго возраста провела она всю жизнь свою въ Эстляндіи и за границею. Огромность, великолѣпіе, блескъ и шумъ столицы ослѣпили, оглушили ее, но не изумили, не восхитили: въ ея душѣ была одна мысль: я приближаюсь къ моему отцу. Отдохнувъ и переодѣвшись въ гостиницѣ, она бросилась съ проводницею своею въ наемную карету, и полетѣла на Выборгскую Сторону. Ей казалось, что она никогда не доѣдетъ. «Скоро ли? близко ли?» спрашивала она у старушки. — «Скоро, скоро, барышня!» отвѣчала та: «вотъ Троицкій Мостъ, Петербургская Сторона, Самсоніевскій Мостъ, а тутъ и есть!»

LVI.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Кемскій также терзался сладостнымъ нетерпѣніемъ: порывался самъ ѣхать въ Ревель, но боялся разѣхаться съ Надеждою, не смѣлъ просить графиню,

чтобъ она привезла или прислала къ нему дочь, и желалъ, чтобъ она догадалась сама. Онъ написалъ Надеждѣ отвѣтъ, въ которомъ отражалась вся душа его, но этотъ отвѣтъ уже не засталъ ея. Въ ожиданіи ея пріѣзда, онъ устроилъ для ней комнаты, въ которыхъ жилъ Берилловъ; надъ письменною конторкою повѣсилъ портретъ Наташи, смятый французскою пулею. Графиня предувѣдомила Кемскаго, что отправляетъ къ нему дочь его, но дѣтская любовь опередила почту.

Алимари сидѣлъ въ саду на скамьѣ, подлѣ любезныхъ своихъ могилъ, и питался живительными лучами солнца. Кемскій въ раздумьѣ расхаживалъ по комнатамъ. Раздался на улицѣ звукъ ѣдущаго экипажа. Сердце его сильно забилося. Звукъ утихъ, когда карета взѣхала на немощенный дворъ. Слышится, отворяютъ дверцы, опускаютъ ступеньки. Онъ остановился съ трепетомъ. Растворяется дверь комнаты. Въ ней появляется женщина въ шляпкѣ и вуалѣ; она останавливается, поднимаетъ вуаль, вглядывается въ него. «Наташа!» восклицаетъ Кемскій, и заключаетъ дочь свою въ объятія.

Годы страданій, жестокія утраты, тяжкія раны сердца — все было забыто въ это блаженное мгновеніе, все заглажено, вознаграждено однимъ взглядомъ! — Молитва, усердная, общая молитва счастливаго отца, счастливой дочери — не краснорѣчивая, но доступная и пріятная Вѣчной Благости, заключила торжество отраднаго свиданія.

Надежда смотрѣла на отца своего съ любовію и благоговѣніемъ. Это мой отецъ, это мой другъ — это благодѣтель, хранитель Ветлина — повторяла она въ умѣ, не сводя глазъ съ прекраснаго, обновленнаго радостью мужа. — Князь глядѣлъ на нее съ чувствомъ, которому нѣтъ ни имени, ни описанія. Онъ искалъ въ лицѣ, въ глазахъ, въ осанкѣ, въ поступи ея сходства съ Наташею — и находилъ при каждомъ взглядѣ. Только Надежда казалась ему вообще живѣе, быстрѣе, пламеннѣе своей матери. Когда же слезы останавливались въ ея глазахъ — они принимали въ точности выраженіе небеснаго взгляда Наташи.

Кемскій познакомилъ ее съ другомъ своимъ, Алемари; открылъ ей, что ему одному она обязана сохраненіемъ отца своего; потомъ повелъ ее въ комнату, для нея назначенную, указалъ ей портретъ ея матери, бывшій неразлучнымъ его спутникомъ, и портретъ Берилова, который, дѣйствуя во всемъ по внушенію неизвѣстнаго ему, тайнаго чувства, призрѣлъ сироту, дочь своего брата.

Радостные порывы вскорѣ уступили мѣсто тихому наслажденію счастіемъ отцовской и дѣтской любви, днямъ спокойнымъ, богатымъ воспоминаніями и надеждами. Отецъ и дочь въ одинъ день свыклись, какъ будто всю жизнь провели вмѣстѣ. Князь вздумаетъ сказать, сообщить, предложить что нибудь своей дочери: она объ этомъ уже думала, уже предупредила его. Веселый нравъ ея, остроуміе и прямота душевная восхищали старика. «Ты Наташа,» говорилъ онъ: «но

Наташа девятнадцатаго вѣка, безпокойнаго, торопливаго. Мы встарину жили тише, едва успѣвали за временемъ, а вы его опережаете. Такъ, милая Наденька, ты мнѣ сообщила свои сердечныя склонности, прежде нежели я тебя увидѣлъ.» — «Какъ это? какія склонности?» спросила она, смутившись. — «Знаю, знаю! Будь спокойна!» отвѣчалъ онъ улыбаясь: «сердце твое найдетъ отголосокъ въ моемъ — ты будешь счастлива!»

LVII.

Вышатынъ раздѣлялъ блаженство своего друга, но не носился съ нимъ въ пространствахъ надзвѣздныхъ: теперь, болѣе нежели когда нибудь, былъ нуженъ Кемскому твердый защитникъ и ходатай; самъ онъ, предавшись сладостному чувству своего новаго существованія, не заботился ни о чемъ земномъ, ничего не помнилъ, ничего не видѣлъ. Вышатынъ взялся привести въ порядокъ дѣла его.

Сначала отправился онъ къ Алевтинѣ Михайловнѣ.

Тамъ успѣли уже оправиться отъ перваго испуга, причиненнаго болтливостью Ивана Егоровича: показанія, признанія его были сдѣланы не при свидѣтеляхъ, толковалъ Тряпицынъ, слѣдственно ни какого законнаго дѣйствія имѣть не могутъ. Свидѣтельство крѣпостной женщины равномѣрно силы не имѣетъ.

Вышати́нъ пріѣхалъ къ Алеви́нѣ въ то время, когда она была окружена всѣми своими домашними, мужемъ, дѣтьми, Тряпицынымъ и Горсомъ. Онъ былъ принятъ учтиво и холодно. На извѣщеніе его, что князь нашелъ дочь свою, отвѣчали улыбкою недовѣрчивости и жалости, а на воспоминаніе объ отсылкѣ дитяти въ Воспитательный Домъ, гордымъ взглядомъ оскорбленной добродѣтели. — «Постойте же,» думалъ онъ: «васъ должно образумить геройскими средствами: нѣжность здѣсь не у мѣста.» — «Вы, какъ дама,» сказалъ онъ Алевинѣ: «вѣроятно, не знаете ни степени преступленій, ни положенныхъ имъ по законамъ наказаній. Но вамъ, Иванъ Егоровичъ, конечно извѣстно, что за поддѣлку акта законы опредѣляютъ ссылку въ Сибирь?» Всѣ поблѣднѣли. — «Но земская давность,» произнесъ въ полголоса Тряпицынъ. — «А за продажу и залогъ чужаго имѣнія, за составленіе фальшивыхъ свидѣтельствъ о смерти человека, помнится, положено законами то же наказаніе. Не такъ ли, господинъ Тряпицынъ?» — «Ей, ей, запоминать, ваше превосходительство!» сказалъ Тряпицынъ трепещущимъ голосомъ. — «Вы всѣ въ моихъ рукахъ,» произнесъ Вышати́нъ твердо и равнодушно. «Князь Алексѣй Ѳедоровичъ имѣетъ, можетъ быть, побужденія щадить васъ, но у меня ихъ нѣтъ. Пора кончить ваши злодѣйскіе подвиги. Даю вамъ недѣлю сроку. Извольте внести все, что вы у него забрали — какъ это видно изъ бумагъ, полученныхъ княземъ отъ Ивана Егоровича, — и тогда, я даю вамъ честное

слово, если хотите и письменно, что васъ оставятъ въ покоѣ. Но малѣйшее противорѣчіе или замедленіе повлечетъ за собою уголовный судъ и наказаніе.» — Тряпицынъ разинулъ ротъ: — «Ваше.....» — «Ни слова! Кончите добромъ или ступайте въ Сибирь!» сказалъ Вышатынъ, вышелъ и хлопнулъ за собой дверью. Всѣ были въ оцѣпенѣніи.

— «Это что такое?» спросилъ Горсъ.

— «Сибирь! ссылка!» закричала Китти: «ужасно! Вотъ, что вы надѣлали, маменька!»

— «Для кого жъ я это дѣлала, какъ не для васъ!» произнесла Алевтина съ выраженіемъ отчаянія.

— «Слуга покорный!» сказалъ Григорій: «осрамить всю фамилію, испортить всѣмъ намъ карьеру! А вы что, Яковъ Лукичъ?»

— «Смѣю увѣрить васъ, Григорій Сергѣевичъ,» отвѣчалъ Тряпицынъ: «что во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ соблюдены законная форма и указный порядокъ. И если бъ не откровенность Ивана Егоровича.....»

Платонъ расхохотался: «Нашли виноватаго! Это быкъ, на котораго теперь всѣ взваливаютъ свои грѣхи. Но толковать и медлить нечего. Должно все отдать, чтобъ кончить эту непріятную исторію. Мнѣ ничего не нужно. Я никого не знаю и знать не хочу: кто плутовалъ и мошенничалъ, тотъ пусть и отвѣчаетъ.»

Онъ вышелъ изъ комнаты. Григорій за нимъ послѣдовалъ.

Оставшіеся молчали, глядя другъ на друга въ недоумѣніи.

Горсъ прервалъ это безмолвіе вопросомъ Ивану Егоровичу:

«Господинъ Дрекъ! скажите мнѣ, это все равно въ Россіи — Сибирь или кнютъ?»

«Ужасно!» возопила Алевтина, и кинулась въ свою комнату.

Еще до истеченія недѣли Тряпицынъ явился къ Вышатину съ настоящимъ расчетомъ и — банковыми билетами. Вышатинъ принялъ его своимъ манеромъ: взялъ бумаги, деньги, далъ расписку, и позвавъ слугу, сказалъ: «Выпроводить этого господина со двора, и впредь не впускать.»

Но отъ чего произошло такое благородное равнодушіе Платона къ семейственному достоянію? Видя запутанность дѣлъ своей фамиліи и невозможность ограбить дядю, онъ взялся за крайнее средство — рѣшился жениться на богатой купеческой дочери, на которой давно его сватали. Глупые родители пожертвовали счастіемъ своего дѣтища нустому тщеславію выдать ее за благороднаго. Авдотья Кузьминична, дѣвица миловидная и не глупая, была воспитана въ модномъ пансіонѣ, то есть, выучена всему, чему можно выучить за деньги. Ее взяли оттуда наканунѣ сговора, и объявили, что она выходитъ замужъ. Явился Платонъ Сергѣевичъ, обошелся гордо и дерзко съ тестемъ, грубо съ тещею; но старики воображали, что благородный иначе съ ними обращаться не можетъ, и когда, по отъѣздѣ Платона Сергѣевича, бѣдная Дуняша со слезами объявила, что не въ состояніи выйти замужъ

за такого ужаснаго чловѣка, правоучительная пощечина, отвѣщенная рукою нѣжной матери, заградила ей уста. На другой день былъ сговоръ; чрезъ недѣлю сыграли свадьбу. Платонъ взялъ триста тысячъ рублей наличными деньгами и два дома. Тестю и тещѣ объявилъ онъ, чтобъ они не дерзали являться у него въ домъ, а женѣ запретилъ не только видѣться съ своими родителями, но и упоминать объ нихъ. Не было униженія и оскорбленія, которымъ бы не подвергалась несчастная жертва тщеславія родителей и жадности мужа.

LVIII.

Кемскій предался всѣмъ наслажденіямъ любви родительской, и какъ ребенокъ радовался поправленію дѣлъ своихъ стараніями Вышатины, имѣя теперь возможность окружить милую дочь свою всѣми удовольствіями свѣта. Явились великолѣпный экипажъ, блистательная прислуга, отборный гардеробъ, всѣ тѣ разнометальныя звенья, изъ которыхъ составляется электрическій столбъ, приводящій въ трепетъ женское сердце. Надежда плавала въ океанѣ развлеченій и удовольствій, и не такъ уже часто, какъ прежде, помышляла о другѣ своего сердца, плававшемъ по морю дѣйствительности. Кемскій примирился съ свѣ-

томъ, съ его забавами, причудами и предрасудками. При помощи Вышатины, свелъ онъ знакомство съ домами, въ которыхъ дочь его могла проводить время пріятнымъ образомъ. Изъ новыхъ знакомыхъ болѣе всѣхъ была ему по сердцу Марія Петровна Василькова, главная участница въ процесѣ съ графиней. Надежда воспользовалась этимъ знакомствомъ, чтобъ примирить свою благотворительницу съ родственниками ея мужа, и успѣла въ этомъ лучше всякаго мирнаго судьи, потому что поводомъ къ раздорамъ и требованіямъ были не столько жадность къ пріобрѣтенію, сколько гордость и упрямство, не позволявшія уступить имѣніе въ чужой родъ. Надежда подружилась съ Маріею Петровною, познакомила ее заочно съ противницею ея, которой она не знала и никогда не видала; успѣла увѣрить, что графиня желаетъ сохранить только законно причитающуюся ей часть имѣнія, а остальное отдастъ безпрекословно роднѣ своего мужа. Марія Петровна, полюбивъ Надежду, убѣдилась ея доводами, и склонила прочихъ участниковъ къ миру и къ уступкѣ болѣе противъ того, что графинѣ причиталось дѣйствительно. Надежда, восхищенная мыслию, что успѣла отчасти возблагодарить своей благотворительницѣ, привязалась къ Маріи Петровнѣ, женщиной умной, образованной и добродѣтельной, бывала у ней ежедневно, ѣздила съ нею въ общества, проводила съ нею и часы уединенія. Кемскій радовался этому знакомству, и съ удовольствіемъ душевнымъ слѣдилъ дочь свою во всѣхъ ея дѣлахъ, помы-

слахъ и чувствованіяхъ: во всемъ проявлялись чистая душа, свѣтлый умъ, доброе сердце!

Но эти удовольствія были непродолжительны: посѣщая свѣтскія собранія, князь не могъ не встрѣтиться съ своими злѣбными-родственниками, которые, какъ драконъ Лаокоона, обвили змѣиными головами своими его и все его семейство, и смертоноснымъ жаломъ дощупывались сердца, чтобъ излить въ него весь ядъ свой. Мучительное свиданіе произошло въ одномъ большомъ собраніи, на дачѣ, куда Кемскій поѣхалъ съ дочерью, въ сопровожденіи Вышатины и Маріи Петровны. Погода сдѣлалась ненастною, холодною; молодые люди затѣяли танцы, старики расположились за картами. Кемскій бесѣдовалъ съ Вышатинымъ и еще нѣкоторыми пріятелями въ отдаленной комнатѣ, и слыша веселые звуки фортепіана, порывался отправиться въ танцевальную залу, чтобъ взглянуть на веселящуюся Надежду. При первомъ перерывѣ разговора, онъ исполнилъ свое желаніе: вошелъ въ залу, отыскалъ Надежду, прыгавшую въ кадрилѣ, и провожалъ ее глазами и сердцемъ. Кончивъ туръ, она сѣла на стулъ, и оглянувшись назадъ, съ улыбкою отвѣчала одной дамѣ, которая съ нею заговорила. Кемскій всмотрѣлся въ эту даму, и обмеръ: это была Алевтина Михайловна. Она давно искала случая видѣть Надежду, и невзначай нашла ее въ этомъ домѣ; умѣла завлечь ее въ разговоръ, заинтересовать ее, не давая знать кто она сама. Надеждѣ понравились ея тонъ, образованность, умъ,

привѣтливость: она влеклась къ ней, какъ птичка въ пасть удава. Князь, избѣгая гласной сцены, отыскалъ Марію Петровну, и просилъ ее, ради Бога, увезти Надежду домой; но это было невозможно: надлежало оставаться нѣсколько времени. Кемскій, терзаемый самыми мучительными чувствами, сталъ за стекляною дверью, и наблюдалъ что происходитъ въ залѣ. Алевтина разсказывала Надеждѣ что-то забавное и пріятное. Простодушная княжна, слушая ее внимательно, смѣялась отъ души. Въ противоположномъ концѣ залы сидѣла Китти и, съ выраженіемъ злобы и бѣшенства на лицѣ, смотрѣла въ лорнетъ на Надежду. Подлѣ нея сидѣла жена Платона, погруженная въ грустную думу, а самъ Платонъ стоялъ позади стула сестры, посматривая на Надежду, наклонялся, и говорилъ что-то сестрѣ на ухо: его замѣчанія производили на устахъ Китти ядовитую улыбку. Надежда была словно жертва, привязанная очарованіемъ къ столбу, и служившая цѣлю тупымъ стрѣламъ свирѣпыхъ дикарей. При первой возможности, Марія Петровна подошла къ Надеждѣ, и сказала ей, что отецъ ея хочетъ ѣхать домой. Кемскій видѣлъ, какъ Алевтина уговаривала ихъ остаться еще нѣсколько времени, какъ Надежда извинялась; наконецъ Алевтина, видя ее непреклонность, простилась съ нею, обняла ее; онѣ поцѣловались. Ударъ кинжала въ сердце не могъ бы поразить Кемскаго такъ, какъ это лобызаніе невинности, добродѣтели и простодушія съ порокомъ, злобою и коварствомъ. Надежда вышла изъ залы, и

подала руку отцу съ словами: «Какъ мила эта дама, съ которою я познакомилась! Жаль, что я не знаю кто она!» — «Узнаешь!» сказалъ Кемскій голосомъ, который привелъ ее въ трепетъ. Она взглянула на отца, увидѣла, что онъ блѣденъ, смущенъ, разстроенъ; вообразила, что онъ нездоровъ, и спѣшила отправиться домой. Въ другой комнатѣ должно было дожидаться Маріи Петровны, которая заговорила съ хозяйкою. Кемскій горѣлъ нетерпѣніемъ бѣжать изъ этого дому, какъ будто за нимъ гнались непріатели. Надежда молчала, робко поглядывая на отца. Вдругъ раздался за ними громкій голосъ Платона Элимова: «Не дивитесь, что онъ, увидѣвши насъ, бѣжитъ отсюда! Вообразите, онъ имѣлъ дерзость привести въ порядочный, благородный домъ свою побочную дочь! И послѣ этого вы спрашиваете, почему мы съ нимъ разстались? Вотъ добродѣтели волтеровскаго вѣка!» — Терпѣніе Кемскаго лопнуло; онъ оборотился, чтобъ дать отвѣтъ, но, къ счастію, увидѣлъ предъ собою Вышати́на съ сестрою: «Владиміръ Павловичъ!» сказалъ онъ, съ выраженіемъ сильнѣйшаго негодованія: «Вы знаете меня, знаете съ кѣмъ я сюда пріѣзжалъ, и почему бѣгу изъ этого дому. Вамъ предоставляю оправдать меня передъ хозяиномъ!» — Сказавъ эти слова, онъ поспѣшилъ съ Надеждою и Маріею Петровною изъ дверей, сѣлъ въ карету, и велѣлъ гнать, что есть силы. Дорогою открылъ онъ Надеждѣ, что она сидѣла подлѣ виновницы ея сиротства и всѣхъ

бѣдствій ея родителей. Надежда узнала въ эту минуту всѣ подробности страданій своего отца и злобы его родственниковъ; узнала, что на щекахъ ея горѣли поцѣлуй губительницы ея матери! — Ночь была ненастная и бурная; вѣтеръ вылъ; дождь и градъ били въ стекла кареты. Князь завезъ домой Марію Петровну, и отправился на Выборгскую Сторону; но Воскресенскій Мостъ былъ разведенъ, и онъ долженъ былъ дожидаться въ каретѣ. Надежда, испуганная и встревоженная неожиданнымъ случаемъ, не говорила ни слова, прижалась въ уголъ кареты, и уснула отъ утомленія. Кемскій долго не могъ прійти въ себя. Въ туманѣ, окружавшемъ его, чудились ему страшныя видѣнія; они разсѣялись при первомъ свѣтѣ утренней зари, и ангельскій ликъ Наташи съ улыбкою утѣшенія на устахъ затрепеталъ предъ усталыми его вѣждами. — «Готово!» закричалъ мостовой унтеръ-офицеръ; карета полетѣла по мосту, и мечты исчезли.

По удаленіи Кемскаго, Вышатинъ, огорченный и раздраженный до крайней степени, пошелъ за Платономъ Элимовымъ; но этотъ гнусный человѣкъ, по благому обычаю всѣхъ дерзкихъ подлецовъ и трусовъ, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Вышатинъ громко объявилъ хозяину и хозяйкѣ о причинѣ удаленія князя, и поспѣшнаго бѣгства Платона: рассказалъ въ короткихъ словахъ исторію своего друга, и просилъ всѣхъ и cadaго изъ присутствующихъ стараться о разглашеніи истины, для оправданія добродѣтели и обличенія порока. Всѣ слушали его со вни-

маніємъ, какъ обыкновенно слушаютъ всякую *скандалёзную* исторію; но дѣйствіе пламенной рѣчи не соотвѣтствовало его намѣренію и ожиданію: половина присутствующихъ не поняла его, другая нашла, что разсказъ Платона Элимова вѣроятнѣе и интереснѣе, и на другой день непріятная для Кемскаго сцена разошлась по городу въ тысячѣ разныхъ изданій, съ перемѣнами, опущеніями и прибавленіями. Вышатынъ, выведенный изъ терпѣнія, измѣнилъ въ семъ случаѣ всегдашнему своему благоразумію и осторожности, и надѣлалъ другу своему болѣе вреда, нежели сколько могъ сдѣлать пользы.

Платонъ не унялся этимъ урокомъ: напротивъ того, хотѣлъ оправдаться дерзостью и безстыдствомъ; старался вездѣ встрѣчаться съ Кемскимъ и его дочерью, смотрѣлъ на нее съ гордостью и презрѣніемъ, смѣялся въ глаза дядѣ. Къ довершенію своихъ преслѣдованій, вздумалъ онъ поселиться подлѣ нихъ, чтобъ измучить, истерзать ихъ своимъ непрерывнымъ присутствіемъ. Вышатынъ, узнавъ объ этомъ, поклялся, что проучить негодяя, хотя бъ это стоило ему собственной его жизни.

Кемскій увидѣлъ себя въ самомъ непріятномъ, въ самомъ тягостномъ положеніи. Дочь его, жившая сиротою въ довольствѣ и спокойствіи, сдѣлалась нынѣ предметомъ клеветы и жертвою злодѣевъ. Другъ его, Вышатынъ, подвергался самымъ жестокимъ непріятностямъ. А Ветлинъ! Счастье, что его не было въ Петербургѣ: онъ не кончилъ бы добромъ съ Элимовымъ.

Алимари видѣлъ недоумѣнія и страданія своего друга, и старался ободрить, успокоить его своимъ участіемъ, но не успѣлъ въ томъ. Наконецъ подалъ онъ ему совѣтъ уклониться отъ своихъ враговъ, оставить Петербургъ на нѣсколько времени, и если нужно ему жить здѣсь, то воротиться не прежде замужества своей дочери. Эта мысль понравилась и князю, и Вышатиному, и Надеждѣ, которая терзалась страданіями отца своего болѣе, нежели онъ самъ. Кемскій рѣшился исполнить давнишнее свое желаніе — отправиться въ симбирскую свою вотчину, и провести тамъ лѣто. Ветлина ждали съ часу на часъ. Кемскій оставилъ письмо къ нему у Вышатины: извѣщалъ его о своемъ отъѣздѣ, просилъ взять отпускъ и ѣхать къ нему; говорилъ, что, въ ожиданіи его, останется нѣсколько времени въ Москвѣ. — — Всего труднѣе была для Кемскаго разлука съ любезнымъ ему Алимари. — «Увижу ли васъ еще въ этой жизни?» говорилъ онъ, прижимая старца къ своему сердцу. — «Это извѣстно Богу,» отвѣчалъ Алимари: «съ радостью увидѣлся бы я съ вами еще разъ, но если этого не случится, утѣшьте мыслью, что въ то время, когда вы вздохнете о разлукѣ со мною, буду я у Антигоны и дѣтей моихъ. Тамъ мы увидимся навѣрное!»

LIX.

МОСКВА.

Надежда, въ этихъ обстоятельствахъ, охотно оставила Петербургъ: жаль ей было только, что свиданіе съ Графиней Лезгиною отлагается на долгое время, и еще, что разлука съ Ветлинымъ продолжится сверхъ обыкновеннаго; но всѣ эти сожалѣнія заглушались мыслию, что спокойствіе отца зависитъ отъ ея доброй воли.

Черезъ мѣсяцъ послѣ непріятной сцены съ Элимовымъ были они уже въ Москвѣ. Надежда нашла тамъ еще болѣе пищи своему сердцу и воображенію, нежели на берегахъ Невы. Переселеніе ея въ Петербургъ произошло такъ внезапно, посреди такихъ сильныхъ душевныхъ волненій, что она не могла ни подивиться сѣверной столицѣ, ни насладиться ею. Въ Москвѣ было иное: она пріѣхала туда довольная, спокойная, счастливая. Видѣть Москву было давнишнее ея желаніе. Воспитанная на чужбинѣ, далеко отъ родной стороны, пламенная патріотка не знала ничего выше, любезнѣе, святѣе Руси Православной, и не понимала, какъ можно говорить равнодушно о Кремлѣ, объ Успенскомъ и Архангельскомъ Соборахъ, о Новодѣвичьемъ Монастырѣ, даже о большой московской пушкѣ. Лѣтнее время благопріятствовало ея поэтическимъ наблюденіямъ и мечтаніямъ: ни какія собранія, вечеринки, спектакли не развлекали ея

наслажденій. Съ одною знакомою Маріи Петровны, всегдашнею жительницею Москвы, ѣздила она по городу и его окрестностямъ, и осматривала всѣ ихъ достопамятности. Отецъ радовался ея развлеченіямъ, но самъ не могъ раздѣлять ихъ: онъ хлопоталъ въ московскихъ присутственныхъ мѣстахъ по запутаннымъ дѣламъ своимъ. Надежда, набожная и благочестивая, начинала всѣ свои прогулки и поѣздки слушаніемъ обѣдни въ которомъ либо изъ монастырей московскихъ или загородныхъ. Служба въ монастыряхъ женскихъ, которыхъ она дотолѣ не видала, преисполняла ея душу неизъяснимою сладостью. Когда она была въ первый разъ у обѣдни въ Вознесенскомъ Монастырѣ, въ Кремлѣ, ей казалось, что она перенесена въ другой, лучшій міръ. Тихое пѣніе монахинь настроило душу ея къ благоговѣнію; строгія, но спокойныя лица старицъ, освѣняемая флеромъ, выходъ ихъ предъ священникомъ со свѣчами въ рукахъ, паденіе ихъ ницъ предъ алтаремъ въ безмолвной молитвѣ, — все это возносило ея чувства къ небесамъ, и переселяло воображеніе въ давноминувшія времена: въ отшельницахъ отъ здѣшняго міра чудилась ей Царевна Софія Алексѣевна, Царица Евдокія Ѳедоровна или иная изъ древнихъ Россіянокъ, псытавшихъ тщету земнаго величія, и въ тиши уединенія нашедшихъ отраду своимъ страданіямъ. Сердце ея трепетало при взглядѣ на сихъ жилищъ инаго міра. Она остерегалась близко знакомиться съ монахинями, чтобъ не разрушить своего набожнаго очарованія, избѣгала

случаевъ говорить съ ними о предметахъ жизни обыкновенной, и только немногихъ старицъ посѣщала въ ихъ келіяхъ; къ двумъ, къ тремъ питала она душевное уваженіе и искреннюю дружбу. Но нигдѣ умъ, воображеніе и сердце ея не были такъ очарованы и восхищены, какъ въ одномъ загородномъ монастырѣ, верстахъ въ сорока отъ Москвы. Посреди густаго лѣса возвышается древнее зданіе, посвященное уединенію и молитвѣ; съ одной стороны простирается прекрасный видъ на нѣсколько верстъ; внизу, подъ горою, течетъ рѣка. Церковь монастырская, сооруженная въ средніе вѣки, мрачная и угрюмая, едва освѣщается скудными лампадами. Кельи инокинь устроены въ стѣнѣ, служившей встарину оградой монастырю, и нынѣ во многихъ мѣстахъ обрушившейся. Игуменья монастыря, почтенная и умная старушка, приняла княжну и ея спутницу ласково и радушно. Пѣніе въ церкви было необыкновенно пріятное и гармоническое. Надежда не могла удержать слезъ своихъ при звукахъ, которыми отшельницы отъ міра, среди глухой пустыни, возвысили хвалы и молитвы къ Богу-сердцевѣдцу. Умиленіе ея не укрылось отъ монахинь. Одна изъ нихъ, стоявшая подлѣ клироса, поглядывала на нее съ особеннымъ участіемъ, радуясь, какъ видно, изліянію благоговѣйныхъ чувствъ въ молодой, свѣтской дѣвицѣ. Надежда, замѣтивъ это вниманіе, вглядѣлась пристально въ лице ея. Монахиня была женщина не молодая, но прекрасная собою; не безусловное обреченіе себя вѣчному одиночеству, а глу-

бокое благоговѣніе изображалось въ правильныхъ чертахъ лица ея, въ томныхъ глазахъ, измѣнявшихъ скрытой повѣсти долготѣхъ страданій. Благородная осанка, величественный взглядъ, нѣжная рука, всѣ приемы и движенія обличали женщину свѣтскую, образованную. — Обѣдня кончилась. Монахиня, выходя съ сестрами, взглянула еще разъ на княжну съ ласкою и любовью. — Игуменья пригласила посѣтительницъ въ свою келью, гдѣ ожидала ихъ трапеза скудная, приправленная искреннимъ гостепріимствомъ и простительнымъ, въ самыхъ отшельницахъ, любопытствомъ узнать что дѣлается въ свѣтѣ. Гости удовлетворили этому желанію хозяйки, и, въ свою очередь, стали спрашивать ее о житьѣ-бытьѣ монастырскомъ. Игуменья подробно описала имъ немногія достопамятности своей обители, собственную свою жизнь въ свѣтѣ и въ монастырѣ, свойства и обычаи своихъ старицъ и бѣлицъ, жаловалась на нѣкоторыхъ, хвалила другихъ. Надежда полюбопытствовала узнать, кто та прекрасная, почтенная монахиня, которая стояла подлѣ нея въ церкви. — «Это, къ сожалѣнію моему,» отвѣчала игуменья: «не изъ моихъ, — гостья. Она пріѣхала издалека въ Москву за семейными дѣлами; привыкнувъ къ тишинѣ, не могла оставаться въ шумномъ городѣ, и переѣхала къ намъ. Вотъ уже двѣ недѣли, что она живетъ у меня, и съ каждымъ днемъ я привязываюсь къ ней болѣе и болѣе: набожная, добродѣтельная, скромная, умница. Зовутъ ее Еленою; болѣе я о ней ничего не знаю. Нѣсколько

разъ пыталась я спросить ее, кто она такова, откуда и зачѣмъ пріѣхала, но не могла собраться съ духомъ: она внушаетъ мнѣ такое почтеніе ко всему существу своему, что я не могу обращаться съ нею за просто, какъ съ другою. По всему видно, что она воспитана въ знатности и въ богатствѣ; что жестокія потери и страданія заставили ее покинуть свѣтъ, но кажется, какая-то надежда на примиреніе съ судьбою еще не совершенно ее оставила.» Словоохотная старушка, осыпая хвалами сестру Елену, нечувствительно перешла къ прежнимъ рассказамъ о своихъ монахиняхъ, которыя составляли для нея весь міръ. — Послѣ обѣда повела она посѣтительницъ своихъ въ кельи, входила къ монахинямъ; онѣ разговаривали съ Надеждою и ея спутницею, но молодая княжна, безъ вѣдома своего, стремилась мыслию къ сестрѣ Еленѣ. «Вотъ ея келья,» сказала въ полголоса игуменья, проходя мимо двери: «но я не смѣю ея беспокоить.» Въ эту минуту дверь растворилась. Сестра Елена, слышавъ голосъ игуменьи, вышла къ нимъ и пригласила ихъ къ себѣ. Надежда съ какимъ-то неизъяснимымъ трепетомъ вошла въ укромное жилище благочестія и добродѣтели. Елена привѣтствовала гостью свою голосомъ, который проникъ до глубины ея сердца — такъ онъ былъ нѣженъ, пріятенъ, выразителенъ. «Я не думала принимать въ этой уединенной обители такихъ милыхъ гостей,» сказала она. — «Ахъ! если бъ вы знали,» съ живостью отвѣчала Надежда: «какъ меня восхищаетъ это уединеніе! Я

выросла на чужбинѣ, посреди людей добрыхъ и почтенныхъ, но не Русскихъ. Русское Отечество, Русская Вѣра, Москва, Волга — съ дѣтскихъ лѣтъ были предметомъ всѣхъ моихъ мыслей, могу сказать, моего обожанія. И теперь я увидѣла все это на самомъ дѣлѣ. Теперь узнала въ отечествѣ моемъ людей, съ которыми желала бы породниться, если бѣ родилась Англичанкою или Италіянкою. А они мнѣ свои, родные!» Она бросилась въ объятія Елены, и съ дѣтскою нѣжностью поцѣловала ей руку.

«Тамъ, гдѣ я воспитана,» прибавила она: «это называли бы предрасудкомъ, суевѣріемъ; но я чувствую, знаю, увѣрена, что такъ быть должно.» — «Такъ быть должно!» сказала Елена своимъ очаровательнымъ голосомъ: «читите эти предрасудки, храните это суевѣріе! Берегитесь привязываться къ тому, что въ свѣтѣ называется существеннымъ. Всего для насъ святѣе религія, отечество, любовь къ отцу и матери.» — «Къ матери!» воскликнула Надежда: «у меня нѣтъ матери! Я ея не видала, но нѣтъ—я ее знаю! Я ношу образъ ея въ моемъ сердцѣ; въ толпѣ людей ищу той, которую желала бы имѣть матерью, съ которою она, невиданная, незабвенная, имѣла сходство душевное.» — «И конечно не находите?» сказала Елена. — «Не находила до нынѣшняго дня!» воскликнула Надежда, приникла къ монахинѣ, и покрыла руки ея жаркими поцѣлуями. Сестра Елена прижала ее съ нѣжностью къ груди своей. «Милое, милое дитя!» повторяла она, добзая ея щеки, горѣвшія пламенемъ искренняго чув-

ства и орошенные слезами душевнаго восторга: «да утѣшитъ тебя Богъ въ твоёмъ сиротствѣ!» — И игуменья, и спутница княжны были тронуты этою умильною сценою. Онѣ пробыли у Елены нѣсколько времени, въ кроткой, усладительной бесѣдѣ. Наконецъ спутница напомнила Надеждѣ, что пора ѣхать въ городъ, что отецъ ея можетъ потревожиться продолжительнымъ ея отсутствіемъ. «Ахъ, точно!» сказала Надежда, испугавшись: «онъ не знаетъ, гдѣ я. Сохрани меня Богъ, быть причиною его безпокойства!» — Елена смотрѣла на нее съ выраженіемъ искренней любви. «Счастливъ отецъ такой дочери!» произнесла она протяжно. Надежда простилась съ нею, обѣщаясь посѣщать ее какъ можно чаще, и поѣхала въ городъ. — Во всю дорогу она то говорила о сестрѣ Еленѣ, то задумывалась и мечтала о ней. «И эта почтенная, прекрасная женщина обречена на вѣчное затворничество! И свѣтъ не знаетъ, какимъ сокровищемъ обладалъ въ ней!» — Спутница замѣтила, что Елена не пострижена, что она еще не вовсе отеклась отъ міра.

Пріѣхавъ домой, Надежда съ радостью узнала, что отецъ ея еще не возвращался домой, слѣдственно не могъ обезпокоиться ея продолжительнымъ отсутствіемъ. Онъ къ вечеру пріѣхалъ, и былъ встрѣченъ привѣтомъ милой дочери. Кемскій сѣлъ у окна, посадилъ дочь свою къ себѣ на колѣни, и съ сердечнымъ наслажденіемъ слушалъ ея рассказы о сестрѣ Еленѣ. — «Ахъ! какое прекрасное существо!» сказала

Надежда съ восторгомъ: «такою я воображаю свою маменьку!»—Князь поцѣловалъ дочь свою, обратилъ взоры въ окно, и вдругъ задумался. Что-то грустное, страшное мелькало у него въ глазахъ. Надежда испугалась, смотрѣла на него пристально, не смѣя спросить о причинѣ внезапной его задумчивости. Онъ всталъ; не говоря ни слова, вышелъ изъ комнаты въ сѣни, съ крыльца на улицу.... Надежда послѣдовала за нимъ съ трепетомъ, и остановилась въ воротахъ.

Что сдѣлалось съ княземъ? Въ ту минуту, какъ Надежда, съ безпечною юныхъ лѣтъ, тронула самую нѣжную струну его сердца, и звукъ ея глубоко отозвался въ душѣ его, онъ выглянулъ въ окно, на улицу. Что-то знакомое, давно виданное проснулось въ душѣ его. Онъ сталъ всматриваться, и увидѣлъ, что находится въ прежнемъ жилищѣ своихъ родителей, что сидитъ у окна, которое съ младенческимъ любопытствомъ отворилъ въ страшное время чумы; что насупротивъ этого окна домъ съ балкономъ, съ котораго бросилась на мертвое тѣло черная женщина. Онъ всталъ въ раздумьѣ, и самъ не зная зачѣмъ, вышелъ на улицу; подошелъ къ дому съ балкономъ и смотрѣлъ вверхъ; только балконъ, въ младенчествѣ казавшійся ему высокимъ, теперь представился гораздо ниже. Балюстрада была снята....

Вдругъ растворились двери на балконъ. Въ нихъ появилась женщина въ черномъ платьѣ, взглянула на Кемскаго, и бросилась къ нему съ громкимъ крикомъ.

Онъ подхватилъ ее, взглянулъ ей въ лице.
Въ его объятіяхъ лежала Наташа!

LX.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, Октября 1799.

Нѣсколько недѣль не получали въ Петербургѣ ни какихъ извѣстій изъ арміи нашей: оставивъ Италію, она двинулась въ ущелія Альпійскихъ Горъ, и тамъ боролась съ враждебными людьми и стихіями. Въ это время обнародованъ былъ списокъ офицеровъ, раненыхъ и убитыхъ въ разныхъ сраженіяхъ знаменитой кампаніи. Въ числѣ послѣднихъ былъ Князь Кемскій. Иванъ Егоровичъ фонъ-Дракъ, прочитавъ списокъ въ газетахъ, приказалъ навязать флеръ на шляпу, на ефесъ шпаги и на лѣвый рукавъ своего мундира, и въ траурной формѣ явился къ Алевтинѣ Михайловнѣ за приказаніями. «Это что?» вскричала она въ радостномъ изумленіи. — «Къ общему сожалѣнію,» — началъ Иванъ Егоровичъ: «въ цвѣтѣ лѣтъ, храбрый защитникъ отечества,» — на этомъ словѣ риторика его споткнулась: — «то есть отечества-съ» мямлилъ онъ въ замѣшательствѣ. — «Договаривай!» кричала Алевтина: «братецъ, что ли?» — «Точно такъ-съ! Жребій войны-съ....» — «Убить?» — «Именно-съ!» произнесъ онъ протяжно. — «Счастливецъ!» тихо прошептала Алевтина, опустивъ взоры, и выдавливая изъ глазъ слезы: «желаніе его свершилось:

онъ палъ на полѣ брани! Миръ его праху!» — «Бѣду къ княгинѣ-сѣ,» продолжалъ фонъ-Дракъ: «къ ея сіятельству-сѣ, извѣстить ее-сѣ, что отечество-сѣ....» — «Что ты! что ты!» закричала Алевтина: «да ты убьешь ее бѣдную! Такое ли время, чтобъ пугать ее? Несчастливая! Предоставъ это мнѣ! Ее должно поберечь, приготовить. А то и Богъ знаетъ что злые люди скажутъ.» Иванъ Егоровичъ долженъ былъ снять трауръ, и предоставить своей почтенной супругѣ исполненіе печальнаго родственнаго долга. Алевтина приняла всѣ средства, чтобъ жестокій ударъ нанесенъ былъ со всею силою и тяжестью. Княгиню, нѣсколько недѣль не получавшую писемъ, извѣстила она о пріятной новости: одинъ знакомый ей человѣкъ получилъ изъ арміи письмо отъ своего сына, и въ этомъ письмѣ сказано, что Князь Алексѣй Ѳедоровичъ, слава Богу, живъ и здоровъ, что онъ представленъ къ мальтійскому кресту, и не пишетъ, вѣроятно, по той причинѣ, что его посылали въ командировку. — Это письмо было отправлено вечеромъ, а на другой день, утромъ, Алевтина послала записку, въ которой просила у княгини позволенія пріѣхать къ ней за важнымъ дѣломъ. Наташа, восхищенная радостною вѣстью съ вечера, провела ночь въ тихомъ снѣ, разцвѣченномъ усладительными мечтами, и встала поутру счастливая, оживленная любовью и надеждою. Прочитавъ записку Алевтины, она вообразила, что ее ожидаетъ еще какое нибудь пріятное извѣстіе; что, можетъ быть, хотятъ ее увѣдомить о скоромъ пріѣздѣ мужа; поспѣшно

одѣлась и отправилась къ ней сама. Пошли доложить о ея прїѣздѣ; она вошла въ гостиную, и увидѣвъ на столѣ разложенныя въ порядкѣ газеты, бросилась къ нимъ, схватила первый листъ, начала читать, вдругъ закричала и лишилась чувствъ.

Расчетъ Алевтины былъ вѣренъ: быстрый переходъ отъ радости къ печали, отъ надежды къ отчаянію, сильно поразилъ Наташу; но злодѣйка не рассчитала, что въ жизни женщины есть минуты, въ которыя природа бережетъ ее непостижимымъ образомъ, на зло всѣмъ ударамъ судьбы: Наташѣ наступило время сдѣлаться матерью, и убійственная вѣсть только нѣсколькими часами ускорила ея разрѣшеніе. Она была въ безпамятствѣ: ее снесли въ спальню Алевтины. Крикъ дитяти разбудилъ ее. «Что это?» спросила она: «гдѣ я? что со мною?» — «Вы дома, у себя,» сказала ей незнакомая женщина: «а вотъ дитя, вотъ дочь ваша!» — «Моя дочь! его дочь!» воскликнула она: «подайте мнѣ ее.» Она взглянула на дитя томнымъ взоромъ, въ которомъ изображались и страхъ и любовь, и вѣра и отчаяніе. — «Здѣсь и священникъ, чтобъ дать молитву новорожденной,» сказала женщина: «какъ прикажете назвать ее?» — «Надеждою!» произнесла Наташа слабѣющимъ голосомъ. Съ нею сдѣлалась жесточайшая горячка. Въ теченіе девяти дней она была безъ памяти, бредила безостановочно, звала отца, мужа, дитя.... На десятый день она очнулась. — «Гдѣ дочь моя?» были первыя слова ея. — «Успокойтесь,» отвѣчалъ ей печальнымъ голосомъ

врачъ, сидѣвшій у постели: «она спитъ.» — «Нѣтъ, не спитъ! не обманывайте меня! А если спитъ, подайте спящую.» — «Не тревожьтесь,» примолвила Алевтина Михайловна: «да будетъ воля Божія!» — «Такъ ея нѣтъ въ живыхъ?» вскричала Наташа, поднявшись въ постели. — «Точно такъ,» отвѣчалъ врачъ: «ради Бога, успокойтесь.» — Наташа, почувствовавъ весь ужасъ своего одиночества, предалась жесточайшему отчаянію, но это отчаяніе вскорѣ превратилось въ тихое уныніе: она не жаловалась, не тосковала, не плакала, не говорила ни слова. Силы ея возвращались. На пятыя сутки, когда уже перестали бдительно присматривать за нею, она встала ночью съ постели, одѣлась кое-какъ, набросила на себя салопъ, повѣсила себѣ на шею портретъ князя, взяла бумажникъ съ деньгами, и тихонько прокралась изъ дому. Съ необычайною твердостью дошла она до заставы города: увидѣла часовыхъ, вообразила, что ее остановятъ, отведутъ домой какъ сумасшедшую, и воротилась, но не домой, а прошла по всей Литейной Улицѣ къ берегу Невы. Ночь была темная и бурная; рѣка волновалась; вѣтеръ вылъ. «Не свезти ли куда, барыня?» спросилъ гребецъ маленькаго ялика. — «На шлиссельбургскую дорогу, къ Фарфоровымъ заводамъ!» сказала Наташа, оглядываясь: «вотъ тебѣ рубль.» — «Извольте садиться!» отвѣчалъ гребецъ. Въ эту минуту ей почудилось, что за нею гонятся; она поспѣшно бросилась въ яликъ, и уронила платокъ на пристани.

Какое было ея намѣреніе? Что побудило ее къ бѣгству, и куда хотѣла она бѣжать? — Въ первые часы послѣ открытія всѣхъ своихъ утратъ, она рѣшилась было лишиться себя жизни, умереть съ голоду, броситься въ воду — только бы не жить одинокою въ этомъ свѣтѣ. Съ этою мыслию встала она въ одну ночь, и молитвою начала готовиться къ смерти; но молитва не шла ей на умъ, не согрѣвала сердца предъ совершеніемъ тяжкаго грѣха. И слезы ея остановились, и отрадная надежда, что она свидится на томъ свѣтѣ съ любезными ея сердцу, ее оставила. Въ ней возникла мысль: «они въ райской обители, мой великодушный, благородный, добродѣтельный другъ, моя невинная дочь — а я, самоубійца — отлучена буду навѣки отъ ихъ свѣтлаго лика!» Она обратила вопрошающій взглядъ на иконы, освѣщаемыя слабымъ свѣтомъ лампы, и увидѣла маленькій эмалевый образъ, подаренный ей теткою ея, монахинею; вспомнила послѣднія слова отца своего, упоминавшаго въ часъ смерти о сестрѣ, и рѣшилась удалиться къ ней — рѣшилась бѣжать тайкомъ, — чтобъ никто не могъ догадаться, куда она скрылась — чтобъ ее сочли погибшею. Не теряя ни минуты, она исполнила свое намѣреніе. И тѣло и душа ея были въ необыкновенномъ, сверхъестественномъ напряженіи: она едва себя помнила, но твердо стремилась къ своей цѣли. Разными, невѣдомыми ей путями, посреди тысячи опасностей и лишеній, она достигла конца своего странствія. Монастырь, въ который удалилась тетка ея, лежалъ

далеко отъ большихъ дорогъ и жилыхъ мѣстъ, посреди густыхъ лѣсовъ и непроходимыхъ дебрей, на границѣ Курской Губерніи. Черезъ три недѣли по выходѣ ея изъ дому Алевтины, сверкнула передъ нею, изъ-за густаго бора, золотая маковка монастырской церкви. Она удвоила шаги, и вскорѣ очутилась въ кельѣ старицы Екатерины, бросилась къ ногамъ ея, и воскликнула: «Тетушка, примите меня подъ свой покровъ! спасите меня отъ отчаянія и самоубійства!»

Екатерина съ любовію и состраданіемъ встрѣтила, призрѣла, утѣшила страдальцу. Кроткая бесѣда, истинное соучастіе, тихая общая молитва мало по малу возвратили Наталію къ жизни и разсудку. Она сообщила теткѣ повѣсть своего счастья и своихъ утратъ, и молила ее о позволеніи обречь себя монашеству. Екатерина выслушала ее съ терпѣніемъ, но на просьбу ея отвѣчала: «Еще не время, дочь моя! Богу не угодны обѣты отчаянія и бурныхъ страстей, возмущенныхъ свѣтскою жизнію.» — Наталія повиновалась, жила у Екатерины, исполняя всѣ обязанности иночества, и ждала только ея позволенія, чтобъ постричься. Волненіе отчаянія утихло въ ея сердцѣ; осталось кроткое, усладительное воспоминаніе о предшедшихъ друзьяхъ, и благоговѣйное чувство благодаренія Богу: онъ даровалъ ей въ жизни нѣсколько счастливыхъ дней, недѣль, мѣсяцевъ, озарившихъ своимъ отраднымъ свѣтомъ остальные темные часы ея существованія. Прошло три года. Она повторила просьбу свою, и получила прежній отвѣтъ: «Рано, дочь моя!» —

Еще протекло нѣсколько лѣтъ. Наталія возобновила вопросъ: отвѣтъ былъ тотъ же. — «Когда жъ наступитъ эта пора?» спросила она. — Екатерина поглядѣла на нее съ горестною улыбкою, и отвѣчала: «Не знаю. Но доколѣ сердце твое привязано не только къ благамъ, но и къ воспоминаніямъ о благахъ здѣшняго міра, тебѣ нельзя, по совѣсти, произнести вѣчнаго обѣта. Богъ требуетъ сердца чистаго, горящаго одною любовію къ нему, а твое сердце трепещетъ при мысли о твоёмъ другѣ, пѣетъ отраду въ воспоминаніи о прошедшихъ дняхъ любви, — можетъ ли оно исключительно принадлежать Богу? Не осуждаю твоихъ чувствъ и помышленій: помни, люби друзей своихъ, живи ихъ памятью, наслаждайся мыслию о свиданіи съ ними на томъ свѣтѣ — но притомъ не постригайся.» — «Такъ неужели вы, тетушка, забыли свѣтъ, забыли друзей своихъ, забыли блага, которыми Провидѣніе наградило васъ въ жизни, забыли съ той минуты, какъ обрekli себя на служеніе Богу? Нѣтъ! ваше сердце бьется еще для ближнихъ, для прежнихъ друзей!» — «Такъ, другъ мой!» отвѣчала Екатерина съ глубокимъ вздохомъ: «сердце мое еще привязано къ свѣту — и по этой самой причинѣ, по собственному опыту, я не совѣтую тебѣ спѣшить обреченіемъ себя на вѣчное затворничество. Годы изсушили мое тѣло, волосы мои побѣлѣли, глаза померкли, сердце бьется тихо, тихо; но есть воспоминанія, которыя приводятъ его въ волненіе, возмущаютъ душу мою, переселяютъ въ міръ былой и невозвратный, и прерываютъ нить

моихъ иноческихъ помышленій и занятій. Тебѣ скажу я, другъ мой: я любила; я лишилась того, кто былъ мнѣ дороже жизни; заключилась въ стѣнахъ монастырскихъ, но не ушла отъ своего одиночества, отъ своихъ мученій, и въ то время, когда окружающіе меня славятъ мою набожность, мое смиреніе, ставятъ меня въ примѣръ моимъ сестрамъ, я въ душѣ своей чувствую, что не достойна ихъ хвалы. И въ сію минуту, когда я говорю съ тобою, ликъ милый и незабвенный, давно истлѣвшій подъ гробовымъ покровомъ, живетъ въ сердцѣ, носится въ глазахъ моихъ. — Знай, Наташа: я любила пламенно, страстно, любила человѣка, который былъ достоинъ моего сердца. Мы были обручены. Совершеніе брака отложено было на три мѣсяца, до окончанія траура по одной моей дальней родственницѣ. Вдругъ открылась въ Москвѣ чума. Мой женихъ, пламенный и усердный къ общему благу, сострадательный къ бѣдствующему человѣчеству, бросился помогать зараженнымъ, и сдѣлался жертвою своего великодушія. Ужасная болѣзнь открылась въ немъ, когда онъ сидѣлъ у меня, отдыхая отъ тягостныхъ трудовъ своихъ — и въ нѣсколько часовъ прекрасный юноша превратился въ безобразный трупъ. При самомъ началѣ его болѣзни, всѣ домашніе меня оставили; домъ нашъ оцѣпили, и лишь только онъ испустилъ дыханіе, вломились въ двери страшные люди, мнѣ дотолѣ незнакомые, исторгли бездушное тѣло изъ моихъ пламенныхъ объятій, и бросили на улицу. Я кинулась за нимъ, съ балкона,

на груди мертвыхъ. — Безчувственную свезли меня въ чумный лазаретъ. Я не заразилась. По минованіи опасности меня выпустили. Я скрылась въ монастырѣ, и чрезъ годъ постриглась. Но страшный обѣтъ предъ алтаремъ Божиимъ не исторгъ изъ моего сердца любви къ жениху моему. Тридцать восемь лѣтъ плачу я по немъ въ кельѣ моей, откуда должны возноситься къ Богу молитвы чистыя и безстрастныя! — Наташа! не бери на душу свою этого грѣха! Только тогда, когда угаснетъ въ твоемъ сердцѣ и воображеніи послѣдняя искра любви земной, посвяти себя служенію неба. А это время еще далеко!» — Наталія повиновалась страдальцѣ. Не давая вѣчнаго обѣта, она облеклась въ одежду монашескую; чтобъ забыть имя свое, которое такъ сладостно для ея сердца умѣлъ произносить другъ ея, приняла имя Елены — такъ называлась тетка ея въ свѣтѣ, — и проводила дни свои въ трудахъ, постѣ и молитвѣ. Душа ея укрѣпилась; тѣло не ветшало; сердце билось тихо, но билось еще для Кемскаго: она не постригалась.

Протекли семнадцать лѣтъ жизни въ этой обители. Елена не знала и не хотѣла знать ничего, что происходитъ въ свѣтѣ. Въ двѣнадцатомъ году едва явственный отголосокъ бури, опустошавшей Россію, коснулся слуха отшельницъ въ пустынной обители, и уже молебствіе благодарственное раздавалось въ стѣнахъ церкви монастырской. Екатерина скончалась. Предъ смертію своею, повторила она Еленѣ свои увѣщанія, и просила ее поѣхать въ Москву, отыскать домъ, въ

которомъ умеръ женихъ ея, и тамъ, въ день смерти его, отслужить по немъ панихиду.

Елена, закрывъ ей глаза, исполнила ея желаніе: отправилась въ Москву, долго искала этого дома въ разрушенной и обновленной столицѣ. Наконецъ нашла его, нашла тамъ дальнихъ родственниковъ, наслѣдовавшихъ этотъ домъ по постриженіи ея тетки. Въ ожиданіи наступленія завѣтнаго дня, Елена, отвыкшая отъ городского шума, удалилась въ загородный монастырь, гдѣ дочь нашла ее.

Привѣтливость, любезность, милая откровенность Надежды восхитили Елену: она влеклась къ ней непостижимымъ сочувствіемъ, съ непонятною любовью прижимала ее къ сердцу, съ восторгомъ слушала изъ устъ ея наименованіе матери. — По отъѣздѣ Надежды, она спросила у игуменьи, кто была эта милая, прекрасная дѣвица. — Игуменья, знавшая Надежду изъ бесѣдъ съ ея спутницею, отвѣчала, что эта дѣвица долгое время не знала своихъ родителей, что, лишась матери при самомъ рожденіи, была брошена жестокосердыми и жадными родственниками, что отецъ, давно ее оплакавшій, случайно нашелъ ее. — «А кто она такая?» спросила Елена, не догадываясь объ истинѣ. — «Княжна Надежда Алексѣевна Кемская!» отвѣчала игуменья.

Наташа бросилась въ Москву, остановилась въ домѣ своихъ родственниковъ, подошла къ дверямъ балкона....

LXI.

С. ПЕТЕРБУРГЪ, Октября 1817.

Срокъ отпуска Ветлина кончился: онъ возвратился въ Петербургъ съ молодою женою.

Надежда, по приказанію отца, поспѣшила къ другу его, Алимари, но уже не застала его въ живыхъ: онъ заснулъ тихо, за пять дней до ея пріѣзда, и былъ погребенъ, по своему желанію, на кладбищѣ за самсоніевскою оградой.

На письменномъ его столикѣ Надежда нашла неконченное письмо его къ Кемскому:

«Богъ еще въ здѣшнемъ мірѣ вознаградилъ васъ, другъ любезный и единственный! Для человѣка добродѣтельнаго сдѣлалось исключеніе въ обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ. Но истинная, нетлѣнная, достойная награда не здѣсь насъ ожидаетъ....

«Чувствую приближеніе моего пробужденія. Когда вы будете читать эти строки, знайте, что я увидѣлъ своихъ. Отецъ мой, мать моя, Антигона, дѣти....

«Тамъ найду я конечное рѣшеніе моихъ здѣшнихъ недоумѣній. Но ихъ не много. И здѣсь увѣрился я, что духовное, божественное начало преобладаетъ въ мірѣ. Растенія привязаны къ землѣ неподвижно, и темными корнями пьютъ жизнь изъ невѣдомыхъ нѣдръ ея. Одушевленные творенія питаются произведеніями земли, движутся по ней, но подняться, отторгнуться отъ ней не могутъ. Души людей живутъ пищею не-

бесною, невидимыми узами совокуплены съ вѣчнымъ источникомъ жизни; здѣсь кажутся онѣ, въ отдѣльныхъ тѣлахъ, особыми, разными существами, но незримыя нити отъ родныхъ, близкихъ душъ сходятся тамъ, въ таинственномъ вертоградѣ, вѣтвями и древами. Ищите здѣсь родныхъ своихъ, ищите и подлѣ себя, ищите и отдаленныхъ горами, морями, океанами; любите ихъ здѣсь любовью неземною — тамъ вы съ ними увидите въблизи; тамъ, по пробужденіи, скажете: «Какой мнѣ снился страшный, тягостный сонъ! Слава Богу — это была мечта! Вы здѣсь, со мною, милые моего сердца! Теперь мы никогда не разстанемся.»

Фундаментальный
Военно-инженерная Академия
Р.К.Х.А.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

250

Greč, Nikolaj Ivanovič,

Sočinenija Nikolaja Greča

Bd.: 1

S.-Peterburg 1855 -

P.o.rel. 3470-20

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036472-2